АЛЕКСАНДР БОРИСОВ К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА

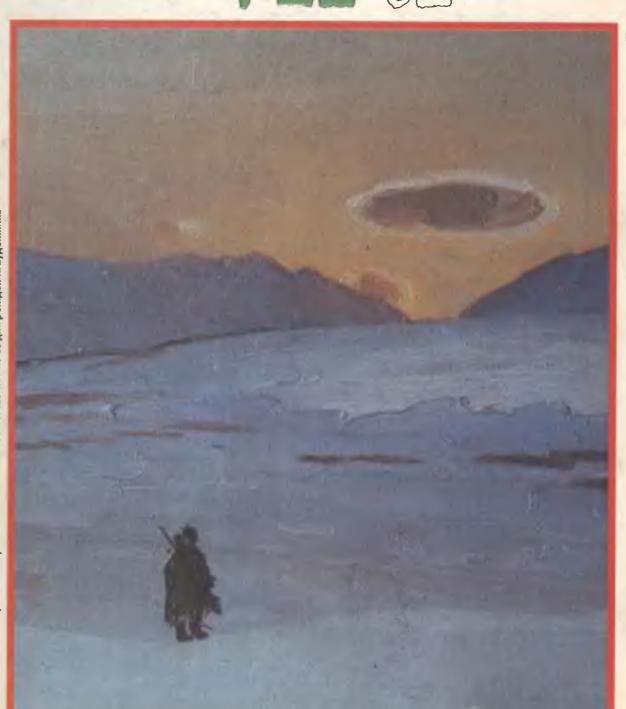
Эссе о художнике читайте на стр. 28

Лунная ночь. Медведь на охоте. 1899

Собаки на нартах. Новая Земля 1901

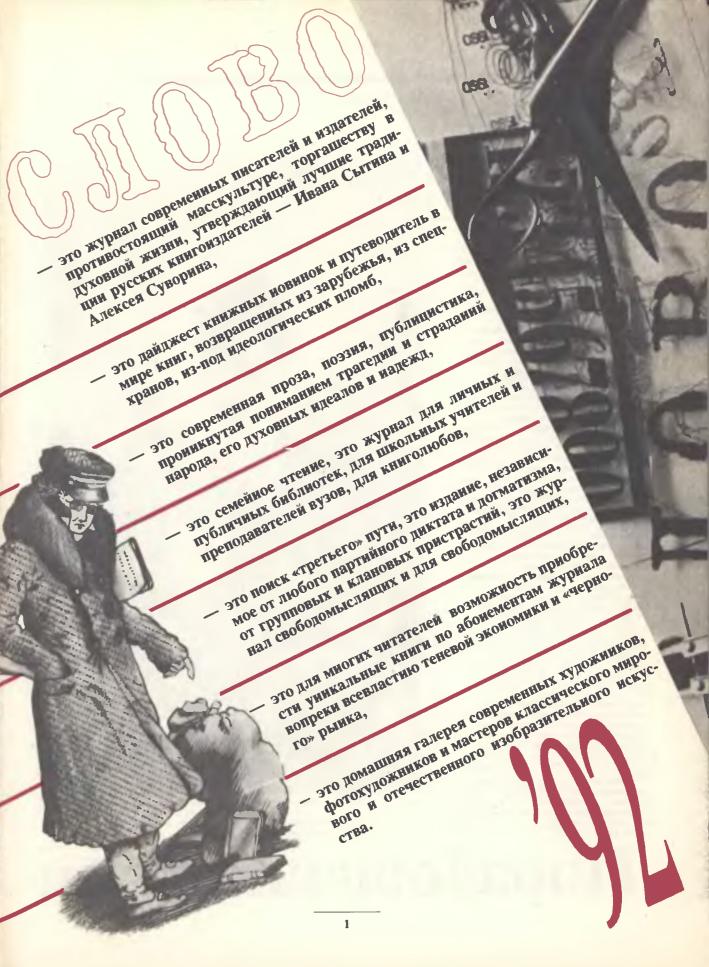

ISSN 0868-4855. Cnoso 1991. Ng 7

Русь моя, милая Родина...

Станислав Епифанов. Село Константиново.

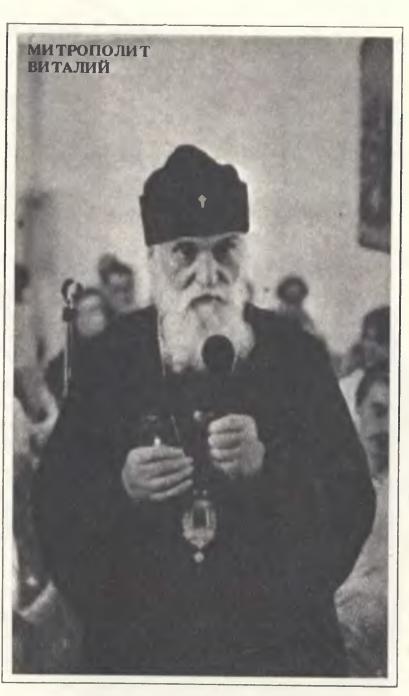
ИДЕИ ДИАЛОГИ. ПОИСКИ.

Его Высокопреосвященство митропопит Виталий (в миру Ростислав Петрович Устинов) родился в 1910 году в Патербурге. Вместе с родителями выехал в 1917 году во Францию. В 1939 году пострижен в монахи Иово-Почаевсного монастыря в Карпатах, рукоположен в сан в 1941 году. В 1948 году становится священником в одном из православных приходов Лондона, в 1951 году — приходским священником в Монтевидео С 1954 года — епископ, с 1958 архивпископ Монреапьский и всеи Канады. В 1986 году архнерейским собором избран митропопитом. **Митрополит Виталий** — центральная фигура современного Русского Зарубежья не только по церковному сану — Первонерарха Русской Зарубежнон Царкан, епископа Монреальского и Канадского, но и по впиянию, по пичному ваторитету. Статьи и проповеди митропопита Витапия касаются наиболее насущных проблем духовной жизни и исторических судеб России. Таким было его «Письмо моподым пюдям в России», опубликованное в 1989 году в «Превославном Вестнике» {Нью-Йорк, № 25—26] и в «Литературной России» (№ 52), в котором прозвучали сбывающиеся ныне слова: «Зпые сипы стопько потрудипись, чтобы сокрушить Правоспавную русскую державу, что для них возрожденива Россия — это ночном кошмар с хоподным педенящим потом... Будут брошены все сияы, миппиарды золота, пишь бы погасить ппамя Русского Возрождения. Вот первд чем стоит свичас Россия. Это почище Наполеона, Гитлера».

В августе 1990 года под руководством митрополита Виталия в Монреапе прошеп Шестой Всезарубежный съезд Русской правоспавной моподежи, на котором он выступил с проповедью об Истине и Жизни. «Самое главное, подчеркнуп он, — в деятельности душь чеповеческой - это мопитав. Молитав должна быть как дыхание. Мы только попьзуемся силами, ноторыми мы обпадаем, — волей, умом, сердцем. И вот, когда мы мопимся одним умом, это ужасно трудно, мы очень рассеянные. Значит, нужно просить Бога, чтобы Господь нам помог как бы щупапьцами сердца схватить спова мопитвы. И тогда оно загорается» [цитата по фонограмме документапьного фильма режиссера А. Киселева «Россия — путь к истине»

{ЦСДФ, 1990}.

Статья «Телевидение как проблема для современного пастырства» была впервые опубликована почти тридцать лет назад в «Канадском Вестнике», но, как нам кажется, нисколько не утратила

Митрополит Витапий. Кадр из фильма «Россия — путь к истине»

Порабощение души

конца не поняли, какие огромные последствия будет иметь изобретение телевидения. Обладая какойто воистину магической силой обаяния и привлекательности и вместе с тем тая в себе страшный яд растления, оно стихийно завоевывает свое самое почетное место почти в каждом доме, в каждой семье. Современное пастырство не может к не должно обойти молчанием телевкдение, которое не превзоидено ничем и никем по силе влияния на душу человеческую. Борьба с телевидением должна быть нашей первейшей задачей, и это мы говорим без преувеличения, потому что оно является ежечасным, ежеминутным источником влиянкя на нас в нашем же собственном доме. Вся борьба с ним должна выражаться в правильном отношении к этому гениальному современному изобретению, но трудность и сложность борьбы с ним в том, что приходится бороться не с телевидением, а с бесконечно расслабленной человеческой волей, которая просто не находит в себе силы вовремя оторваться от этого исключительно обольстительного и заманчивого удовольствия. Тут вспоминаются слова апостола Павла: «все мне позволительно, но не все полезно: все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (I Kop. VI, 12).

Итак, чтобы успешно бороться с телевидением и раз и навсегда выработать к нему правильное отношение, необходимо сначала с предельной объективностью рассмотреть все, что в нем есть положительного, затем раскрыть все его сокровенное зло и только тогда начить пользоваться его добрыми услугами, отвращая от себя с последовательно напряженной энергией его тлетворное вличное

Надо указать, во-первых, что всякое изобретемие, всякий механизм и машкна не есть зло само по себе, как нет самобытного зла. Зло голько в воле разумной твари, не исполняющей волю Божию. Наоборот, в таких изобретениях надо видеть печать Божией Премудрости, которую человеку дано раскрыть в законах природы и от всего сердца вознести хвалу своему Создателю. Перед размером соблазнительных картин, плывущих по телевизионным каналам, было бы нерассудительно не отметить и его положительно доброго влияния на массы людей, а именно: телевидение способствует возвращению людей в их дома.

Весь период от I-й мировой войны до сего дня был отмечен социологами и педагогами стремлением человека уйти в свободное время на улицу в поисках развлечений.

Дома только ночевали, елм, но никогда дома не оставались в свободные часы. Спорт, кино, танцы и бесконечные другие развлечения, пропитанные ядом растления, выводили всех из-под домашнего крова, который катастрофически стал терять, в особенности для детей, смысл родного (незда, где ребенок впервые раскрывал свой осмысленный взор на вещи, облекая их своей фантазией, где его воображение с любовью придавало домашней обстановке одушевленные формы, создавая целый мир наивной детской фантасмагории. Улица манила и ребенка, и он почти что с колыбели, грубо и жестоко, без всякой подготовки, полнавал оскорбляющий его душу реализм жизни.

И вот телевидение впервые за десятки лет стало возвращать всех домой. Его роль в этой большой социальной перемене очень скромная: оно просто обратилось к низшим инстинктам того же уличного человека и вернуло его к его домашнему очагу только потому, что все те же удовольствия и развлечения города и улицы перенесло в его собственный дом.

Конечно, ничего высоконравственного в этом в принципе нет, но среди моря бесчинства, соблазна и растления современной жизни надо уметь хвататься и за соломинку, если есть возможность хоть что-нибудь и тут использовать для добра.

Согласимся признать тот факт, что телевидение способствует возвращение к домашнему очагу, и сумеем использовать это его доброе влияние. Оно таит в себе столько почти что магнетической силы, привлекательности и обаяния, что если просто его отрицать, в категорической форме возвышая свой голос с кафедры и амвона, то это значит себя уподобить быющей воздух палке.

Наконец, телевидение способно наглядно и исчерпывающим образом преподать уроки по всесторонним вопросам науки, искусства и техники и этим поднять образование, ве́дение, нанося таким таким образом большой удар по невежеству и полунауке, которые всегда несли миру столько горя.

Рассмотрев все положительные стороны телевидения, перейдем теперь к обозрению его губительного воздействия на человеческую душу.

Телевидение совершенно отрывает всек от чтения. Зачем читать, когда все не только видно, но и слышно? Зачем напрягать свое воображение, когда все уже заранее сделано за нас, проработано и преподано нам в законченном виде с мельчайшими мюансами, которые просто сидя можно воспринимать без всякого труда?

Как ни странно, но телевидение, которое способно переносить нас в любой конец света, опускать на дно морское, открывать недра земли; которое вводит нас во всевозможные фабрики и заводы, в запрещенные опервцконные палаты, где мы вместе с хирургом почти что принимаем участие в сложнейших операциях; при помощи которого мы видим народы, которых бы никогда в жизни не увидели; несмотря на весь этот грандиозный диапазон наглядного зрения, делает нас как никогда ленивыми, апатичными, как бы пресыщенными знанием, безразличными и в ктоге итогов развивает в нас невежество.

Поясним нашу мысль.

При чтении в человеке происходит сложный психологический процесс, состоящий, во-первых, из напряжения воли. Чтобы взять книгу и начать ее читать, нужно заставить себя это сделать, тогда как никто не заставляет себя смотреть телевидение. Как бы точно ни описывал автор происходящее, наше воображение всегда параллельно чтению создает свои образы, свой целый мир. По-настоящему мы именно и благодарны автору хорошей книги за то, что он помог нам в этом невидимом творческом усилии.

Наше воображение, эта важная часть нашей души, источник творчества и дерзновения, развивается при чтенин книг и делает человека не только полезным для общества, но придает ему жизненность и радость бытия. В телевидении к нашему воображению не обращаются, его даже не нужно. Все готово, все сделамо, нам только пужно смотреть и принимать чужни и чисто чуждым нам воображением созданные формы. Это есть психологическое порабощение нашей души, насилие над ней и поражение нашей творческой силы.

Телевидение отучает нас воображать и даже мыслить. Оно делает нас духовно ленивыми, и в частной своей жизни мы становимся людьми без всякого воображения, с потухшим взором взирающими на Божий мир и не видящими, что «на всем видимом написано свидетельство о Невидимом» (Рим. 1, 20).

Таким образом, телевидение очень тонко делает нас материалистами, которые смотрят на вещи по естественному животному свойству вообще смотреть, без участия в этом процессе духовного взора, через который смотрит душа. Нас все больше и больше приучают просто смотреть и не видеть, что нас уподобляет тем бездушным истуканам, о которых говорит в своих псалмах венценосный пророк Давид: честь у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат; есть у них ноздри, но не обоняют... Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них» (Пс. СХІІІ, 13—14, 16). А раз мы смотрим и не видим сущиости вещей и связывающих их нитей, то мы вонстину невежды.

Ни один отец, ни одна мать никогда не решатся повести свою семью в дома сомнительной репутации. Если друг их предложит им пойти погулять вечером в самые отвратительные кварталы города, где царствуют грех и порок, они сочтут это глупой шуткой, признаком сумасшествия или посчитают, что подобное предложение сделано под действием спиртных паров. Но, отцы и матери хороших православных русских семейств! Зачем вы лицемерите? Вы только что пожимали плечами в ответ на сомнительные предложения посетить аморальные места вашего большого города. а сейчас вы всем своим семейством чинно рассядетесь у себя в гостинои и легким невинным поворотом кнопки телевизора пригласите в свой дом, стены которого осенены святыми иконами, всех подобнов человеческого общества: всевозможных гангстеров, убийц, психопатов всего света, самых невероятных маньяков, торговцев живым товаром, и будете смотреть на них без малейшего зазрения совести, как будто бы вы ничего плохого не совершаете. А ваши дети, после таких представлений, будут кричать во сне, постепенно делаться нервными и раздражительными и вам же будут грубить в неслыханной недопустимой форме; вы же сами еще долгие часы не будете способны сомкнуть глаз от тяжелой нагрузки — образами всех видов нравственной нечистоты.

Вы оскверняете ваш домашний очаг, который в глубоком понимании Православной Церкаи является вашей домашней церковью, о чем неоднократно возвещал апостол Павел, фактически называя христианский дом «домашней церковью» (Рим. XVI, 4; I Кор. XVI, 18; Кол. IV, 15; Фил. I. 2).

Вы оскверняете свои души и души своих детей, ибо через зрение и слух, являющиеся органами человеческой души, в них проникают все эти образы; как фотографии они оседают в области нашего подсознания, оскверняя самые тайники нашей души. Затем они в любой момент нашей жизни, по еще не исследованным законам психики испорченного человека, внезапно вырываются из этих тайников в самые неожиданные моменты нашей жизни, помрачая нашу молитау, портя наши взаимоотношения с людьми и отнимая от нас радость жизни. Недаром Православная Церковь, зная, какой глубокий вред приносит нам созерцание греховных изваяний и картин, 100-м правилом Шестого Вселенского Константинопольского Собора совершенно точно и определенно постановила: «"Очи твои право да зрят... Больше всего хранимого храни сердие твое, потому что из него источники жизни" (Притч. IV, 23, 25), - завещает Премудрость, - ибо телесные чувства удобно вносят свои впечатления в душу. Посему изображения на досках или на ином чем представляемые, соблазняющие эрение, растлевающие ум и производящие воспламенение нечистых удовольствии, не позволяем изображать каким бы то ни было способом. Аще кто сне творити дерзнет: да будет отлучен».

Какая дьявольская насмешка над нами, православными людьми. Зная, что мы никогда не посмеем принять участие в греховных сборищах, он так умело помрачил наш ум, что мы за свои же собственные деньги, тяжелым трудом добытые нами, покупаем себе телевизор и сами вводим в свой дом растление, разврат, убийства и сумасшедший дом, потеряв перед дьяволом всякое самолюбие, которым был так богат святой пророк Давид, многократно и неустанно просящий Господа через всю Псалтырь, чтобы Господь не дал его в посмеяние дьяволу.

Взирая посредством телевидения на все эти ужасы порочной жизми, нужно отметить еще одно происходящее тут очень тонкое погубное явление. Надо сказать, что в обыденной жизни между душой человека и самим грехом есть путь, на котором поставлены предохранительные заставы нравственного, бытового, психологического и социвльного характера, которые душа по своей лености и косности не решается преодолевать. Реализм телевидения помогает зрителям проходить без труда все эти препятствия, подходы к греху делает привычными, как бы уже пройденными, и самый грех, при случае, совершается легко и свободно. Вот почему за последнее время было совершено множество самых невероятных и неожиданных преступлений, о чем свидетельствуют многие социальные деятели, преступлений без малейших предшествующих симптомов, преступлений без предисловий. Так, например, ни в чем не повинный мальчик рано утром убивает своих родителей, школьник надругается над своей учительницей и другие бесчислениые примеры из анналов криминальной полиции, которых мы не хотим приводить на страницах нашего журнала.

Какой же способ борьбы мы можем и должны предложить? Сначала мы должны сказать, что бороться надо. И пастырь и пасомые должны непременно поставить своей задачей борьбу с телевидением. Самый лучший способ и самый простой - продать как можно скорее свой аппарат. К этому акту можно еще сделать маленькую заметку для тех, кто духовно прозрел, - продать и деньги от продажи пожертвовать на церковь или на бедных. Это первое мероприятие по плечу, конечно, праведным душам. избранникам Божинм, людям, для которых самая большая цель в жизни - спасение своей души. Блаженнее же последних те, кто еще не покупал этого аппарата и никогда не чувствовал и не чувствует а нем никакой потребности. Однако мы прекрасно понимаем, что в данный момент это наше первое предложение борьбы является очень твердой пищей, которую не может принять масса наших верующих. Уже слишком прочно телевидение связало нас, а наша воля твкая слабая и немощная, что на первое мероприятие мало кто откликнется. Но этому не надо удивляться героев всегда мало, мучеников всегда единицы, праведники всегда одиноки.

Всем нам, рядовым христианам, мы предлагаем снова вспомнить все положительные качества телевидения н в особенности его способность возвращать людей под домашний кров. Все мы, проходя по улицам, неоднократно замечали, как чинно и уютно многие семьи собираются у себя дома и в полумраке телевидения, казалось, так патриархально и дружно проводят свои вечера. Значит, для нас вся задача борьбы с пагубным влиянием телевидения сводится к тому, чтобы, использовав его собирательную способность, одновременно пресечь все его развращающее влияние. Для этого должна быть проявлена сила воли и установлена твердая дисциплина в обращении с этим аппаратом, чтобы, под страхом строгого наказания, никто, кроме отца или матери или ответственного в семье человека. не смел бы прикасаться к телевизору, который должен приобрести образ запрещенного плода. Ребенку могут быть показаны только полезные редкие фильмы, но исключительно как награда за его успехи и хорошее поведение.

Очень полезно каждый фильм сопровождать своим объяснением, своими выводами, расширяя его диапазон примерами из истории, из хороших повестей нашей литературы, всегда неизменно в своем мировоззрении опираясь на святоотеческое древнее Православие.

Хочется верить, что тому, кто станет так ревностно бороться с пагубным влиянием телевидения, Господь Сам виушит и иные способы оградить себя от зла.

Во все же посты можно положить себе за правило или совсем выключать этот аппарат из сети, или вовсе на это время убирать его от глаз подальше. Вся ревность в борьбе будет, конечно, зависеть от степени желания своего спасения, от нашего общего благочестия, от нашей преданности Церкви.

PYCCKAЯ M ЫСЛЕ

ЧЕЛОВЕК. ПРОГРЕСС. ЛИЧНОСТЬ.

акон о свободе совести не столько предоставляет право исповедания любой религии (бесправия в этом смысле вообще не может быты!), сколько делает возможной открытую реализацию этого влечения, начиная с самого простого индивидуального его выражения и кончая восстановлением всех прерогатив церкви. Как известно, потерм в церковной области колоссальны и трудновосстановимы, поэтому не удивительно, что этому вопросу сейчас уделяется большое внимание. Между тем уже раздаются голоса тревоги: не проискодит ли поощрения религии и не становится ли это своего рода модой!

Конечно, вести какне-либо философско-богословские дискуссии с подобного рода «лысенковцами» от культурологии совершенно бесполезно. Гораздо интереснее поразмышлять над теми древними интунциями, которые заставили, например, Тертуллиана сказать: «Верю, потому что абсурдно». Если действительно проблема абсурдна, то что же заставляет верить? Разумно полагать, что первеишей, главнейшей и серьезнейшей интунцией человека было чувство включенности себя в окружающую пространственно-временную среду на правах какой-то ее частицы. Необходимым условием для этого нужно было бы самое элементарное представление как о форме и сущности этой среды (мира), так и осознание себя ее (его) участником. Как формировалось такое представление?

Человечество с незапамятных времен пытается ответить на этот кардинальный вопрос и, судя по многочисленным данным, довольно рано прониклось «идеей порядка», который предстояло еще объяснить: что это за порядок, кем он установлен и как к нему относиться? На первом месте, естественно, продолжала оставаться интумция, но она все более и более обогащалась опытом. Одновременно она наполнялась и трансцендентным содержанием, поскольку кардинальный вопрос оставался неразрешимым. На почве этой неразрешимости и рождалась религия...

Пропагандируемая «научными атеистами» теория происхождения религии из чувства страха перед смертью представляется мне поверхностной. Древнейшие памятникн, выражающие представление о мироздании, позволяют говорить о приоритете «идеи порядка». Я имею в виду так называемые «неолитические обсерватории», к которым условно можно отнести знаменитый Стоунхендж (Англия, 16-й век до н. э.). Ежегодно повторяющийся эффект совпадения точки восхода солнца (в день летнего солнцестояния 21 июня) с положением специального камня в структуре Стоумхенджа должен был вызывать скорее чувство восторга у аборигенов, нежели страх. Страха перед смертью не было даже в античном мире, поскольку люди того временн были убеждены в круговороте времени и всех космических событий...

Осознание порядка в окружающем мире и в правильности происходящих явлений природы явилось величайшим завоеванием человека, хотя у него еще не было знания, что такое Мир и как он устроен. Вполне естественным следствием этого незнания стала поистине неистребимая тяга к хотя бы «проектному» воспроизведению образа Мира.

Еще за несколько тысячелетий до того, как наш замечательный философ Н. Ф. Федоров (1828—1903) скажет: «Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной», человеческое творчество уже сделало немало

Этой статьей Георгий Карлович Вагиер, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР продолжает свою рубрику «Дерзание духа». Предыдущие статьи рубрики читайте в NoNo I и 3 за 1991 г. шагов в этом направлении. Естественно, речь идет об архитектуре, причем в первую очередь культовой.

О том, что древнейшей идеей здесь была «идея круга», сказано достаточно много. В восточно-славянском мире она дожила до Крещения Руси, доказательством чего служат языческие святилища. Отражение в их круглой форме видимых частей космоса не требует доказательств. Таким образом, мировоззрение языческих славян уже вплотную подошло к «проекту» храма-Вселенной, о чем тоже немало сказано.

Гораздо нитереснее и существеннее вопрос: каким образом древнейшая «идея круга» была заменена «идеей четвероугольника», господствующей в архитектуре до настоящего времени? Простои ссылкой на технические условия строительства из дерева здесь не отделаешься.

Поиски символики прямоугольника уводят нас в Египет. На саркофаге фараона Сети I (XIV в. до н. з.) Земля изображена в форме прямоугольного ящика. Прямоугольными в плане строились все египетские храмы. Вероятно, символика такой формы восходит к мифу об Озирисе, спасшемся от потопа в ящике. Числу четыре в египетских, аккадских и ассиро-вавилонских древностях придавалось мистическое значение. Отсюда оно могло перейти в иудаистическую мифологию (Пятикнижие Моисея), а через античность и в христианство.

Напомню, что Момсей, по голосу Бога на горе Синай, строит скинию в внде прямоугольника в пропорции 1:2 (Исход, 27, 18). Причем в Библии нигде не говорится, что скиния — это образ Мира. Таковым она будет считаться в христианской интерпретации, возможно, не без античного воздействия. В виде прямоугольника строится и знаменитый храм Соломона, но уже в пропорции 1:3 (Третья книга царств, 6, 2), что приближало его к базилике. О воплощеним в соломоновом храме образа Мира тоже ничего не говорится. Для столь поэтичного, картиниого и символико-космологического понимания нужна быль... античность.

Если бы христианство выступило на историческую сцену с исключительно ветхозаветной предысторией, то оно, вероятно, ничего не потеряло бы в спиритуализме, но несомненно было бы лишено таких великих интуиций, как тождество идеального и реального, первообраза и образа, без чего невозможна культура средневековья и нового временн. Говоря об античности и христианстве как главных, по словам Томаса Манна, элементах европейской культуры, мне не раз приходилось делать акцент на христианском наследии, просто по одному тому, что после антифилософской вивисекции 1917 и особенно 1922 года оно оказалось дальше всего от момента истины. Но без античности не было бы понимания архитектуры (прежде всего культовой, конечно) как образа Мира (Вселенной) и, наоборот, Вселенной как храма. Такое понимание, естественно, складывалось не сразу.

Основополагающим в античности было представление об Абсолюте как «видимом, слышимом, осязаемом и вообще чувственном космосе» (А. Ф. Лосев). «...Чувственный космос (с его землей и небом, с его подземным царством и морями. с его воздушной атмосферой, метеорологией и астрономией) был самодовлеющим произведением искусства и природы одновременно; везде он выступал как числовая гармония» (он же).

Интерес к числовым отношениям мы видели уже в Пятикнижии Моисея, но это были очень простые целочисленные отношения, не нагруженные каким-либо особым космологическим значением. Не то в античности. Уже у Гомера космос выступает конечным в пространстве. Земля рисуется в виде диска, а небо — в виде сферы. Если к этому добавить гомеровские понятия величины, размерности, симметрии, объемности, то нетрудно понять, насколько все это подготавливало представление о картине Мира. Она дана Гомером в описанин знаменитого щита Ахилла. Поскольку центром щита выступала круглая Земля, то остальные концентрические круги можно рассматривать как схему Вселенной. Купольную гробницу Атрея в Микенах следует считать одной из древнейших архитектурных параллелей гомеровского представления о Вселенной.

Гораздо больше для нашей темы дает учение пифагореицев (VI в. до н. э.) и Пифагорейской школы о числовой гармонии космоса. Оно имеет прямое отношение к архитектуре образа Мира.

Прежде всего существенно то, что пифагорейцы мыслили число не абстрактно, а структурно, даже фигурно. Хотя числовая гармония понималась интуитивно, как соотношение предела и беспредельного, но само это понятне предела очень важно. По учению пифагорейцев существует пять предельных фигур: куб, пирамида, октаздр, икосаэдр и додекаэдр. Вселенная имеет форму додекаэдра, а находящаяся в центре Вселенной Земля — форму куба. Это отлично от Гомера и ближе к Платому, который немало усвоил от пифагорейцев.

Существенно также, что пифагорейцы «разрабатывали и проповедовали с неистощимым энтузиазмом» (А. Ф. Лосев) учение о пропорции. Из различных типов пропорции особый интерес представляет геометрическая пропорция, в области которой и родилось знаменитое «золотое деление», признанное божественным. Главная заслуга здесь принадлежит Платону. «Золотое деление» широко применялось в архитектуре. Лучший пример — Парфенон (447—438 гг. до н. э.).

Все эти пифагорейские числовые разработки очень способствовали развитию геометрических представлений о космосе, а также об его образном воплощении в архитектуре. При этом наметились две линии архитектурного творчества: одна исходила из «идеи круга», а другая — из «идеи квапрата».

Разумеется, первая линня уходила в более глубокую древность. Но и пифагорейская гармонизация космоса вела к «благоговению перед окружностями, кругами, шарами и вообще закругленными геометрическими фигурами. Даже элейцы свое единое были скломны представлять шарообразно. Эмпедокл свой бесформенный сферос тоже представлял шарообразным» (А. Ф. Лосев).

Странно, но почему-то в греческой архитектуре циркульный образ Мира почти не встречается. Иное дело — Рим. Здесь, начиная с круглого периптера в Тиволи («эпоха Августа») и кончая мавзолеем Констанцы (IV в.), «благоговение перед окружностями» было выражено весьма недвусмысленно, дав истории такой поистине храм-космос, как Пантеон (115—126 гг.). Он был посвящен семи планетным богам (Аполлон, Диана, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн), поэтому круговая форма Пантеона как бы сама собою разумелась. Это самым лучшим образом согласовывалось и с геоцентрической астрономией Птоломея (первая пол. II в.). А в Греции?

Здесь самое место вернуться к упомянутой «идее квадрата». Весьма знаменательно, что даже Платон, очень интересовавшийся учением пифагорейцев, представлял себе Землю в форме куба, в то время как уже Гомеру она рисовалась в виде круга! Неужели Платон все еще находился под влиянием египетской мифологии? По-видимому, мы должны исходить не только из «благоговений» перед числовыми и геометрическими рефлексиями пифагорейцев, но и из более чувственных категорий. Земля ассоциировалась у Платона с формой куба, поскольку куб является наиболее устойчивой из фигур. Устойчивой «не только по своему виду, но и по самой сущности своего устойчивого бытия» (А. Ф. Лосев). Но этого мвло. Большую роль в предпочтении «идеи квадрата» играли представления, связанные с так называемым «квадратным стилем». Под этим нвзванием у античных греков подразумевались понятия правильности, упорядоченности, пропорциональной гармоничности, лежащие в основе «канона Поликлета». О каноничности «канона Поликлета» можно было бы спорить, но ведь под категорию «квадратности» были подведены числовые значения, с которыми нельзя не считаться. Я имею в виду не восточную мистику числа четыре, а числовые и геометрические

интуиции тех же пифагореицев, у которых «идея круга» вовсе не была исключительной. Так, например, Филолай (V в. до н. э.) большое внимание уделял «тетраде» («четверице»), как принципу возникновения тела. Сочинениями Филолая очень интересовался Платон.

Но «квадратный стиль» надо понимать и в более широком эстетическом смысле. Например, в каноне Поликлета под «квадратностью» понималась не геометрическая квадратность, а, если можно так выразиться, психологическая, то есть «естественная» (для греков того времени) соразмерность высоты и ширины (в плечах) мужской фигуры. Иначе говоря, «квадратность» — это предельная устойчивость формы, что возвращает нас к фигуре Земли по Платону.

Нетрудно заключить, что архитектуриым эквнвалентом «квадратного стиля» никак не мог стать ни шар, ни круг. Им мог быть и стал (в Греции) параллелепипед, — господствующая форма архитектуры античной Греции, известная под названием периптера.

Можно ли греческий периптер, как и римский Пантеон, считать образом упорядоченного космоса?

На первый взгляд, ответ должен быть отрицательным. Но только на первый взгляд. Нельзя забывать, что в предствылении античных мыслителей космос — это тело, такое же, как и человеческое тело. «То, что имеется в космосе, имеется и в человеке; а то, что есть в человеке, имеется и в космосе. Макрокосм и микрокосм — одно и то же. Одно универсально, другое — индивидувльно. Однако различне между тем и другим, повторяем, по пренмуществу чисто количественное. Не существует никакого раскола между космосом и человеком, между ними не существует никакой непроходимой бездны» (А. Ф. Лосев). Но если из «четверицы», по Филолаю, образуется куб, то разница между кубом и додеказдром-символом космоса тоже чисто количественная! Из этого вытекает, что додекаэдр (или шар) универсальный образ космоса, а куб (или параллелепипед) — образ индивидуальный. Справедливость такого заключения подтверждается и тем, что греческий периптер был «монументализацией человека» (Н. И. Брунов).

Культовая архитектура древнего мира, взятая в целом, соединяла в себе гигантские усилия человечества по воплощению сложнейших космических интуиций в чувственные формы. Достижения античности здесь были громадны. Можно было бы согласиться с Н. И. Бруновым, писавшим, что «именно греческая архитектура легла в основу всего последующего зодчества Европы», если бы не одно очень важное обстоятельство.

Как уже отмечалось, все античное мировоззрение, культура, искусство пронизаны телесным пониманием космоса. Человек и все человеческое — это тоже не более, как телесные части телесного космоса. «Человеческое в античности есть телесно человеческое, но отнюдь не личностно человеческое. Человек здесь — это отнюдь не свободная духовная индивидуальность» (А. Ф. Лосев). Когда об этом говорится (в силу издательской необходимости) кратко, как, например, в данной статье, то это подчас вызывает негативную реакцию. Мне уже приходилось испытывать это, но что поделаешы Читайте замечательные многотомные штудии А. Ф. Лосева, и станет вполне ясным, что без учета сказанного объективного понимания античности просто не может быть. И не только античности, но и всей последующей культуры.

Признавая за античным храмом, будь это круговидный Пантеон или прямоугольный Парфенон, функцию образа Мира (универсального или индивидуального), мы должны всегда помнить, что он (храм) оставался именно материально-телесным образом, то есть личностный момент в нем отсутствовал. Эта внеличностность античной культуры, как известно, стала одной из причин ее упадка, а затем и конца...

Если в античности Абсолютом был чувственно-материальный, внеличностный космос, то в христианстве Абсолютом был Дух, иначе говоря, личностный Бог. Это если не совсем переворачивало все представления о Вселенной, то наполняло ее совершенно иным содержанием, с чем было

Несоответствие старого новому стало испытываться уже с времен раннего христианства. Личиостное понимание Абсолюта привело к наполнению всей Вселенной личностным началом, так что соотношение человека с Вселенной никак не могло вместиться в прежние рамки. Более того. Несмотря на достижения античной философии, в Библии оставались такие интуиции, над перспективностью которых сейчас ломает голову самая новейшая мысль.

Не касаясь сложнейшего догмата триединства (кстати сказать, объясненного Б. В. Раушенбахом с точки зрения формальной логики), всегда надо иметь в виду, что личностное понимание Абсолюта — это не слишком отвлеченный постулат, как думают некоторые наши марксисты, а необходимая предпосылка современной теории создания. Предаарительная, поскольку не локализуясь «под черепной коробкой конкретной человеческой особи» (М. К. Мамардашвили), «живое вещество сознания» требует своего носи-

Личностное понимание Абсолюта, пусть временно (до открытий XXI, а может быть, и XXII векаі), но «очеловечило Вселенную». Подобио античности, христианство не признает никакой «непроходимой бездны» между космосом и человеком, но не потому, что они одинаково личностны! Ведь Бог вочеловечился через Инсуса Христа, а про человеков у Иоанна сказано: «Вы — Богн».

Христианство не могло отвергнуть античного учения о гармонии космоса, но теперь эта гармония приобрела наивысший статус, как гармония божественного Духа, как храм Духа. «Обращаясь к Богу внутренне и внешне, человек или, точнее, сын человеческий делался храмом, жилищем Бога по преимуществу, оружием Его, Бога отцов, воли». Сказав это, Н. Ф. Федоров цитирует Новариса: «Существует один только храм во вселенной: этот храм есть тело человека». И далее Н. Ф. Федороя продолжает: «Создав из себя храм, подобие неба, сыны создают и вне себя храм, подобие неба, наделяемого умершими отцами. И только после долгого застоя перед хрвмом — пребывания в язычестве и иудействе — последовало вступление в храм»...

Невозможно даже представить себе, как в таких условиях античная архитектура, будучи образом внеличностного космоса, могла бы стать образом Вселенной как храма Духа. В период гонений вообще не могло быть и речи о создании нового образа Вселенной-храма. Неофиты вынуждены были уйти в подземелья, в катакомбы. Существует мнение, что именно христианские катакомбы и были прообразом нового храма — образа Мира. Но это неверно. Образ Мира должен был выглядеть как иечто пространственное, а не

В силу неизбежности, история чаще всего пишется людьми, живущими много позднее описываемых событий. Отсюда многие ошибки и потеря аромата, духа истории. Как происходило у христиан архитектурное формирование нового образа Вселенной-храма? Ведь мы можем судить об этом только косвенно, по тем или иным практическим

Попытки использовать для богослужения старые языческие базилики мало что могли дать, так как в них слишком сильно было чувственное (внедуховное) начвло. Для выражения образа Вселенной-храма не очень подходили и круговидные композиции типа Пантеона. Мало того, что христианские богословы не признавали округлости Земли, сама «идея круга», не имеющего ни начала, ни конца, противоречила новой концепции пространства-времени. Если в античности весь временной цикл сводился к принципу бесконечного круговорота (идея циклизма), не знающего истории, то христианское сознание немыслимо без чувства историзма. Ему чужда «идея круга». Крупнейший христианский мыслитель V века Августин считал, что «по кругу бегают нечестивцы». Не с этим ли связаны народные поверья об ограждении себя кругом от нечистой силы («Вий» **Н. В. Гоголя)?**

В XII веке, когда после принятия Киевской Русью христианства а архитектуре понемногу начнут появляться хра-

связано и новое архитектурное воплощение образа Мира. мы с круглым планом, образ Вселенной-храма уже потеряет свое мировоззренчески-конструирующее значение. Конструирующая роль перейдет к эстетике. Но в X—XI веках древнерусская архитектурная мысль была более философской. Конечно, тут не обощлось без византийского воздействия, поэтому на византийском опыте следует остановиться.

> Отказ от римской формы круглого храма-космоса, который Н. Ф. Федоров называл «птоломеевской архитектурой», протекал не очень легко. Была испробована восьмигранная композиция («октаэдр» по Филолаю), но и такая конфигурация не удовлетворяла. В частности, она не удовлетворяла ходу литургии. Выход из положения был найден в сооружении знаменитой Константинопольской Софии (532—537), которую называют «новой моделью мироздания». Остроумно замечено, что композиционно Константинопольская София представляет купол Пантеона, водруженный на базилику Максенция. На античном языке это означало такой образ Мира, в котором универсальное соединилось с индивидуальным. Казалось бы, лучшего нельзя и придумать. Но еще раз приходится капомнить: ни в универсальном, ни в индивидуальном образе космоса не было личностного начала. Не было его или почти не было ни в экстерьере, ни в интерьере Константинопольской Софии. Храм-человек растворялся в храме-космосе. Впрочем, о прямоугольности основного объема Константинопольской Софии следует сказать особо.

> Если греческий периптер можно было возвести к символике пифагорейской (филолаевской) «четверице», а через нее — к представлению о кубической форме Земли, то в Византии к этому добавились новые «основания». Я имею в виду сочинение Космы Индикоплова «Христианская топография», созданное примерно в те же годы, когда в столице Византии строилась София. В своем сочинении Косма дает наглядное (в рисунке) изображение Вселенной в виде подквадратного «ящика» с полуцилиндрическим сводом, в вершине которого изображен Христос. Прообразом такой Вселенной указывается скиния Моисея, прямо названиая «образом мира». Возникает два важных и очень принципиальных вопроса: что Косма Индикоплов имел в виду под словами «образ мира» и почему он не посчитался с античными учениями о сферовидности космоса? На последний вопрос византологи отвечают довольно легко: Косма был малограмотен. Но такой ответ неприемлем. Тогда следовало бы заподозрить в малограмотности и Платона, считавшего, что Земля кубовидна. Ответ надо искать глубже.

> Из текста книги Исход, где говорится о том, как Бог на горе Синай «диктовал» Моисею форму скинии, никвк не вытекает, что под скинией подразумевался образ космоса (Вселенной). «И устроят они (народ израилев. — Г. В.) Мне святилище, и буду обитать среди них» (Исход, 25,8). Скиния, следовательно, мыслилась как место земной встречи с сынами израилевыми. В последующих строках описывается, как Бог в виде облачного столпа входил в скинию Монсея. Под «образом мира» Косма Индикоплов мог иметь в виду (по ветхозаветной традиции) мир земли Обетованной. Этот образ был настолько силен и желанен, что оказался распространенным и на Вселениую. Но на рисунке, изображающем Вселенную, в сущности говоря, нет никакой Вселенной! Показана Земля в виде горы, вокруг которой ходит солице; показан окружающий Землю океан и четыре стены со сводом, огораживающие всю эту картину. Нет никакого намека на другие планеты. Конечно, это уже не земля Обетованная, а нечто планетарное, может быть, ВСЯ ЗЕМЛЯ под солицем, весь земной и небесный Мир. Скиния, скорее всего, и была образом твкого земновидного мира, определившего земновидную форму Вселен-

> Все сказанное имеет непосредственное отношение прежде всего к византийской архитектуре — преемнице библейского, античного и раннехристианского наследия. Константинопольская София была в том смысле «новой моделью мироздания», что символизировала собой не Вселенную, а земнон и небесный мир, взятые в целом. Нельзя

отрицать того, что прямоугольный план Софии шел от скинии, хотя это требует доказательств. В качестве одного из доказательств можно привести мнение Н. Ф. Федорова, считавшего, что прямоугольная форма храма — это своего рода «жертвенник», а ведь именно прямоугольный жертвенник был в Моисеевой скинии. В этой прямоугольности Н. Ф. Федоров усматривал переход от «птоломеевской архитектуры» к «коперниканской». До времен Коперника было еще очень далеко, но такой переход предполагает весьма длительный процесс. Так что эту интересную мысль отбрасывать не следует.

Что касается купола Софии, то его связь с куполом Пантеона вряд ли подлежит сомнению. Таким образом, композиция Софии предстааляла мироздание как синтез земного (человеческого) и небесного (божеского), но отнюдь не Вселенную в астрономическом смысле. Этим я вношу корректив в свои прежние суждения.

Не является ли предлагаемое содержание «новой модели мироздания» более бедным по сравнению с храмом-космосом? Так можно думать только оставаясь под впечатлением от абстрактного космологизма античности. Если, конечно, этот абстрактный космологизм кажется более содержательным, нежели богочеловечность христианского храма. В Константинопольской Софии эта богочеловечность выражена еще неполно, храм во многом еще остается храмом-космосом. В его куполе даже не было изображения Христа. Не поэтому ли София легко была превращена в мечеть, когда Константинополь завоевали турки? Не случайно и то, что композиция Софии почти нигде не повторилась, уступив место храмам нового типа, получившим название «храм-Земное небо».

В послеюстиннановское время началась длительная полоса страстных догматических споров, приведшая в конце концов к иконоборческому движению, из которого победителями вышли иконопочитатели. Атенсты, конечно, могут сколько угодно выражать свой скепсис перед поклонением иконам, но поклонение иконам реализовало личностное понимание Абсолюта, без чего человек уже не мог выйти из внеличностиого языческого существования. Движения назад не могло быть.

Личностиое поиимание Абсолюта неизбежно привело к переоформлению образа мира. На смену прежним имперско-вселенским концепциям с их геометрическим космизмом приходило понимание храма как образа мысленного и чувственного мира, как образа человека и даже образа души. В таком храме снималось «противоречие между духовным и материальным, иебом и землей» (В. В. Бычков), почему за храмами нового типа и закрепилось название «небо на земле».

Ни от «идеи четвероугольника» (жертвенника), ни от «идеи круга» (неба) христианство, конечно, не могло отказаться. Но поскольку Вселенная наполнялась личностным началом, то для ее образного воплощения уже не требовались грандиозные, абстрактные сводчатые композиции вроде Пантеона или Константинопольской Софии. Идея «храм-человек» или «человек-храм» вообще не требовала физико-космических ассоциаций, для нее были достаточны ассоциации чисто символические, более духовные. Зачем, например, сооружать грандиозный купол, абсолютно лишенный человеческого начвла, когда небольшой свод с изображением Христа говорил человеку о присутствии Бога во Вселенной, в храме и в нем самом гораздо больше. Правда, чтобы перекрыть небольшим куполом сравнительно большое храмовое пространство, потребовались подкупольные столбы, но и они понимались не физически, а личностно, как символы евангелистов. Личностно понимались и глава храма, а если их было пять, то и подавно: Христос и четыре евангелиста! И так — во всех частях храма. Понимание храма как обожествленного человека не требовало даже никакой догматики. Н. Ф. Федоров, например, писал: «А храмы, не были ли они изображением того же

существа в той же вертикальной позе? Куполы и главы не представляют ли подобие чела, обращенного к небу? Не та же ли сила, или стремление, которая действовала в вертикальном положении, подняла и эти здания к небесам?». Мне думается, что ни про Пантеон, ни про Константинопольскую Софию такое трудно было бы сказать.

Излишне говорить о том, какое громадное значение это имело для человека, причем, я сказал бы, не столько для поддержания в нем чувства богоподобия, сколько для утверждения своего «трансцендентного статуса». В условиях полной открытости души и интунции «храм-земное небо» представлял своего рода переход к иному, высшему искусству: храмы были не только подобнем того, что есть, но и проектами того, что должно быть. Иначе говоря, такое храмостроительство было равнозначно непрерывному интуитивному приближению к познанию тайны Вселенной, гноселогическое значение чего непредсказуемо. Когда мы говорим об умении древнерусских зодчих ориентировать свои храмы на точку восхода солнца в разные времена года (разработки П. А. Раппопорта), или об искусстве пропорционирования в построении объемио-пространственной формы (разработки К. Н. Афанасьева и др.), или о космографических основаниях храмовой архитектуры и т. д., то подчас не учитываем, что все это составляло мощный духовно-интеллектуальный багаж человека того времени, без чего было невозможно и наше собственное «выше чем человеческое» бытие. В переводе со средневекового на современный язык это означает не что имое, как признание «озарений», в которых видимый мир выступает в мыслимом единстве с невидимым, сознательная природа которого после высказываний В. И. Вернадского о «сгущенной мысли» уже не представляется чем-то парадоксальным. Интуиция богословов, разрабатывавших концепцию «храма-неба на земле», работала в этом направлении. Конечно, это не было ни философией, ни наукой, а цельным, далеким от однобокости мировоззрением, к которому мы теперь, кажется, возвращаемся благодаря преодолению разрыва между гуманитарными и естественными областями знания. В таком свете н «дорога к храму» представляется не просто красивыми словами, а нечто гораздо большим в философском смысле. Предпринятое Советской властью почти повсеместное с 1917 года разрушение храмов отбросило кщущую мысль на тысячелетие назад, трагические последствия чего мы сейчас переживаем. К счастью, наиболее глубокие философские умы усматривают в метафорах и символах древности несравненно большее, нежели фаитазию, благодаря чему так называемый «антропный принцип» не снимается с повестки дия. Но ведь «дорога к храму» и есть дорога к этой идее или проблеме! Отсюда ее значение. Я прошу только прощения у читателя, что изложил этот вопрос не в увлекательной, а в скучной форме. Каждому дано свое.

Но изложить его все-таки надо было, в том есть насущная потребность дня.

Ф. Д. МОРОЗОВ

Привычка свыше нам дана

История неграмотного отца, деда и прадеда, ставшего русским предпринимателем

История всех страм с ихними всякими устоями всюду марушена, на нашей родине совсем разрушена. И много еще лет пройдет в разрушении, а не в созидании. А поэтому мое первое предупреждение сыну — не позволять особо увлекаться и углубляться и не делать еще больших затрат. Без этого можно пока обходиться. Необходимо пользоваться возможностями, пока во всех делах еще есть свобода. Исправлять и видеть ясно, где что надо развивать, а что сократить. Достигать целей, где ближе к доходности, и необходимо быть всегда начеку. Никогда не откладывать нужных дел до последнего дня — авось выкручусь, авось успею.

Проморгали ход уклонов в сторону Ленина, вместо ихнего Учредительного Собрания и земли крестьянам, прогрессивного налога, свободы слова и религий и прочих гуманизмов. А Ленин — сразу выгоду! Проорал на всю

Из книги Ф. Д. Морозова «НА ПАМЯТЬ ПОТОМСТВУ», изданной его наследниками за границей.

Россию: ВСЕ ВАШЕ! Грабь награбленное, долой буржуев, помещиков! Громи! Долой косматых лодырей — попов! Кончай воевать, идите по домам!

Это и сегодня везде заманчиво, да нигде еще, до сегодняшнего дня, беднота путного взамен ничего не сделала. В погромах рассудок отсутствует.

А когда такое бешеное время наступает, необходимо чудовищное напряжение железной воли, согласие и дисциплина в семье и окружении и быстрое решение.

Бескровная революция сорвалась, и нужно спасение. Не обращал я внимания, что приятели-торгаши еще крупно богатели. Соблазн был велик. Но, к дьяволу, легкие наживы! Мои настоящие друзья прогрессисты-конституционисты: Саша Бебешин, кузен священника отца Ивана Сторожева, Николай Петрович Петров, Н. Н. и Захар Багровы, А. Т. Бочков — все подтвердили. Да, Россия встанет на новый путь без поворота к старому после окончания войны с немцами. Это еще разговор до Ленина. Промышленность и торговля на новых началах. Нам, четырем — Саше, Н. П., Н. Н. Никольским и мне, — не страшен будет прогрессивный налог и всякая разумная свобода. Крестьяне будут собственниками земли, а я — из мужиков, свой. А Толкачевы — рабочие. И вся эта иллюзия гуманная полетела вверх тормашками! И я — со всем торговым делом порываю, чтобы помогать психам всяким, новому демократическому временному правительству и впредь до Учредительного Собрания...

Но появляется Ленин и К°. Попервости никто в его затею не верил, а смотрели как на бунтарско-бешеное явление. Но, к прискорбию России и всех здравомыслящих патриотов, все рухнуло. Россия превратилась в трисирию — СССР. И моя помощь в тартарары полетела.

Но? Видимо, за что-то Бог меня вознаградил, и я дотянул до 73 лет, живу сейчас в безопасности. В награду масса радости, даже до правнуков, в придачу, дожил.

Возможно, кто из детей или внуков и увидят еще родину деда, вновь с названием Православной России! А она, матушка Русь, беспредельна, широка и обильна. А при хорошем порядке, восстановленная без эгоизма, а на доброте и божественно-христианской морали, она тогда не только русским, а всем место даст, да с ней каждому из народов выгодно будет мирно жить и дружить. В русском народе всякие крайности уживаются и злоба изживается быстро. Но особо, кто к русскому запросто и бесхитростно подойдет, тот выгадает и с мим не пропадет.

Это было отступление от лично-семейной истории, но как пример внукам. Чтобы в крайнем случае предвидели, куда больше приемлемо двинуться.

Одно дело, — храбро родить, а другое, — воспитать и сохранить. Да и как детей и на что направить, в какую сторону, в какую среду? К чему их подготовить: к стряпне, шитью, мытью, к торговле, конторе? Нужно, чтобы через какой-то труд честный имели сытость. И может случиться врасплох, после роскоши и щедрости — ничего. Тогда — ой как трудно, не дай Бог! Тогда особое и нужно проявление семейной любви и полного единства и никаких укоров микому. Одно дело — делать ошибки, а второе, — как их быстро исправлять.

Знайте, внуки: моя, вашего деда, Родина — Центральная Россия и середина Волги. И мы с бабушкой со всеми традициями, имея столетнее имя, промениваем родину на

Федор Дмитриевич и Дарья Николаевна Морозовы. Харбин, 1920 г.

«вонючую» Маньчжурию, на Харбин. В ноябре 1917 года мы уже за границей, раньше всяких других русских эмигрантов.

Я далеко не глубоко верующий, я дожил до правнуков. Немало надоел своими нравоучениями. Но зато и не чувствую себя до сего дня в тяжесть, как дармоед. И избави бог быть инвалидом! И избави Бог от затяжной болезни, чтобы не быть в тягость семье до последнего дня. Приведи Господи продумать неисчислимые грехи и хотя бы отчасти очиститься от них. А как? Кто из моих древних друзей остался? Это только — отец Иван Клярович, кто ж из нас первый? Но ему-то легче. Он по первому классу переселения души к Царю Небесному, ибо он с твердой верою на земле и в загробную жизнь, с твердой верою. А я-то малодушен и всю жизнь как-то придерживаюсь ко второму классу. Это разница от безбожников, ибо настоящая вера в Отца и Сына Спасителя Христа должна быть навсегда с чистым сердцем, в добрых делах и добрых помышлениях.

Обрядность — да показная. Забота о церквах, но без добрых дел. А также тщеславие и эгоизм. Все это — не то, не приближает к Богу. Как ни нарядись, какую свечу ни поставь, основа Христианства — всем и во всем прощать. А прощаем ли мы? Я из первых? Ищем ли и знаем ли, кто в бедиости, кто в нужде и кто из-за нужды в темнице, и одинокий в больнице? И чтобы не напоказ, а проявить во имя Христа, оказать помощь страждущему, быстрее обласкать и помочь. Это и есть вера! И только молитвы таковых Бог слышит. Сначала прости сам всем, и тебе простится!

Я люблю всюду приходить не опаздывая, и это не однажды спасало меня. Но? Как бы рано я ни пришел в храм, если с переполненным элобой сердцем и разными отвлеченными помыслами, от этого больше греха, чем облегчения. Христос ясно сказал: «Лицемеры, что вы напоказ быете лбы свои, а сердце-то, сердце где ваше?»

Или на Пасху. В чем главная забота? Пофорснть наря-

дами, а в сердцах нет радости о Воскресении Христа. После страдания и распятия за нас, чтобы указать нам и внушить истинные пути в жизни земной и думая о небесной. Чтобы придерживаться высоких нравственных целей. А не игра: говеть-поститься. День-два, и все это по моде, а не для усмирения всяких страстей.

Понятно, все это известно вам и не ново. А моя цель — лишний раз внушить вам, чтобы оставить в головах прочнее.

Книг вами прочитано разных много и философии разные знаете. Но, к печали моей, читая серьезные и разумные кииги, особенно из прошлого, где на фактах поясняется, какими надо быть, а какими не надо, в головах и сердцах этого не задерживаете. Шлифовка каждого зависит только от себя. Работая над собой, избавляются от дурных привычек, даже изменяют характеры в лучшую сторону. Такие люди ценные.

Ну, а дальше, что из моей истории на будущее возьмете? Я не пророк, а прошлое — в памяти, и что в настоящем — одна болтовня о свободах. В прошлом без предрассудков была свобода. В передвижениях — куда угодио. И ищи, и сравнивай, что угодно и где угодно, и начинай, что по способностям. Хотя настоящее у вас солидно и не нуждаетесь вы, все-таки неплохо знать о зачатии дела и через что все пришло. И вот это поясню вам.

Всегда от Волги (Новодевичье), от Безводовки, из Сызрани и Симбирска в Тереньгу и Дворянск двигались обозы по 30-40 и до ста подвод. Сколько от этого народа кормилось!

А что значило село в 100 дворов? Огромная церковь. Прием по несколько вагонов на экспорт яиц, чечевнцы, ячменя, мяса для Москвы. На миллионы хлебные покупки. Было у нас несколько банков, и обороты делали такие, что и американские банки позавидовать могут. А они затеяли дружбу с коммунистами. Запутались и разбрасывают деньги. Это еще не все. Чем все кончится?

Приобрело знатность торговое дело Ф. Морозова в Тереньге, Дворянске. На 3 губернии имя знатное. Москаа, Лодзь, Белосток и другие места нашли Тереньгу и везли от Волги на подводах образцы на любой срок в кредит. Это мало — все фабриканты хотели знать мое мнение. А теперь?

Сколько сортов и предметов в мануфактуре, сколько в бакалее было. Табак, спички, сахар. Винное дело, вино всяких сортов в бочках. Лампадное масло вагонами. Все предметы, названия, цены, сроки — все, все укладывалось как-то в голове. Что и в какое время протолкнуть и как распределить в сроки. Рождество-то и Пасху выдержать! Но каково, когда свадьбы разыгрываются! А тут — Михаил Архангел, Никола Зимний, Введение Пресвятой Богородицы, престольные праздники, большие базары, и под них наваливались большие платежи, согласно выручке. Дело прогрессировало.

Караул! Куда летит Россия?! Начало сентября, Ленин лозунг за лозунгом выкидывает, один другого лучше для черни, и доводит ее до безумия. Как всему миру известно — достиг безумия; а преемник — Сталин, еще большего достигает, подходит к финишу. А Трумэн и другие заняты мишурой, пустозвонством. В те месяцы Керенского знатный Владимир Бурцев Россию и весь мир предупреждал о грядущем. Не доходило до сознания особенного передового человечества, которому надо было понимать. Да и по 1953-й год полугнилая Европа не может понять, что ее ожидает. Для них из России грандиозный вывоз всего всегда был, а при Сталине голод и всего не хватает. Гнет и кровь, стахановщина, и каждый на своей родине прикован к месту цепями. И этой свободы теперь нужно ждать везде.

Все обстоятельства, выпавшие на мою жизнь, особенно начиная с 1916 года, изменялись с такой быстротой, как на киноэкране. Выходя на сцену, должен был изображать, наподобие Шаляпина, чтобы Борис, Сусанин и Дон Кихот — все вместе. И на масленице с балалайкой. И чтобы все разыгрывалось скодно с натурвльным. Связи, друзья и просто знакомые. От Лодзи, Варшавы, Белостока — до Петрограда, Москаы, Астрахани, Самарканда. Центральная Россия, Сибирь и Маньчжурия. И во всех местах, и по всем неисчислимым отраслям — всюду вклинивалось имя, заводились, укреплялись связи и дружба. С помощью Бога! Ни в чем и никогда не доводил до конфуза. И из всех трудностей и безвыходных, казалось на вид, обстоятельств, спасал своевременно и жизнь, и имя.

Спаси Бог! Избави и помилуй! Моего сына и внука, продолжателей торговых дел и имени — из простых, но древнего. От таких и подобных жизненных перемен и пертурбаций. Уповайте на Бога, живите на земле, сохрамяйте истину и справедливосты! Утешайтесь Господом, и Он исполнит желание ваших сердец! Уклоняйтесь от всего злого, старайтесь людям делать доброе. В этом спасение всего. Не гордитесь, эгоизм приносит вред. И еще предупреждение: не зная броду — не лезъте в воду!

Чтобы начинать и вести дело, особенно в новых странах, необходима широчайшая осведомленность. И прислушиваться нужно не к поверхностным и льстивым, а к тем, кто в совете круче. Во всем необходим совет и с разными мнениями советники. А потом хладиокровно все взвесить и примерить.

Во всех делах необходима близость семьи, ее помощь в деле и, во-вторых, нужны практичные, честиые сотрудники, на которых платы мельзя жалеть. По каждому отделу помимающие и заботливые, как о своем. Но обязаиность хозянна — их обласкивать и нести заботу о них. Это обеспечивает успех делв, а не выгоду в жаловании.

Время капиталистов-частников отошло а предание. Каждый, кто хочет что-то создать или улучшить, или переменить, сначала сам себя во всем должен проверить и себя переменить... У русских оыли знаменитые тройки! А почему? Корневик яыбирался спокойный, сильный, а к нему, чтобы в любую гору подхватывались, пристяжные. А над ними руководитель — могучий кучер, который обязан был знать силу, ловкость и выносливость лошадок.

Дальновидные купцы и фабриканты, пока сыновья в университетах, не гнавшись за выгодой, подбирали заведующих в делах, а особенно умные посылали после университетов сыновей в чужие фирмы на службу.

Пишу все, что пришло на ум, хотя и малограмотно и торопливо, но правдиво. Это пишется только для близких родных, и не надо обижаться. Вроде истории, особенно если бы сохранилось для родины-России.

Восстанавливаю, что осталось в памяти о Японии. Приехали в сентябре 1925 года.

По незнанию языка мне помогали во многом руки, ноги, они всякое выражали, доводя япошей до смеха. А это во всяких делах и обстоятельствах — самое главное. Не только с японцами, но и в торговых и банковских делах. И с америкамцами в веселом настроении успешнее во всем, чем подходить к ним с гордостью. Ко всему этому необходимо знать характер, к кому как обращаться, в каком настроении он или она. Все это в жизни вырабатывалось и приспосабливалось с библейских времен.

Из «Песни песней». Руфь, возвратясь из странствий, узнала, что деверь разбогател. Ей дали совет — хорошенько приоденься, причешись и выжди, когда он кончит молотьбу и пообедает. Потом приблизься, приласкайся. Помятно, он ей отвалил всего полно...

А у меня — во всякое учреждение, к чиновникам, к директорам, к архиереям и другим. Нужно попасть первым на прием, иначе часто кто-то его уже взволновал.

Повторяю: не забывайте, так и к вам обращаются. До начала разговора на стол, что есть, накрыть, радушие показать, оно располагает к откровению.

Везде: в делвх, в собраниях и в семейной жизни — смех и незлое подшучивание всегда только пользу приносят. Сам Христос оправдывал веселость во время трапез и порицал злые споры и выкрики, поясняя: «Сердце злое и помышления злые, а это оскверняет душу, а веселость без зла возвышает дух».

Знатные советники-иностранцы, они появляются около знатных, а мы были — комар с комарихой, только бы не придавили. Без всякой сиятельности и безграмотные.

Особой явилось радостью, когда мать освободилась от забот, от разрушающих здоровье платежей, долгов. Этот праздник был два года. А на третий год Акционерного общества, передохнув, прозрели. Начали появляться недоразумения.

Компаньон и с ним хитрец-Факумото, возгоревшись нашей деловитостью и добротой, чтобы еще больше приблизить нас, наметили план сватовства, продемонстрировав кулинарные способности дочки. Хотя дочь и разница от братв, который вскоре появился в деле, но этот толчок ускорил мое решение женить сына на харбинке, чтобы избавиться от зависимости. А на кого пал жребий? Внукам теперь понятно!

А компаньоны тогда иные нажимы наметили всякими способами подобрать к рукам магазин. А мы хотели во что бы то ни стало удержать магазин, как отдушиму на будущее.

У вас, детей, много храбрости и бесстрашия за будущее. А я по природе труслив, и девиз у деда и отца — никаких дел никогда не доводить до суда. И русская пословица: от хорошего суда на лапти не выгадаешы!

И с Божией помощью, и с помощью, на этот раз, детей, вновь появилось дело — «Космополитем и K° », но это

Валентии Федорович, Ольга Сергеевна и Валентин Валентиновни Морозовы

уже не впотьмах и не наощупь, а со знанием и уверенностью. Но и увеличились семейные расходы. Вложенные Ниной Боби 15 000 затратили на улучшение магазина и на сырье. Что получили от общества, ушло на расплату с долгами и улучшение фабрики. Дело завертелось. Но через год — 49 000 долгу. И вновь — беготия за займами, но чтобы солидно и скрытио. Но можно было бы затруднений избежать, уверенность в деле была.

Сын на новом месте в Шанхае. Добавил знание и развитие. А я во время его отсутствия, по-стариковски, с честью, через магазинчик, ие только со всеми рассчитался, но покрыл расходы на разъезды и прочее. С добавлением мануфактуры заработал деньги на домик в Ойке, в деревушке в 12 верстах от Кобе, где во время войны машла спасение семья от воздушных налетов на Кобе, от которых было более 20 000 убитых и которыми на 80% был разрушен город. Все это позади, и воспоминания об этом, как о прошлом сне, без всякой обиды на кого-либо. И завещаю вам, и вы в жизни скорее забывайте всякие элобы, потери и обиды, а вспоминайте доброе.

А я в жизни, грешен, относился к пышным поминкам, с изрядной выпивкой, критически. Приветствовал, чтобы определять эти расходы туда, где есть насущная нужда, в память усопших отсылать. Но в день похорон хлопочущие, а также духовенство должны вознаграждаться. А если после меня будет возможность в этом направлении что сделать — нуждающимся уделите, мо, как и в жизни моей, — инкаких излишеств, во всем скромность. Положите, по-возможности, рядом с мамой, и малосенький памятник — «Крестьянин — Федор Морозовь. Меньше слов и больше дружбы между родными и старыми друзьями.

С исстари и до последних дней жизни придерживался я среднего, никогда не гнался за роскошью. Но всегда — не скупо, особенно если кого накормить, пришедшего даже врасплох. Но не забывал вести всему учет и всегда знал, оправдаются ли расходы, и предвидел на будущее. Это тоже усвоила мать и сохраняла до последнего дня жизни.

Около вашего большого дела все — по представлениям малоимущих — знатно. В таком положенин много будет подвертываться разных дельцов, льстецов и подлецов. Но и у самих вас с легкостью приходит, незаметно для себя, зазнайство, гордость и пренебрежение к прежним друзьям и приятелям. А через это — охлаждение и отход. И что скверно, причины ие видны, и особенио при нервных настроениях. А шаитрапа новая — эти всегда без принципа.

Для достижения дружбы и знатности необходимо от себя всегда проявлять теплоту, прямоту (в меру), и всегда почтительность в отношениях. Эластичность, нюх — ие переборщить бы. И надо помнить, что у каждого друга есть жены с разными капризами, с этим надо считаться. Нужна и осторожность всегда при оценках мужа или жемы и о их характерах и поведении.

Дети, внуки, помоги вам Бог! Без трудностей, без препятствий продолжать жизнь и дружбу, чтобы всякие семейные и торговые дела разрешались бесшумно, гладко, согласованно.

Авось когда-либо, через многие годы, и эта разнообразная моя брехня явится для кого-то интересной для сравнения вашего настоящего с далеким прошедшим моим. Помятно, должио быть снисхождение к некультурности деда, который вбивал в голову что и как.

Душевное, родственное, теплое и истинно радушное отношение и обоюдное участие в радостях и трудиостях. Это и есть величайшая ценность, это имеет главное значение в жизни. Особенно свой по крови человек должен во всем быстро откликаться.

Оторванность, закоснелость от всего и всех и потеря связи с родственниками — тяжело и гибельно отражается. История в народах повторяется, и жизнь на одном месте

не останавливается. Чем богаче человек в жизни, чем он грубее и эгоистичнее к ближнему и простому народу, тем жестче его состояние духа, особенно при разорении и падении, т. к. не от кого получить сочувствие и почти каждый от таких уклоняется. А без сочувствия жизнь особенно тяжела на земле. Общение с народом и ласку всегда необходимо иметь.

Но в то же время — строгий разбор в людях. Знать нужно — кто какого происхождения и качества. Роль. порода — это одно. Нужно знать, кто его друзья и каковы дела. Но напередки, сгоряча не эткрывать душу, чтобы не простудить, через резвый к особо с грубостью язык, а также не попасть под влияние обольстительных. Это вредно во всей жизнк. Сегодня — друг, а завтра — враг. Люди, друзья и приятели испытываются десятилетиями и при нужде.

Чего только в моей жизни не пришлось наблюдать и переживать? Особо когда обнаруживалась всяческая извращенность в понятиях морали, об обидах, оскорблениях и о доброте. Этому причина — лихолетие. Человек, якобы, выше и благороднее всех животных. А вот практика жизненная и мои наблюдения доказывали иное. Например, собака Рекс и два кота не только уживаются, но из одного блюда кушают, а потом игру затевают. И кто кому боль причинил? Не дрались никогда, и котам от собаки полная защита. Или — курнца вывела даух гусей и, отменно охраняя, воспитала. Но отменно орала, когда они начинали нырять, А человек — человеку? Да, хуже чем волк. Волк сразу разрывает. А ближний ближнего — через всякие ухищрения, бахвалясь культурою. — медленно.

Да и что такое богатство? Есть ли граница удовлетворения? Сколько надо на жизнь супругов и каждого члена семьн, чтобы жизнь протекала во всем счастливо и уравновешенно? Да и у всякого народа и класса люден на все понимание разное и растяжимое.

В какие пертурбации человек или семья попадают, и насколько человек способен спокойно осознавать свои ошибки и грехи, и как скоро находит способы, призывая Бога на помощь, исправлять их. Мои периоды жизни жестокой и крутой ломки, прогресса и падения... С 1903-го года в канун русско-японской войны и в войну 1904-5 годов — огромный прогресс. Стал знаменит не только в окружности уезда, Сызрани и Симбирска, но в Москве, Лодзи, Варшаве, Белостоке, Гамбурге. И везде связи, и везде кредиты, самостоятельное управление. Везде почет, веселость, дружба и во всем согласованность.

Война — вместо фронта, чины в тылу и работа патриота, на виду у всех, до призыва. Появляется богатство от запасов товаров и через помощь друзей из Москвы и Ставрополя, снабжающих перед подорожанием и без монх заказов товарами. И это вот — главная моя удача. иметь таких лоузей.

Была уверенность, что обеспечена семья неданжимостью и страховкой, и вдруг сверхнеожиданность — кругом поворот и крах! Все оставлено, и мы где-то в Харбине, около Нахаловки, в наскоро, из глины и соломы, построенной фанзе.

Эта сырая, из глины, хижина хотя и разрушила у всех здоровье ревматизмами, но жизнь в ней была радостная. веселая, со смехом, сытная и вселяла радужные надежды. Потом появился свой домик в Модягоу, и не только себе на пользу и радость, но и для бесчисленных знакомств и связей. А под рюмку и пироги разным бездомным — ласка и приют, даже и для ночлега. Многим знатностям в прошлом и просто обездоленным.

Богатство и всякая обеспеченность только в недвижимости и в одном месте — не есть верная гарантия. А потеря половины капитала, если здоровье не потеряно и сохранилось широкое доброе знакомство, — не опасно. Иной друг — лучше, чем в сундучке или в чулке мешок золота. Но необходимо имя честного дельца — это высшая ценность. К тому же — спаянная, согласованная семья и уступчивость в отношениях. Это везде и всегда — главный

У каждого государства и народа — свои традиции и свои стремления. У каждого народа во всем свои идеи и приемы их достижения. А также у великих держав были и есть руководители и предупредители судеб. В какое русло корабль направить, к какой цели.

Были в России из высшего класса декабристы, с благими намерениями. Но еще не созрело, непонятно было. И прогрессировать начали разного рода социалисты с еще большими требованиями улучшений для масс народных. И всякие прогрессисты преследовали гуманные цели и на пользу для большинства. Достигнув же до представительства народного, какие бы не предписывали рецепты. ничего не оказалось на пользу Руси и населяющему ее большинству. И никакого вразумления правящим.

А я только, как отец, исходил из практической теорни, что, по моему разумению, казалось понятно в устройстве жизни семьи и дел торговых и маленьких общественных. Указывал на ошибки и на пути их исправления. А ради чего? Чтобы призвать к воздержанию. Для этого, понятно, требовались авторитет и вера в Отца и Сына Божьего, да и в собственного отца.

В премудрейшей, дальновидной, хитреишей Англии руководит 85-летний Черчилль. Руководит не только своей страной, но и влияет на другие страны и народы, котя могущество силы потеряно и страна в зависимости от янки. Но у него — прицел на далекое и мысль, как восстановить

Я моложе его на 10 лет. После разных неимоверных трудностей и катастроф, благодаря удаче и приобретенному за годы доверию, достиг крупного дела, чтобы не испытывать больше нужду и не видеть сына донельзя измученного. И при богатстве я кряду все три года в напряженном труде и к тому же, по самомнению своему или гордости, успоканвал себя, что имею какие-то заслуги и меня поймут и послушают. Хотя бы даже по мелкому торгашестау, т. к. я-то не знал Морганов и других чудопрогрессистов. Не знаю, через какие они способы и оборудование достигли своего положения. Повторяю, что мелкая натура моя, но знающая и схватывающая, Знал, на какого червячка клюет, знал, как переждать всех конкурентов и отобрать у них всякую инициативу. Особенно теперь, имея такие места! А о крупном и стандартном? Это втягивает дело в большие мертвые затраты. Это не по времени. Проверил и убедился, что это особо гибельно и опасно при катастрофе. Моя натура — во всем подвижность. Иметь живую копейку на всякое сырье и на расплаты, а также и себе на скромные расходы. Казалось бы, мне стыдно это задуманное дописывать, когда израсходовал на Веру свыше 25 тысяч и от аванса сэкономил для Корнилыча 2 тысячи. И все время под гнетом совести. т. к. видел, как сыну трудно...

Помоги Бог, чтобы была смелость и быстрота решения у Ирочки Морозовой, на всю жизнь была удача и счастье. Но вторая внучка — Наташенька Морозова, а это у Морозовых вторая Наташа, первая — осталась на родине. Маленького роста, но высокой культурности и глубочайшей серьезности, начитанности и особенно огромной житейской и торговой практичности, ласковости и приветливости, а потому и широчайшего знакомства. Для внука — Валентина Морозова — мое пожелание. Всегда на глазах у отца школа и обучение по своей отрасли. После окончания школы или университета в чужое дело на практику следует устроиться.

Написал на будущее внукам, кроме Дарън, т. к. ее более далекое будущее, а оно только Самому Богу известно! Я также думаю и о моих других детях — о Зине и Нине

и об их семьях, которых жизнь унесла далеко от меня, но которые знают, что я их люблю.

Во всем мире чудовищные события, междоусобицы. Но безверие. К гибели — это каждому яснее ясного.

Июль 1969 года, мне 90 лет. Жестокие болезни, не в силах писать. Кто пожалеет из потомков?..

путь в жизненных делах!

иосиф розенталь

Неврученные Нобелевские премии

благотворность деидеологизации науки и искусства нет нужды. Но у этого тезиса есть своя логика, которая заставляет нас задуматься самым серьезным образом о взаимоотношениях идеологии и духовной, интеллектуальной жизни внутри страны. Как должны строиться эти отношения, чтобы свобода мысли получила необходимые ей гарантии? Ответ на этот вопрос нам может отчасти подсказать и наша не столь уж далекая история,

Много уже написано о том, что пришлось претерпеть в сталинское время искусству и общественным наукам, попавшим под пресс тяжких идеологических догматов. Пострадали в тот период и естественные науки, которые, казалось бы, никак нельзя было заподозрить «в политике». И тем не менее одним из этих областей знания вообще суждено было перейти, так сказать, в разряд «врагов народа» (генетика, кибернетика), а другим — развиваться сложным, зигзагообразным путем, терпеть «проработки» и долго нести на себе печать неблагонадежности. Пример тому — непростая история советской физики.

В 1990 г. в журнале были опубликованы статьи И. Розенталя: «Чуток к боли каждого» (№ 5), «Постоенский, Булгаков и современная физика» (№ 12).

В смутное время

Сначала — небольшое отступление. В мемуарной литературе, посвященной периоду 30-х — 40-х годов, часто приходится встречаться с такими выражениями: «Мы не понимали, что происходит», «Мы верили и не могли не верить Сталину, потому что нам казалось, что он представляет советский народ» и т. д. В качестве иллюстраций можно привести свидетельства литераторов, занимавших видное положение в то время (И. Г. Эренбург, К. М. Симонов). или ннтервью С. В. Михалкова («Огонек», № 12, 1988 г.).

Поскольку здесь важны нюансы, то я позволю себе привести цитату из последнего интервью. «Сталин был для нас человеком с большой буквы. Конечно, нас тревожило, что исчезали люди, что ссылают, но мы думали, что это наверняка за дело (выделено мною. — И. Р.). Разве могли мы не доверять официальной информации». Я позволю себе решительно не согласиться с Сергеем Владимировичем, который, получается, говорит таким образом от имени всего моего поколения или поколения моих родителей.

Для справки сообщу краткие анкетные данные: родился я в 1919 году, отец мой — не имея высшего образования. занимал в 30-х годах инженерные должности в Метрострое, мать — зубной врач. Таким образом, мои родители занимали низшие ступени в нерархии московских интеллигентов. Такое же положение занимали и родители моих друзей, погибших во время войны. Так вот — ни у моих родителей, ни среди моих близких и друзей не было ни малейшего сомнения, что «большие процессы» — это инсценировки. Не было лишь полной ясности в другом вопросе: какими методами большевиков, закаленных в царских тюрьмах и ссылках, заставляли признаваться в невероятных преступлениях — шпионаже или контрреволюции. Впрочем, мой отец развивал «теорию», которая, возможно, была отражением слухов, ходивших по Москве. На процессах будто бы выступали не Бухарин и Зиновьев, а загримированные Качалов и Москвин...

Понимая искусственность «больших процессов», трудно было поверить, что множество знакомых людей исчезло «за дело». Таким образом, по крайней мере, часть московской интеллигенции уже тогда понимала: происходит то, что и получило название «революция сверху».

Но и прозревшие понимали далеко не всё. Конечная цель всей это «революции» — от коллективизации до репрессий 1937 года — оставалась неясной. Лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны» не давал ни малейшего представления о конечной цели сталинской политики. Поставленная задача построения социализма в одной стране мало проясняла ситуацию из-за неопределенности самого понятия социализма в интерпретации Сталина.

Как всегда, чуткие москвичи начали ощущать нечто определенное по второстепенным, но, быть может, поэтому крайне многозначительным признакам. Одним из них был разгром поставленной в Камерном театре пьесы «Богатыри», написанной весьма известным в довоенные годы позтом Демьяном Бедным. Признаюсь, пьесу эту не смотрел и не читал. Однако содержание погромных статей в центральных газетах помню хорошо. Главный упрек — автор неуважительно писал о героях русских былин. И тогда казалось, и сейчас я уверен: выбор темы был крайне неуместен. Однако, на мой взгляд, Демьян Бедный инкогда не отличался особым вкусом, и поэтому шквал публикаций в органах массовой информации в то время мне показался совершенно неожнданным и неадекватным ответом на глупость конкретного автора. Но ситуация постепенно прояснилась, когда парадлельно с критикой Демьяна Белного начали появляться книги, пьесы и кинофильмы, посвященные апологии сильных русских властителей — Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Первого. Нужно было лишь совместить оба факта. А они рисовали как бы абрис будущего страны под единовластием одного человека — Сталина. Заметим, что едва ли увлечение Сталина личностью Петра было случайностью. Еще в середине 30-х годов Н. А. Бердяев отмечал: «Приемы Петра быпи совершенно большевистские» (см. Н. А. Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма», — М.: Наука, 1990. — С. 12).

Перейдем к основной теме. Насколько можно судить, процент «врагов народа» среди физиков не отличался от среднего — в других слоях интеллигенции. Однако машина репрессий затронула самых лучших физиков молодого поколения: М. П. Бронштейна, Л. Д. Ландау, Ю. Б. Румера, входивших в один круг, о чем, в частности, свидетельствуют их совместные работы.

Хорошо, что мы можем теперь говорить о людях, затянутых шестернями этой машины, можем назвать их имена, почтить их память. Это важно для нас, для общественной морали. Но следует, думаю, сделать и выводы, которые были бы обращены в перспективу, важны для развития науки. Например, необходимо задаться вопросом: как сказались репрессии на творчестве наших выдающихся физиков?

М. П. Бронштейн, будучи очень широко образованным человеком, увлекался принципиальными вопросами науки. Совместно с Ландау он сделал попытку разрешить известный парадокс Больцмана о неизбежностн тепловой «смерти» Вселенной. Наибольшую известность принесла Бронштейну понстине первооткрывательская работа по квантовой теории гравитации. В те далекие 30-е годы казалось, что квантовая механика и теория гравитации не имеют ничего общего. Потребовались десятилетия, чтобы физики поняли: нменно в квантовой теории гравитации находятся корни решения основной проблемы физики — построение теории, объединяющей все взаимодействия.

Бронштейн на десятилетия опередил свое время. Хотя и сейчас еще очень далеко до создания последовательной объединенной теории, однако не подлежит сомнению, что ее центральная проблема — построение квантовой теории гравитации. Думаю, что мы были бы к решению этой проблемы ближе, если бы тому не помешал такой факт биографии Бронштейна — в 1938 году он был арестован и вскоре погиб в тюрьме.

Биографию Бронштейна следует дополнить. Этот ученый был мужем Л. К. Чуковской и, по-видимому, ее повесть «Софья Петровна» — отражение личной трагедии, а гибель Бронштейна — причина известного «диссидентства» семьи Чуковских. Бронштейн, несомненно, обладал литературным даром, нашедшим свое отражение в трех научнопопулярных книгах, написанных для детей и не потерявших своей свежести в настоящее время. Чтобы подтвердить мою высокую оценку, сошлюсь на авторитет К. И. Чуковского: «...я могу засвидетельствовать, что книги Бронштейна "Солнечное вещество", "Лучи Икс" и другие кажутся мне превосходными. Это не просто научно-популярные очерки — это чрезвычайно изящное, художественное, почти поэтическое повествование о величине человеческого гения. Книги написаны с тем заразительным научным энтузиазмом, который в педагогическом отношении представляет собой высокую ценность». (Из архива К. И. Чуковского. Г. Е. Горелик, В. Я. Френкель. М. П. Бронштейн. — М.: Наука, 1990. — С. 216).

По-иному сложилась судьба Л. Д. Ландау. Арестованный в том же 1938 году, он под давлением советской (П. Л. Капица) и международной (Н. Бор) общественности был примерно через год освобожден. Думается, что заключение было трагическим рубежом в его творчестве. Так, если в молодости он позволял себе смелые экскурсы в принципиальные, спорные проблемы науки, то затем Ландау сосредоточил свои усилия лишь на технических проблемах почти во всех областях физики. Будучи (наряду с Р. Фейнманом) величайшим физиком-универсалом XX столетия. Ландау мог без усилий переходить от одной проблемы к другой. Используя шахматную терминологию, я бы назвал его гением эндшпиля. Но «играть в свою игру», по-видимому, физик не смог и после войны, когда, казалось бы, кровавых репрессий 30-х годов ждать не приходилось. Однако ревнители идеологической чистоты не дремали. В одной из своих ранних работ Ландау вслед за Н. Бором

высказал гипотезу о возможном нарушении закона сохранения энергии. Такая гипотеза не противоречила некоторым экспериментальным данным начала 30-х годов. Потом, когда эти данные были уточнены, надобность в гипотезе отпала и о ней забыли. Забыли, но не совсем. В конце 40-х годов появились в печати заметки с обвинениями Ландау в идеализме. В 1951 году руководство ФИАНа* поручило группе физиков, куда был включен и я, рутинное по тем временам задание: написать философское эссе на тему «Масса и энергия». Поначалу казалось, что такое сочинение будет иметь стандартный характер — перевод современного физического языка на лексику, принятую В. И. Лениным в его известном произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Подобное задание было вполне в духе времени и не вызывало особых эмоций.

Однако неожиданно событня принялн неприятный и даже опасный оборот. Мы получили приказ: в нашем опусе обязательно отразить «ндеализм» Ландау. Схему рассуждений предложили такую: если энергия не сохраняется, то значит, исчезает и масса. А масса — символ материи. Следовательно, Ландау допускал исчезновение материи, а это уже идеализм, то есть покущение на святая святых — диалектический материализм. Публикация такого силлогизма угрожала Ландау непредсказуемыми бедвми. Я был поставлен перед тяжелейшей нравственной альтернативой. Отказаться от задания — в лучшем случае быть полностью отлученным от науки. Согласиться — навек потерять уважение к себе. Разумеется, было мевозможно и обсудить было бы нам всем обеспечено.

Выход был найден в своеобразной игре. Одному из участников нашего предприятия давалось заданне: написать фрагмент статьи. Когда появлялся этот фрагмент, все остальные в роли критиков с остервенением набрасывались на него и его творца. Затем тема поручалась другому соавтору, который, в свою очередь, подвергался уничтожительной критике и т. д. Так выигрывалось время.

Мне трудно судить о ходе мыслей моих коллег, однако мои надежды основывались на непреложном законе системы: кампании имеют конечное время жизни. Я, кстати, не связывал его с конечностью жизни Верховного Властителя. Мне он квзался бессмертным. И здесь не было никакой мистики, а трезвая оценка, основанная на весьма смутных слухах, ходнвших тогда в Москве. А слухи были таковы: Сталин либо очень болен, либо уже ушел в мир иной, а его роль играет некии двойник. Вследствие моей некоторой политической наивиости, эти слухи мне казались вполне правдоподобными, поскольку я был убежден, что система основана на обожествлении одного человека — Вождя, и если его не станет, то обрушится система, а в такой катастрофе погибнут и все соратники правителя. Я полагал, что примерно такие рассуждения были в ходу и «наверху», и поэтому верил в гипотезу «двойника Сталина» и, следовательно, в «бессмертие» Вождя.

Однако жизнь оказалась проще и драматичнее. Сталин действительно умер, и наше так и не оконченное сочинение превратилось в труху. Вероятно, слухи о мышиной возне вокруг псевдоидеализма Ландау доходили до него, и это обстоятельство также не стимулировало его интерес к принципиальным вопросам физики, всегда чреватыми непредсказуемыми оценками.

Однако после смерти Сталина ситуация резко изменилась. Идеологический корсет на теле физики резко ослаб. Результат? Л. Д. Ландау совместно с И. Я. Померанчуком публикует прекрасную работу о внутренней противоречивости квантовой электродинамики. В этой работе высказывается замечательная мысль: теория, объединяющая гравитацию и электродинамику, должна разрешить это противоречие. Однако это объединение должно произойти при фантастически больших энергиях. Этот вывод лежит в современном русле идей, на основе которых и пытаются

построить объединенную теорию взанмоденствия.

Показательна и судьба Ю. Б. Румера. Арестованный также в 1938 году, он длительное время работал в тюремной «шарашке» над авнационными и ракетными проблемами. Видимо, его полезность в этих вопросах предоставила ему некоторую возможность заниматься и физикой. После выхода из заключения он публикует статьи и книгу на тему: объединение гравитации и электромагнетизма. В своей теории Румер следует идеям Эйнштейна, но вносит новый элемент, а именно квантовую механику. Одиако подход Эйнштейна-Румера оказался слишком прямолинеен. Как показало развитие физики, нужно пытаться объединять все взаимодействия, а не только гравитацию и электромагнетизм. Вероятно, поэтому у Румера не оказалось последователей, и он фактически ушел из большой физикн, оставив нам несколько превосходных учебников и монографий.

Оценнвая деятельность Л. Д. Ландау, М. П. Бронштейна и Ю. Б. Румера, можно перефразировать известный афоризм римского поэта Квинта Горация Флакка: «Я сделал все, что мог: пусть другие сделают больше». Нашн герои сделали все, что могли. Но они сделали бы гораздо больше, если бы не попали под жернова сталинской репрессивной машины.

Конечно, иногда система прибегала и к «мягкому» вытеснению прекрасных физиков из научного оборота. Так, в 20-х годах у нас физика процветала благодаря усилиям трех всемирно известных школ — С. И. Вавилова, А. Ф. Иоффе и Л. И. Мандельштама. Школа последнего — блестящего физика, теоретика и педагога — доминировала на физическом факультете МГУ. Однако незадолго до войны (насколько я помню, в 1938 году) одного из сподвижников Мандельштама сняли с должности декана физфака, назначив на его место А. С. Предводителева, который и возглавил вытеснение Мандельштама и его учеников из МГУ. Вскоре учитель и его ближайшие ученики И. Е. Тамм, М. А. Леонтович, С. М. Рытов, С. Э. Хайкин и др. были вынуждены покинуть МГУ. Здесь важно подчеркнуть, что смена деканов на физфаке МГУ произошла одновременно с упомянутым выше резким поворотом в литературе и, вероятно, была сравнительно малым звеном в цепи фактов, которая очерчивала новое государство, созданное Сталиным.

Борьба с космополитизмом

Взаимоотношения России с иностранцами издавна носили противоречивый характер. С одной стороны, иноземцы привлекались, как теперь выразились бы, для увеличения ее научно-технического потенциала, а с другой засилье иностранцев и их привилегии стимулировали рост националистических настроений. Особенно ярко это противоречие проявнлось во время правления кумира Сталина — Петра Первого. И Сталин его своеобразно повторил. Если Петр предоставил, например, иноземцам привилегии в торговле, то Сталин — в покупке дефицита. Появление в сталинскую эпоху торгсинов, с одной стороны, привлекло зарубежных инженеров н ученых, но с другой вызывало к ним смешанное чувство зависти и некоторой неполноценности со стороны коренного населения. После окончания Великой Отечественной войны чаши весов, постоянно колеблющиеся между национализмом и интернационализмом, славянофильством и западничеством, окончательно склонились в сторону национализма. Но повинна в этом, конечно, не проблема дефицита.

Наступила «холодная воина». Отношения между Востоком и Западом были фактически прерваны, и не следовало ожидать никакой внешней помощи. Этот факт вызывал тенденцию, на которой не замедлил сыграть Сталин, выбросивший новый лозунг — «уничтожить преклонение перед иностранциной». Но как это часто бывает в условиях неограниченной диктатуры, правильная тенденция к сох-

ранению национальной самобытности постепенно начала приобретать уродливую шовинистическую окраску, а приведенная выше формула трансформировалась в призыв «вести беспощадную борьбу с «безродными космополитами».

Национализм с шовинистической окраской не возник, конечно, на пустом месте. Можно почти с уверенностью утверждать о существовании корреляции этого явления и вза-имоотношений Востока и Запада. Хорошие отношения — мягкий национализм; плохне — он переходит в шовинизм. Разумеется, для системы всегда было выгодно наличие внутреннего врага — нет уже разбитых троцкистов, пусть будут космополиты. Какая разница?

Об уровне дискуссий можно судить по факту, свидетелем которого мне довелось быть. Один из ныне здравствующих известных физиков в одной из книг употребил словосочетание «периодическая система элементов» без упоминания имени Д. И. Менделеева, за что был подвергнут многочисленным разгромным проработкам. Причем на сей раз борьба велась уже на два фронта — с космополитизмом и с идеализмом. Эти обе линии сосуществовали весьма причудливо, иногда переплетаясь, иногда развиваясь самостоятельно, как бы параллельно.

Появился расхожий термин: «реакционное эйнштейнианство». Один способный математик, ушедший вскоре из большой науки, даже написал книгу «Анти-Эйнштейн», но, к счастью, не успел ее опубликовать.

Борьба с космополитизмом тем временем разгоралась. Нужно подчеркнуть, что эта трагическая страница в истории советской науки имела одну особенность по сравнению с борьбой с «врагами народа». Во время борьбы с космополитизмом люди, как правило, не исчезали. Их массами увольняли с работы, что, впрочем, было эквивалентно гражданской казни. Дело в том, что, например, слесарь (по крайней мере, в то время) может сравнительно безболезненно изменить специальность и переквалифицироваться в токаря. Настоящий физик может быть либо физиком. либо никем.

Я ограничусь лишь одним примером. На физическом факультете МГУ числом способных студентов выделялся курс набора 1938 года, давший многочисленную плеяду талантливых физиков, и сейчас занимающих руководящие посты в Академин наук. Однако, еще будучи студентами, даже на этом фоне резко выделялись своими способностями два человека — А. Д. Сахаров и П. Е. Кунин, оба ставшие впоследствие аспирантами И. Е. Тамма. Судьба Сахарова общеизвестна, а Кунин же был вместе с многими другимн физиками во время кампанни против космополитов уволен из ФИАНа и затем ушел из большой физики. а после (насколько мне известно) и из жизни...

Параллельные течения — борьба с космополитизмом и борьба с идеализмом — в 1949—50 годах должны были слиться в единое русло и привести к разгрому физики наподобие того, как это сделал Лысенко с биологией. Но вмешалась сама судьба в лице И. В. Курчатова. Стране жизненно необходимо было совершенное атомное оружие. Я слышал от многих физиков, что И. В. Курчатов сформулировал на самом верху такую альтернативу — разгром или бомба. Верхн предпочли последнюю. Однако попытки хотя бы частично терроризнровать физиков не закончились.

Огонь был сосредоточен на школе Л. И. Мандельштама. Апофеозом этой атаки явился ученый совет в ФИАНе в феврале 1953 года. Этот совет должен был окончательно чузаконить» существование идеализма в трудах Мандельштама и завершнть разгром его школы. Однако заседание прошло совсем не так, как замыслили его организаторы. М. А. Леонтович в своей исключительно смелой речи решительно отрицал какую-либо связь физика Мандельштама с идеализмом. В заключение он в прямом смысле хлопнул дверью, повергнув президиум заседания в шоковое состояние. Вероятно, смелая эскапада Леонтовича не прошла бы ему даром, но опять вмешалась судьба, карма, рок... Вскоре наступил день 5 марта 1953 года, и мелкие по сравненню с этим событием проблемы физиков были забыты.

[•] Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР.

Идеи и лауреаты

Выше было рассказано о тех зигзагах, которые совершила советская физика в сталинскую пору. Чтобы поставить точку, полезно осветить эволюцию физики, обусловленную этими зигзагами. Нужно сразу же оговориться, что подобная акция крайне сложна и по необходимости несколько субъективна. Относительно просто, например, проследить временную динамику выплавки стали, но уже гораздо сложнее сделать категорические выводы о прогрессе (или регрессе) в выпуске обуви. В соответствии с официальными данными, по числу изготовленных пар (валу) Советский Союз находится на первом месте, что однако совершенно не решает проблему дефицита обуви.

Бесконечно сложнее провести сопоставление по «качеству» наук, в особенности фундаментальных. Здесь почти полностью отсутствуют количественные крнтерии. «Качество» же работ по физике имеет (по крайней мере, в историческом разрезе) весьма субъективный характер. Существует, по-видимому, единственный путь: сопоставление числа выдающихся работ, оставивших заметный след а науке в довоенную и послевоенную эпохи.

Чтобы свести субъективность такого сопоставления к минимуму, мы будем говорить о работах, которые получили или должны были получить самую престижную международную премию — Нобелевскую. И здесь необходимо сделать одну оговорку. В мире науки существует несколько превратное представление о том, что все Нобелевские лауреаты — это выдающиеся физики, а все выдающиеся физики — всегда Нобелевские лауреаты. Как правило, это утверждение правильно. Одиако бывают и исключения. Нобелевский комитет состоит из людей, то есть подвержен внешним влияниям (в том числе и политическим), симпатиям, антнпатиям и т. д. Имеется и ниая, более прозаическая причина. Нобелевские премии присуждаются ежегодно. А большая физика вовсе не обязана следовать этому циклу. Однако вие сомнения, Нобелевская премия является самым престижным международным признанием работы по физике.

Для решения поставленной задачи разобьем выдающиеся советские физические работы на три класса. К первому отнесем работы, получившие Нобелевскую премню. Ко второму — работы, которые хотя премии не получили, однако их зарубежные аиалоги получили; и, наконец, к третьему — те работы, которые заслуживают этой премни по моему личному (а следовательно, и несколько субъективиому) убеждению. Разумеется, датировка будет приводиться не по году присуждения премии, а по периоду, когда эта работа была закончена. К первой категории относится открытие свечения Черенкова — работа эта была сделана под руководством С. И. Вавилова в 1934-35 годах и правильно интерпретирована И. Е. Таммом и И. М. Франком в 1937 году. Эта работа была удостоена Нобелевской премии в 1958 году. Отметим, что П. А. Черенков был аспирантом С. И. Вавилова, который первый понял истривиальность явления и дал его элементарную интерпретацию. Однако Сергею Ивановичу Вавилову даже не приходило в голову объявить себя соавтором открытия. Это особенно показательно на фоне современной практики, когда зав. лабораторией, даже не имеющий прямого отношения к определенной (хорошей) работе, как правило становится ее

Ко второй категории следует отнести открытие комбинационного рассеяния света (резонансного рассеяния фотонов на молекулах) Г. С. Ландсбергом и Л. И. Мандельштамом в 1928 году. Аналогичная работа была сделана индийским физиком Раманом, который опубликовал ее на неделю раньше. И хотя всем ясно, что большое экспериментальное исследование нельзя провести за несколько дией, тем не менее Раман получил Нобелевскую премию. а Ландсберг и Мандельштам — нет, что, по мнению многих физиков, было великой несправедливостью. Отмечу, что в последующей истории Нобелевских премий аналогов подобной несправедливости нет.

Наконец, третий класс работ, которые заслуживают, по моему мненню, Нобелевскую премию, но по разным причинам не получили ее. Это работы А. А. Фридмана (теория расширяющейся Вселенной), цикл работ Г. А. Гамова — М. А. Леонтовича — Л. И. Мандельштама по квантовому прохождению элементарных частиц через потенциальные поля, а также интерпретация и-распада на основе такой теорин В. А. Фока (создание совершенно новых и весьма плодотворных методов кваитово-механических подсчетов, которые используются и до сих пор). Также мне кажется весьма важным открытие в 1940 году К. А. Петржаком и Г. Н. Флеровым спонтанного (самопроизвольного) деления ядер урана.

Итак, подведем итог. До войны за 20 лет было сделано примерно 10 работ высочайшего класса. После войны (более чем за 40 лет) — таких работ было приблизительно вдвое меньше. Следовательно, нужно признать, что по самому важному показателю — числу работ мирового класса — в Советском Союзе наблюдается регресс. А если учесть, что относительное число физиков, работающих в Советском Союзе, за эти годы существенно возросло. то этот регресс становится еще более очевидным. В чем его причина?

Естественно, особенно обратившись к вышеизложенному, сделать вывод о том, что обязано наше отступление «на физическом фронте» (а мы говорим только лишь о нем) установлению в обществе жесткого интеллектуального контроля. Наука, в том числе, разумеется, и физика, для полноценного развития требует интеллектуальной свободы. Сто ученых с самыми блестяшнми анкетными данными не заменят одного таланта с каким-либо «пятном» в биографии. Я мысленно «переставляю» Фридмана и Кунина. Если бы Фридман был его ровесником и изгнан из науки, например, в «эпоху борьбы с космополитами», то, возможно, мы не имели бы современной космологии. С другой стороны, если пофантазировать и допустить, что Кунин родился бы на 30 лет раньше, то, может быть, мы имели бы «расширяющуюся Вселенную Куинна» или какую-инбудь иную новую блестящую работу.

Наука и искусство прогрессируют (или регрессируют) взаимосвязанно, и этот процесс, в значительной степени. определяется степенью интеллектуальной свободы.

Эволюция физики в Советском Союзе, которую я хотел кратко обрисовать, не испытвла те дикие крайности, которые были характерны, например, для биологии. Такое различне имеет простую интерпретацию: физика (а, следовательно, и физики) была необходима для военной индустрии, для создания атомного оружия.

Однако есть классический пример губительного воздействия тоталитаризма на физику. В первой трети XX века Германия была центром физической мысли, Меккой для молодых физиков и математиков. Изуверская политика Гитлера привела к полному разрушению немецкой физики, разгрому, от которого немцы не могут оправиться до сих пор. Впечатляющим уроком является бесспорный факт: шовинист Гитлер, обрушивший море слов во славу немецкого народа, был тем человеком, который более, чем ктолибо другой, способствовал созданию великой американской физики и атомного оружия в США. Метаморфоза имела простую и вместе с тем ужасную подоплеку. Гитлер создал невыносимые условия для свободного развития физики и тем самым стимулировал эмиграцию выдающихся европейских ученых за океан.

Вряд ли мы можем удовлетвориться только лишь созианием того, что нам «повезло» больше. Нужны серьезные выводы. Один из них очевиден, прост и плодотворен:

тоталитаризм и прогресс науки совместить невозможно.

Кое-что Штирлица THTTEP. KTO STOT, 4TO BCE BPEMS GETART NO рейхсканцелярии гиммиер. Советский советский разведчик Штирлиц. Не-ГИТЛЕР. П-а-а-чему неуловимый. ГИММЛЕР. Да он нико-ANOBHWI му не нужен, мой фюрер.

> Рейхсфюрер ошибался. Пришло время, когда Штирлиц понадобился стране-победительнице и чуть не на полтооа десятка лет стал одним из самых популярных людей в СССР. Анекдоты про него — это ведь тоже результат популярности, и конечно, апофеозом его славы и карьеры стоит считать те незабвенные дни, когда по сути именно ему, народному герою, было поручено читать по всем программам телевидения биографию другого, тоже народного героя (и тоже полковника!). Такого не зиали ни Испания, ни США. Подумвешь, памятники Дои-Кихоту и Тому Сойеру! Дань талантам - не более. А тут -- сюжет, достойный Ланте. Вымышленный герой читает вымысел про своего двойника, но с более блестящей карьерой. Это был поистине перст судьбы.

Но после того случая, как сказал бы незабвенный автор «Левши» Н. С. Лесков, «судьба нх начала сильно разниться»: объявленную «бессмертным» творением «Малую землю» стали дружно ИЗ ЖИЗНИ певшего влезть в маршальский мундир, который он до того, как и положено, оказывается, всю жизнь носил в своем ранце с великим множеством фактира сдавать в макулатуру, полковника, услишили, хорошую славу помеияли на плохую и стали потихоньку забывать, а вот первый себя забыть не позволил. Штирлиц с достоинством продолжал свои подвиги. И продолжает. Загляните в любой книжный магазин. Там, в разделе договорных цен, он на своем боевом посту. Немножко, конечно, сдал, за арбатскими детьми и ленинградскими интердевруками на короткие дистанции ему не угнаться, но он теперь за стайера себя выдает. Возраст как-никак. Стаж. Да еще он, как истинный разведчик, пританлся на довольно расплывчатой грани легкого чтива-детектива, исторической или политической сплетни и фактической канвы. Хорощо пристроился. Литературная критика, та, что посерьезнее, упорно делает вид, что Штирлица нет в литературе, а просто «на основании фактического материала рассказывается о героическом труде тех, кто охраняет безопасность нашей страны», а историкам спорить с беллетристикой вроде не с руки, ну а что касается «тех, кто охраняет», то ведь они охраняют, а не пишут. (Пожалуй, пока генерал Калугин единственное исключение, но не о ием речь.) Хитрюга Штирлиц оказался вроде бы вие закона досягаемости, но он допустил серьезный просчет -- романы о своих подвигах он (возможно, для вящей убедительности) назвал документальными.

Документ такая штука, что можно и проверить.

Проверять, пожалуй, лучше всего то, что общензвестно, да и самому Штирлицу это принесло льшиную долю лашров — речь, как можно догадаться. пойдет о семнадцати его мгновениях в Берлине весной 1945 года.

Вкратие клегенда». Штандартенфюрер СС Штирлиц служит в РСХА, что на Принц-Альбрехт-штрассе, 8, тел. 12-00-40, в отделе Шелленберга (заграничная разведка и контрразведка), живет в Бабельсберге под именем инженера Бользена (тел. 42-75-41), имеет личный автомобиль марки «Хорьх» № ВКР-821. При всем этом он еще и советский резидент «Юстас» (полковиик Исаев) с подчиненными ему радистом и шифровальщиком («Эрвин» и «Кэт»), которые проживают в Кёпенике (район Берлина). Их группа получиле звдение выяснить, кто именно из фашистского руководства подталкивает (или провоцирует) западных союзников на сепаратиме переговоры с Германией.

Штирлиц начинает действовать. Пишет анонимное письмо и отправляет его секретной почтой рейхсляйтеру Борману, потом звонит ему по телефоправительственной связи (тел. 12-00-54) и договаривается о встрече. Но в это время в результите бомбеж-

ки района Кепеник погибает «Эрвин»; а беременняя «Кэт» получает раненне и в роддоме «Шарите» рожает ребенка, где и выдает себя тем, что кричит по-русски. Штирлиц вынужден решать помимо основной задачи, на которую он ориентировал пастора Шлага, еще проблемы связи (профессор из «Пергамона» Плейшнер), спасения радистки и самосохранения в поединке с шефом гестало Мюллером. Штирлиц выполняет основное задание, спасает радистку и с новым заданием возвращается в Берлин 18 марта 1945 года.

Вот, собственио, вся история, квинтэссенция, известная всем читателям документального романа, ставшего без особых изменений сценарием телесериала, который с непостижимой скоростью стал обладателем всех мыслимых премий. Штирлиц стал национальным геррем. И вот парадокс. Все герои застойного времени сдали, поблекли или объявлены витигероями, а Штирлиц непоколебим. Он вроде бы даже остался за пределами сиюминутной суматохи, но, тем не менее, пора бы взглянуть на него пристальнее.

Шпионы, как правило, попадаются на мелочах. И вот оказывается, что в семнадцати его мгновениях, наверное, таких возможностей попасться, по крайней мере, вдвое больше, чем этих самых мгновений. Не будем голословны.

«Мелочь» первая. Разведчик (или писатель, который взялся о нем писать) должен знать свой «театр военных действий», быть «как все», что его окружают, и хорошо знать собственную «легенду» проживания. Это элементарно, и доказывать это не надо, потому что Штирлиц, слава Богу, не единственный разведчик, которого знает человечество.

Но одна только машина марки

«Хорьх» с номером ВКР-821 способна была погубить героя. Дело в том, что все четыре модификации автомобиля этой марки в Германии 1945 года были «представительскими» машинами высокого класса (нечто вроде нашей нынешней «Чайки»), и скромный инженер Бользен, и штандартенфюрер из разведки СС обязаны от нее отказаться, а уж советский разведчик, зная, что машины марки «Хорьх» составляют менее одного процента легковых автомобилей райха, должен ужаснуться только от одной мысли, что вму придется пользоваться ею при тайных передвижениях. Проще и для СС, и для советской разведки было бы подобрать что-то из ляти приличных модификаный «Опеля» (36.В%) или трех модификаций «ДКВ» (17,9%), «Двймлера» (9.4%), не опускаясь до «фольксвагена» фирмы «Адлер» (6,9%). С номером злосчастиого «Хорька» тоже не все в порядке. Штирлиц привинтил себе трехбуквенный номер, когда во всем рейхе были одно- ияи двухбуквенные. Как исключение, трехбуквенными были только часть дипломатических номеров, бывшие немецкими аббревиатурами названий государств (Англия, Мексика, Чили), а буква В («дубль-ве») была принадлежностью воеиных номеров СС; полиция и почта имели свои обозначения, остальные — в зависимости от территориальной принадлежности (в частности, берлинские изчинались только 1А). С номером Штирлиц явно оказался не на высоте, и потому гестаповцы проявили вполие здоровое любопытство, мотаясь за таким монстром по Берлину, но сами оказались не лучше преследуемого - отправились в погоню на машине «Вандерер», что и выдало их Штирлицу, потому что марка оказалась такой редкой (4, 4%), что даже советский разведчик, наконец, обратил внимание.

Гестаповцы доложили о сумасшедшем Мюллеру, а Штирлиц написал Борману анонимку (на машинке экспедиции РСХА во время налета) и «сунули в секретную почту. Экипажи обеих экзотических машин опять постарались перещеголять друг друга. Германия — страна с устоявшейся, единообразной системой письменного обменя. Обязательно должны были присутствовать все реквизиты: адресат, ведомственная принадлежность его, ранг, степень секретности, дата. Содержание письма должно строго отвечать на вопросы: «что?», «почему?», «сколько?», а его размер должен был быть кратным единицам стандарта — ДИН. Нелишне было бы сказать, что вся переписка НСДАП велась только на готических шрифтах, «латиница» не допускалась. А теперь стоит подумать, возможно ли при таком отношении к простой переписке что-то «сунуть» в секретную? Там, где количество писем должно строго соответствовать реестру? Возможен ли вход в помещение с такой перепиской постороннему (даже во время налета)? Равно, как и в комнату правительственной телефонной связи? Думаю, что надо честно ответить отрицательно, котя о телефонах можно поговорить поподробнее, но нижв. А пока придется констатировать, что цидульку-анонимку Борман практически не имеет шансов получить. Не надо быть немцем, чтоб знать, что за подобные отправления кто-то расписывается и кто-то комплектует их к отправке.

Отдадим должное Штирлицу, вполне вероятно, что на стол рейхсляйтера анонимку положил он сам. Больше просто некому, но факт есть факт: Борман ее получил, понял, что написавший такое никак не может быть офицером СД (почта ведь пришла оттуда!), и, вдобавок, обязательно сдепал нагоняй всем по всей ствлени подчиненности — он же был самым главным делопроизводителем нацистской

партии, — и забыл.

Однако товарищ Юстас оказался настойчивым. Он прокрался в кабину правительственной связи и набрал номер 12-00-54. Не стоило бы так рисковать. Можно было позвонить из любого автомата, потому что по превительственной связи нельзя набрать обычный городской номер абонента. Именно таким был телефон, по которому звонил Штирлиц. Но на этом его злоключения не кончились. Вспомним, как дальше: «- Борман, - услышал он в трубке низкий сильный голос». И тут Штирлиц оплошал. Не спросил имя. Ответил ему двиствительно Борман, но не заместитель Гитлера по партии, Мартин, а его однофамилец, тоже партайгеноссе, адъютант фюрера от партии (были еще от армии, СС, целых 5 управлений канцелярии), единственный, кто мог откликнуться по телефону 12-00-54 — Альберт Борман.

Советские гражданв знать это не обязаны, а вот товарищ Юстас, занимая в гитлеровской нерархии какое-никакое положение, должен был знать, кому звонит, да и как туда надо дозвани-

После таких финтов подопечного Мюллер решил присмотреть за штандартанфюрером. А тот после бомбежки в Кепенике возьми да и отвези раненую радистку Кэт в «Шариту». Безродная жена инвалида войны оказывается в самой фешенебельной клинике Берлина «Харите» («СН» по-немецки читается «Х»), где лечение было платным и стоило до 18 рейхсмарок в день. «Харите» -- самое мощное медицинское учреждение тогдашнего Берлина — состояло из более чем двух десятков институтов, клиник, поликлиник, но все они были для состоятельных людей, а радисток полагалось возить в окружную больницу Келеника на Ахенбахштрассе, 4 (тел. 64-20-11), потому что годовое пособие ее погибшего мужа было не больше 2.4 тыс. рейксмерок, что в месяц составляло всего 200 (и это без уплаты налогов, без вычета стоимости патента и при военной дороговизие продук-

Радистка понимает, что попала не туда и, сбежав, звонит резиденту прямо на дом, в Бабельсберг по телефону 42-75-41. Странно, что она дозванивается, потому что это - явно не тот телефон, иомера Потсдама-Бабельсберга все, без исключения для советских разведчиков, начинались на цифру «В». Оттуда они — радистка и резидеит - сматываются в Швейцарию на своем «незаметном» «Хорьхе», ориентируясь по дорожным указателям голубого (совсем как сейчасі) цвета. Указательные знаки с принятым в то время желтым полем по чьему-то указанию были сняты. Возможно, тут постарался сам рейхсфюрер, как шеф

На этом можно закончить адреснотелефонно-автомобильную справку, хотя сюда бы прекрасно вошли музейные похождения героя, например, встреча со школьниками в университетском музее - именно таким являлся музей природоведения, бывший не только музеем, но и одновременно четырьмя институтами: петрографическим, геолого-палеонтологическим, зоологическим, благородных металлов и самоцветов. Туда и штандартенфюрера могли не впустить, поскольку он туда инкогнито отправился, в цивильном, а уж про школьников, да вполыхах организованных, со «стукачкой»-учительницей — тем более.

Короче говоря, поиск документальности в картина Гармании тех лет по похождениям Штирлица проводить нельзя, потому что ев там просто не существует.

Теперь о месте службы штандартенфюрера. Это РСХА, имперское управление безопасности, где Штирлиц в сжатые сроки (с 12.2 по 18.3 1945 г.) «прокручивает» свои головокружительные операции. Читатель, навернов, помнит такую фразу: «Когда Мюллеру доложили, что Штирлиц идет по коридору РСХА, направляясь в свой кабинет, он на мгновение растерялся».

Было отчего! Здание PCXA сгорело при бомбежке 31 января того же года, и хожденив по пепелищу полтора месяца спустя посла пожара удивила бы любога.

Не было у РСХА и «местных» отделений. Представьте себе, что прогуливаясь по Воронежу или Одессе, вы подходите к зданию, на котором ивписано: «Местное отделение Верховного Совета СССР». Вы наверняка будете вести себя так же, как немец, узнавший про существование «местных отделений РСХА» вместо обычных подразделений СД.

Все упомянутое и в самом деле мвлочи, свидетельствующие о незивнии не то Штирлицем, не то автором Германни 1945 года. Правда, этих мелочей вполне достаточно, чтоб раз и навсегда забыть о «документальности» «Мгновений».

Но, может быть, разведчик верно информировал Центр о сепаратных переговорах? Это ведь главное, это уже история, где искажения недопустимы. Что же произошло на самом деле, когда на пороге поражения Гитлер попытался расколоть союзников?

Привлечение внимания политических кругов к инициативе Германии должна была обеспечить миссия Клейста в Стокгольм, где он вел первый тур переговоров с сионистским функционером Шторхом об освобождении 4300 евреев. Шторх поставил в известность посла США Олсона. Затем круг участников и лиц, осведомленных о переговорах детально, стал быстро увеличиваться: рейхсминистр Риббентроп, граф Бернадотт, Гиммлер, шведский банкир Валленберг, советский посол Коллонтай, Гессе. В частности, Александру Коллонтай детально ознакомил с содержанием переговоров Валленберг. Дальнейший путь информации в штирлицах не нуждался. Но внезапно звонком из рейхсканцелярии (звонил Вальтер Хевель) Риббентропу и Гессе дальнейшие переговоры были воспрещены.

С швейцарскими переговорами еще проще. О факте переговоров с Вольфом советскую сторону официально уведомили союзники, но отказали в участии представителю генштаба Красной Армии под предлогом локальности объекта переговоров (Сев. Италия). Только это вызвало подозрительную реакцию Сталина в упомянутом письме Рузвельту. Кстати, в письме Молотова, вмонтированном в «Мгновения», содержится почти полный ответ на вопрос участия Штирлица в этом деле. «Подтверждая получение Вашего письма по поводу переговоров в Берне между германским генералом Вольфом и офицерами из штаба фельдмаршала Александра...» — дальше цитировать ни к чему, потому что от «бойца невидимого фронта» ничего не осталось. Может быть, кому-нибудь жалко расставаться с наскоро состряпанной сказочкой о «глубокон достоверности», но это необходимо сделать, потому что читателю нужны не «правдоподобные» версии, а сама правда, зерна, отделенные от плевел Потому похождания Штирлица должны называться не документальными романами, а так, как они того заслужи-Майор ПРОНИН.

не тольно литературный герой

НЕО-СИЛЬВЕСТР

Кто совершил

Внезапная кончина в 1934 году в Риге великого русского певца Леонида Витальевича Собкнова вызвала в тогдашней печати многочиспенные, но лаконичные сообщения. Никому не приходило в голову искать загадку там, где ее, казалось, не было. Воспоминания, которые публикуются ниже, проливают, однако, новый свет на смерть артиста и придают этому печапьному событию неожиданно трагический оттенок. Воспримем их как версию, но весьма правдоподобную. Остается добавить, что воспоминания появились в парижском журнале «Возрождение».

И не уйдешь ты от суда мирского, Как не уйдешь от Божьего суда.

Пушки

1. Сенсации, поразившие Ригу

12-го октября 1934 года все население латвийской столицы Риги, особенно русское, было потрясено кратким официальным сообщением об убийстве главы православной Церкви в Латвии и члена Сейма — архиепископа Иоанна.

Не успело русское население прийти в себя от этой потрясающей вести, как вечером того же дия по улицам города неслись, как табун степиых лошадей, мальчишки-газетчики с оглушительными криками:

«Экстра-телеграмма: подробности загадочного убийства архиепископа и внезапиая смерть знаменитого русского певца Собинова».

Люди наперерыв требовали экстрателеграмму: иекоторые буквально вырывали из рук газетчиков печатные листки и тут же жадно пробегали глазами иапечатанное.

Эта иовость поразила и меня: ведь лишь неделю тому назад я, как сотрудник русской газеты, беседовал с архиепископом там, на даче, где он теперь зверски убит.

Но при чем тут почти одновременная смерть Собинова? Архиепископ Иоанн, по происхождению — латыш -Поммерн, из лифляндских крестьян, по окончании Рижской духовной семинарии поступил в Кневскую духовную академию, где и принял монашество. В 1912 г. — он архнерей, 36 лет, немного позже — архиепископ в г. Пензе. По прибытии в Ригу, он в 1921 г. избирается главой латвийской православной Церкви, а через четыре года он проходит по списку православных и объединенных русских организаций в Латвийский Сейм. Там я, в качестве парламентского корреспондента, впервые увидел его и познакомился с ним. Высокого роста, плечистый, умные, большие глаза с орлиным взглядом, толстые губы, слегка скрываемые большой, окладистой бородой, энергичная и даже величественная походка архиепископа невольно привлекали внимание всех.

Каждое выступление его в сейме было своего рода политическим событием и вызывало в палате депутатов много оживления, так как он был блестящим оратором и природным борцом со элом, особенно с марксистами, в которых видел ярых врагов не только Церкви, но и каждого правового государства. А в Латвин в то время марксисты, главным образом, социал-демократы, имели в сейме из общего числа 100 депутатов — 32 представителя, плюс еще 4 меньшевика и одии бундовец, всего 37 человек, весьма влиявших на политику парламента.

«Социалистическая рабочая партня», как официально именовали себя латвийские соц.-лемократы, относилась дружественно к коммунистам, и последние под их крылышком быстро развили в стране свою преступную деятельность; только благодаря правому крылу сеима во главе с крестьянской партией (Карл Ульманнс) большевикам не удалось сразу захватить власть в республике, и им пришлось довольствоваться подпольной работой и шпионажем в пользу восточного соседа, ожидавшего лишь благоприятного времени для прыжка в Прибалтику.

Пробыв несколько лет в России при господстве большевиков, архиепнскоп Иоани много претерпел там, а еще больше он видел ужасов и страданий русского народа от коммунистической власти и познал природу большевизма.

Все речи владыки в Сейме носили характер страстности, лишь только они касались марксистов (он всегда так именовал большевиков) и вольных или невольных их пособников. В речах Иоанна открывалась его клокочущая бурным гневом душа, порой, казалось мне, далекая от иноческого смнрения, но всегда правдивая и не терпящая компромиссов с безбожниками, кто бы они ни были.

Свои аргументы архиепископ подтверждал доказательствами, часто с гневом потрясая на кафедре убийственным для марксистов документом, чем вызывал на скамьях их бешеный шум и иегодующие крики.

Я невольно восторгался доводами оратора и его замечательной способиостью пользоваться тем или иным документом, уничтожающим доводы противников.

— Скажите, пожалуйста, владыка, вы не опасаетесь гнева большевиков, особенно тех, с Юрьевской улицы (сов полпредство)? — спрашивал я архиепископа в кулуарах сейма.

— А что они сделают мне, ведь я правду говорю, пусть докажут, что я не прав. Ведь я только открываю кое-какие их тайны, помните, в Евангелии от Матфея сказано, что нет инчего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узиано, — улыбиулся владыка.

Служил владыка весьма торжественно и благолепно. Величавая осанка в архиерейском облачении, мощный голос с понижением при переходе к смиренной просьбе, наконец, произиосимые трогательно и с большим чувством молитвы — все это производило на молящихся неотразимое впечатление, и они проникались глубоким, молитвенным настроением.

Часто в соборе архиепископ обличал атеистов, сеющих безбожие в стране. И эти проповеди, быстро доходившие до ушей его врагов, раздражали их. Недоброжелателей владыка имел немало, даже среди духовенства, так как он был довольно суров по отношенню к тем. кто не исполнял своего пастырского долга.

Зато среди русского населения и в Риге и в провинции архиепископа не только любили, но многие его боготворили, в чем я убедился из разговоров с ходоками и членами делегаций, приходивших к владыке как к члену сейма, с разного рода просъбами.

2. В сетях интриг и сплетен

Первую серьезную неудачу потерпел глава православной Церкви в борьбе за здание православного Алексеевского монастыря, которое в силу конкордата латвийского правнтельства с Ватиканом было передано епископу католической Церкви в Латвии. Дело в том, что католики по тому же соглашению получили, кроме того, лютеранскую церковь св. Якова, когда-то принадлежавшую католикам. Эта церковь находилась против Алексеевского монастыря, почти в центое города, рядом с сеймом.

Дом монастыря против Яковлевской церкви был предоставлен католическому епископу, товарищу председателя парламента, быв. профессору СПБ. Императорский Католической Академии Иосифу Ранцану.

Архиепископ Иоанн незамедлительно повел борьбу за Алексеевский монастырь со свойственной его могучей натуре страстностью и горячностью, но вернуть монастырь не мог. Тогда он в знак протеста отказался жить в предоставленном православной Церкви доме и поселился в подвале православного собора, что находится на центральном месте латвийской столицы — на бульваре Свободы.

Подвал был довольно сырой и вообще неприспособлен для житья, тем более для резиденции главы православной Церкви.

Там, к великому неудовольствию латвийского правительства, архиепископ Иоанн принимал и знатных иностранцев. Летней же своей резиденцией он крайне неудачно избрал принадлежащую православному приходу даухэтажную дачу, которая находилась довольно далеко от города на пустынном берегу Киш-Озера, за евреиским кладбищем. Там же владыка часто отдыхал и в знинее время. Туда неоднократно приезжал и я побеседовать с владыкой по тем или иным вопросам, касающимся русского меньшинства в Латвин (ок. 200 тыс.) и интересующим наших читателей (газ. «Слово»)

Беседовать с нерархом было большое удовольствие:

в нем сочетались русская культура и наблюдательность с латышскими трудоспособиостью и упорством, порой переходящим в упрямство. Каждый раз при моем разговоре с ним он, как римский Катон, повторял, как, вероятно, и другим собеседиикам, свое предупреждение: «На свою беду сближается Европа с этими безбожниками».

В Риге архиепископ зиал положительно всех, не только государственных людей, бывших его «однокашинков» в царское время, но и обыкновенных простых горожан.

Между тем его многочисленные враги, главным образом политические, энергично работали, сплетая вокруг него густую сеть интриг и распространяя по городу гнусную клевету, пятнающую его доброе имя не только как пастыря Перкви, но и как человека.

Кто имению занимался этим мерзким делом — трудно сказать: Рига в то время кишела советскими шпионами, международными авантюристами и вообще искателями приключений, готовыми за доллар на любую подлость.

Сначала враги архиепископа пустили по городу в виде пробного шара «слушок» о каких-то якобы «любовных утехах Кишозерского пустыиника» с одной неуравиовешенной девушкой, посещающей его на даче. Затем пошли доносы относительно денежных недочетов в кассе православного собора.

Архнепископ Иоанн, получив такое «донесение», срочно назначил ревизию денежных сумм собора, которая подтвердила правильность доноса. Отсюда ясно было, что враги владыки имели сочувствующих в самом соборе.

Справедливый и требовательный в отношении себя, архиепископ был не менее суров и даже крут к своим подчиненным, особенно к провинившимся духовным лицам. Рассмотрев дело о нехватке сумм в кассе, владыка устраннл ключаря собора, священника Зайца, запретив ему совершение треб, а затем, когда недостающая сумма не была в известный срок покрыта, направил дело о растрате церковных денег в прокуратуру.

Ободренный успехом доноса, кто-то из «доброжелателей» прислал владыке полуофициальное донесение на вопиющие непорядки в кассе Петропавловского братства, где казначеем состоял известный своим прекрасным басом протодьякон.

Ревнзия обнаружила недостачу внушительной суммы денег. И его архиепископ лишил сана и предал суду. Число врагов строгого архиепископа уже в самом кафедральном соборе увеличилось. Когда эти н другие, уже не подтвердившиеся, доносы не поколебали доверия и уважения прихожан к архипастырю, тогда тайные враги от сложных интриг перешли к помощи наемных воров и убийц.

За несколько дней до закрытия навсегда сейма (переворот Карла Ульманиса 15 мая 1934 г.) член сейма Янис Поммерн, он же архиепископ всея Латвии, выступал с кафедры сейма, не помню точно, по какому поводу.

Владыка значительно похудел: на лице его появились крупные морщины, а в глазах заметно было какое-то беспокойство. По всему видно было, что эта кампания гнусной травли врагов подточила его здоровье.

Он произнес громовую речь против вожаков крайне левых партий, ведущих, по его словам, Латвию к гибели, разоблачал их в предательской работе на пользу большевиков и снова несколько раз потрясал папкой, указывая, что в ней находятся убийственные документы, изобличающие подлую работу латышских марксистов и их пособников, даже из правого лагеря.

— Настанет день, когда вот эти документы сделаются достоянием гласности, и народ узнает виновников в его бедствиях, и он ужаснется и наполнится гневом...

Разразился небывалый скандал: социал-демократы вскочили с мест, крича «вон, вон», а некоторые из них, потрясая кулаками, грозно бросились к оратору.

Спокойно стоял архиепископ на кафедре, ожидая, когда улягутся страсти на левых скамьях. Когда, наконец,

председатель сейма водворил порядок, оратор продолжал, улыбаясь:

— Этот шум, свист и улюлюкание напомнили мне случай, происшедший со мною очень давно в одной из деревень на юге России. Однажды ночью за мной, тогда еще молодым священником, заехал крестьянин и повез меня к своей умирающей матери. При въезде нашем в одну из деревень на нас напали с яростным лаем и визгом собаки с очевидным желанием наброситься на меня и разорвать на куски. «Не бойся, батя, — сказал мие возница, — это они приветствуют тебя на своем собачьем языке».

Что говорил дальше оратор, разобрать нельзя было вследствие невероятного шума, в котором потонул даже звон председательского колокольчика.

Заседание пришлось закрыть. Эта речь была «лебединой песней» архиепископа в сейме.

3. От клеветы — к действиям

Вскоре после этого инцидента политическая деятельность архнепископа Иоанна окончилась с закрытием сейма «на время» Карлом Ульманисом, который 15 мая 1934 г. принял на себя всю полноту власти. Но таинственные враги иерарха не прекратили своего преследования, наоборот, усилили его.

В тот же год, в августе месяце, в отделе хроники местных газет появилось сообщение о неудавшейся попытке воров проникнуть на дачу архиепископа в Киш-Озере «с целью кражи», — подслеповатый старик вовремя обнаружил воров, пытавшихся перебраться в сад через забор.

Встревоженные этим происшествием прихожане собора предложили любимому архипастырю охранять его по очереди, но архиепископ категорически отказался от охраны, указав на Бога как лучшего защитника.

Но не прошло и трех недель после этого покушения «на кражу», как была совершена новая попытка злодеев проникнуть на дачу владыки: на этот раз громадного роста детина влез ночью в окно нижнего этажа дачи, но соскакивая на пол, попал в крепкие объятия самого хозяина, после чего уже сам идти к двери не мог.

- Немного помял я его, наверно он чувствовал себя, как в лапах медведя, — говорил мне, смеясь, владыка во время моего визита на следующий день после этого события.
- Куда же вы отправили этого типа, в полицию?
 Зачем в полицию? Он достаточно наказан, обещал
- исправиться и второй раз не приходить ко мне...
 Почему же вы не приобретете себе револьвера —
- ведь вас могут убить?
 Монаху револьвер?! Что вы говорите! На все Господня воля. — сказал, крестясь, владыка.
- И чего ищут у вас воры? спросил я, стараясь вызвать у собеседника прямой ответ на интересующий меня
- У бедного монаха воры хотят найти что-то другое, кроме денег и драгоценностей, ведь они прекрасно знают, что церковные деныги хранятся в более надежном месте, чем здесь на даче, среди леса и на пустынном берегу Киш-Озера... Нет, так называемые «воры» просвещенные люди и хотят у меня получить воровским способом то, чего они открыто, законным путем достать не могут.
- Так, поннмаю. Уж не документы ли так тревожат ваших недоброжелателей? — спросил я осторожно.
- Да, пожалуй, вы правы: эти самые документы марксистам и их пособникам спать не дают, а бороться с этими безбожниками — наш общий долг...

На этом кончилась моя последняя беседа с главой православной Церкви в Латвии. Архиепископ встал, просил передать привет нашей редакции и с доброй улыбкой крепко пожал мне руку, которую я уже на дворе расправлял, думая: «Ну и богатырская же рука у этого современно-

го Пересвета! Вполне поннмаю плачевное положение вора, сжатого его могучими руками...» Тут же я заметил, что никого на даоре не было: сам владыка открыл мне двери и сам закрыл их на замок. У сторожа в огороде копаинсь среди грядок две старушки-монахинн. Я поклонился им, но они даже не взглянули на меня — и я пошел к выходу мимо церковки св. Иоанна.

4. В отеле «Петроград»

«Неудивительно, что убиицы незаметно проникли на дачу архиепископа и убили его», - подумал я, стоя с экстреннои телеграммой в руке.

Ну, а теперь скорей к месту пронсшествия — на Киш-Озеро. — и я быстро вскочнл в вагон трамвая номер 12. В вагоне, где я занял место ближе к выходу, было пол-

но. Все говорили только о страшном, небывалом для Риги убийстве архиепископа.

Но какую роль в этом деле играл артист Собинов? Ведь он был найден мертвым в отеле «Петроград» через несколько часов после убийства владыки... странное совпадение, — спросил по-русски популярный на Московском форштадте врач, типичный земец из чеховских персонажен, какого-то угрюмого господина с подстриженными

Тут только я вспомнил, что от волнения я не прочел, как следует, вторую часть телеграммы.

«В самом деле, почему Леонид Собинов скончался в такой короткий промежуток времени после убниства владыки?» — спросил я себя, вынимая из кармана помятый листок. Я углубился в чтение. Вот что, приблизительно, было

«В ночь на 12 октября с. г. на даче православного архнепископа Иоанна Поммерна, что расположена на глуком берегу Киш-Озера, возник пожар. Вызванные пожарными чины уголовной полиции во втором этаже этой дачи нашли в сенях на верстаке, принесенном, видимо, преступниками из столярной мастерской православного иерарха, на снятой с петель двери обуглившийся труп архиепис-

Труп почему-то был прикреплен проволокой к этой двери на верстаке. Борода сторела. Ноги совершенно обуглились. Лицо было обезображено до неузнаваемости. На место трагического происшествия прибыли начальник угоювной полиции Тифенталь, судебный следователь по особо важным делам и прокурор г. Карчевский. Энергичное следствие по делу загадочного, зверского убийства главы православной Церкви и бывшего члена сейма Иоанна Поммерна продолжается».

Насколько помню, содержание второй телеграммы под крупным заглавием

«ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО ТЕНОРА СОБИНОВА»

пласила: «Рига, 12-го октября. Сегодня днем в отеле «Петроград» внезапно скончался в номере отеля известный русский оперный артист Леонид Собинов. Вчера певец прибыл из Германии, где он лечился в Наугейме. Артист направлялся в Москву, у нас же он остановился для свимания с супругой, пребывающей в Риге. Вызванный врач констатировал внезапную смерть, вызванную разрывом сердца. Похороны знаменитого артиста состоятся в Москве, куда тело артиста будет отправлено».

Собинов, Леонид Витальевич! — Знаменитый лирическии тенор! Его хорошо знала не только вся Россия, но он был известен и далеко за ее пределами. Билеты на оперные спектакли с его участием брались с бою. Его выступлення в дореволюционное время считались крупным художественным событием в том городе, куда он приезжал. Красивая наружность, прекрасный голос, приятные манеры н высокая культурность — до своей артистической карьеры он был присяжным поверенным — окончательно покорялн всех, кто только слышал или видел его. Количество поклонниц и поклонников Собинова соперничало с количеством «шаляпинцев», главным образом вследствие обаятельности вечно юного Собинова. Рижанам было известно, что знаменитый тенор ежегодно, проездом в Германию для лечения, останавливался в нашем городе, где жила его жена. Тут же он неизменно поздно вечером или рано утром посещал архнепископа Иоанна. По словам владыки, Леонид Собинов остался глубоко верующим христианином, исполнял свой христианский долг и много

5. В поисках тайны **убийства**

Мон воспоминания о Собинове были прерваны кондуктором, который спросил:

Вам, господин, куда билет, наверно, к месту убийства русского бискупа — к Киш-Озеру?

Правильно, а что?

— Да спешите-то напрасно: вся полусгоревшая дача бискупа оцеплена полицией — там сам прокурор и префект полнции. Доступ на дачу воспрещен даже корреспондентам газет, — сказал кондуктор, вручая мне билет.

Ну, префект-то меня знает: пропустит...

— Не думаю — даже редактора газет возвращались ни с чем... Ну и разбойники пошли нынче, а ведь часто выдавал я бискупу билеты на проезд, вот как вам, частенько ходил он метровыми шагами в свой глухой, медвежий

Доехали до конца. Я быстро сошел и направился по знакомому пути мимо мрачного еврейского кладбища, а оттуда по пустырю к озеру через редкий лесок. Недалеко от берега стоял полнцейский, который убеждал тех, кто шел на дачу архиепископа, идти обратно, так как велено никого не пропускать.

 Позвольте, я корреспондент, — сказал я полицейскому, показывая ему свою профессиональную карточку. Не помогло:

Приказано никого не подпускать к месту убниства. Делать нечего — пришлось отправиться домой ждать дальнейших официальных сообщений и вместе с тем продолжать свои частные розыски.

На обратном путн, уже в городе, я встретил нашего сотрудника Цветкова, дававшего в газеты новостн о происшествиях в столице. Он уже успел рано на рассвете побеседовать почти со всеми прикосновенными к расследованию убийства лицами. Он даже сумел, несмотря на запрещение, издали взглянуть на лежащий на верстаке труп мученнка-архиепископа. Недаром Цветкова называли королем латвийских репортеров:

Ближе не подпустили, но все же я хоть на міновение взглянул на тело архиепископа и содрогнулся: жуткий вид. Не дай Бог видеть. Но в гостиницу, где лежало тело Собинова, не впустили: там распоряжался какой-то тип из полпредства...

Все это дело не только кошмарное, но и весьма загадочное, я сказал бы — крайне таинственное, — почти щепотом прибавил Цветков.

 Впрочем, я проголодался: зайдемте к «Робежнеку», там я кое-что расскажу, все равно напечатать нельзя. сказал он, открывая дверь в излюбленный рижскими журналистами ресторан на Мельничной улице.

Несмотря на сравнительно раннее время, в ресторане было уже много посетителей, главным образом, журна-

Нетрудно было догадаться, что головы всех были заняты одной мыслью о Киш-Озерском кровавом событии. Но точного и ясного ответа не находили.

Одни основывались на свидетельских показаниях, достоверность которых некоторыми журналистами оспарнвалась, другие — на верных слухах — последние в населении ежечасно множились, -- но большинство сходилось

на том, что, судя по обстановке этого страшного преступления, убийцами были большевики и их пособники, среди последних называли политических врагов преосвященного Иоанна, которых он немилосердно разоблачал в сейме.

Другне журналисты находили, что в устраненни его были заинтересованы лица, прикосновенные к растратам церковных сумм, отданные архиереем под суд. Третьи уличали в невольном пособничестве внезапно скончавшегося в отеле «Петроград» артиста Собинова: убийцы, говорили они, знали, что набожный артист поздно вечером посещал владыку. В роковой вечер чекисты проследили артиста, н, когда он находился на крыльце киш-озерской двчн в ожидании появления владыки, - последний лично открывал дверь, — злоден, как только появился хозянн дачи, выскочили из засады, оттолкнули Собинова в сторону и ворвались в дом, где и совершили свое гнусное дело. Некоторые к этой версин добавляли, что часть чекистов прибыла к даче озером на моторной лодке, а часть чекистов будто бы привезла на автомобиле к даче артиста — эта версия была сразу же отброшена как не имеющая солидных свидетелей. Наконец, третьи подтверждали официальное сообщение о том, что Собинов скончался от разрыва сердца в отеле, откуда он по приезде из Германни не выходил. Умер же он внезапно, узнав о страшной смерти любимого им архипастыря.

Хотя достоверность этой версии ослаблялась отказом полпредства судебным властям в просьбе вскрыть тело умершего артиста, она казалась наиболее вероятной.

«Ворвавшись в дом, преступники прежде всего набросились на владыку и после отчаянной борьбы связали свою жертву, переправня ее наверх. Одновременно другие злодеи перерезали все провода и действовали спокойно до рассвета.

Затем они замучилн архиерея и подожгли дачу, чтобы замести следы этого злодеяния. И если бы сосед, живущий недалеко от места преступления, случайно заметившни пожар, не сообщил в пожарную команду о пожаре, мы все даже не подозревали бы об ужасном преступлении на архиеренской даче», — закончил Цветков свой рассказ журналистам.

Все были потрясены дьявольским планом преступников. Старый и опытный журналист, редактор близкой к правительству газеты, призывал к сугубой осторожности при даче материала в газеты, так как в данном случае заинтересован «наш великий восточный сосед» и он может причинить нашему правительству большие неприятности. «Вероятно, не сегодня-завтра нашн власти выявят свое отношение к информации по этому крайне загадочному делу», — сказал он, прощаясь с нами.

Покинули мы ресторан в подавленном настроении.

Цветков и я, не стовариваясь, повернули к набережной Двины. Погода была чудесная. С реки тянул приятный прохладный ветерок. Мы прошлись по Замковой площади мимо Петроградской гостиницы в надежде что-нибудь увидеть или узнать о причинах смерти Собинова, потому что мы весьма сомневались в официальной версии кончины выдающегося артиста. Таких, как мы, якобы прогуливающихся, оказалось довольно много, но и полиции, тайнои и явной, было немало.

Все попытки Цветкова, лично знакомого с чинами угрозыска, получить новости не дали результата. Мы видели несколько чинов из полпредства, которые с озабоченными лицами свободно входили в отель. Видели даже, как доставили из похоронного бюро гроб для Собинова, но больше ничего не узнали. Делать нечего: простились друг с другом и пошли по домам.

Утром на следующий день все редакцин Латвии получизи из Министерства внутренних дел предложение по делу об убийстве архиепископа Иоанна Поммерна печатать лишь официальные данные, исходящие от прокуратуры.

Сообщення же эти были приблизнтельно следующего содержания:

«Следствие по делу об убнистве архиепископа Иоанна энергично продолжается под руководством прокурора. Пока, однако, на следы преступников напасть не удалось».

Через день или два состоялся, по требованию полпреда. перевоз тела Собинова в здание советского полпредства. а оттуда на вокзал для отправки его в Москву. Несмотря на то, что предварительного сообщения об этом в газетах не было опубликовано, а наоборот, в полпредстве день и час перевоза останков певца храннли в строгом секрете, - все улицы, по которым дангалась траурная процессия, были запружены народом.

Пошел и я отдать последний долг большому артисту. И когда траурная колесница с гробом, покрытым цветами, двигалась мимо меня, мне думалось, что смерть владыки оборвала жизнь того, тело которого так поспешно везут в Москву.

Позади колесницы шли вдова, родственники, знакомые и несколько чинов полпредства...

Как только из отеля «Петроград» вывезли тело Собинова и сняли дежурный наряд полиции, туда хлынули корреспонденты газет. И вскоре «из уст в уста» передавали не для печати слух, что полпредство, от имени которого распоряжался какой-то «рыжий товарищ», воспротивилось требованню полицейского врача произвести вскрытие тела для установления причин смерти Собинова: «Дело, мол, ясно — разрыв сердца, таково заключение советского врача». И вскрытия трупа не произошло! Этот отказ в законном требовании полицейского врача еще более усилил в народе слухи «об отравленин» Собинова большевиками. Кроме того, стало известно, что накануне убийства иерарха Собинов имел целый ряд телефонных разговоров с полпредством, что было установлено судебным следователем из телефонной записи отельной администрации.

Через некоторое время после отправки тела Собинова в Москву, в газетах появилось официальное сообщение об отставке начальника уголовной полиции Тифенталя и о назначении на его место другого (Целенса).

Наконец, через месяц появилось новое правительственное сообщение о временном прекращении следствия по делу об убийстве архиепископа Иоанна за необнаружением преступников.

Это официальное сообщение было вместе с тем и финалом этого жуткого дела.

6. Подробности мученической смерти архиепископа

Взволнованное ужасным убийством владыки, русское население было не менее возмущено распоряжением о прекращении судебного следствия. В народе распространились слухи о жутких подробностях пыток главы православной Церкви. И эти подробности, уточняющие сухое и краткое официальное сообщение об убийстве владыки, большей частью подтвердились: ведь они, в сущности, исходили от тех нли иных участников расследования и первых свидетелей — пожарных. Один из агентов розыска. немецкого происхождения, в Германии подтвердил мне большую часть этих слухов.

И прав был покойный владыка, сославшись в разговоре со мною относительно происков его недругов на слова

«Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано» (Матфей. Х 26)

Убийц было, как предполагают, не менее четырех. Обстановка места кровавой драмы, осмотр трупа и данные, полученные после вскрытия тела архнепископа, дали приблизительно точную картнну мученической смерти архи-

Сразу же внизу, на крыльце, когда владыка открыл

входную дверь, спрятавшиеся у крыльца бандиты ворвались в передиюю и набросились на хозяина.

Борьба, судя по пятнам крови, разбрызганной по полу и стенам передней, была упорная и страшиая с обеих сто-

Виизу же, в одной из комиат, жертва, видимо, была связана и доставлена в кабинет, где происходили поиски каких-то документов, так как половицы в некоторых местах были сорваны. Всюду на полу валялись в беспорядке разные бумаги, записки, счета, вырезки из газет.

На некоторых верхиих бумагах виднелись капли крови: видимо, и здесь истязали архиепископа.

Затем несчастная жертва была доставлена по виутренней лестнице иаверх, где в глухом, широком коридоре между столярной мастерской (владыка столярничал) и другими комнатами, видимо, и происходила пытка.

Там, на верстаке, принесениом из столярной, прибывшие в два часа ночи пожарные обнаружили обгоревший труп мученика, привязанного проволокой к сиятой с петель двери. Проволокой же на всякий случай была палачами заделана с наружной стороны выходящая на лестницу дверь.

Какие страшные пытки претерпел архиепископ, видно из следующих двиных осмотра трупа: обуглившиеся ноги от первой струи воды, пущениой на верстак, отвалились, в то время, как на спиие даже не сгорела кожа, а на затылке жертвы остались волосы, хотя борода сгорела.

Это доказывает, что палачи пытали огием несчастиого, вероятно, калильной лампой. В правом паху покойного, как гласит протокол осмотра трупа и вскрытия, было обиаружено пулевое отверстие с выходом пули вверх к позвоночнику, где она и застряла.

Выстрел в архиепископа был произведен, как полвгают, после пыток, когда жертва палачей лежала привязанной к верстаку.

Кроме того, в легких замучениого владыки были обнаружены дым и угольки — это значит, по заключению врачв, что архиепископ еще дышал, когда начался пожар.

Нашли ли убийцы у замученного и убиенного владыки то, что искали, — неизвестно: вероятнее всего — архипастырь умес свою тайну в могилу.

Через иесколько дней, в воскресенье, в Риге состоялись торжественные похороны главы православной Церкви в Латвии.

Был хороший и тихий осенний день. В кафедральный собор пропускали только по билетам. После панихиды гроб владыки вынесло из храма на улицу многочисленное духовенство при печальном песнопении и похороином звоне соборных колоколов.

Весь бульвар Свободы и широкая улица была запружены иародом. Все конное и трамвайное даижение было прекращено.

Среди коленопреклоненных прихожаи собора слышался плач. Последний долг покойному архипастырю пришла отдать, можно сказать, вся Рига. Много делегаций было не только из провинций, но и соседиих государств.

Перед вратами на Покровское кладбище получился продолжительный затор: все желающие не могли попасть на кладбище.

Позже над могилой архиепископа Иоаниа была воздвигнута красивая в византийском стиле часовня с мозанчной иконой св. Иоанна, как память от паствы о мученике-архипастыре Иоанне, борце за христианство, который, как добрый пастырь, положил мученически душу свою за овен своих.

Мучительные вопросы, — кто же убийцы и почему при всех переменах режима в Латвии никто из правителей не идет навстречу общественному мнению возобновить по этому страшному делу так неожиданно прерванное след-

ствие или, по крайней мере, опубликовать материалы последнего, — терзали умы миогих верующих.

Не прекратились эти вопросы и во время заиятия Риги большевиками. Были даже такие наивные люди, почитатели убиеиного иерарха, которые намеревались перед советскими властями возбудить вопрос о возобновлении этого дела, но юристы разъяснили им вовремя неуместность и даже опасные последствия подобной попытки при известиом всем отрицательном отиошении большевиков к духовеиству и к религии (тогда весьма осторожно выражались).

В 1941 году в коице июия немцы, в свою очередь, заняли Ригу. Они, между прочим, назначили комиссию для восстановления судебных учреждений, разгромленных большевиками, во главе которой поставили рижского присяжиого поверенного Б. Е. фои Нольтейна. К иему обратились иекоторые русские юристы с тем же вопросом относительно убийства архиепископа Иоанна.

Этот вопрос особенно волиовал их в связи с распространившейся по городу версией, исходящей от бывших правительствениых латанйских кругов, что дело об убийстве архиепископа Иоаина было в свое время направлено на прекращение по двум причинам: первая — из-за иеобнаружения виновинков преступления и вторая — из-за иежелания властей вызвать в сердцах верующих смятение, так как при судебном разбирательстве были бы оглашены неподобающие для духовных лиц поступки иекоторых представителей духовенства, интриги и пр.

Едва ли с последней версией можно согласиться, так как большевики в таком случае, наоборот, не преминули бы воспользоваться этим следственным материалом для шумиой антирелигиозной пропаганды, даже в мировом масштабе.

Со дня этого страшного преступления прошло почти 20 лет, но оно все еще не вполие раскрыто, как не раскрыты сотни тысяч подобных жутких дел о погибших, замучениых илн таинственно исчезнувших жертвах Чека, ГПУ, НКВД или как они еще будут именоваться.

Все же я верю, что настанет время, — и оно не за горами, — когда все «сокровенное и тайиое будет явным».

Публикация ОЛЕГА МИХАЙЛОВА

Дорогие подписчики «Слова»!
Приносим извинения за то, что апрельский и майский номера журнала поступнли к вам с опозданием. Когда в нюне писалось это обращение, у нас еще не было твердой уверенности, что и последующие номера выйдут в срок. Причина — несвоевременная поставка бумаги. Редакция делает все от нее зависящее, чтобы выправить положение. Во всяком случае, мы гарантнруем, что все двенадцать номеров «Слова» вы получите в этом году, надеемся видеть вас нашими подписчиками и в 1992-м!

«Краткий курс» с Запада?

В 1989 г. российский читатель был порадован книгой «известного американского историка и политолога» Алексаидра Рабиновича. Она, как уверяют нас, «принадлажит к немногим зарубежным исследованиям, которые дают в осиовном объективную характеристику Октябрьской революции в России» и выпущена по доступной цене в полтора рубля тиражом в 100 000 экз.

Но не спеши, российский читатель, говорить «спасибо» Рабиновичу и его советским друзьям, например, Г. З. Иоффе, под чьей общей редакцией и с чьим послесловием дошла до нас сия книга. «Труд» Рабиновича — изпожение СХЕМЫ, а не честное добросовестное исследование, причем схемы умника левых взглядов, схемы нам давно известной. Пусть в «Кратком курсе» она изложена примитивно, в достославном «кирпиче» — завирально, у Роя Медведева — просто фентастически, а у Рабиновича — «в основном объективно» — какая разинца?

Что главное в книге Рабиновича? Причины победы большевиков. Что же это? Откроем книжку.

«Мир, земля, хлеб», «власть Советам», «человек с ружьем» и «партия нового типа» (стр 330—331). Полный набор! По Рабиновичу, «Ленин в Октябре» снимать можно.

Ничем не лучше и «объяснение» причин Февраля 1917 г. (стр. 14—15). Знакомые байки: переход России на военные рельсы, завершенный в 1916 г. — это, оказывается, «резкое ухудшение экономического положения»; Брусиловский прорыв и наступение на Турецком фронте — «неудачи». О «бездарности правительства» Николая II рядом с «гениями», пришедшими в Феврале, и говоритьто смешно. А вот же, говорят. И издают большими тиражами.

Схема есть схема. Для ее обоснования требуется передергивать, умалчивать и выкручиваться — короче говоря, обращаться с фактами так, как этого требуют «прогрессивныв убеждения».

Вот Рабинович (стр. 53) демоистрирует изворотливость, заявляя, что провокационные, погромные (антисемитские!) листовки, захваченные правительственными войсками в штабе большевиков в июльские дни 1917 г. (фвкт слишком известный зарубежным историкам, чтобы его умолчать), оказыввется, оставались там... «с царских времен»!

Умеет Рабинович и молчать: всех троцких-зиновьевых он упорно именует псевдонимами, не называя подлинных фамилнй. Видимо, он забыл, что в научной литературе подобная конспирация недопустима.

И в заключенив я хочу задать вопрос советскому историку Г. З. Иоффе: «О маститый редактор! Поведайте нам, поведайте миру, как могло случиться такое, что в своей книге о генерале Кориилове (Г. З. Иоффе. «Белое дело». Генерал Кориилов. М., Наука, 1989) вы на стр. 7 пишете: «... он (Кориилов. — Л. Д.) закончил Омскии ка-

детский корпус и Михайловское артиллерийское училище... поступил в Академию Генштаба и закончил ее болотой медалью», — а в книге Рабиновича, вышедшей в том же году ПОД ВАШЕЙ ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ И С ВАШИМ ПОСЛЕСЛОВИЕМ, черным побелому: «Корнилов не получил полного военного обрезования» (стр. 120). В чем же состояла эта ваша ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ!)»

л. думнов

Рабинович А. БОЛЬШЕВИКИ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ПЕТ-РОГРАДЕ. М. Прогресс, 1989

Спаси и сохрани

Эта книга о том, как на протяжении десятков лет безжалостно уничтожалась русская земля — и о том, как уничтожалась русская душа. Плач по утраченному и тщательно собранные документальные свидетельства зверского истребления святынь народа, да него самого. Хочется верить в то, что на грядущем Праведном суде над режимом эти свидетельства станут свидетельскими показаниями.

И хотя нет в сборнике ни свидетельств пострадавших в годы рапрессий, ни внализа сложных социальных и политических проблем прошлого и настоящего (к этим аспектам авторы и составитель и не стовмились), но есть в нем иное, чего так часто не хватает СОГОДНЯШНИМ «НАДОДНЫМ ВИТИЯМ» -есть живая боль раненой человеческой ДУШИ, ТОСКЛИВО МЕЧУШЕЙСЯ В КАЗАОМАНной социалистической клетке. Души, взывающей к людям и к Богу, ищущей ответы на главный, может быть, для многих авторов книги вопрос: за что же такая мука смертная, что поистине не вздохнуть ингде русскому человеку, везде его «достанут»...

Сборник открывается «Меморандумом в защиту природы», подписанным такими известными русскими писателями и общественными деятелями, как В. Белов, В. Распутин, М. Лемешев и другие. Как тут не вспомнить, что ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПОИроды, по существу, и стало первой лас-ТОЧКОЙ В ФУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗрождении. Именно эта гигантская задача — спасения земли русской — и объединила впервые не в подполье и эмиграции, а уже вполне легально писателей и ученых, деятелей искусствв и будущих политиков. Конечно, не всегда ровно и поступательно развивалось движение, знало и подъемы и спады, но оно стало вполне реальной общественной и политической силой. с которой вынуждены считаться сегодня и всемогущие ведомства, вроде Минводхоза, и институты власти, попавшне ныне в очередной «бесконечный ТУПИК», И ОВВНИТВЛИ СВЕТЛОГО КАПИТАлистического будущего.

Россия медленио, но верно встает на ноги. Потому что еще жива, не добита ее душв. Об этом — центральные произведения сборника, повести В. Смирнова-Денисова «Пешнй», М. Кострова «Жихари Полистовья», Н. Чумакова «Князь Приладожья», рассказы и лирические зарисовки Н. Коняева, В. Кречетова, недавно трагически погибшего В. Перепелки.

Авторы стремятся создать галерею ярких, запоминающихся образов своих героев — русских людей со своими, порой непростыми, противоречивыми характерами и судьбами. Среди
иих и праведники из народа, подобные
Василию Егорычу из повести В. Смирнова-Денисова, и чем-то подобный знаменитому Ивану Африкановичу В. Белова Кляпенок, с любовью изображенный в «Жихарях Полистовья», и очень
характерный кряжистый Никифор Ломовой из повести Н. Чумакова, своего
рода новый «хозяии земли русской»,
правда, советской, сталинской формации...

Различно отношение авторов к этим персонажам. Далеко не всегда оно однозначно, да и должно ли таким быть? Время литературы, скроенной по готовым клише, вроде бы прошло. Остается главное — сами эти народные типы, пополняющие, наверное, бесконечный ряд, начатый в незапамятной древности летописцами и народными сказителями.

Но немвло было и потерь. Часто невольных, а часто и таких, о которых ныне нельзя не вспомнить без горечи и раскаяния за собственные грехи «Старекощая трезво-безбожная душа томится в неясном ожидании. Ей бы высказаться и возместись под этот колокольный благовест, вместе с какими-то высокими словами, к истинным высотам духа... Но где онн, эти заветные слова? Старые забыты, новые не придуманы», — признается один из авторов сборника И. Виноградов в миниаторе, которая так и названа: «Моя молитва».

И все же эти новые слова есть. Так же, как и старыя не выпали из народной памяти навечно, и вспоминаются теперь с еще большей ясиостью и отчетливостью. Поинмание этого, наверное, и объединяет лучшие произведения, вошедшие в кингу «Рощи заповедныв», являясь подлинным свидетельством того, что она уделасы

Геннадий МУРИКОВ

РОЩИ ЗАПОВЕДНЫЕ. Сост. А. Е. Стерликов. — Л.: Лениздат, 1990

ГРАФИКА. ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА.

Вопреки забвению

За долгий этот век, сделааший

А. А. Борисов. Архаигельск, 1901 г.

забвение нормой жизни, мы потеряли, должио быть, столько, сколько не утратили за асе века предыдущей русской истории. Нам предстоит многое сделать по возвращению, прежде асего, национальных исторических, культуриых и духоаных ценностей. Творчество выдающегося русского художинка Александра Апексеевича Борисова, талантлиаого и пюбимого ученика И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, к величайшему сожапению, из этого забаенного ряда. Когда-то основатель Третьяковской галереи, ценя талант и творчество Борисова, еще лри жизни его отвел ему в своей экспозиции целый зал (!). справедливо считая, что картины этого заслуживают. Но уже в советское аремя, когда было попрано завещание Паала Михайловича Третьякова, а музейной экспозиции не осталось ин одной борисовской работы. Почему-то советские искусстаоведы [самые «сведущие» искусствоведы в мире) отнесли его к региональным художникам, а потому предоставили северянам самим заботиться о творческом наследии Борисова. Но художник одной темы и региональный художиик — суть вещи разные. Никто не называет **Айвазовского** — черноморским художинком, заслужению оценивая его маринистику. Равно и Борисов, отдав многие годы новоземельской Арктике, не может быть отнесеи пишь к живописцам северного края. Как справедливо заметил **И. Е. Репии, Борисоа** — талантлиамй художник темной арктической воды и белоснежных арктических далей. Он первым из русских жиаописцеа проинк а высокие широты и был очароваи ликом недоступной земли. Его захватили контрастные новоземельские цвета, особо проинкиовенная, оглушительная тишина... Ои почувствовал, как мало еще знвет человек о плаиете, на которой жиает. Именно от этого чувства родилась неизъяснимо таинственная живопись, которая потрясла не только Москау и Петербург, но и Европу, признаашую талант Борисова исключительным. Успех

его передвижиых выставок был ошеломляющим. Картины его открыли людям новый, неведомый мир...

Да, конечио, сегодия на Земле недоступных мест иет. Кино и телекамеры открыли иам краски самых уникальных мест. Но эта доступность никак не обесценила живолись Борисова, поскольку она не этнографическая, а художественио-таниственная, в ней есть ощущение присутствия тамиственного создателя нашей планеты, космоса и всего реального мира... Это, ложалуй, и есть главное художественное открытие Борисова...

Сегодна мы в большей степени, чем когда-либо, иуждаемся в таких открытиях. Хищиически вторгаясь в природу, варварски разрушая ее, мы разрушаем гармонию, которую еще цельио видел и живописал Борисоа. Такое, пожалуй, уж вряд ли повторится. И эти чувства художников, знавших гармонию мира и сумевших запечатлеть ее для иас, - духоаный кладезь, который необходимо постичь каждому жаждущему духовного утопения. И еще одно отрадное авление в творчестве таких людей, как Борисов. Они были совершенны изнутри, как пичиости, их таланты удиаляют разносторонностью...

Борисов оставил изм не только картины, но и кииги очерков (к сожалению, не переиздававшиеся в советское аремя), написанные летучим и певучим стилем, язык его первородиый, глвз наблюдательный, приметливый, восприятие жизни оптимистичное, участлиаое... Александру Алексеевичу Борисову исполняется в этом году 125 лет со дня рождения.

В Архангельске откроется юбилейная выставка и пройдет каучная ноиференция. Землаки задумали провести юбилейные торжества широко, гостей зазывают не только из столиц. Будем надеяться, что событие это обериется дла таорчества талантливого живописца новым открытием и мировым признаимем, чего он вполие заслуживает. без каких-либо скидок.

Арс. КУЗЬМИН

БОРИСОВ ЛЕКСАНДР

Крайний Север, с его мрачной, но мощной и тайнственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекал меня к себе. Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской губернии.

Родился я в 1868 году в деревне Глубокий Ручей Вологодской губернии, Сольвычегодского уезда, на берегу Северной Двины. Детство провел среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не покойна. Мысли мои неслись куда-то далеко, в неведомые страны на север; я думал: «Вот где простор и раздолье, вот где можно пожиты» Грамоте начал я учиться по псалтыри у крестьянина-соседа, так как школ в то время у нас не было, да и грамотных людей вообще было очень мало.

Лет десяти я был страшно болен, на выздоровление не было никакой надежды, и мон родители дали обещание, если я поправлюсь, послать меня в Соловецкий монастырь работать бесплатно на целый год. Я выздоровел н 15-ти лет был отправлен в Соловки. Там меня определили на рыболовную тоню. Это занятие мне было как нельзя более по душе, и я с величайшим удовольствием, не замечая, как быстро летели дни, скитвлся по нензведанным лесным озерам, ставил сети и ловил рыбу, или еще с большим рвением пускался в море, в лабиринт сосновских островов, и подолгу разъезжал там, слушая пение летних пернатых гостей. В юной моей голове роились тысячи прекрасных картин, дивных мечтаний.

Через год я вернулся домой, но душа моя еще больше куда-то неудержимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлечения моих юных сверстников. Они, бывало, идут по праздникам в свободное время на гулянья, в хороводы, а я запираю ручей, устраиваю пруд, ставлю туда только что сделанную модель лесопильного завода, виденного мною в Соловках, и пускаю воду. Вода вертит водяные колеса, и весь завод приходит в движение. От восторга прыгаю по зеленой траве — вот мое развлечение. Я и раньше очень любил машины (мельницы, пароходы), а теперь, после Соловок, полюбил еще больше. Сижу, бывало, стругаю что-нибудь, задумаюсь и забуду свои крестьянские работы. Придет отец, все переломает, чтобы положить этому конец. Я долго-долго плачу, соберу остатки своих построек и снова, тайком от отца, где-нибудь в пустой избе начинаю мастерить свою затею. Картин и рисунков я не видал никаких, кроме икон. Случилось, приехали живописцы расписывать Красноборскую церковь. Я пошел к обедне и впервые увидел изображение масляными красками на стене. Это меня страшно поразило; в особенности меня удивнло то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Достал я себе книжку «Родное слово» и со всею страстью юного сердца стал рисовать. Рисовал по ночам при дымной лампе, так как дием надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать редко позволяли: попусту, мол, жгу керосин, да и спать не даю.

Долго боролся я с неотступной мыслью оставить родительский дом. Наконец, 18-ти лет снова решил попасть в Соловки, чтобы там поступить в иконописную или механическию мастерскию. Иного выхода не было, так как для всякого другого учения нужны были деньги. С этой целью я достал себе тихонько от отца годовой паспорт, благодаря тому, что старшиной в волостном правлении служил мой дядя, и уговорил мать весной пойти в Соловки на недельку — поклониться святыне. Мать, не подозревая того, что у меня есть годовой паспорт, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали в Соловки, я сказал ей, что назад я с ней не пойду, что у меня есть уже и паспорт. Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Савватиевского скита о. Ионафан (ныне архимандрит Ионафан, настоятель Печенегского монастыря) и убедил мать не противиться моему сильному

Глава из книги А. А. Борисова «У самоедов. От Пинеги до Карского моря» СПБ., 1907 г. любезно предоставлена нам для публикации Архангельской научной областной библиотекой им. Н. А. Добролюбова.

стремлению. Стал я опять рыбаком в Савватиевской пустыни, а потом был взят в иконописную мастерскую, где и работал дни и ночи.

В 1885 году Соловецкий монастырь посетил Е. И. В. Великий князь Владимир Александрович и обратил внимание на мои шестимесячные успехи. Это дало мне сильный толчок и сыграло в жизни моей огромное значение. В 1886 году приезжал в Соловки добрейший А. А. Богомобов, который и вывез меня впоследствии в Петербург. В Петербурге я сначала поступил в рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств, а затем вольнослушающим в Академию художеств. В 1895 году я сдал экзамен по научным предметам и поступил в число действительных учеников Академии художеств. В 1897 году я окончил Академию и предпринял целый ряд полярных путешествий с художественными целями.

После природы родных лесов Вологодской губернии наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие, и, может быть, по этой причине меня всегда тянуло на север, хотя и до того рассказы и описания полярных путешествий не давали душе моей покоя.

Прошли годы ученья, в течение которых мне удавалось урывками побывать и на родиом Соловецком, и в Печеньге, у высокочтимого игумена Ионафана, и во миогих других местностях Мурманского побережья. Всюду со мною были краски и палитра, но этого оружия оказывалось недостаточно, чтобы даже приблизительно передать окружавшие меня картины полярной природы. Много меня ободрил дорогой Илья Ефимович Репин, который написал восторженные статын в печати о монх картинах, и мои незабвенный учитель И. И. Шишкин, который и поставил меня на твердую дорогу, заставив изучать рисунок с тою настойчивостью и вниманием, какие характеризуют этого велнкого мастера. Советы второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной новые горизоиты в смысле колорита, и я еще больше потянулся к тем необычайным красотам, которые только и могут дать летние северные ночи: то грозное, то даскающее небо и вечные странники Ледовитого океана — могучие полярные аьны.

Благодаря стечению обстоятельств и поддержке вечно мною оплакиваемого М. И. Кази, летом 1896 года я попал на Новую Землю.

Те впечатления, которые я переживал наедине с несколькими самоедами, и в смысле художественном, и в смысле скитальца по неизведанным странам, глубоко запали мне в душу, и в моей голове созрела мысль снова посетить далекий север, но уже при таких условиях, которые дали бы мне не только материал для этюдов, но и позволили произвести некоторое географическое исследование восточного побережья Новой Земли и обогнуть. если представится возможность, самую северную оконечность острова — «Мыс Желания». В голове роились мысли о местах, где когда-то бывали малоизвестные подаижники русского дела: Савва Ложкин, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и проч., и брала досада, что рядом с этими священными для всякого русского именами приходится встречаться на искони русском побережьи с именами разных иноземных путешественников, по большей части лично одушевленных корыстными чувствами. Хотелось дополнить хотя бы в слабой степени географические сведения о наиболее для нас интересных местах Новой Земли и привлечь к ней внимание общества.

Но главная задача моя была художественная: мне хотелось написать целую серию картин и показать всему свету те необычайные красоты загадочного полярного мира. Мне хотелось похитить его молчаливую тайну и поделиться ею с другими широкими кругами. До сих пор созерцали этот таинственный волшебный мир только одии путешественники, которые нередко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красиво, иногда увлекательно!. Но разве можио передать

пером эту дивную сказку заснуащей или, быть может, навеки умершей природы. Можио плакать, молиться, стоять на коленях перед этим дивиым творением Бога, но написать невозможно!..

К счастью, мон начинания встретили могущественную поддержку в лице министра финансов С. Ю. Витте. Этот человек верил мне; он представил меня Императору... И впоследствии все мои силы направлены были к тому, чтобы не было стыдно ему за меня. Это заставляло меня ниогда пробиваться с риском для жизни — голодать мерзнуть во льдах, но я всегда помнил и всегда неуклонно двигался к цели. В то же время на работы мон обратил внимание человек с именем, известным всей художественной России, безвременно скончавшийся П. М. Третьяков. Удачная продажа ему для его Московской галереи первой серии моих новоземельских этюдов и большой картины, бывшей на конкурсной выставке в Академии художеств 1897 года, вместе с шедрой субсидией Государя Императора, позволили мие приступить к осуществлению давно лелеянного плана, но те же исключительно благоприятиые условия возлагали на меня и большую ответственность — хотелось сделать все, что от меня ожидают и что я сам себе предначертал. Пожалуй, это не сбудется, но, по крайней мере, совесть моя будет спокойна, что я сделал все, что было в моих силах и в моем умении.

«Верные, как зеркало, картинки»

Из переписки А. А. Борисова и П. М. Третьякова

Художник-пейзажист Александо Алексеевич Борисов (1866-1934), ученик И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, пошел в русское искусство в конце ХІХ века, с 1896 г. он активно участвует в академических выставках, а в 900-е годы с персональными выставками он посетил все европейские центры искусства — Вену (1905), Прагу (1905), Мюнхен (1905), Берлин (1906), Гамбург (1906), Кельн (1906), Париж (1906), Лондон (1907)... Петербург (1914). Печать того времени (немецкая, чешская, французская, английская, русская) пестрила рецензиями и от-КЛИКАМИ НА ЭТИ ВЫСТАВКИ.

Из отечественных критиков о нем писали С. Н. Дурылин, В. А. Гиляровский, В. В. Розанов, Н. И. Кравченко...

А. А. Борисов занял прочное место в отечественном искусстве рубежа X1X и XX веков как художник Крайнего Севера, как пионер и новатор в области живописного освоения полярной темы. Его интерес к изображению природы Крайнего Севера не был эпизодом, как, скажем, для В. А. Серова и К. А. Коровина, посетивших Мурман двумя месяцами позднее Борисова, - он прошел через всю творческую жизнь художника, начиная с академической юности и до конца дней. Наиболее известные работы этого цикла: «В области вечного льда. Лето» 1897 (ГТГ), «Весенняя полярная ночь»

1897 (ГТГ), «Весенняя ночь на Мурмане» 1896 (ГТГ)...

На осенией академической выставке 1896 года Павел Михайлович Третьяков приобрел почти все этюды Борисова, тогда еще ученика Академии. По этому поводу в письме М. В. Нестерова от 29 ноября 1896 года к Е. М. Хруслову (1861—1913, художиик) говорится: «Третьвков купил у молодого акедемиста Борисова 56 этюдов «Полярная страна» (Новая Земля), из них до 20 действительно интересны».

В 1897 году Третьяков снова приехал в Петербург и 10 сентября побывал в мастерской А. Борисова (см. А. П. Боткина «П. М. Третьяков», М., «Искусство», 1960, стр. 292) и опять купил несколько работ художника.

Когда же Борисов собрался в «испытательную экскурсию» (декабрь 1897 г.) — тек ои называл свою по-ездку в Большеземельскую тундру и на остров Вейгач, — то Павел Михейлович, узнав об этом от самого художника, сказал, чтобы он никому не по-казывал своих новых ребот и вез их прямо к нему, — купит.

После такого успеха у Третьякова многие молодые художники пережили чувство обойденности и, прямо скажем, зависти к Борисову. Зависть сопровождала Борисова многие годы. Об этом он писал и сам: «Я умру, уляжется ко мне зависть...»

П. М. Третьяков купил у А. Борисова 65 работ, образовавших специальный полярный зал № XXII.

Начавшаяся в 1896 году переписка Борисова с Третьяковым продолжалась до кончины Павла Микайловича в конце 1898 года.

В рукописном отделе ГТГ хранятся девять писем Борисова к Третьякову. Первое письмо здесь цитируется по черновику, хранящемуся в отделе рукописей ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), ф. 676 оп. 1 № 34.

27 ноября 1896 г.

Добрый Павел Михайлович! Письмо Ваше я получил еще 24 ноября, а выставка наша закрыпась только вчера 26 ноября.

Отвоевать из проданных ранее этюдов удалось только один с Оленем № 35, а два других я не мог, так кек владельцы их ни за что не соглашаются уступить; один, тот, который купил этюд Полярной ночи № 25, говорит, что он купил по поручению из Москвы и что он уже об этом известил в Москву и описал сюжет, а потому он не может согласиться на предложенные условия написать ему повторение или картину, хоть бы и в большем виде.

...Что касается этюдов, Вами приобретенных, то Вы, Павел Микайлович, пожалуйста, не беспокойтесь, все будет приведено в полный порядок и сделано все превосходно. На «Птичьем базаре» напишу птиц. Остаюсь с глубоким почтением к Вам

А. Борисоа.

Из контекста видно, что Третьяков, отобрав этюды для галереи, сделал ряд замечаний и хотел, чтобы художник довел их до того уровня совершенства, какой был необходим ему, покупателю.

С.-Петербург 1896 9 декабря Добрейший Павел Михайлович!

Простите меня, что я так долго не отвечал Вам, но дело в том, что я до сих пор не мог узнать адреса того господина, для которого куплен мой этюд, об котором Вы просили узнать, так как некто Траншель (по-видимому, Гентих Генрихович, ученик академии. -Н. Б.), с которым я вел переговоры по поводу уступки этюда, выехал в Москву, и мне удалось только после долгих трудов и ожиданий узнать, для кого в Москву куппен этюд. Вот его адрес: Москва, Покровка, угол Яковлевского и Лямина переулка или второй — Кузнецкий Мост, контора чайного магазина Попова — Алексей Никопаевич Изгарышев.

Почти все дела идут к концу, и я думаю, что скоро буду в состоянии отвезти эткоды, за исключением некоторых, о которых мы говорили Сергею Сергеевичу Боткину (зять Третьякова. — Н. Б.). В настоящее время делаю повторение для господина Быкова (видимо, сын петербуртского собирателя Николая Дмитриевича Быкова (1812—1884), коллекционер. — Н. Б.), который оригинал уступил для Вас.

Все этюды моих товарищей, которые Вы изволили приобрести, уже у меня.

Остаюсь с глубочайшим почте-

А. Борисоа.

В письме речь идет об этюде картины «Весенняя полярная ночь» (ГТГ), который А. Н. Изгарышев подарил галерее в 1897 году.

А под «этюдеми моих товерищей» подразуменаются этюды Н. К. Рерижа «Гонец. Восстал род на род» (ГТГ) и Ф. Э. Рушица «Ранней весной» (ГТГ).

С.-Петербург 1897 февраля 8

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Простите меня, что я задержал Вам ответ на Ваше письмо, в котором Вы просили сообщить название этюда, бывшего у Изгарышева, но дело в том, что я на несколько дней уезжал из Петербурга...

Этот этюд я бы назвал «Весенняя полярная ночь», хотя там уже есть такое название, но это ничего не значит

Про мои этюды с Севера очень лестно написал И. Е. Репин в одной газете, издаваемой в Тифлисе, «Кавказ».

К выставке приготовил две картины, и когда Вы, Павел Михайлович, будете на выставке, то прошу обратить Ваше внимание.

Остаюсь с искренним к Вам вни-

А. Борисов.

Деиствительно, в январе 1897 года в газете «Кавказ» И. Е. Репин писал: «Прошлую весну, лето и зиму один из учеников вкадемии, уроженец вологодского края А. А. Борисов предпринял давно желанную им экскурсию на Север, который он любит и понимает. Норвегия, Мурманский берег и особенно Новая Земля, на Ледовитом океане, привлекли его воображение. И там, несмотоя на все невзгоды, лишения, холод, голод и темноту, при всех неудобствах, он сделал около 150 этюдов этого ужасного края. Это все превосходные и верные, как зеркало, картинки, строго нарисованные и необыкновенио правдиво написанные. В них ярко выразилясь любовь этого русского Наисена к черной воде океана, с белыми льдинами, свежесть и глубина северных тонов, то мрачных, то озаренных резким светом низкого Солица. Горы, наполовину покрытые снегом во время свмого жаркого лета, берега, дали, лодки, самовды в оленьих шкурах и проч. предметы, все это дышит у него особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой правды. Коллекцию его приобрел П. М.

Нельзя не приветствовать такой своеобразной силы в стенах академии художеств, где столько лет попадавшие сюда юноши нивелировались устарелыми традициями посредственной коллегии руководителей».

Третьяков для Московской галереи.

Цитируется по книге «Воспоминания, статьи и письма из заграницы И. Е. Репина» С.-Петербург, 1901, стр. 252.

Упоминаемые в письме две картины — это «В области вечного льда. Лето» и «На моржа», первая находится в ГТГ, а местонахождение второй — неизвестно.

С.-Петербург 6 марта 1897

Добрый Павел Михайлович! Напрасно Вы беспокоитесь относительно той акварели работы Александра Николаевича Бенуа. Я в тот же день, когда Вы сказали, говорил Альберту Николаевичу (Бенуа) об этом и просил заведующего на выставке продажей отметить, что акварель № таиой-то при-

обретена Вами. Она стоит 100 руб-

С истинным почтением преданнейший Вам

А. Борисов.

С.-Петербург 1897 апреля 25

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Академическая выставка картин закрывается в воскресенье 27 апреля, и я сейчас же по закрытии ее пойду к господину Фельтену (петербургский комиссионер Ю. М. Фельтен. — Н. Б.), как мы и условились, и скажу ему, чтобы он взял картину мою, приобретенную Вами, и отправил ее в Москву.

Получили ли Вы четыре этюда, которые я еще до праздника Св. Пасхи оставил у Сергея Сергеевича для того, чтобы он переслал бы Вам. Интересно, понравился ли Вам мой этюд, взятый Вами в последний раз бывши у меня и решили ли Вы его оставить у себя? Деньги за картину Вы опять, будьте так добры, перешлите на имя Сергея Сергеевича для передачи мне.

С глубочайшим почтением к Вам

А. Борисов.

О какой картине и каких конкретно этюдах идет речь, сказать трудно.

С.-Петербург 1897 23 ноября

Добрейший Павел Михайлович! На днях в мастерской у меня был И. Е. Репин. Мы, между прочим, говорили относительно моей большой картины, свободна ли она? Я ему сказал, что мы с Вами еще пока не сошлись, тогда он мне сказал, чтобы я написал Вам письмо, что я уступил бы картину за

3 000 рублей. Глубокоуважаемый Павел Михайлович, если Вам будет угодно приобрести картину мою за 3 000 р., то я готов Вам уступить ее за эту цену. В ином случае я стану ее считать свободной и буду ждать покупки Академией в конце выстав-

С искренним почтением, Ваш покорнейший слуга

А. Борисов С.-Петербург, Тучковвя ивбережная 10 кв. 42.

В письме речь идет о большой картине «В области вечного льда. Лето», которую Третьяков купил чуть позднее, она и ныне находится в Третьяковской галерае.

27 новбря 1897

Глубокоуважаемый и добрейший Павел Михайлович!

Академия давала мне поездку (заграничную. — Н. Б.) и брала картину бесплатно. Здесь, во-первых, нравственное удовлетворение и, наконец, я вполне мог рассчитать на продление пансионерства еще хоть, по крайней мере, на год, и таким образом, я получил бы 4 000 р. и громадное нравственное удовлетворение.

Павел Михайлович, будьте снисходительны, и поймите мое положение, ведь надо мной будет смелться академия, да и товарищи, это отчасти и теперь уже заметно. Если Вы будете так добры и дадите 2 500 р., то тогда не буду казаться смешным, и Вы, таким образом, снимете это пятно: бог его знает, послали бы еще на второй год, но я получил бы 2 500 р. и не обязан отдавать отчета, вот какой был бы предлог в мое оправдание.

Вы были ко мне все время так добры и оказывали мне большую нравственную поддержку, и Вам, а не Академии, обязан я.

Прошу и теперь Вас не оставить меня.

Преданный Вам А. Борисов.

После этого торга Третьяков купил картину «В области вечного льда. Лето», но это было уже в 1898 году на 17-й Периодической выставке. Так в его галерее образовался зал № 22—зал полярной живописи, в котором было развешено 65 полотен А. Борисова.

Зато ныне не только не существует подобного зала в ГТГ, но нет и ни одной работы Борисова в экспозиции!

Архвигельск 98 12/1

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Возвращаю Вам с большой благодарностью сто рублей и поздравляю Вас с Новым Годом, и от всей души желаю, чтобы Новый Год принес множество счастья!

Павел Михайлович, как Ваша Периодическая выставка, что говорят вообще и, в частности, про мою картину? Вот если бы Вы были так добры, прислали мне газетные рецензии, я бы Вам был бесконечно благодарен. Пришлите мне все худое и хорошее, не бойтесь, Павел Михайлович, меня теперь, что называется, пушкой не прошибешь!

Вчера приехал в Архангельск и, бог мой, как здесь скучно! Все занесено снегом, все обезображено страшными выогами... Теперь уже перебрался из шубы в малицу и прекрасно себя чувствую. Мороз в Архангельске 30° с лишним.

Готовый к Вашим услугам **А. Борисов.**

Упоминается 17-я Периодическая выставка картин Общества любителей художеств 1897/98 года, на которой экспонировалось две картины А. Борисова: «На моржа» и «В области вечного льда. Лето».

В Архангельск А. Борисов приехал в конце декабря 1897 года, готовясь к поездке в Большеземельскую тундру и на Вайгач. Устроив необходимые дела и формальности, он на лошади, по зимней дороге, поехал к себе в г. Красноборск (на Северной Двине) для окончательного сбора в дальнюю дорогу. Из Красноборска его путь в Пустозерск проходил по Северной Двине, реке Пинеге - деревия Труфановская и по пинежской, мезенской и печорской тайболам в Усть-Цильму. Несколько дней отдыха в Усть-Цильме и далее — дорога на Пустозерск. Следующее письмо Третьякову уже из Пустозерска.

Пустозерск 98 31/111

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Письмо Ваше, последнее, догнало меня в Пустозерске. Оно где-то долго странствовало. Бесконечно благодарю Вас за сведения по Периодической выставке и № (вырезку) газеты Р (усские) В (ведомости).

...Послезавтра, 2 апреля, отправляюсь из Пустозерска в Югорский Шар. Тундрой пройдем при всех благополучиях недель 6—7. Прожив некоторое время, я поеду по острову Вайгачу и познакомлюсь с ёго жизнью.

Остаюсь с почтением к Вам Александр Борисоа.

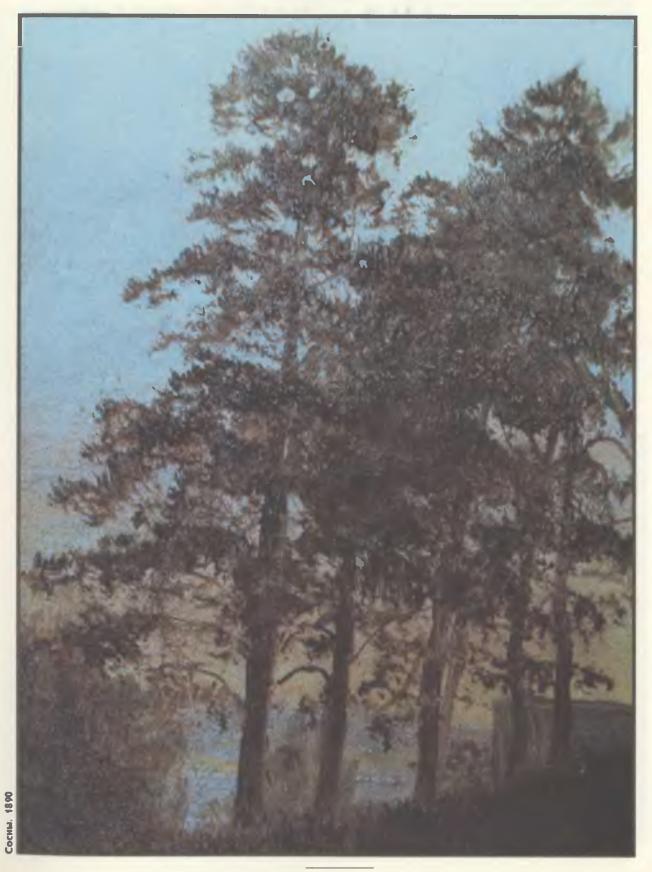
Адрес: Господину Вице-Губеривтору Дмитрию Николевичу Островскому в Архвительск, для передечи в Югорский Шар А. Борисову.

В письме упоминаются «Русские ведомости» от 21 янв. 1898 г. с рецензией на выставку

Переписка свидетельствует, с каким отеческим внимением и заботои относился к Борисову и его творчеству Павел Михайлович.

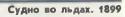
Письма А. А. Борисова к П. М. Третьякову любезно предоставлены нам Архангельским музевм изобразительных искусств с согласия племянника художника Н. П. Борисова и с его комментарием.

Цветные репродукции картин А. А. Борисова аыполнил фотохудожник Виктор Коноплеа. Мы публикуем их с любезного разрешения дирекции Архантельского музея изобразительных искусств, поскольку эти работы художника находатся а экспозиции музея и его запасниках.

Этюд с избушками. 1898

Этюд «Восточная башия Соловецкого монастыря». 1912

Залив Чекина. Новая Земля. 1901

Изображенное «дышит у него (Борисова. — Ред.) особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой природы».

И. Е. Репин

Купальни на берегу. 1890

Борисов нашел «новый ручей, никем не затоптанный, на дне которого ничьих тюбиков красочных не валяется».

Н. К. Рерих

Брак есть таинство, в котором при свободном (пред священником и Церковью) обещании женихом и невестою взаимной верности друг другу благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается и подается благодать Божия для взаимной помощи и единодушия и для благословенного рождения и христианского воспитания детей.

Брак установлен Самим Богом еще в раю. По сотворении Адама и Евы «благо-словил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28).

Иисус Христос освятил брак Своим присутствием на браке в Кане Галилейской и подтвердил его божественное установление: «Сотворивший (Бог) вначале мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27). И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью (Быт. 2, 24), так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Матф. 19, 4-6). Муж не должен самовольно оставлять жену, а жена — мужа (см. Римл. 7, 1-3). Единственная достаточная причина для развода — прелюбодеяние; но и в этом случае муж и жена разводятся не иначе, как властию самой Церкви через ее законных пастырей, т. е. тою властию, которая сочетала их: кто привязал жену мужу или мужа жене, тот только может и развязать их, ибо только апостолам и их преемникам Спаситель дал власть связывать и разрешать людей (Матф. 18, 18).

Православные праздники Дни светлой памяти

АВГУСТ

1 августа — День памяти Серафима Саровского. 6 августа — День памяти благоверных князей Бориса и 12 августа — День памяти преподобного Германа Соловецкого. 16 августа — День памяти преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца. 19 августа — ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ. 21 августа — День памяти преподобного Григория, иконописца Печерского. 22 августа — День памяти апостола Матфия. 26 августа — День памяти святителя Тихона Воронежского. 27 августа — День памяти преподобного Феодосия Печерского. 28 августа — УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. 30 августа — День памяти преподобного Алипия, иконописца Печерского.

Раздел первый

Изъяснение обрядов при бракосочетании

- І. Возлюбленные новобрачные! Священное таинство, совершившееся ныне над вами, св. Церковь сопровождает такими обрядами и молитвами, которые должиы служить для вас назиданием на всю жизнь. Поэтому, вместо всяких слов и рассуждений, достаточно указать на эти обряды, для того, чтобы понять важность священного таинства и обязанности, какие оио налагает из вас.
- II. 1. Итак, эти перстни, которые надеты на вас, суть символы вечности, чистоты и драгоценности вашего союза. Вечно оставаясь на ваших руках, они беспрестаино должны напоминать вам о ваших взаимных обязаниостях.
- 2. Эти венцы, которые были на вас возложены, указывают на величайшее достоинство брачного союза. Возлагая на главы ваши этот исключитель-

ный знак царского достоинства, св. Церковь желает этим возбудить в вас уважение, которое должно быть и побуждением, и ручательством к доброй нравствен-иости. Вы слышали слова апостола Павла, который союз мужа и жены уподобляет соединению Христа с Церковью. Итак, ежели брачиый союз так важен, что он возводит вас на степень почти царского достоинства и олицетворяет соединеиие Христа с Церковью, то захотите ли вы чем бы то ни было унизить этот высокий союз?

- 3. Далее, вы пили из одной чаши вино. Это значит, что с этой минуты вы должны всегда разделять между собой и радость, и горе, которое может случиться с вами на вашем жизненном пути.
- 4. Вы троекратно обходням с соединенными руками вокруг сего аналоя, на котором вы видите крест и Евангелие. Это изучает вас, что с этой минуты вы должны согласно и единодушно нести на себе крест Христов, разделять между собой все огорчения, несчастья и жить в законе Божием.
- 5. Наконец, во все продолжение совершения сего таинства вы много раз слышали имена Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Рахили и других патриархов, этих бессмертных образцов семейной жизни. Их представляет вам Церковь как пример для подражания. Вспомните, что отличительные черты их жизни это величавое спокойствие.

Продолжение. Начало в №№ 1-6 1991.

непоколебимое взаимное уважение всех членов семейства и воспитание детей в духе благочестия — должиы принадлежать и всякому христианскому семейству.

III. Итак, принося вам душевиое поздравление во исполнение ваших желаний, прошу Бога. чтобы жизнь ваша была именно такова, каковою она должна быть по духу святой Православиой Церкви. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ пред благословением образом жениха и невесты

І. Возлюбленные во Христе жених и невеста! Вы находитесь в преддверии семейной жизни и просите Божьего благословения и благословения родителей вступить в законный брак. И то, и другое благословение будет вам дано. Цените их и живите достойно сих благословений. Я, как пастырь Церкви. призванный от лица Церкви преподать вам Божие благословение, нахожу благовременным преподать вам нескопько наставлений, которые имеют целью оградить семейную жизнь от гибельного влияния на нее ложных мнений и обычаев.

11. Жизнь семейная на глазах наших падает, семейное счастье рушится, и самая возможность этого счасться подвергается сомнениям. Заключение супружеских союзов становится страшным по множеству несчастных браков; счастливый выбор жениха и невесты сравнивается с стучайным выигрышем по жребию; незаконные сожития, как легко расторжимые, предлочитаются законным супружествам, заключаемым с обетами вечной верности. Положение печальное. Если семейство есть основание силы и благосостояния народов и государств (чего никто не может оспаривать), то разложение семьи должно быть началом падения государств и народов. Если правильная семейная жизнь есть источник дарований и благовоспитанности молодых поколений, то с разрушением семьи надо ожидать упадка народиых сил и доблестей.

Надобно принимать меры и ставить преграды разливающемуся злу, если мы хотим спасти от упадка и истошения наш народ и от разложения наше великое государство.

Искать этих спасительных мер нам негде кроме Божественного откровения и Церкви. Призовем на помощь их спасительные наставления для ограждения наших семейств от тлетвориого влияния ложных воззрений и вредиых обычаев нашего времени.

1. Главное забтуждение относительно семейной жизни ныне состоит в том, что все ишут и жлут от семейной жизни счастья, как чего-то готового, что непременно они должны найти без трудов и усилий. Но такого готового счастья ни в каком роде и нигде нет на нашей земле: все здесь трудом добывается. В изречении бытолисателя о жизни в раю наших прародителей есть знаменательная черта, которую мы можем взять в руководство при нашем размышлении о семейном счастьи. Земной рай, изображенный в Библии, всеми признается за первообраз земного благополучия. Красота местности, первобытная сила растительности, готовые плоды для пищи, отсутствие опасностей и болезией, мир и чистая радость сердца, созерцание Создателя и беседа с Ним все это возносит иаше воображение в иной вожделенный мир, который превышает все наши обычные

понятия о земном счастьи. Но не для праздных иаспаждений поселил Бог первозданных людей в рай сладости, а дал им упражнение для первого развития их сил, повелев им «возделывать рай и хранить его». Итак, если и самый рай, для полноты счастья его невинных обитателей, имел иужду в возделывании и охранении, то какое земное состояние и какое место на земле может быть всегда готовым для нашего благополучия без возделывания и охранения?

Ныне два условия признаются прочным обеспечением семейного счастья: счастливый выбор жениха и невесты и предварительно установившаяся крепкая взаимная склонность, обещающая нерасторжимый союз в будущем. Никто не отрицает великой важности этих условий, но никто из людей, знакомых с опытом, не решится сказать, что счастливым выбором и взаимной склонностью все будущее счастье супругов обеспечено. Это рай, который надобио еще возделывать и храинть. Прежде всего под это доброе начинание нужно подвести основание, на котором зиждется истинное, т. е. разумное, сознательное, духовное счастье человека. Все увлечения нашего сердца проходят вместе с переменами, неизбежно происходящими в предметах, к которым они направлены, и в нас самих. Крвсота телесная вянет, к богатству привыкают, вкус к удовольствиям по времени притупляется; не изменяются и не слабеют только связи, составляемые на общем направлении супругов к разумио-иравственным целям. Апостол Павел говорит, что невеста «свободна выйти, за кого хочет» — как и жених волен жениться, на ком хочет — «только в Господе» (1 Кор. 7, 39). Что это значит? Значит, чтобы при заключении брачных союзов не были опускаемы из виду цели, указанные для супружества Господом: взаимное попечение супругов друг о друге во всех отношениях, но преимущественно в нравственном; умножение, согласно с Божиим благословением, рода человеческого людьми, способными силою дарований, познаний и деятельности господствовать над природою, а не смотреть на нее тупым взглядом и не жить в ней без сознания подобно существам неразумным (Быт. 1, 28); наконец, восполнение человеческих обшеств членами, способными служить благу человечества и славе Божией. Только при согласии супругов во взглядах на эти главнейшие их обязанности и при дружном их исполнении получают настоящее значение и красота, и образованность, и достаток, и взаимная любовь как средства достижения целеи или как утещения в трудах. Без этого единства убеждений является у супругов разлагающая разность во вкусах и взглядах, направление склоиностей в разиме стороны, а главное — бессодержательность и пустотв семейной жизни, которой нельзя наполнить инкакими чувственными удовольствиями. Если эта пустота и отсутствие высших целей и благородных трудов, предлежащих супругам, обнимает обе половины, то семейное счастие сгибло, и дом становится жилишем праздности, ссор и пороков как в родителях, так и в детях; если же эта иеспособность к труду семейной жизни является в одной половиие, то эта половина становится бременем для другой, и ее участь — иногда затаенное, но всегда неизбежное охлаждение и даже пренебрежение от другой стороны, как к мертвой силе, задерживающей общее дело и вредящей ему. Таково чувство, сопровождающее печальный взгляд разумного мужа на жену, бросающую без призора детей для светских удовольствий: таковы мысли жены о муже праздном и

KO

ленивом или разоряющем дом расточительностью и другими пороками. Когда равно пусты и рассеянны и муж, и жена, то их неизбежно постигает и другая заслуженная кара — потеря уважения и любви со стороны детей их.

Воображая, что счастливым выбором партии обеспечивается навсегда семейное счастие и что оно упрочивается первою склонностью, многие супруги ныне опускают из виду и то, что в первое время супружества они еще не знают ни друг друга, как должно, ни даже самих себя в новом своем положении. Только стоя близко друг к другу, как стоят супруги, и только по времени они могут изучить образ мыслей, вкусы, склониости, привычки друг друга, причем, к удивлению многих, в избраиниках сердца, вместе с достоинствами, привлекцими любовь, открываются и значительные недостатки. Обнаружение недостатков, неожиданные мысли, желания и требования поражают иногда обоих супругов, как нечто необычайное, для счастья опасное и доказывающее ошибку, сделанную в выборе. При дальнейшем обнаружении недостатков эта мысль подтверждается, и умиожающиеся столкновения, споры и размолвки, при иедостатке наблюдения за собой и снисходительности друг к другу, принимаются за доказательство, что счастье улетает, что брак не удался, что вместе жить невозможно, что нужно разойтись.

Между тем правила христианской жизни требовали от обоих супругов, при благодарности к Богу за найденные друг в друге достоинства, быть настороже и ждать обнаружения недостатков, как неизбежной принадлежности каждого человека, изучить их, отнестись к ним со всею снисходительностью, какой требует взаимная любовь, и приниматься с кротостью и терпением за исправление друг друга. Это укрепляет любовь, так как имеющий нелостаток старается утешить снисходительного друга другими лучшими свойствами своей души. Внимание к слабости и недостатку такого близкого человека. как муж или жена, возбуждает жалость к нему и утверждает в терпенин, которое само по себе есть добродетель; в этой добродетели человек, имеющий христианские убеждения, и для собственного усовершенствования обязан упражняться с ревностью и постоянством. Он не может бросить того, с кем сжился сначала первою, живою и ясною любовью. потом любовью, по слову апостола, «милосердствующей», потом любовью «долготерпящею», наконец любовью «верующею» в плоды терпения и в возможность исправления человека, которое иногла бывает и сверх ожидания, при особой помощи благодати Божией (1 Кор. 13, 4-8). По этим воззрениям истинио, честно любящие друг друга супруги не могут бросить друг друга за недостатки (если они не обращаются в преступления), иначе для них потеряется главная цель супружеской жизни — любить друг друга не с увлечением для одних наслаждений, а с самоотвержением для общего блага, времениого и вечного. В этом случае полезно вспоминать наставление св. Иоанна Златоуста: «В супружестве надо всем жертвовать и все терпеть для сохранения взаимной любви; если она утрачена — все пропало».

2. Немало вредят в наше время семейному счастию разные обычаи и предрассудки, не согласные с христианскими поиятиями о супружеской жизни. Сода мы относим: позднюю женитьбу мужчии, особенности воспитания жеищин, стремление к уличной жизни и крайнюю свободу супругов в отношении к чужим лицам другого пола.

Прополжительная колостая жизнь развивает в мужчинах не только крайнюю разборчивость в выборе себе жены, по их избалованному, а иногла и испорченному вкусу и по излишним требованиям, но и разные эгоистические привычки, не соответствующие основному закону семейной жизни, по которому супруги обязаны заботиться больше об угождении друг другу, чем личным склоиностям. Муж, привыкший до брака проводить свободное время в веселых собраниях, делает издержки из своего состояния только для себя, располагает время посвоему, — с трудом мирится со строем жизни семейной, где он обязан больше тратить для жены и детей, чем для самого себя, посвящать им свое свободное время и заботиться больше о благоустройстве своего дома, чем о своих личных удовольствиях. Все это для избалованного свободного человека становится стесиительным; он рвется из дому вон и тем дает семье испытывать оскорбительное чувство, что она для него бремя, и переносить одиночество и как бы сиротство при живом муже и отце.

2.2. В современном воспитании девиц много крайностей, вредящих целости и сосредоточенности семейной жизни. Ныне каждая образованиая девица. забывая свое главное назначение быть женою и матерью, непременно задается какою-нибудь особою возвышенною целью, для достижения которой не только отдает все свои силы, но и изиуряет себя: быть общественною деятельницею и служилым человеком, врачом, литератором, художником, поступить на сцену — вот любимые мечты современных молодых девиц. Выходя замуж, как они часто любят говорить, вопреки своему призванию, они бредят этим призванием до старости и убивают время на бесполезное для их семейных обязанностей чтение и другие занятия, без которых не только можно бы. но и должио обойтись.

2.3. Под именем привычки к уличной жизни мы разумеем обычан нашего времени, порождаемые новым учением о необходимости всеми средствами развивать жизнь общественную, разумея под этим не совокупные труды для блага общества, а главным образом, общественные удовольствия. Сколько ныие выездов, собраний, вечеров, гуляний и тому подобных отлучек из семьи, отрывающих супругов пруг от друга и от детей, которые можно бы оставить без ущерба общественному и государственному благу. Мы много на эту мысль встретим возражений со стороны требований благотворительности, процветания искусств, общественных приличий и т. п. Но все эти благодеяния просвещения окажутся легковесными сравнительно с великими благами, которые приобрели бы семейства, если бы муж и жена все свободное от истинио обязательных выездов время сидели дома и занимались своим делом. И всякая полезная общественная деятельность потеряет и душу, и силу, и истинный смысл при упадке семейных добродетелей.

2.4. Но едва ли не самый опасный враг семейного счастья — это крайняя свобода, позволяемая имие в отношениях супругов к сторонним лицам другого пола. Стеснять мужа и жену в этом отношении почитается ныме и неблагодарным, и несоответствующим истинным поиятиям об уважении к человеческой личности, и признаком грубой ревиости, и обидным недостатком взаимного доверия и проч., и проч. Но между всеми этими правами нв свободу мужа и жены от взаимного надзора недостает самого законного — и не только права, ио и обязаимости

мужа и жены — заботиться о иравственной безопасиости друг друга Христианское учение о человеческой слабости и о силе соблазна не теряет своего значения при всех здравых поиятиях об уважении и доверии друг к другу. При иынешних героях и героинях, починающих для себя честью победы известного рода и искусство соблазнять супругов и расторгать наилучшие супружеские отношения; при современиом учении о свободе чувства; при разнообразии раздражающих чувствениость общественных удовольствий, — со стороны супругов оставлять друг друга на произвол случая, — без молчаливого, кроткого и любовного попечения и взаимного охранения от соблазное — и несправедливо, и жестоко. Точно так же неблагоразумно и допускать в свой дом в слишком близкие отношения к семье друзей под предлогом свободы и полнейшего доверия мужа к жене — и обратио. У миогих таких простодушных супругов была выкрадываема этими миимыми друзьями супружеская любовь, а все мы беспрестанию видим расторжения некогда счастливых браков, подготовленные этими дружескими отношениями.

2.5. Но общая причина современных несчастий в жизни семейной (как и во миогих других случаях) есть уклонение от уставов и правил, предлагаемых нам для сохранения семейного счастия нашею руководительницею — Православною Церковью.

Молодые люди, воспитанные под руководством Церкви при наступлении поры супружества в глубине сердца молятся Богу об устроении их будущиости и вверяют судьбу свою всеблагому Промыслу Божию.

Соблюдение священных времен и уставов Церкви относительно бдения над собою спасает их от развития страстей, ведущих к разрушению взаимиой вериости. На детей они смотрят, как на дар Божий. Дни церковных праздников и у них в доме составляют праздиики, восполияющие духовиой радостью семейную любовь и доступные по состоянию удовольствия. Питомцы такой семьи от детства до старости помнят любовь и слезы родителей, их благословения и молитвы, с каким они отпускали их в школы или ив службу, и тем оставляли в сердцах их сколько благодариости к родителям за любовь их, столько же и поучительную память об их благочестии. В таких семьях двойной союз — родствениый и духовиый — связует мужей и жен, детей и родителей двойною силою и ограждает их от всяких вредных влияний и соблазнов, приражающихся со стороны. Такое семейство и называется у св. апостола Павла домашнею Церковию (Рим. 16, 4), в той мысли, что и христианской семье, как самой Церкви, Глава и покровитель — Господь; что и она, как Церковь, живет под осенением благодати Св. Духа.

III. Благодареиие Господу, еще есть у нас такие семейства во всех сословиях, есть и память о благочестии предков даже в семействах, сбившихся с прямого пути; но что думать о тех очень миогочисленных семьях, которые отвергли все эти предания, как бесполезиую старииу? Они сами от того страдают, они возбуждают и в нас жалость и сострадание; об них мы должиы молиться, ио должны и думать, крепко думать о пресечении зла путем воспитания, наблюдения за проповедииками ложиых учений и за новыми обычаями и удовольствиями, развращающими и убивающими иашу иравствениую

Раздел второй

Конспект ИГУМЕНА ФИЛАРЕТА

ГЛАВА ХІІ

Другие эмоции. Развитие альтруистических чувств в детские годы. Христианская надежда. Упокоение сердца в Боге и ожидание будущего блаженства

Эстетическое чувство, рассмотрениое нами в предыдущей главе, является одиой из эмоций человеческого сердца. Но, разумеется, не меньше, а еще больше значения имеют для христианииа миогие другие эмоции — напр., чувства симпатии и антипатии, привязанности семейные дружеские и национальные, чувство милосердия и жалости и т. д. И, конечно, все эти возвышениые чувства должны быть развиваемы в сердце христианииа — по возможности, с самых юных лет.

Увы — этого как раз обычно и не бывает! К сожалению, во многих иногда очень и очень хороших христианских семьях жизнь поставлена так, что родители созиательно отстраняют от своих детей картины человеческой нужды, печали, тяжелых бедствий и испытаний. Такое чрезмерное оберегание детей от суровой действительности — конечно, приносит только отрицательные результаты. Дети, выросшие в тепличнои, оторванной от жизни обстановке, вырастают изнежениыми, избалованиыми эгоистами, привыкцими только требовать и получать и не умеющими уступать, служить, быть полезиым другим. Но жизиь жестоко ломает и иногда невыносимо больио наказывает таких людей, и иногда уже — с юных лет, со школьного возраста. И поэтому-то, любя детей, нужно уже с детства закалять их. А главиое: и пред глазами родителей, и пред глазами у их детей должна быть всегда одна определенная христианская цель — чтобы дети, вырастая и развиваясь телесио. развивались и духовио: становились лучше, добрее, благочестивее, отзывчивее... А для этого нужио ставить пред детьми картины людской иужды и горя и давать им возможность помочь. И тогда дети сами потянутся к добру и правде, ибо все чистое, доброе и светлое в особенности близко и родственно неиспорченной детской душе.

Те эмоции, о которых говорили мы до сих пор, включая высшие из них — жалость и сострадание, — встречаются у всех людей. Переходя теперь к чувствованиям уже чисто-христианского типа, мы остановимся на чувстве христианской надежды. Христианскую надежду можио определить как сердечное жизнениюе памятование христианина о Боге, неразрывно связанное с уверенностью в Его Отеческой любви и помощи. Человек, имеющий в сердце такую надежду, везде и всегда чувствует себя под кровом Отчим, подобно тому, как везде и всегда в физи-

ческом мире над собою видит необъятный небесный свод. И поэтому христианин, имеющий иадежду на Бога — никогда не придет в отчаяние, никогда не почувствует себя безиадежию одиноким. «Безвыходным» положение может казаться только неверующему; верующий же и надеющийся иа Бога — зиает Его близость к скорбящему человеческому сердцу, и у Него найдет и утешение, и ободрение, и помощь.

Но, конечно, венец и верщина христианской надежды — в будущем. Мы, христиане, знаем, что наш Символ веры, в котором собраны все основные истины христианства, оканчивается словами: «чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь». (Слово «чаю» означает — ожидаю, и не только ожидаю, но и надеюсь, и желаю всем сердцем, чтобы это пришло поскорее.) Итак, полное осуществление христианской светлой надежды — будет уже тогда, когда жизнь окончательно восторжествует иад смертью и Правда Божия над мирскою неправдою, Тогда «все минется, одна правда останется», говорит русская поговорка. Тогда покрыто будет всякое горе страдальцев, ибо «отрет Господь всякую слезу с очей их. и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезии уже не будет, ибо прежнее — прошло» (Апокал. XXI, 4). «И радость вечиая будет над головою их» (Исани XXXV, 10). Вот — вершина, венец и полное осуществление христианской надежды, и торжество тех, кто в земной жизни был гоним и притесняем и изгоняем — за правду Христову...

ГЛАВА XIII

Развитие воли:

I. Упражнение.
Самодисциплина.
Добрые привычки.

II. Значение принципов
в деле выработки воли.
Религия как источник
этих принципов

Остается нам теперь разобраться в вопросе о воспитании и развитии воли человека. От иаправления и силы воли более всего зависит нравствеиный характер и нравствеиная цеиность личности человека. И, коиечно, всякому понятно, что для христианина важно, во 1-х, иметь волю сильную и решнтельную, а во 2-х, иметь волю, твердо направленную ко благу ближнего в сторону добра, а ие эла.

Как же приобрести сильную волю? Ответ прост: прежде всего — чрез упражнения ее. А для этого опять-таки аналогично телесиым упражнениям нужно начинать с немногого, с небольшого. Но - начавши упражнять свою волю в чем-либо (напр., в постояниои борьбе с какой-либо своей греховной привычкой или прихотью) — уже не оставлять этой работы над собой. При этом, с самого начала, христианин, желающий укрепить свою волю, свой характер должен избегвть всякой разбросанности, беспорядочности и непостоянства в поведении. Иначе он будет человеком бесхарактериым, не представляющим из себя ничего определениого. На такого человека ие могут положиться ни другие люди, ни ои сам. А в Свящ. Писании такой человек называется тростью, ветром колеблемои.

Для каждого из нас нужна дисциплина. Она имеет

настолько важное зиачение, что без нее невозможен правильный, нормальный порядок и успех работы — напр., в школьной или в воениой жизни. Еще важнее это в жизни каждого отдельного человека, причем место виешней школьной или военной дисциплины здесь занимает внутренияя самодисциплина. Человек должеи сам поставить себя в известные рамки, создав определенные условия и порядок жизни — и от этого уже не отступать.

Заметим еще вот что: в деле укрепления воли большое значение имеют привычки человека. Мы уже видели, что привычки дуриме, греховиме — большая помеха для христианской, иравствениой жизни. Зато добрые привычки — ценное приобретение для души, а поэтому ко миогому хорошему человек должен себя именно приучать, чтобы это хорошее сделалось для него своим — привычиым. В особениости важно это в молодые годы, когда еще формируется, складывается человеческий хврактер. Недаром говорят, что вторая половина земиой жизни человека складывается из привычек, иакоплениых за первую половину этой жизни (срав. поговорку: «привычка — вторая натура»).

Против того, что сильная воля иужна человеку — вероятио, никто спорить ие будет. В жизии мы встречаем людей с разной силой воли. И часто бывает так, что человек очень одареиный, талантливый, с сильшым умом и глубоким, добрым сердцем — оказывается слабовольным и не может провести в жизиь свои планы, как бы хороши и цеины они ни были. И обратио — бывает так, что человек менее талантливый и одаренный, ио более волевой, сильный характером, успевает в жизни и, как говорят, свою лииню проводит до компа.

Но еще более важиым качеством человеческой воли является ее доброе направление — в сторону добра, а не эла. Если хороший, ио слабовольный человек может в жизни оказаться мало полезиым членом общества, то человек с сильной, ио элой — разрушительной — волей является уже опасиым; и он тем опаснее, чем сильнее его элая воля. Отсюда ясло, что крайне важиыми являются те прииципы, те основные начала и правила, которыми руководится воля человека. Беспринципный человек — иравствеиное ничтожество, не имеющее никаких нравствеиных устоев и опасное для окружающих.

Откуда же воля человека может взять для себя эти принципы — дабы действовать по ним? Для неверующего человека ответ здесь крайне трудеи да, в сущности, и невозможен, иеразрешим. Брать их из науки? Но изука, во 1-х, по преимуществу, интересуется вопросами знаиия, а не морали, а во 2-х, она сама не представляет из себя чего-то твердого и принципиально-постоянного, ибо все время расширяется, углубляется и во многом измеияется. Из философии? Но философия сама твердит нам об относительности и отнюдь не безусловной достоверности своих истии. Из жизни практической? Еще менее. Эта жизнь сама нуждается в положительных принципах, которые могли бы упорядочить и устранить из нее разиузданную беспринципиость.

Но если так трудеи ответ на поставлениый вопрос для неверующих, то для верующего человека, в особенности — для верующего христианина ответ прост и ясеи. Источник добрых принципов — Божия воля. Она открывается нам в учении Спасителя, в Его Святом Евангелии. Только она имеет в этой области безусловный, незыблемый авторитет; и только она изучила нас самопожертвованию и христнанской любви ко всем — даже и к врагам; только она да-

ла людям возвышеннейшие поиятия о христианской свободе, христианском равенстве и братстве (понятия, украдеиные у иас социалистами, коммунистами и др. врагами веры). И об истинных христианах Сам Господь сказал: «Не всякий, говорящий мие: Господи, Господи — войдет в царствие Небесное, — но исполияющий волю Отца Моего Небесного»... (Матф. VII, 21—23).

Глава XIV

Труд и его необходимость для христианина. Развлечения и самособранность духа. Молитвы, обеты и зароки как средства преодоления дурных навыков

Необходимым условием всякой деятельности человека, укрепляющего его волю, является труд. Он был заповедан Богом согрешившему человеку еще в раю: «в поте лица твоего будещь есть хлеб твой». Поэтому трудиться должен каждый из нас.

В 1-м послании к Солунянам ап. Павел о необходимости труда писал так: «Умоляем вас, братие, делать свое дело и работать собственными руками, как мы заповедали вам». А во 2-м послании он резко отзывается о тех, которые поступают бесчинно и «суетятся» — и точно формулирует свой призыв к труду: «Кто ие хочет трудиться, тот и не ешь» (эти слова также украдены коммунистами, выдающими их за продукт собственного творчества). При этом необходимо отметить еще то, что христианство никогда не разделяет труда на работу «белую» и «черную». Такое разделение часто принималось до последних лет в совр. обществе, причем к «черной» работе (по преимуществу — физическому труду) относились пренебрежительно. Христианство же требует от человека только того. чтобы труд его был честен и приносил соответствующую пользу. И с этой христианской точки зрения, человек, занимающий высокий и ответственный пост и небрежио относящийся к своим обязанностям, -- гораздо ниже свмого незначительного из своих подчиненных, если последиий исполняет свои обязаниости по-христиански — добросовестно. При этом всякий знает на личном опыте, какое отрадное удовлетворение чувствует тот, кто честио и усердио работает и какой скверный осадок остается на душе после времени, проведенного пусто и бессмыслеино...

В наши дни среди молодежи очень распространеи ложный и греховный взгляд на труд и на развлечения. На труд смотрят, как на что-то в высшей степени неприятное, как на тяжкое подневольное иго, и заботятся о том, чтобы поскорее от него отделаться — «свалить с плеч». И все свои стремления и усилия направлять к тому, чтобы как можно скорее «отдохиуть» (от чего?!) и развлечься. Есть поговорка — «делу время, потехе час». Многне хотели бы, чтобы было наоборот... Но, во 1-х, это грешно и совсем не по-христиански, а во 2-х, и самый отдых и развлечения только тогда бывают приятны и радостны, когда они заслужены предшествующим трудом. А для того, чтобы в душе не было той пустоты и рассеянности, которые так обычиы теперь — в наше нервиое, беспокойное, суетное время, — христиании должен приучать себя к самособранности. Нужно следить за собою во всех

ла людям возвышеннейшие поиятия о христианской свободе, христианском равенстве и братстве (понятия, украденные у нас социалистами, коммунистами и др. врагами веры). И об истинных христианах Сам и к какой цели направлять все свои усилия.

Говоря об укреплении воли, необходимо еще упомяиуть о тех случаях, когда человек чувствует волю свою бессильной для того, чтобы устоять против какого-либо соблазна или укоренившейся греховной привычки. Здесь он должен помиить то, что первое и основное средство в таких случаях - молитва, смиреиная молитва веры и упования. О молитве речь будет ниже; пока же только еще раз вспомним то, что даже такой могучий духовио человек, как ап. Павел, говорил о бессилии бороться с грехом и творить добро: «ие еже хощу доброе — сие творю, а еще не хощу — элое сие содеваю» (доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, — делаю). Тем более, так бывает постоянно с иами — немощиыми и слабыми. А молитва — может нам помочь, т. к. она на помощь нашему бессилию привлекает Божию всемогущую силу.

Помимо молитвы, большое значение для укрепления воли в борьбе с грехом имеют еще так наз. обеты и зароки. Обетом называется обещание человека сделать квкое-либо доброе, блвгоугодное дело — напр., помочь бедняку, построить храм или богадельию, взять на воспитание сироту (или - как часто делали наши благочестивые предки — сходить куда-либо в св. места — на богополье) и т. д. Применительно к нашим условиям, такие обеты могут состоять в следующем: если человек замечает за собой неисправиость в каком-либо отношении — мало помогает другим, ленив трудиться, мало заботится о семье и т. д., он должеи выбрать себе в этой области определенное постоянное доброе дело и исполнять его неуклонно, как свою обязанность. Зароки — это те же обеты, только отрицательного характера. В этих зароках человек дает обещание не делать того или иного греха, бороться самым решительным образом с той или иной греховной привычкой (напр., пить, курить, сквериословить и т. д.). Часто эти зароки даются торжественно, пред св. крестом и Евангелием.

Конечно, самый лучшии взгляд зарока бывает тогда, когда человек дает его на всю жизиь. Однако допускаются, и часто бывают, случаи, когда зарок дается на 1-2-3 года. Само собой разумеется, что обеты или зароки человек должен давать, взвесив свои силы, с решимостью во что бы то ни стало выполнить их — с помощью Божией. От неосторожных, необдуманных и непосильных обетов Спаситель предостерегает нас притчею о неразумном строителе башни, над которым смеялись окружающие, говоря: «Этот человек начал строить и не мог кончить»... Соответствению этому, русская пословица говорит: «Руби дерево себе по плечу», а другая дооавляет: «Не спросясь броду, не суйся в воду»... Но зато — если обет уже дан — то исполняй его непременно, призвавши помощь Божию, «не давши слова — крепись, а давши — держись ...

Продолжение в следующем номере.

Тексты публикуются по изданиям: раздел первый — Сяова, поучения, беседы и речи пастыря церкви на разиме случим. Составил по лучшим проповедническим образцам священник магистр Григорий Дьяченко. М., 1898; Троиц-кий листок. Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990; раздел второй — Игумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харбин, 1936.

Публикацию подготовил писатель Евгений Чернов.

MMTEPATYPA

СТИХИ. РОМАН. ЭССЕ

В. В. РОЗАНОВ

Сны золотые

«Час смерти Лермонтова — сиротство России» — такими словами закончил свою поспеднюю статью о великом DYCCKOM ROSTE INO REPMONTORES «Новое времв», 1916, 18 нюля] великий русский мыслитель Василин Васильевич Розанов. Восторженная оценка творчества поэта, глубокий к нему интерес — были неизменными для Розанова в теченив всей его писательской двятвльности. 27 июля нынешнего года исполняется 150 лет со дня трагической гибели М. Ю. Лермонтовв, и тем любопытией, неожиданней предстоит с высоты наших дней угол зрения другой розановской статьи о нем. Конечно, напичие а «Демоне» отголосков восточных языческих культов весьма спорный вопрос, конечно. языческие симпатии Розанова могут разделяться далеко не всеми. Тем не MEHEE, MM CHMTREM, 4TO STOT OVERK Ікак и большинство сочинений Василия Васильевича), благодаря острой, порой парадоксвпьной постановке аажнейших проблем религии и культуры, представляет богатейшую лищу для ума всякого человека, неравнодушного и данным проблемам. А это не так уж мало...

Статья «"Демон" Лермонтова и его древине сородичи» печатается по первой (и единственной) публикации: «Русский вестинк», 1902, № 9.

Лермонтов чувствует природу человеко-духовио, человеко-образно. И ие то, чтобы ои употреблял метафоры, сравнения, украшения — нет! Но он прозревал в природе точно какое-то человекообразное существо. Возьмите его «Три пальмы». Караван срубает три дерева в оазисе — самый простой факт. Его не украшает Лермонтов, он не ищет канвы, рамки, совсем другое. Он передает факт с внутренним одушевлением, одушевлением, из самой темы идущим: и пальмы ожили, и с пальмами плачем мы; тут есть рок, Провидение, начинается Бог. Это все тоже

Когда волнуется желтеющая нива.

ио уже переданное фигурно, образно, в драматической сцене, а не отвлечению. Помню, как еще до поступления в гимиазию и не зиая. что такое «поэт» и «поэт Лермонтов», я придумал к поразившему меня стихотворению напев и, бывало, уедиинвшись а лес или сад, пел эту песню («Три пальмы»), всегда с невыразимой грустью, как о живых и родных мие пальмах. Лермонтов роднит нас с природою. Это гораздо больше, чем сказать, что он дружит нас с нею. И это достигается особенным способом. Он собственно везде открывает в природе человека — другого, огромного: открывает макрокосмос человека, маленькая фотография которого дана во мне.

Ночевала тучка золотая На груди утеса великана:

Не остался влажный след в моршине Старого утеса. Одиноко Ои стоит, задумался глубоко, И тихонько плачет он в пустыне.

Это совсем просто. Ничего нет придуманиого. Явление существует именно так, как его передал Лермонтов. Но это уже не камень, о котором мне нечего плакать, но человек, человек-гора или гора-человек, о которой или с которою я плачу. В «Рустаме и Зорабе» есть Горный Дух. которому на время Рустем передает часть своей силы и потом берет у него ее обратио, чтобы победить сына: вот такими-то «горными духами», большими, чем самые горы. древними «Виями», одного из коих показал нам Гогольполиа поэзия Лермонтова. Возьмите «Дары Терека».

Но, склоиясь на мягкий берег. Каспий стихнул, будто спит. И опять, ласкаясь, Терек Старцу на ухо журчит...

Это совершенно человекоооразно. Это — сказка, не хуже народиых, и с такою же, как у иарода, прочною,

но уже не наивною верою, что природа шевелится, слушает, ласкается, любит, ненавидит. Все, что есть в моем сераце, есть в сераце того огромного духа ли, чудовища ли, во всяком случае, огромиого какого-то древнего, вечного существа, которое обросло лесами, сморщилось в горы, гоиит по небу тучи. Таким образом, во всех стихотворениях Лермонтова есть уже начало «демои» недорисоваиный, «демон» миогообразный. То слышим вздох его, то видим черту его «лика». Каспин принимает волны Терека только с казачкой молодой: вот уже сюжет «Демона» в его подробностях; «дубовый листочек» молит о любви у подиожия красивой чинары: опять любовь человеко-образная, человеко-духовная, между растениями; три пальмы в кого-то влюблены, кого-то ждут; караван они встречают, как брачный поезд:

Приветствуют пальмы нежданных гостей, И шедро поит их студеный ручей...

это — оживление. это раскрытие объятия невест, так жестоко обманувшихся... Тема «Лемона» неугасима у Лермонтова, вечио скажется у него каким-иибудь штрихом, строкою, невольно. непреднамеренио. Что же это, однако. за тема?

Любовь духа к земной девушке: духа небесного ли, или какого еще, злого или доброго, — этого сразу нельзя решить. Все в зависимости от того, как взглянем мы иа любовь и рождение, увидим ли в них начальную точку греха или начало потоков правды. Здесь и перекрещиваются религиозные реки. А интерес «Демона», исторический и метафизический, и заключается в том, что он стал в пункт пересечения этих рек и снова задумчиво поставил вопрос о начале зла и начале добра, не в моральном и узеньком, а в трансцендентном и общириом смысле.

Средневековые легенды полны сказаниями о таких дууах, всегда называемых «демонами», всегда обольстительных. Обольстительные девушки являются подвижникам, обольстительные юноши соблазняют подвижниц. Пушкин в

За озером в тени пубравы Спасался некогда монах...

нарисовал легкую и выразительную картниу подобных искушений. Никогда не было исследовано: почему именно возможная страсть, страсть напряженная раздвигается, однако, в представление цельного человеческого образа, в галлюцинацию необыкновенио живую, до полной веры в ее действительность и объективность. Почему страсть не остается в рамка\ физиологических, а переходит в художество, в рисовку, в лепку форм, физиологически весьма мало нужиых? Ведь голодиый просто представляет себе кусок хлеба, миску щей, едва ли сервируя стол и задаваясь вопросом, серебряной или оловянной ложкой он ел бы такой померещившийся суп. Но у отшельникоа является какой-то астартизм, роскошествование, изящество в представлениях: в галлюцинациях вдруг встают древние «боги», навсегда похороненные, — и, как описал Пушкни, иногда эти «боги» побеждают всяческие заклятия. Как для настоящих «духов», для них не существует замков, запоров. стен. Не понимаю, для чего спиритам потребовались их исключительные «духи», к тому же с такою коротенькою психологиею, когда настоящие могущественные «духи» оставили такой реальный след по себе в стольких ∢ЖИТИЯХ»?!

Начало жизни — грех. — вот философия наших времен. И что влечет к иачалам жизни, названо было в средние века «демоническим» и «демоном». «Это демоны соблазняют нас. чистых дев и чистых старцев, приобшиться к жизни, которую мы прокляли, выйдя из ее кругооборотов...»

В томительных сценах искушения, увы, не ведется никаких теологических споров: «демон» никогда и ничего не доказывает, ничего и никогда не опровергает; не поддерживает ни одной ереси, не колеблет никакого догмата. В житиях, ни в одиом, иичего подобиого не записано: он сияет, манит и влечет. Он только прекрасен и он только

тело, жиаое, блистающее. гармоничное, весеннее; одухотворенное, но без всякого перевеса «духа над материей»; без речей, или с речами не умнее спиритических. Что же это за «икс»? Он не относится ни к какому частиому, видовому. второстепенному утверждению нашей эры; он относится к кореиному ее утверждению — гробу, маня перейти от него к акту, лежащему на противоположном полюсе смерти. «Демон тепесиой красоты и привлечения» борется с богом, и уже по тому одиому, что в средиие века он был иазваи «демоном», можно заключить, что в эти века сущность святости определялась, как бестелесность, антителесность, как некоторая акосмичность, если употребить слово «космос» в древне-пифагорейском смысле «красоты», «благоустройства».

Но то, что стало «демоном» в нашей эре, до нашей эры иазывалось «богом». Всмотримся в некоторые подробности. Все древине религии были роматические: вместе с тем все они — ревльиые. От холодного, остывшего Рима до зиойной Сирин. везде солице религии составляло жертвоприношение. Через кровь жертвы человек соединялся с Богом. Что такое кровь? Бегущая жизнь, живое. творческое, безмолвиое и созидающее. Все органы тела творятся из материала крови, н кровь животного (сумма ее) есть как бы пар его образа, его же фигура, прозрачиая, дущеобразная. Избрать между Богом и собою посредником, вестииком кровь — уже значит самого Бога представаять и чувствовать не отвлеченно, но живо, кроано, а слеповательно родственно человеку. Если я пишу письмо, то посылаю его грамотному, и если в ретигию входит жертва, то непременно человек молится не понимаемому Богу, ио существующему Богу, тому, который «есть», который скажет о Себе: «Я — есть», и даже в этом, на первый взгляд странном определении, выразит свою главную сущиость. «Я была, есмь и буду» — стояло, по словам Платона, на статуе Нейт в Сансе (египетский город). С наших, уже бескровных, логических точек зрения, «я есмь» как бы выражает отрицание сомнения в бытии: «не сомиевайся — я есмь», «не ищите меня, не пугайтесь видимым отсутствием, — я есмь, существую». Между тем для народов, имевших жертвоприношения, ударение в этой формуле стояло не так: «существо я есмь», «сый я есмь», «вечно суший, живый — как жива кровь, через которую ты ко мне относишься, и живый именно в крови, вечно гонящий кровь. струящий жизиь мира, иерв мира». Живого нельзя ие бояться; это не просто сумма мнений теологов. Все древиие народы, жертвоприносившие, трепетали Бога реально, невольно, неудержимо, как и любили его сыновне, реально же. и верили ему реально, как сын не может не верить в бытие отца своего, хотя бы никогда его не видел. Где были жертвы. — теизм был реалеи и неугасим. Теперь второе наблюдение. От Греции до Вавилона, до Египта звезды были разделены на группы, обведены фигурами - животными: вот подлинные боги древности. эти небесные животные! — и дева, и козерог, и близнецы, медведица, лев, дракон. У Геродота записано, что в каждом египетском городе почиталось свое животное, так что в сумме египетских городов почиталась вся сумма известных египтянам животных. Они же приноситись в жертву, они же были брошены на небо — уже в каком-то иовом смысле. Животное — предмет почтения в храме, животиое — под ножом жреца, животное — обведениое вокруг звезп на небе, было взято вовсе не в одном смысле, но в трех разных, однако, относившихся к одной метафизической загадке. «Животное, жизнь — непостижимо, тут и земля, тут — и небо; и персть, красная глина, — и дыхание Божие; его плоть я вкущаю, но пар его, но дух его улетает в небеса, — и вот отчего я тоже и молюсь ему.» В одном атласе научной экспедиции в Египте я рассматривал рисунок красками неба: темноголубой фон — это лазурь, твердь; среди его желтые лучистые звезды — того цвета, как они видны; но каждая звезда имеет красную каплю внутри, каплю — крови! Древние представляли небеса живыми, кровавыми, туманно-животиыми, парообразнодуховными. Иначе невозможно истолковать, для чего на

рисуике центр звезды представлен пурпурно-красным. Лермонтову померещились невесты. когда таких звезд не виднт наш глаз, ничего подобного ие видит! В астрономических атласах и до сих пор вся древняя религия.

Но ведь для этого есть осиование, ибо звезды в самом деле романтичны, а любовинки все и до сих пор великие звездочеты, звездо-мыслители, звездо-чувственники. Пусть кто-иибудь объясиит, отчего влюблениые пристращаются к звездам, любят смотреть на них и начинают иногда слагать им песни, торжественные, серьезные.

Ночь тиха. Пустыия внемлет богу, И звезда с звездою говорит... --

как написал наш романтический поэт, которому мерцала любовь и в дубовом листке, и в утесе, мерцала при жизни и за гробом. Отчего, в самом деле, полководцы и солдаты, накануне битвы, накануне возможного смертного часа, не взглядывают на звезды? Звезды — кровавы, как рисовали их египтяие, а

В крови горит огонь желаний.

Между животными глубинами нашего «я», откуда как бы там ни было, во всяком случае, распускается цветок любви, и между звездами есть какое-то родство, близость, телепатическая связь, иезримая и, однако, действительная. И потому, влюбляясь в юношу, девушка параллельно чуть-чуть влюбляется в звезды, кидая из четырех взглядов три — на него, в четвертый — на них, но тоже любуюшийся, но тоже влюблениый. «Ты загляни в мое сердце, звездочка, и что там увидишь — скажи возлюблениому, шепии в ночи или нарисуй мой полный образ ему в сновидении.» Никогда ведь не было разгадано и явление сомиамбулизма (лунатизма): луна что-то показывает спящему (не в буквальном смысле, ибо глаза сомнамбулиста бывают открыты), чего никто не видит, и он следует указанию, идет, не оступается, забыв, не чувствуя весь реальный мир. А когда просыпается — инчего не помнит. То есть луниый мир и здешиий, луиные образы и здешине не имеют общего между собою инчего, не имеют моста между собою. Именио луну древние и называли «астартой», в то же время изображая ее в виде прекрасиой девственницы. И до сих пор эта «астарта» является как девственница отшельникам, и как луна — водит за собою сомиамбулистов, посылая им небесные усыпляющие пассы через столько миллионов верст. Ведь если она на душу действует, внушая ей сиы, давая образы, усыпляя, — то она действует, как гипнотизер, т. е. не только как человек, но как человек еще хитрый и могущественный. Древние дети и воскликиули: «Это — бог! это иебесиая девствеиница». Диана (в Греции), Астарта (в Финикии), Милитта (в Вавилоне), Изида (в Египте). Бог знает, в подробностях, что они думали: мы перебрасываем мостик от заметного и нам в явно бывшему там.

Религии были тогда реальные, романтические, кровавожертвенные, звездные. Они были метафизические, в противоположность только моральной, какую знаем мы. Зодиак находится во всех древиих храмах; а до чего скептицизм ие смел подступить к ним, видно из того, что молитвою «всем богам и богиням» Демосфеи начинал политические речи, а Платои окончил некоторые из своих диалогов. Представить себе речь Чемберлена, начинающуюся словом «Бог», или Спенсера, посвящающего заключительную главу трактата молитве благодарственной об окончании труда! Мы религиозио несравиенно холоднее древиих. Но если метафизика бытия составляла сущность их теизма, и святое они начинали с колыбели, то понятно, отчего храмы их были как бы прнуготовительны к любви. Египетский храм есть имитация ночи и рощи, ои полон распускающихся лилий, не в виде поддерживающих потолок колонн, но лилии — наполняющих храм, стоящих посредн его, составляющих органическую и почти главную его часть. Человек, входя в храм, входил из жаркого полудия, из рациональной сусты дня — в мистицизм иочи, в тайну сумерек, в средоточие тех пальм, в которых нашему

...кивая махровой главою, Приветствуют пальмы нежданных гостей...

Так, вероятио, входя под необъятиые своды своих рощхрамов, чувствовали и египтяие, ответно улыбаясь невестам-растениям, сочувствуя их любви, готовые сами любить, пришедшие сюда, чтобы любить. Стеиы храмов исписаны сценами материнства: везде — младенец, лица улыбающиеся, таииственные, как будто они прозрели в какую-то тайну и обрадовались этой тайие. Во всей иеобъятной египетской живописи иет ни одиого унылого лица: а уныние ведь есть печать удаления от Бога, по заключению всех времен. В вечном и никогда в человеке не умирающем чувстве любви они нашли путь к Богу, второй и параллельный жертвам. Ведь любовь — заря крови, отсвет крови, цветок из ее глубин. Мы нвблюдаем в истории, что везде, где были жертвы, чтились и звезды, а любовь считалась священным состоянием, несколько как бы вдохиовенным, иесколько как бы пророчественным. Поразительное чувство веселости и облегченности души в древнем мире, как можно думать, и происходило от того, что они, купаясь в волиах самых теплых и приятных чувств, были убеждены, что океан этих волн уже независимо от их воли катит их к Богу, к вечному «Сый», к тому, что «было, есть и остаиется». Здесь объясняется и древнее обрезание, общее евреям, финикиянам, халдеям, египтянам. Когдв Пифагор пришел в Гелиополис и стал жрецов просить посвятить его в их тайны, оии сказали, что это невозможно, пока ои ие примет обрезания, т. е. оно у иих было началом священной науки, как у Израиля началом священных судеб. Обрезаине — это вариант жертв, вариант звезд; «кровь завета», взятая из родника любви. «Аигел Иеговы («Аз есмь») сходит на младеица в секунды его обрезания», говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, ио и иеобыкиовенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиваннем, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте мир: если вы проклинаете любовь, — уж прокляните заодно и травку, и листочек, ибо ои все тоже любит, и звездочки, — ибо их любят влюблениые, а вместо прекрасных иебесных животных изобразите на тверди небесиой таблицу умножения. Но что же остаиется, кроме этой Геростратовой затеи и самодовольства глупца, утешающегося, что он плюнул на небо и плюнул на землю». От этой-то иеобходимости скалы скептицизм и не подкрадывался к ним. Начиная святое и свет с жизии, они на периферии этой категории, в нестерпимого блеска животвориых лучах помещали: «тайна», «Бог», «не вемы и трепещем», а демоническое и демона, темное и отрицательное, помещали в смерть, вечный холод, небытие. Все окружение рождения им представлялось святым; и как мы кадим усопшим, возжигаем перед ними свечи, вносим тело в храм, — со своих особениых точек зрения они кадили же и возжигали свечи перед младенцем в колыбели, перед зрелищем матери, питающей с любовью своего ребенка. Во всяком случае они были чрезвычайно счастливы, хотя бы уже потому, что в каждой семье были «боги».

Сколько богов и богины...

Все это и продолжалось до изчала новой эры. Тут вдруг один свет погас, зажегся другой. Категория правды началась с покойника. Разом хрустнули косточки «божков» и младенцев, «божков» — папаш. Изиды и Озирисы были вынесены, как погань, из храмов. А то, чего потребовали от Пифагора в Египте и о чем было сказано Аврааму: «это — завет вечный даю тебе», было объявлено ветхим, не пользующим более, неиужиым, зачеркиутым, неупотребительным. Пала древияя астрология. Любовь стала физиологической, звезды — булыжниками, животиые и растения — бифштексом и дровами. Поразительно, что с падением обрезания разом рушились: жертвоприношения, чувство иеба, священно-трепетная семья и брак, и сталв медленно и упорно угасать, погашаться любовь к летям (метафизика возникновения детоубийства). Старость, дряхлость, а еще лучше — раны, а еще того хуже гроб вызвали поток совершенно иового умиления, и образовалось другое небо, полиое другими иебожителями. Не только у евреев, но в Греции и в древней Италии, человек. прикоснувшись к покойнику, считался нечистым или «осквериенным» до конца дня: ибо в нем — жало смерти, гниение. хвастовство и самоупоение дьявола. Но все это прошло. Какой критерий перемены — этот труп! Перед иим стали воскурять фимиам, возжигать свечи, стали ему немножко поклоияться, — этого иельзя скрыть! Ибо кто уже не романтичен, — то это труп! Тумаиные образы юношей и дев, навеваемые «луною» ли «астартой», или «звездами — воинством небесным» (аыражение о звездах Библии), в объятия которых в древности радостно шли, теперь стали пугать, названы были «соблазиителями». Ведь они уводят от смерти, коренной святости, в жизнь, главный грех. Но вот что замечательно: в новой эре их столько же яаляется. И в средние века не менее было сожжено девушек из кострах за сношение с «духами» («колдуньи», «succubi» и «incubi»), сколько в древности было прославлено храмами и мифами, на Кипре, в Сирии, в Месопотамии, на Ниле. Ничего не умерло, переменились только эпитеты «злой», «добрый».

Лермонтов в «Демоие» в сущности написал один из таких мифоа. Все равио, если он инчего не знал о них. это атавизм дреаности. В древности его стихотворение стало бы священною сагою, распеваемою орфиками, представляемою в Элевзинских таинствах. Место свиданий, сей

монастырь уединенный,

куда отвезли Тамару родители, стал бы почитаемым местом, и самый «Демон» ие остался бы с общим родовым именем, но обозначился бы новым, собственным, около Адоинса, Таммуза, Бэла, Зевса и других.

До какой степени это так, можно подтвердить одним подробным рассказом Иосифа Флазия о случае, имевшем место в Риме, во времена кесаря Тиверия. Вот этот рассказ. «В Риме жила одна знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочеи, как и она. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всяднического сословия. Так как Паулину нельзя было купить подарками, то Деций возгорелся еще большим желанием обладать ею и обещал, наконец, за одно дозволенное сношение с нею заплатить 200 000 аттических лоахм (на наши деньги 50 000 рублей). Однако он был отвергиут, и тогда, не будучи далее в силах переносить муки отверженной любви, решил покончить с собою и умереть голодиой смертью. Он ие откладывал в долгий ящик этого намерения и сенчас же приступил к его исполнению. У Мунда жила одна бывшая вольноотпушенница отца его, иекая Ида, женщина, способная на всякие гиусности. Видя, что юноша чахнет, и озабоченная его решением, она явилась к нему и, переговорив с ним, аыразила твердую уверениость, что при известных условиях вознаграждения, доставит ему возможность иметь Паулину. Юиоша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм. Получив от Мунда эту сумму, она пошла иною дорогою, чем он, ибо зиала, что Паулину за деньги ие купишь. Зная, как ревностно относится Паулина к культу Изиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к иекоторым жрецам для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скреплениым деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем и остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Муиду овладеть Паулиною. Жрецы, побеждаемые громадностью суммы.

обещали свое содеиствие. Старшии из них отправится к Паулине и просил у неи разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве послвица от самого бога Анубиса, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римляике доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни и спрятанный в храме Муид вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем вошли жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис, и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумляясь иеобычайности события, но и ие могли не верить Паулине, зная ее порядочность. На третий день после этого она встретилась с Мундом, который сказал ей: «Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергиуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь иаслаждаться, а потому я прикрылся именем Анубиса». Сказаа это, юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей гнусности и просила помочь ей наказать Мунда за это чудовишное преступление. Муж ее сообщил обо всем императору («Преаиости иудейские», кн. XVIII, гл. III, 4). Жрецы и служаика были распяты, храм разрушен, Мунд отправлен в ссылку.»

Наказание — страшиое, оттого и цена была велика. Что же это такое? Миф в действии, миф с подлогом. Было злоупотребление. Но чтобы злоупотребить чемнибудь, нужно иметь то, чем злоупотребляещь. Подделать фальшивую ассигнацию можно только тогда, когда есть настоящие и когда настоящие внушают веру, имеют ход. Миф древний есть то же, что сказание о «соблазнении» а житиях, и как под вторыми есть общирная философия. была она и под первым. Что же это за философия? Да то, что Достоевский и выразил формулою: «Боги сходили на землю и роднились с людьми». Паулина — редкая из римлянок, особенно того испорчениого аремеии. Но ни ее, ии ее мужа не оскорбляет требование в храм. «Наша любовь с тобою, Паулина. — не уличная любовь, не нравы этих Мессалин. Мы возвысились в ее строгости, в ее ошущении, в вериости друг другу не только физической, но и мыслимой, и иаконец в миловидной грации, — до звезд. до Зодиака. Вот одно из зодиакальных животиых, сам Анубис (он изображался в аиде шакала, это — «созвездие Пса») спускается к нам н хочет соучаствовать нашему браку, сделать тебя небожительницею. Спеши же, спеши и радуйся!» Не это, но что-то в этом роде мелькало у древних.

Поишем аиалогий, не поступаем ли иногда так же и мы. Мы уже не умеем любить, мы уже любим, как кухарки и извозчики. Но мы мыслим, как боги (наука). И вот, эту возвышениую мысль, которая нам удалась, мы без трепета переносим в мир, возносим к Богу, не стращась что-нибудь замарать ею: «Мир мудр», — гозорим мы и не оскорбляем этим ни мира, ии нашего разума. «Небесный ум», — говорим мы о Ньютоне. Но почему наша жизнь, бытие, родники бытия и, в частности, рождение ниже мысли? Неужели рождающийся ребенок не лучше всякой книги, заключая в себе живую и трепещущую мудрость, яркую и поразительную красоту, глубину неисчислимых возможностей? Почему же бытие свое, нерв свой, роман свой тоже перенеся в мир, ие сказать: «Мир мудр и жив, мир романтичен, нервен, богат нервами, но не нашими, а утонченнейшими, сокровеннейшими, иевидимыми, ио имеющими кое-что общее и аналогичное с иашими нервами, и чрезвычайно могущественными». Ведь ум же сам по себе бессилен, песчинки не созидает, а перед нами — бытие, золотой

песок звезд в тверди небесной! Мышление нашего ума, открыв конические сечения, открыло в них вместе и круги вращения светил небесных. И в небесах геометрия! «Но также и в небесах любовь, как у Паулины и Сатурнина, но еще лучшая, еще возвышениейшая, еще глубочайшая. Кто знает, не небесные ли конические сечения родили в человеке отражение свое - мысль о конических сечениях, и ие романтизм ли небес рождает нашу малую любовь? Если так, построим храм чудесному чувству, поидем туда, чтобы удивляться, благодарить и счастливствовать »

Геродот в Вавилоне видел подобный храм. «Уцелел он до моего времени, - рассказывает отец истории. - Посредине его стоит массивная башня. Над этой башией другая — уже, и так далее до восьми. Подъем идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины, находишь там место для отдыха со скамейками. На последней башие есть большой храм, а в храме стоит большое, богато убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого кумира, однако, в храме иет. Провести иочь в храме инкому не дозволяется, за исключением одной только туземки, которую выбирает себе божество из всех жеищин. Так рассказывали мне халдеи.» Почти можно иллюстрировать строфами из «Демона»:

> Лишь только месяц золотой Из-за горы тихонько встанет И на тебя украдкой взглянет, -К тебе я стану прилетать; Гостить я буду до денницы И на шелковые ресницы Сны золотые навевать...

«Халдеи же говорят, чему, однако, я ие верю. будто божество само посещает храм и почивает на ложе. Нечто подобное таким же способом совершается в египетских Фивах, по словам египтян; и там будто бы ложится спать женщина в храм Зевса Фивского, как здесь, в храм Зевса-Бела, причем и вавилоняика, и фивянка не имеют, говорят, вовсе сношений с мужчинами. Подобно этому в Лидии в Патрах прорицательница, если только она бывает, потому что оракул там не постоянный, запирается по иочам в храм» («История», кн. I, гл. 181).

Вот как это было всемирио в религиях порядка «сыи», «я есмь»; но ведь и в самом деле, если геометрия есть в небе, почему не быть там какой-то далекой аналогии земных, физиологических, метафизических влечений?! А если там есть далекая аналогия романа, то оно может не только бросать сюда на землю и зажигать в нас любовь, но и внушать поэтам мифы, песни, стихи - подобного же сюжета, «Все, что есть в моем сердце, — есть и в небе, но огромнейшее, чудесиейшее, святейшее.» Оттого философы зовут человека микрокосмом, «малым, ио целым миром». А более дорогое слово нам говорит, что мы «образ и подобие», т. е. земной и тусклый, не проявленный дагерротия Того, Кто «есть, был и будет» вечен и не причастен смерти. Вот отчего, когда сотворился человек, то и оказалось, что «мужчиною и женщиною сотворился он», т. е. сотворился романтичным. Этого и поиять нельзя без романтизма в том, с кого сделан был дагерротип.

Публикация С. М. СЕРГЕЕВА

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

В сумерках просвещения

Наше время, как и всякое ниое, рождает свои словесные устойчивые выражения, быстро окаменевающие, становящиеся штампами и, следовательно, теряющие даже ту новизну, что вначале убеждала своей свежестью — даже если доля истины в них была невелика. А нынешияя эпоха летит такой сверхскоростной лавиной, что в кратчайший срок нам становятся очевидны пустоты и беспочвенность большинства подобных клише, еще вчера приятственных нам своим «лица необщим выраженьем». Вот одно из таких наших невольных (весней, недомыслием рожденных) и действительно вчерашних заблуждений, которое высказывалось чаше всего так: пескать какое счастье — к нам возвращаются золотые имена творцов российской духовности, долгое время бывшие в заблении и под запретом; к нам возвращаются бесценные кладези отечественной подлинной культуры. И так далее... К нам SO3BDAULBIOTCS...

Эффектно — и нелепо, неверно по самой нравственно-исторической логике. Кто к кому возвращается — блудный сын к отчему дому? или нвоборот? Согласно новоявленным клише — второе. А ведь это мы возвращаемся в святоотеческий храм веры и красоты, из которого были изгнаны либо сами себя изгнали. Это мы приходим к истинности российской, к своему Глаголу, это мы, заблудшие дети, идем на свет зажженный творцами нашей словесности и филоссфии, идем сквозь застоявшиеся потемки обскурантизма и чужебысия и поражаемся: какне ясные и точные ответы находим мы при этом свете, рожденном многие десятилетия, а то и века назад. ответы на те болевые вопросы, что рождены нашим часом. и мы поражаемся тому, как пламя старинных свеч духовных убивает и разгоняет соблазнительные химеры и призраки, восходящие из испарений нашей сиюминутности, из сытых YCT HOSOSSIGHHMIX «CTOJIGOS», «ADXHTÉKTODOS» И ПРОЧИХ ВОЖдей «прогрессизма»... И, читая созданное страстотерпцами и подвижниками Русской Думы в давние дни, мы не перестаем повторять: сказано — как сегодня. Не потому ли теперь почти не встретишь не то что литературно-философской статьи или просто рецензии, но даже и опуса на хозяйственно-зкономнческую тему, где в том нли ином контексте автор не ссылался бы то на Н. Федорова, то на В. Соловьева, то на отца С. Булгакова... Есть в этом, конечно, и дань моде, и желание блеснуть свежеприобретенной зрудицией, и всякая прочая суета, которую можио назвать «издержками времени». — и все-таки здесь надо видеть прежде всего доброе знамение времени, а не его издержки. Ведь и впрямь божественное удивление охватывает при чтении страниц вновь открываемого ившего наследия: даже, казалось бы, сугубо спиритуальные и теософские откровения «без промаха» высвечнвают еще не ясные для нас черты в рельефе нашей действительности:

Но даже и в космосе этого провидчества есть звезда, свет которой исполнен особо разительными прорицаниями — такими, что временная условность, дистанция меж временем их рождения и меж нашими днями начисто сиимаются, не существуют. Слова писателя-визионера в самом буквальном смысле «накладываются» на плоть часа идущего, врастают в нее словно крозеносные сосуды. Речь идет о творчестве Василия Розанова (1856-1919).

Читаешь - поистине: хоть плачь, хоть смейся, о быте ли говорит Василий Васильевич, о литература или об истории. Любое положение и сегодня может вызвать гнев у одних, ярое одобренне — у других. Берем наугад из «Опавших листьев»:

«Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер...»

Вот и еще кое-что о нынешнем климате:

«Больше любаи; больще любаи, дайте любаи. Я задыхаюсь в холоде. У. как везле холодно!»

Или — о том же, но более определенно:

«В революции нет радости. И и в будет. Радость слишком царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого паколь.

Ну, ладно, с таким-то мнением, хотя и без особого востор-

га, ньие согласятся и прежние ортодоксы «великих потрясеийй», и новообращенные «радикалы»: приверженцем братоубийственных кровопролитий и террора не хочется выглядетв глазах людей даже тем, кто в глубине души своей не прочьбыл бы поиграть с динамитом или, по крайней мере, кто тянется к «жестким методам». Но вот утверждение, которое, прозвучи оно сегодня из уст писателя или общественного деятеля, тут же навлекло бы на него гнев «интернационалистов» и
сторонников «всезамного сознания»; автора мгиовенно заклеймили бы как «черкосотенца», «шовиниста» и... (прочие
ярлыки нам хорошо знакомы). Но В. В. Розанов осмелился
высказать его в годы, когде само понятие «любовь к России»
становилось синонимом реакционности среди «свободомысляшего общества»:

«Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, даже порочна. Именно, именно, когда наша мать пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, мы и не должиы отходить от иее... Но и это еще не последиее: когда она наконец умрет и, обглоданиав евревми, будет являть одни кости, тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому ие нужного и всеми плюнутого. Так да будет...»

Жестокие в своей правдивости слова, — и мы сегодня хорошо себе можем представить, почему в годы меж двумя русскими революциями подобные взгляды В. Розанова вызывали не просто отчалиную критику и неприятие даже со стороны наиболее прозорливых («Грядущего Хаме» предвидевших) его друзей и коллег-единомышленииков — почему состоялось подлииное «отлучение» этого удивительного писателя от цеха изящной российской словесности... К слову сказать, и до этого печально-позорного события репутация этого праведника в литературном мире была, как нынче прииято выражаться, весьма неоднозначной; как только не называли его и «справа», и «слева», каких только ярлыков не клеили: и литературный ёрник, и «русский инцше», и лукавый любитель парадоксов, и беспринципный реакционер, и еретик, и... стоит ли продолжеть, он действительно пришелся «не ко двору» всем тогдашним клагерям» и ктечениям». Ибо как, пожалуй, никто из творцов отечественной общественно-философской мысли того времени, он, во-первых, котел, во-вторых, мог, в в-третьих, был самим собой. Иной образ бытия в слове и в жизни был для В. Розвиова немыслим. Подобное, будем откровенны, ни в каком обществе не приветствуется и понимания не встречает. Сегодняшиее — тому вящее подтвер-

Вот и ныне любитель усграивать «поминки по советской литературе» (а попросту говоря — замазывать дегтем всё достояние духовности, созданное у нас за семь последних десятилетий) Виктор Ерофеев не может удержаться — в своем предисловии к книге В. В. Розанова «Несовместимые контрасты бытия», вышедшей недавно в «Искусстве», — от новых ярлыков, хотя и употребляет их в «позитивном смысле». Автор этой книги, по его мнению, был и «тонким и удачливым провокатором», и проповедником «сладостного эксгибиционизма», и, наконец, писателем, предавшим проклятию все русское вообще, Россию и ее народ — ибо они, якобы, проявили свое несоответствие «мифу», им, Розановым, созданному. Словом, духовидец и один из столпов патриотической гуманитарности зачисляется теоретиком нашего доморощенного «авангардизма» в свои «предтечи», в отрицатели чувства отечественности... Конечио, в нашей стране посмертная судьба правдолюбца и прорицателя редко бывает легче прижизненной, но когда дейстантельно сверхсамобытностью и оригинальностью способа выражать себя мыслитель становится и выше, и еще точиее — «вне» всяческих флангов политизированной действительности, вне так называемой «партийности», даже если она эстетическими полотнищами драпируется. — тогда... тогда и через десятилетия несладко будет его душе от различных «толкователей» его наследия. Не одно обрубят в нем, так другое, не другое постараются замолчать, так третье. Если ерофесвы и иже с ними «опустят», работая с розановскими текстами, вот такое, например, утверждение: «Вовсе не университеты вырастили ивстоящего русского человека, а добрые безграмотные няни», то их единомышленникам-публицистам (особенио из «парламентских сфер») очень не понутру придутся «антилиберальные» высказывания писателя, вроде: «...«прогресс» и «либерализм» есть виглийский чемодан, в котором «все положено» и «все удобно»... Либерал красивее издаст «Войну и Мир». Но либерал никогда не ивпишет «Войны и Мира»: и здесь его граница». Но -- сколько же у Розанова есть страниц, от коих в артистическом отвращении скривятся наши пышнобородые свеженспеченные неофиты славянофильства (из вчерашних комсомольских функционеров), новообращенные приверженцы православия, смертным

грехом почитающие любую скептическую ноту в отношении Церкан и ее служителей...

Очень трудно Василию Розанову в наши дни: сегодня вго необычность стала еще более очевидной, его провидеициальность в глазах нынешних читателей играет всеми оттенками «злобы дия», жаждущие коммерческого успеха (и справедливо жаждущие) кингоиздатели выпускают одну за другой его кинги, и происходит это самов, печальное «усекновение» его философии, разрывание его наследия на части различными комментаторами согласно своим вкусам и политическим убеждениям. Надо признать: ни К. Леонтьева, ни В. Соловьева, ии С. Франка, ии одного из славных творцов отечественной духовности прошлого и нашего веков, и которым мы возвращаемся, такая судьба не постигает, воспривтие твораний неждого из них становится — продолжает быть — целостным. Но и то сказать: создатель «опавщих листьев» «Уединеиного» сам в том повинеи, сам дал все предпосыяки для такой своей судьбы, и прижизненной, и посмертной.

Ибо действительно — им в чем и имчего не стеснялся. Ибо — и впрямь, ериичеством, озорством, удальством, даже ухврством, иак соком солнечным, проинзаны миогие его страницы, и блистательными «общими местами навыворот», и россыпями всяких «сумасшедшинок», где отвлеченио-философские положения перемежаются с «герберно»-физиологическими наблюдениями (к которым и мы лишь недавио поневоле стали привыкать). Вызывающие, оскорбляющие «приличный» вкус и «утолченный» слух дерзости...

И — самый главный парадокс: ничего этого иет у Розанова. Верией, есть только тогда, когда мы подходим к иему, как в известиой притче спепцы к слону: каждый трогает наощупь какую-то отдельную часть — и слышатся ярлыки, ныне, как прежде. А Василий Васильевич Розанов был уникально целостным явлением жизии, явленной в Слове.

Он был... конечио, многим ои был: литературным критиком, вссеистом, публицистом, историком, философом. Но прежде всего — У ч и т е л е м.

Учителем — и в первозданно-изначальном, библейско-аитичном смысле этого слова, и в буквальном, профессиональиом: лучшие годы жизни были отданы преподавательской работе в провинции (в частности, в той Елецкой гимназии, где учениками тогда были И. Бунин и М. Пришвии) и в Москве. Но прежде всего сущность жизнедеятельности В. В. Розвиовв следовало бы обозначить так: Просветитель. Ведь это и по кориевой, и по бытийной сути понятие гораздо более родствеиное своему исходному — Просвещению, — нежели нынешнее ведомственно-вульгарное «просвещенец» (как тут не вспомнить солженицынский термии «образованец»). Просвещение. Просветительство. Вот то, что было и поприщем писателя Василия Розанова, и самим духовным носмосом его творческого бытия. Системой — и в этой системе крупные звезды живут воедино и со слепящими метеоритами и со звездной пылью: нет ничего случайного и лишнего. Да, не монолит, но — пространство с мириадами лучей, где основа света невероятная, невыносимая боль, рожденная тревожными пророческими предчувствиями, страхом за угасание русской духовности. Сумерки просвещения...

Нет, не только тревогу за возможную грядущую гибель отечественности вложил В. В. Розанов в название одного из своих важнейших многочастных сочинений — «Сумерки просвещения», название, ставшее заглавием кинги его работ, которая недавио выпущена издательством «Педагогика» (и которая побудила меня обратиться к этим заметкам). Это труд, коикретно и детально касающийся собственно педагогики, проблем народного образования в России начала XX века проблем, действительно мучавших писателя как профессионала — как просветителя. Возьму на себя смелость сказать, что именно из этих тяжких раздумий, из мыслей над тем, как образовать русского человека — и как образовать его именно русским — вырастала главная дума Розанова-фнлософа, Розанова-психолога. Конечно, этой своеобразнейшей философии не было бы ни без К. Леонтьева, который явился подлинным духовным иаставником писателя, ни -- что, может быть, не менее важно, без работ великого русского филолога Ф. И. Буслаева — прежде всего, без того анализа, который был даи этим поборником отечественной культуры «Повести о Горе и Злосчестии...», незадолго до того открытому памятинку-шелевру старорусской словесности. Здесь необходимо привести одно из важнейших и наиболее определяющих (для «генетики» розановского творчества) положений, которое даио в послесловии к иниге «Сумерки просвещения» ее состевителем, современным литературоведом и прозанком В. Н. Щербаковым. Он пишет, касаясь работы Ф. И. Буслаева: «Ученый обиаружил, что общим философским направлением всей русской литературы валяется преимущественно направление учительно-просветительского характерв. Именно

этому направлению позжв, т. е. спустя двадцать пять лет, и примкнет только что появившийся на свет Божий Розанов»...

На первый взгляд, ничего особенного, ничего сакраментального нет в этом определении: но тут тот самый случай, когда чем более просто звучит истина, чем естественнее она — тем труднее воплощается она в явь, тем больше копий вокруг нее ломается (да и головы летят нередко). В. Розанов увидел, что мгла грозит затмить свет в образовании духовном, поглотить просвещение, ибо в государственной системе воспитания нет системы человечной и национально-означенной культуры. Из нее исключена собственно душа русского человекв. Этот педагог и литератор был одним из первых, кто обратил виимание нового общества России на изначальный смысл понятия «культура» (от латинского корня — «возделывать», «развивать», «обрабатывать», а затем уже «чтить», поклоняться тому, что возделено). Это вовсе не отвлеченная семантика: острота вопросов, поднятых в «Сумерках просвещения», ныне стала для нас стократно более ощутимой. Вспомним розановское восклицание о холоде от безлюбия; «культура начинается там, где начинается любовь», пишет он в своем педагогическом труде. Раньше, чем ряд западных мыслителей, он разделил современное ему образование на три «зтажа», три сферы: высшую — мудрость (собственно культуру), затем — знание и наконец низшую — информацию. Система просвещения сведена до уровня получения людьми информации: вот исток духовной мглы, по мнению Розанова. Вместо философии дуколного воспитания — «учебно-воспитательный процесс». Боже, как все это нам знакомо...

«Кого не поразит, что, так много учась, так тщательно учась, при столь усовершенствованных дидактике, методике и педагогике, мы имеем плод всего этого (новый человек) корее отрицательный, нежели положительный. Забыта именно философия воспитания; не приняты во внимание, так сказать, геологические пласты, коих поверхностную пленку «назема» мы безуспешно пашем», — говорит автор «Сумерек просвещения». И нельзя не согласиться с автором послесловия: «Написано это было в 1899 г. 21 янверя. Однако и до сих пор иаша современная педагогическая наука во многом еще продолжает безуспешно «пахать» пока лишь поверхностный слой почвы среднего и высшего образования...»

И со всеми свойственными его натуре язвительностью, скепсисом, юмором и иронией обрушивается Розанов на современных ему изготовителей «информации», на тех, кто своими словесеми и деяниями стремится подменить почву российской духовности «наземом», кто поверхностной «цивилизацией» и «прогрессизмом» уводит новые поколения от подлинной, от родной, от тысячелетней культуры. Эту, все растущую пропасть в бытин общества и народа он ощущал поистине с физической болью, выплескивавшейся на многие страницы его творений, и журналистских, и философских. «Все реальность — в одном! Все и деология — в другом! Непреодолимое раскождение! До отвращения, до крови!» - восклицает он в «путевом» эссе «Русский Нил». Вот истинная почва нынешней актуальности розановских сочинений: все то же расхождение (в жизни страны нашей, в бытии россиян) между прежними и новоявленными «идеологиями» — и между естестзенными законами и устоями отечественной культуры и действительности... Первые не ведут никуда, кроме как к духовному разложению, к «великим потрясениям», гозоря словами другого великого россиянина.

Мои размышления — не рецензия на новую книгу, включающую в себя еще одну часть наследия В. В. Розанова: оно действительно громадно, писатель отличался невероятной работоспособностью и плодовитостью, и, вероятно, лишь некое многотомное избранное даст исследователям и читателям возможность усвоить органичность философии этого подвижника, внутреннее единство множества ее ликов, граней и ипостасей — столь противоречащих, на первый взгляд, друг другу, что и люди, жившие с ним в одно время, звали его то «самым интересным челозеком современности», то «Иудушкой Розановым», и наши нынешние комментаторы «разрывают» его наследие на части. Но из всех изданных в недавние годы книг Розанова «Сумерки просвещения» тем отличаются в самую добрую сторону, что и содержанием, «внутренним сюжетом», и тонким, «понимательным» (термин Розанова) анализом, данным в послесловии, этот сборник впервые дает своего рода ключ к целостному и органичному восприятию одного из христианнейших русских писателей. И — ключ к пониманию как истоков его оригинальности, так и - его трагедии, прижизненной и посмертной. Читая книгу, мы впервые сможем ощутить и то, почему поборники и служители православия звали творчество ее автора «дьязолиадой» и всерьез готовили его отлучение от Церкви. И уж. разумеется, ощутим трагизм его финала — не просто физическую смерть от голода в 1919 году, в Сергиевом Посаде, — но удушение человека

теми ядовитыми джунглями революционного верварстве, что и взросли на «неземе» — убиение русской души, которое он столь остро предчувствовал. И тут я не могу не обратиться к едва ли не семым «сверхектуальным» страницем книги, не которых выплеснуты эти предчувствия — к очерку «О картине И. Е. Репина "17-е октабря"». Размышляя у полотне великого передвижнике, где изображен один из трагичиейших (в своей обманности, в посеянных зеривх грядущих обманов и потрясений) дней нашей истории, Розвнов создает поистине политикофилософскую позму — донельзя пророческую по отношению к иашим дням, к «митинговой перестроечности», — я приведу лишь семые красноречивые и знаменательные её штрихи.

«Жидовство, сумасшествие, энтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек — вот что сплело нашу революцию, поиесшую красные знамена по Невскому... — так комментирует дело И. Е. Репин в выставленной им большой картине "17 октября 1905 года"...» — так начинает свой очерк Розанов. А далее — даются описания «движущих сил» грядущего рвзрушения: «вождь», одержимый «бесовщиной» маньяк, перемивающий звездный час своей античеловеческой жизни, ошалевшие от своей «раскрепощенности» (ведь ни классов, ни скучных лекций!) гимиезисты и студенты, «закружившаяся» от сознания своей юности курсистка-провинциалка. А дальные

«Впервые из картины Репина, столь разительно истинной по зарисованным лицам, я увидал, что «евреи в революции», в сущности, не ведут, а именно идут за сумасшедшими мальчиками, но подбавляют к их энтузиазму хитрую технику, лов-KUM KOHETHIDALINIO M MMMMO-HAVUHVIO TRYATHVIO JUTEDATVDV. В певолюции как и везде, евреи не творым. Творит, выдумывает и рается вперед арийская кровь. Это она бурлит и крутит воду. А евреи «починщики часов», как и везде, с мелкоскопом в глазу, и рассматривают, и компилируют подробности ...и «организацию» забастовки...» Под пером писателя оживают другие герои релинского полотна, например, чиновник, бессмысленно просидевший десятилетия в конторе и «выход» находивший в чтении «либеральной» литературы — и вот ему кажется, что сбываются его лучшие мечты. Но! - подчеркивает Розанов. — но: «барею есть дело до «сегодняшнего дня» и нет дела до России. Чиновник — русский идеалист-патриот; это тот патриот, который ждал и не дождался реформ»...

Не знаю, кому как, но мне, повидавшему за последние года полтора целый ряд демонстраций и митингов, организованных нешими «демократами» и «прорабами перестройки», показалось: не о картине Репнна говорит Розанов — он живописует эти нынешние «акции». Всё и все отражены писателем, что наличествует в бузящей, безумствующей «улице» наших дией: и «быдло» революции, ее «пушечное мясо», обманутые трудовые люди, готовые и не голодовку, и не жертвы, и террористы, и деже — вот еще одно из удивительных «сближений» в прострвистве русской истории — деже «общественный деятель», «человек 60-х годов...» Знакомые все лица...

«Его картины, — пишет художних слова о художнике кисти, — и великолепная опера, и «тайное следствие» о том, что было и что есть на Руси». И — что будет, можно с полным правом добавить сегодня, то есть — что происходит в наши драматические дни. Это — и судьба творений Василия Розвнова...

И не потому ли — заметим в скобках — не потому ли во времена нашей своеобразной «гласности» геннальное полотно Репина до сих пор скрывается от народа, не потому ли его прячут бог весть в каких «подвалях» наши «архитекторы либеральных перемеи», что, увидев эту картину, люди нынешние, как в зеркале, увидели бы и свою трагедию часа идущего. И — опасность того, куда может привести нынешний «революционный энтузназм».

Нет, не для осуждения «улицы» привел я в финале своих заметок строки из провидческого произведения В. В. Розанова. И не для того нам сегодня надо возвращаться к его творчеству, чтобы порицать тех или иных своих соотечественников. Сказал же он сам: «Может быть, народ наш и плох, но он и а ш наш народ, и это решает всё».

И в этих словех — тоже ключ к пониманию трагедии Розанова. Той трагедии, которою он предупреждает нас сегодня, заставляет прежде всего задуматься о самих себе, о своем духовном спасении, и отвратить себя от возможной и уже наступающей Смуты...

АНАТОЛИЙ ЖУКОВ

Осенние песни о весне

HH

Ответа из Дубоссар не было, котя после моего письма прошло уже больше недели. Домашние заметили, что я каждый день придирчиво спрашиваю, нет ли писем, и успокаивали: никуда он не денется, твой Николай, не для того объявлялся. Любопытство, что ли, разбирает? Так вряд ли будет что-то любопытное: тоже, наверное, постарел, посивел, о пеисии думает, если еще не вышел...

Да, если все время оставался в армии, то календарные двадцать пять давно прошли. Но мог ведь и не остаться. В конце пятидесятых Хрущев проводил сокращение врмии на один миллион двести тысяч человек, и Николай мог уйти из одной только гордости: вы хотите заменить нас ракетами? — счастливо оставаться!

Если не ушел, интересио, куда распределила его судьба: в строевые командиры, в политсостав или в военврачи?

Медицина привлекала его, как нашу Люду, с детства, но детские мечты редко сбываются, хотя медучилище он окончил блестяще, иа младшего лейтенаита аттестовался тоже как военфельдшер, дальше ступеньки прямо в медицинскую академию. Встал ли он иа эти ступеньки? В пятьдесят пятом году он писал мне а совхоз, а через год рассказывал лично, что зовут на политработу, но он сильно колеблется: не лежит душа, ие в его характере. В строй еще, при крайней необходимости, можно, а «помпой», ты знаешь, нет...

Я знал честолюбивую натуру Николая, знал, что не может он быть вторым человеком, — голько первым. Пусть лишь в своем батальоне, в роте, во взводе, в одном своем отделении, наконец. Но только первым.

В редакции тоже заметили, что временами я отключаюсь — за письменным ли столом, во время ли летучки, общего собрания или даже при малолюдиой беседе.

Ты где? — спросит внимательный приятель с улыб-

И я не сразу поиму его, а когда наконец дойдет, тоже улыбнусь:

- Да вот, понимаешь, опять служу в армии...

А-а, значит, помолодел после юбилея.

 Помолодел. Еще один юбилей, и почувствую себя в начальной школе, если не в детсадике.

И все же что-то такое было. Вместе с открыткой Николая пришли во всей наивной восторженности и чистоте армейские годы, как живые встали рядом сослуживцы, и штабные, н строевики. А сколько вспомиилось солдат! И самые дорогие, конечно же, солдаты иашей батареи, где я был старшиной. Но это уж во вторую половину службы, а первый год тянул как бы дае лямки: военную и гражданскую — учился в заочной школе.

Эта школа выматывала из меия все силы, почти не оставляя времени для отдыха. После отбоя, когда вырубали свет, я пробирался в ленкомнату или шел на пост дневального, а утром вскакивал невыспавшийся, с пудовой головой. И в выходные не отдыхал — все увольнения уходили на консультационный пуикт. До города на полутной машине — час, да обратно столько же, включая

время ожидания. Полоаины увольнительной, считай, нет. В оставшиеся два-три часа я никогда не укладывался и обратно пробирался городом как вор, чтобы не нарваться на патрули. Часто удавалось, но, бывало, и попадался. Тогда никакие уговоры не помогали — сразу гарнизонная «губа», звонок в таою часть, обычно вечером, и на другой день тебя заберут свои. Если успеют. Всех задержанных обычно отправляли за город грузить камень у берега Ингула, где минеры его добывали. Взрывчаткой, разумеется.

От своей гауптвахты, по возвращении из города, меия спасал подполковник Леонов, хотя каждый раз выговаривал: «Ты у меия доучишься до штрафбата, мазурик!» — «Их уж нет, товарищ подполковник». — «Ну дисциплинарные батальоны есть, какая тебе разница». Но каждый месяц спрашивал, все ли коитрольные я сдал, нет ли «хвостов», нужиа ли помощь.

В своем воинском звании он сильно засиделся, и когда был не в духе, ворчал:

«Товарищ подлолковник, товарищ подполковник! Я уж десять лет как подполковник!»

Было ему около сорока лет — по тогдашиим моим поиятиям, старик, — до войны ои успел окончить кудожественное училище и иесколько курсов института, немного поработал художником-оформителем, а потом фроит, ранение, госпиталь, офицерские курсы после госпиталя и стремительный взлет по службе. В один год он с первой офицерской ступеньки вбежал до подполковничьей, но дальше ступеньки для него коичились — нет военного образования. Трехмесячиые курсы младших лейтеиантов не в счет. Учиться бы, да теперь поздно, а сразу после войны помещала семья.

Женился он на однополчаиме-связистке, лет на пятнадцать моложе его, сразу пошли дети, не до училищ, и время, по возрасту уже предельное, оказалось упущенным.

Я бывал у него на квартире, знал миловидную его жену и веселых прелестных детей, помнится, девочек шести и четырех лет. Они так радостно его встречали, с таким обожанием — как оставишь родиых малышек для какой-то учебы!

В самом конце апреля полк подняли по боевой тревоге, вывели в райои сосредоточения, где были другие части нашего соединения, и объявили, что «противник» находится в районе железнодорожной станции Голта — это город Первомайск, Николаевской области, и мы направляемся на сближение с ним. Передислокация использовалась очень разумно и экономно как гактическое ученье.

И опять я иевольно подивился быстроте и слаженности эвакуации по тревоге: прошло каких-то два часа, а все подразделения части, со своими пушками, САУ, минометами, тягачами, с личным оружием и запасами боепитания, с дымящимися походиыми кухиями, со всем вещевым и продуктовым имуществом, со штабным и тыловым хозяйством, погрузились в эшелои и — прощай, любимый город...

Уже на платформе я встревожился: а как же моя школа? Правда, все контрольные работы я успел сдать, но через две недели экзамены, а меня там не будет, туда не отпустат.

«Отпустите, товарищ подлолковник?»

Леонов отмахнулся:

«И ие мечтай! Весеиняя поверка на носу, штабные и тактические ученья, а тут еще передислокация! Неизвестно, что там, в том Первомайске, не к теще на блины едем. И офицерские семьи вот остались пока здесь. Когда за ними выберемся?..»

В Первомайск приехали в тот же день, выгрузились. Городок небольшой, тихий, спрятался, как в блюде, в широкой долине даух рек — Южиого Буга и Синюхи. Как раз в середине города, под мостом, реки сливаются, и во все стороны от них карабкаются из долины по косогорам белые хаты и одноэтажине особняки под красной черепицей, все в цветущих садах, больше — вишневых.

На общем построении новый командир части подполковник Сорокин, как-то незаметио сменивщий прежнего командира, горластого полковника Бабака перед новым 1952 годом, сказал, что размешаемся мы капитально и все лето, наверное, проведем здесь. Летних лагерей пока нет, обещано только место где-то в районе береговой части Южного Буга, за городом, у села Грушевка, — хорошее, говорят, место, живописное. Вот закончим весеннюю поверку и тогда будем уделять время лагерным заботам.

Подполковник Сорокин был чуть пониже среднего роста, плотный, рябоватый, очень спокойный. За три года службы я не слышал, чтобы он повышал голос на кого-то, и до сих пор не знаю, умел он кричать или нет: он всегда говорил вполголоса, кратко, мало, ио так дельно и виушительно, что его было слышно в любом собрании. Всегда взвешенное его слово было продуманным и лишенным внешией эффектности. Может, потому этот иадежный человек иногда казался скучноватым. Бабак был как майский минутный ливень — шум, плеск, гром, молния, опять гром и через полчаса сухо. Сорокина можно сравиить в этом ряду с летним спорым дождем на иесколько часов подряд, причем без электрических эффектов и грохота, но землю напоит досыта.

Тогда я отослал в Николаев горестное письмо о потере школы, ио они меня вскоре утешили: на основанин контрольных работ и устных опросов на консультпункте в течение учебного года я переводился в девятый класс без экзаменов. Соответствующая слравка с печатью прилагалась.

«Вот видишь, как тебе везет, отличнику, — сказал Николай, прочитав письмо и справку. — Осенью давай жми в местную гарнизонную школу, и к семье с аттестатом зрелости приедешь.»

«С офицерами не разрешат.»

«Попробуем. На днях я тут говорил с одним: его капитанша будет в той школе завучем и химию вести — обещал замолвить за тебя ласковое слово.»

Вечером позвонили с междугородной.

— Пап! Пап! — закричала Люда. — Тебя Дубоссары! Скореи!

Я взял трубку, отозвался, а в ответ успышал недоверчивое:

Толя, ты? — голос иезнакомый, сиплый, прокуренный.
 Странно. У Николая чистый и сильный был голос, это

Странно. У Николая чистый и сильный был голос, это у меня хриплый — тридцать с лишним лет куренья всетаки, а у него откуда?

— Коля, неужто ты?

Да я, кто же еще! Никак тебя не признаю — совсем другой голос. У тебя же сильный был голос, молодой!

- Я и сам был не старый, Коля.

- Да, разумеется, ты прав, но так непривычно. Ну как ты там, куришь?
- Да нет, уже бросил. А ты как? Голос что-то не командирский...
- Командирство мое давно а прошлом. Спасибо за письмо — много у тебя изменений, много...
- Да какие изменения, Коля, все в заданном направлении.
- Вот и я о том: направление выдерживаешь, не сворачиваешь... А о себе я напишу завтра. По телефону много ли скажешь. Про все напишу. Слышишь?

Но тут возник совсем чужой голос:

- Кончанте трепаться, в наш разговор влезли!
- Мы влезли?! возмутился Николаи. Откуда такой взялся? Сам влез и командует. А ну — брысь!

 Разъединяю, — сказала телефонистка, и пошли астые гудки.

Я огорченно, положил трубку и встретил разочарованныи азгляд Люды: «И это — все? — безмолвно спрацивала она. — Ждали, ждали, и вот такой коротенький разговор ни о чем?» Я развел руками:

- Он письмо скоро пришлет, дочка, и про все там иапишет. Про все, про все!
- Он еще служит, пап?
- Нет, ои, кажется, на пеисии.
- Да? А тебе почему на пеисию через десять лет? Вы же с ним ровесники.
- Военная служба, дочка, труднее, и вот через двадцать пять лет их уже списывают на волю.
- А когда тебя спишут, ты сколько лет проработаешь?
- CODON DETA
- Ого-го! Что бы тебе остаться в армии, пап? Отдыкал бы теперь по-ветерански, в школу бы к иам ходил рассказывать о походах... Не догадался, да?
- Догадаться-то догадался, дочка, да как-то не решился. Не о пенсии я тогда думал, не об армин тревожился. В армии в то время было неплохо. Очень даже неплохо...

Да, в армии было корошо. Если в совхозе я жил от получки до получки, то здесь, оказалось, не надо заботиться ни о чем: еда, одежда, обувь, жилье... — всем обеспечен. В кино хочешь сходить — пожалуйста, тоже бесплатно. В баню — тоже без копейки, и с паром, с веничком. Спортом заняться — любую секцию: легкой и тяжелой атлетики, бокса, борьбы, футбола, плаванья, бега... Ах, ты любишь читать! — вот тебе библиотеки: полковая, бригадная, гарнизонная, в городскую можешь записаться.

Я уже прочитал полное собрание сочинений и писем любимого Чехова, одолел всего Горького, не говоря уже о Пушкиие, Лермонтове, Толстом... Не добрался вот до таииственного Достоевского, но с ним успеется, Лении

называл его архискверным писателем.

Николай, на меня глядя, тоже приохотился к чтенню. Прежде он читал в основном серьезную научную и специальную литературу по медицине, а теперь оценип и художественную. Первый раз я соблазнил его «Лексиконом прописных истин» Флобера, затем подсуиул роллановского «Кола Брюньона», а потом Николай, не терпевший ничьей опеки, вышел к океану мировой литературы и стал читать больше меия: его не отвлекали, как меня, занятия в заочной школе, ои сам распоряжался служебным временем.

Да, хорошо было в армии. Воли только мало. На каждую отлучку, на каждый шаг спрашивай разрешения. Но разве дома ее больше было, воли-то? Дома тоже маитулил ты не только с восьми утра до пяти вечера, ио плюс к тому еще два-три часа до совхозной работы, да столько же после — как все жители деревни. У тебя ведь свое хо-тяйство, скотина, приусадебный участок, без иих ты на нищенскую зарплату не проживешь, тем более с семьей. Здесь младшему офицеру платят тоже немного, но все же вдвое больше, чем в совхозе, плюс за звание, плюс квартирные, плюс обмуидирование — обойдешься. Если семья небольшая. Ну, а когда аырастет большой, ты ведь тоже вырастешь в старшие офицеры, звезды на погонах станут крупнее, денежное содержание — гуще...

Разговор этот завел майор Клименко, замполит. Он прибыл в часть недавно, прямиком из Военно-политической академии имени Леннна, ему полагался освобожденный помошник по комсомолу, вог он и предложил мие аттестоваться. Должность офицерская, через два года окончишь школу, получишь к тому времени еще одну звездочку на погоны, а там через пару-троику лет можно и в академию. На худой конец — лет через пять.

Майор Клименко был темноволосый красавец, высоколобый, начитанный. Он сказал, что ему импонирует моя любовь к книге и детская мечта путеществовать, моя открытость и доверительность. Для комсомольского работника — самое то.

С удовольствием вспоминаю я тот жаркий августовский день, прохладный кабинет замполита в штабном домике, его, лобастого, за столом, и себя, то есть младшего сержанта Ланина, сидящего напротив. Это уж не увалень-первогодок, а подтянутый, спортивный военнослужащий,

Продолжение. Начало в №№ 5, 6/1991.

в отглаженных галифе и гимнастерке с белоснежным подворотничком, в иадраенных до блеска кирзовых сапогах (обмотки давио забыты), в краснозвездиой пилотке, лихо сдаииутой на ухо. А начищенные пуговицы гимиастерки светятся как золотые. Надо же! И глядит дерзко, улыбчиво, отвечает твердо:

«Спвсибо за предложение, товариш майор, ио кадровым воениым быть не хочу.»

Сказал и сразу пожалел, увидев огорченное лицо замполита, большие его глаза, в которых будто выключили

«Жаль, Ланин. А мие казалось, аы любите армию.»

«Люблю, товарищ майор. Но больше армии я пюблю свободу, волю.»

Майор улыбнулся:

«Все-таки не торопитесь, подумайте. До поиедельника. Надеюсь на положительный ответ.»

«Я подумаю. Разрешите идти?»

«Идите.»

Думал младший сержант Лаиин, естественно, с Николаем Пахомовым, уже сержантом. Правда, первым о разговоре с замполитом узнал старший сержант Александров, но с иим Ланин не стал распростраияться, и Александров обиделся:

«Чего ты, Ланин, все время с Пахомовым и с Пахомовым? Ты же со мной вместе служишь, а не с ним — вот и пусть сидит в своей санчасти!»

«Ему одному скучно. — сказал Ланин. — А с тобой я и так целый день вместе. Отдохни.»

«Ну и дурак.»

На другой день было воскресенье, и Ланин с Пахомовым, взяв увольнительные, пошли на Южный Буг купаться. Ребята говорили, что минутах в двадцати ходьбы от военного городка, ниже улиц Свердлова и Урицкого есть не то чтобы пляж, а вполне приличное место для купанья. Громадные валуны из красиого гранита иа берегу, мелкие камни в прибрежной воде, белая пена вокруг них, а дальше голубоватые речные воды.

На иемощеных улицах было пыльно, жарко и безлюдио, за калитками палисадов лениво гавкали на прохожих собаки.

Лании, покуривая на воле, передал другу разговор с замполитом. Пахомов слушал внимательно, а в конце засме-

«Какую свободу и волю ты хочешь?»

«Привет! — обиделся Ланин. — Ты уже забыл, какой бывает свобода?»

«Не надо детского сада. Материалисты считают свободу осознанной необходимостью, и они правы. Лении говорил, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Разве не так? Свобода анархиста тебя, кажется, привлекать ие должна. Или привлекает?»

ся, привлекать не должна. или привлекает:
«Давай, Коля, без политики, ладно! Давай просто: солдатский возраст — самое время любви. Надо ли такой весечний возраст ставить в строй, загонять на ночь в казармы, огораживать те казармы забором, оставлять в том заборе один вход-выход — КПП? Зачем стеснять жестким режимом майскую жизнь, если она хочет воли,

простора, света — естественно же, правда?»

«Неправда, — возразил Николай спокойно. — Если ты говоришь о естественности, давай обратнися к природе, и ты сразу увидишь, что она довольио жестко регламентирует жизиь всех своих форм. Например, растительных. Все тут поставлено в зависимость от климата, почвы, сроков вегетации и так дальше. А все это у нас нестабильно: то засушливое лето и морозная зима, то наоборот — теплая снежная зима и непроглядно-дождливое лето, то загрядят долгие степные ветры, взвоют бури, ударят градобои — и все это, дорогой мой, на мвлую травинку, иа цветочек полевой ромашки, на белоствольную березку, открытую любой непогоде. В такой-то вот агрессивной среде каждое растение в определенные сроки растет, цветет и плодоносит. Смекаешь? Природа не создает им особых условий для каждой жизненной стадии, жизненного цик-

ла. Весны бывают раниие и поздние, случаются майские и июньские заморозки — терпи, травинка, цвети, ромашка, держись, березка, за землю, ничего другого у тебя нет.

А птицы, звери, животные? Условия жизни у них тоже суровы, особенно зимой, но сроки любовного спаривания и выращивания потомства им не отменяются. Так ведь? А знаешь ли ты, что у растений и животных никогда не прекращается и межвидовая борьба, что живут они сообществами, что каждая популяция стойко борется за свое существование?.. Зайди в лес, отлядись: рядом с высокими соснами или елями тоже стройны и высоки березы. липы и осины, они тянутся друг за другом, растут наперегоики, чтобы не оказаться в тенн соседа, не потерять свой кусочек солнечного неба. А теперь выидем на открытую поляну или на опушку леса — там деревья стоят на просторе, им вволю земли, неба и солнца, но именно эти деревья оказываются избыточно ветвистыми, присадистыми, с кривыми стволами. Смекаешь? Ну вот. Нестроевой лес, дрова. И это на желанной твоей свободе, на воле!»

Озадаченный Ланин бросился в атаку:

«Твои биологические параллели я не принимаю. Мпр не прямолинеен, а человек — существо социальное!»

«Биосоциальное. — поправил Пахомов. — И не горячись. Признайся лучше: ты из-за семьи отказался?»

«Не только. Деревня у нас обезлюдела, земля.»

«Один ты деревню все равно ие подиимещь, а семья здесь сыта будет, на офицерских-то харчах.»

«У меня две семьи, Коля. Отцовская — а два раза боль-

«А заработок в совхозе в два раза меньше. Отсюда бы

«А деревне кто поможет? Осиротеет вместе с родиы-

ми.»
«Так уж и осиротеет! Я за свою Красную Поляну как-то не беспокоюсь.»

«У тебя там отец, братья...»

«Тоже верно...»

Пляж оказался живописней, чем рассказывали сослуживцы, потому что на самом большом гранигном валуне сидела, свесив длинные ноги, мокрая и оттого сверкающая на солнце крассвица, в зеркальных очках и в красиом купальнике. Неподалеку на мелкой воде плескалась, ползая иа четвереньках, толстая пожилая женшина, как потом выяснилось, мать красавицы, выставив из воды широкий зад.

«Это она тебя, женатика, завлекает, — сказал Пахомов. — Гляди не зевай!»

«А то отобьешь?» — сквитался Ланин.

Они весело переглянулись и стали живо раздеваться. Красавица наблюдала за ними, откинуащись иа вытянутые руки н выставив солнцу литые белые груди и сверкающие очки.

В реку они побежали, как жеребята, с радостным плеском, вскидывая ноги на мелководые и чему-то смеясь. — солнцу ли, которое толкало их в спину и жарко сверкало из реки прямо в глаза, желаиной ли прохладе или взгляду красавицы с камня, ощущаемому обоими.

Пахомов тоже плааал уверенно, и они пустились наперегонки, лихо отмахивая саженки и стараясь без плеска, красиво, с изящным хлопком класть на воду ставшие ластами ладони.

Течение оказалось быстрым. Ланин, оглянувшись, увидел, что красавица аместе со своим красным камнем не просто осталась позади, но отъехала далеко в сторону. Крикнув Пахомову, что их сносит, он повернул с середины реки обратно. Плыть почти против течення ствло трудно, вода не такая уж теплая внизу, и когда они подгребли наконец к золущему камню, то заметно устали и первое возбуждение прошло.

Красавица оценила их умение и смелость. сняла зеркальные очки и иаградила широкой белозубой ульбкой. «Какие вы молодцы, мальчики! — сказала она кокетливо, склонив пышноволосую темную голову иабок и взглядывая то на одного, то на другого. Будто выбирала. — Но вы же могли утонуты! Здесь такое сумасшедшее течение, иельзя так далеко плаваты!»

«Хотели отличиться перед вами», — сказал Ланин, влезая на широкий и почти горячий от солнца гранитный ее пьедестал.

Пахомов влез за иим следом и с иаслаждением лег животом на камень, как на печку. Ланин малость подвинулся.

Вблизи красавица в красном купальнике показалась иеобыкиовенной: темные брови выбриты (или выщипаны?) до узких стрелок, разлетавшихся от переносья в противоположиые стороны, большие синие глаза завлекательно и мило щурились и к вискам бежали трещники первых моршинок, особенно явных ив броизово-загорелом лице. Нос был прямой, красивый, с четко вырезаниыми широкими и тонкими ноздрями, рот тоже чувственный, с чуточку вывериутыми губами, но непривычио для сельских ребят накрашенный, зато лоб открытый, безупречно гладкий, темные роскошные волосы крупными волнами спадали на загорелые узкие плечи с проступающими от них ключицами, а все остальное трудио описать, это надо видеть: как дышит, будто в волнении, подымаясь и опускаясь, дивная высокая грудь, туго натянувшая узкий красиый лифчик, как изгибается узкая талия, когда красавица откидывается назад или наклоияется, чтобы тонкой изящной рукой с гибкими пальцами и красными ноготками погладить лодыжку длинной, стройной ноги, тоже с крашеными, аккуратно подстриженными ногтями.

Она умело, профессионально, как модельерша, показывала себя в пляжиом наряде, откровению зазывно улыбалась, а потом сказала с кокетливой распевностью:

«Осмотр, кажется, закончеи, мальчики. Если вы остались довольны, давайте знакомиться. Меия зовут Леной.» Смелая городская красавица. И зрелая, лет на даадцать пять, наверное. О таких они знали только из книг.

Первым откликнулся Пахомов — глуко, скрывая волнение, назвал свое имя. Она кивнула, даижением головы отбросила за спину волосы, повторила кокетливо: «Николай. Коля».

А Лании еще глядел иа нее, полуоткрыв рот, еще любовался. Она поощрительно улыбнулась и ему, вопросительно приподняла узкие длинные бровки. Дождавшись ответа, тоже повторила его: «Анатолий. Толя. Можио и Толик, правда?»

Лании молча кивнул.

«Ну вот и познакомились. Я живу здесь неподалеку, а учусь во Львове, в медицииском. Уже на последнем курсе, без пяти минут врач...»

«А Николай у нас и. о. полкового врача», — сказал Ланин с гордостью.

«Да-а? — удивилась Лена. — Значит, мы коллеги, очень приятно, очены»

«Фельдшер я», — сказал Пахомов.

«Все равно коллеги, — сказала Лена. — Вам, Коля, вероятно, не очень сложно работать: контингеит молодой, здоровый, в городе есть госпиталь...»

Лена уверенно повела разговор, и скоро они освободились от застенчивости, ствли рассказывать о службе, припоминали веселые анекдоты к случаю, пытались даже острить. Беседу прервала толстая пожилая женщина, лежавшая на другом камне, — они как-то успели забыть о ней.

«Леночка! Пора обедать!» — позвала она требовательно. «Это моя мама, Вера Дмитриевна, — сказала Лена. — Идемте, я вас познакомлю.»

Они оба, как по команде, спрыгнули с камня, галантно подали руки Лене и отвели ее к маме, которая уже была на берегу и натягивала легкое платье на сильно избыточное рыхлое тело, с сииими венозными расширениями на ногах. Лена помогла ей, потом познакомила с ребятами, они оделись и вместе пошли в город.

Дом Лены был рядом, на улице Урицкого — белая уютная хата под камышовой крышей, длинная, даухквартирная.

«Вечером жду в гости», — пригласила Лена, подав лодоч-

кой узкую ладошку сперва Пахомову, потом Ланину.

Они горячо поблагодарили, переглянулись и пошли в расположение части. Ланин был возбужден, Пахомов стал задумчивым.

После обеда они разошлись по своим местам — Ланин в палатку, Пахомов в санчасть — почитвть, отдохнуть по случаю воскресенья, и встретились в столовой на ужине.

«Пойдем к Лене?» — спросил Ланин. «Не развращаи, — сказал Пахомов. — Тебе, может, и пора иметь любовницу, а я еще неженатый, меня невеста ждет. Иди один.»

Лаиин ушел.

И возвратился иочью, потрясенный, счастливый и еле живой. Лена оказалась такой смелой и прекрасной любовницеи, такой иеутомимой и изобретательной, что у иего подкашивались ноги от слабости, и он едва добрался до санчасти, чтобы ие будить ребят в своей палатке и не попасться на глаза дежуриому. Да и с другом надо было поделиться, посоветоваться — слишком уж необычио все то, что проделывала с ним прекрасная Елена.

Николай спал в пустом изоляторе санчасти — твм у него стояла двухъярусиая железная койка.

«Полезай на второй этаж», — сказал он, зевая.

Лаиин смутился:

«Я не влезу сейчас, Коля». — И, присев рядом с иим, рассказал о своих любовных трудах и открытиях, не тая удивления и даже смятения.

«А ты разве этого не знал? — тоном многоопытного донжуана спросил Пахомов. — Эх ты, женатик! Сразу детей кинулся делать... Ладно, ложись из мое место. — Встал, разобрал иаверху постель, легко забросил туда себя, подтянувшись на руках, и заключил: — А твоя Лена, видать, бессовестиая, если носит зеркальные очки, ведьма. Это чтобы взгляд свой спрятать, ие иначе. Никогда ие видел таких очков.»

Ланин с трудом разделся и лег, впервые подумав о целомудреиности Пахомова и его верности далекой своей Зое. Вот это любовь так любовь — настоящая! А тут и детей уже двое, а побежал, как кобель, за первой же...

Пройдет полгода, и где-то в феврале пятьдесят третьего Пахомов, не получавший от Зои писем уже два месяца, явится в казарму к Ланину и смущенио сунет ему в руку сложенным вчетверо листок.

«Почитай, Толя. И дай мне, пожалуйста, папироску.» Неумело закурит, закашляется и выйдет.

Письмо окажется от его любимой Зои, последнее, прощальное письмо. В нем она объясияла свое долгое молчаине неожиданию для нее самой и нечаянной изменой Николаю.

Был иовогодний студенческий вечер в общежитии, веселый, дурашливый, с выпивкой, разумеется. Рядом с Зоей за столом сидел и смешил всех ее однокурсиик, ухаживал за ией и ее подругой, подливал нм вина, а поздио ночью, перед утром уже, запьяневшая, утомленная, она оказалась одна с ним в комнате. Сопротивляться не могла, и тут случилось все непоправимое, отступать теперь иекуда, ожи дается ребенок... Прости меия, если можешь, любимый мой, единствеиный. Себя я за это ие прощаю и не прощу никогда...

Вернувшись из курилки, Пахомов взял письмо, спрятал в кармаи гимиастерки и ушел. Вечером они сидели вдвоем в санчасти, пили водку и молчали. О любви молчали. О вермости. О мужьях и женах. О любовницах. И еще о детях, которые заводятся от всякой любви.

У Ланина летом прошлого года родился второй сын. Домой он написал, чтобы назвали Николаем — в память отца, в честь армейского своего друга. А у Зои в этом году родится ребеиок. Не Пахомова ребеиок — чужой. Неужели вправду не его, а чужой?...

— Папань, тебе письмецо из Молдавии, — сказала Надя, подав конверт. — Кажется, от твоего друга.

Спасибо, дочка.

И вот передо мной знакомый уже красивый почерк (ко-

гда он научился так писать, в армии, что ли?), знакомые слова и интонации даже:

«Здравствуй, дорогой Толя!

Прости меня, ради Бога, за то, что отвечаю иа два твоих письма — одним, да еще с опозданием. Оправдаюсь при встрече.

Очень рад, как-то по-особому счастлив тем, что мы иашлись, объявились. Теперь расскажу по порядку.

О себе. В образовании, к сожалению, не вырос. Остался на среднем уровне. Причин миого. Первая причина — личная расхлябанность. Служил на Украине, в Молдавии, в Германии. В инженерно-саперных войсках. Командовал взводом, ротой, батальоном. В 1976 году уволился в запас по возрасту, в чине подполковника. Квартира была в Молдавин — сюда и вернулся. С 1977 года нахожусь на гражданской службе — заа. дорожным отделом райисполкома с массой общественных хомутов. Здоровье — в пределах возрастной нормы.

О семье. Прожили все эти годы с Зоей, той Зоей, о которой ты знаешь по годам нашей молодости. Нажнли мы дочь н осенью прошлого года выдали замуж со второго курса Куйбышевского авиационного института. Муж тоже студент. Живут в Куйбышеве (теперь Самаре). Сын — офицер**. Служит в Белоруссии, женат, имеет 4-летнюю дочь, а я, соответственно, внучку.

О родных. Отца не стало в 1966 году. Мать живет в родном селе Красная Поляна, Барышского района. Одна. Моя сестра живет в Барыше, недалеко от Ульяновска, два брата — в Самаре***. Оба работают на авнационном заводе. Так что Самара стала для нас родным городом, где я бываю ежегодно уже двадцать лет.

О Молдавии. Всл она а долинах и холмах, в садах и виноградниках, с мягким климатом и трудолюбивым народом. Дубоссары — районный город (27 тысяч жителей). стоит на Днестре, выглядит провинциально, без особых претензий на будущее. Народ смешанный, добрая половина русских и украинцев. Квартира моя — а общем доме старой постройки, особых восторгов не вызывает, но жить можно.

И о другом. Можно сказать, что проживание вдали от родных мест становится большим испытанием. Если в дни молодости это чувство не было глааным, то теперь становится болезныю. Все больше и больше ощущаю сложность моего пребывания здесь. Поэтому на ближайшие год-полтора поставил себе задачу возаратиться в Россию****.

Подумай о своем заезде ко мне из санатория. До мая осталось два месяца, Трускавец не так далеко. Будем безмерно рады. Денек-другой тебя не обеднит, а для меня будет большим праздником. Подумай.

Апрель у нас теплый, а при ранней весне — цветущий. Телефонный разговор с тобой все еще слышу. А вот голоса твоего не узнал: стерло аремя, пригасило звучание окающего Толиного голоса. Короткий наш разговор всколыхнул многое, поднял все ушедшие непростые годы.

Напиши мне, как зовут твою супругу (Валей?****) и девочек. Видишься ли со своими сыновьями от первого брака? Пожалуйста, не болей, хватит тебе и того, что перенес.

Будем за тебя молиться, если наши грехн пропустят мольбу к Богу.

Поклон твонм близким. Извини за протокольность письма.

До свиданья. Обнимаю — твой Николай.

25 феараля 1981 года».

Значит, не отдал Пахомов свою любовь, отвоевал у того несчастиого случая с Зоей. И отвоевал, и сладил со своей бедой и обидой. А ты, Лаиин, вот ие смог, хотя и нарожал куда больше детей. Но разве твои дети родились не от любвн? Разве они появились от несчастных любовных случаев, от случайных встреч?

И опять всплыл ноябрь пятьдесят четвертого, возвращение из армии, верхняя полка плацкартного вагона, где он улегся после прощанья с друзьями, с Тамарой. Лежал аниз лицом, покачивался, как в люльке, вместе с вагоном, и видел тревожные глаза Тамары, спутанные ветром черные пряди волос над гладким лбом, высокую смуглую шею, наполовину закрытую спущенным белым платком, и две полоски блестящих слез от глаз до подбородка. Он вндел ее так живо, что тоска подступила вплотную, душа запросилась назад, готовая вырваться из него и улететь туда, где осталась Тамара с Николаем н Сашей. Они, наверное, уже проводили ее до дома н вернулись в расположение части, и она сейчас сидит или вот так же лежит вниз лицом на кровати, а тетка Поля, ее мать, говорит ей что-нибудь сочувственное, успокаивает.

Да, наверное, утешает, как утешала в детстве, когда кто-нибудь девочку обнжал, или в раннем трудном отрочестве, когда пришла война и нз донецкой Макеевки они шли пешком по оккупированной уже земле в родной Первомайск. Тамаре не было еще и десяти лет, она уставала, и помочь ей мать ничем уже не могла — она везла тяжелые санки с домашним скарбом и ей самой требовалась помощь. А стояла зима, было холодно и голодно, их нередко останавливали немцы, проверяли документы и отпускали: выручала фамилия — Шелар. Немецкая, что лн? Ни мать, ни дочь не знали этого.

Тамара рассказывала, что ее дедушка и бабушка былн здешние украинцы, а кем уж считались их предки — неизвестно, дальше этого колена в родословную никто не заглядывал.

В год женитьбы дедушке было семнадцать лет, а бабушке пятнадцать, всего нмущества у них было, кроме повседневной одежды, дедушкина сантка да бабушкин пустой сундук — мол, поживете и добра наживете сами.

Онн взяли а аренду землю, работали оба, как лошади, не выпрягаясь, и со временем разжились, оперились, построили дом, развели скотину. Но это уж накануне колективизации, во аремя которой их раскулачили и дом конфисковали, а деда посадили. Потом, после долгих хлопот, разобрались, дом возвратили, деда из тюрьмы выпустили, и он пошел работать на станцию сцепциком вагонов, где потом станет работать и его дочь Поля — мать Тамары.

В Макееаке они оказались незадолго до войны, поехали к брату Тамариного отца, а потом отец умер н война пригнала их домой, в Первомайск.

Тетка Поля всегда встречала Ланнна приветливо, хотя и с ревнивой настороженностью: может, считала, что ее красивая дочь могла бы нметь а друзьях по крайней мере офнцера, а тут ходит солдат с желтыми лычками поперек красных погонов, веселый, правда, солдат, добрый, увлекающийся, но забыачивый, Тамара всегда напоминает ему, чтобы не просрочил увольнительную и не опоздал в часть. Тамара каждый выходиой ждет солдата, всегда рада его приходу, и тетка Поля, видя это, успокоиласы лишь бы дочери было хорошо, а солдат или офицер — Бог с ними. От судьбы, говорят, не уйдешь.

Ланину нравилась тетка Поля, маленькая, худенькая и молчаливо-приветливая хозяйка, неутомимая железнодорожница, работавшая осмотринцей вагонов на станции. По вечерам она хлопотала в саду или по дому, точнее — по хате, потому что жили они именно в хате, невысокой, беленой, типично украннской, окруженной садом за штакетной оградои, которую можно бы легко перелезть, если бы не сплошные кусты за ней.

Продолжение в следующем номере.

в. катанян

Последние дни

Владимир Маяковский. 1930 г.

Тем читателям, что интересуются Владимиром Маякояским, — а он всегда вызывал и продолжает вызывать интерес и споры, - знакомо имя Василив Абгаровича Катенена [1902-1980]. Исследователь творчества поэта, он оставил нам летопись его жизии, где - в последнем, дополненном издании прослеживается едва ли не каждый двиь жизии Маяковского. Познакомившись с ним в 1923 году, он начал издавать его в Тифлисе и до конца своих дней редактировал, писал критические статьи, составлял сборники. Василий Катвиян - автор документальных рассивзов и сценернев о поэте. в Ленинградском аквдемическом театре драмы им. Пушкина шла его льеся «Они знали Мавковского» с Нинолаем Черкасовым в главной роли.

В. Катанян оставил интереснейшие воспоминания о мавковском и его окружении, о тех годах, когда они вместе работали и дружили, о друзьях и врагах поэте, о литературной, да и ме только о литературной, борьбе тех лет. Воспоминания, коллажированные дмевниковыми запислам, статьвами документами, долгие годы были достоянием лишь врхивов в силу целого ряда причии, которые сегодия нам квжутся совершению нелелыми.

... Чем дальше отодангаются события, о которых пишут мемуаристы, тем они интереснее и для истории, и для читателя — это экснома. Данная лубликация не исилючение: последний путь поэтв, о котором рассказая свидатель всех тех печальных дней, раскрывает нам факты, досель неизвестные. Но те, ито думвот найти в воспоминаниях какие-то сенсационные версии относительно смерти поэтв (которым сегодна месть числа), будут разочарованы. Автор мемуаров пишет иманно о самоубийстве.

К дню рождения Маяковского реданция публикует отрывок из мемуаров В. А. Катаняна «Не только воспоминания», ибо нам предстввляются интересимми и убедительными донументы и факты, приведенные очевидцем на страницах этих записок.

огда я вбежал в то черное утро в его комнату, он лежал на полу, раскинув руки и ноги, с пятном запекшейся кровн на сорочке, и маузер 7,65 — тот самый, что он приобрел в двадцать шестом году в «Динамо», — взведенный! — лежал слева. Взведенный, это значит, что последний патрон расстрелян, — иными словами, восымизарядный пистолет был приготоален для о д н о г о выстрела.

И он грянул...

 Как это долго — умирать всю жизны — говорит Арагон в романе «le roman inacheué» («Гибель всерьез»).
 И как это недолго в нетерпении и в отчаянии, а может быть, «с отрадной точки зрения» протянуть руку и поставить пулей точку...

За столом у окна сидел человек и писал протокол.

— Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

...Запрокинутое лицо внизу у моих ног. Глаза прикрыты. Большой рот спокоен.

В оцепенении холодного отчаяния смотрел я на неузнаваемое сверху лицо. Говорила вся фигура, в беспомощности распростертая на ковре. Понятно? И все-таки ничего не понятно! Что тут произошло??

Помню, что дией через десять, уже после похорон, встре-

[•] Тут он слишком суров к себе. Причины, как выяснится, были иные.

 $^{^{**}}$ Значит, тот, первенец Зои. И значит, не чужой, если идет по следу отчима.

^{***} Вот и Красиая Поляна осиротела.

^{****} Исполиение этого намерения растянулось на целое десяти-

^{*****} Уднаительно точное попадание.

чи в Негорелом, после всех этих дней, целнком заполненных происшедшим, я шел ярким весенним днем по веселой Петровке, и вдруг щемящее осознание остановило в перебое сердце.

— Так ведь умері Умерії Его неті Его больше не будет... И пришла строчка, когда-то отвергнутая им за полную серьезность, за отсутствие иронии:

Вы ушли бесповоротно

в мир в иной...

Да, вот именно! Со всей беспощадной серьезностью бесповоротно.

Человек у окна писал протокол.

Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

Я дал ему свою ручку и вышел.

В передней толпились незнакомые люди, уходили, приходили. Дверь на лестницу настежь. Из соседней квартиры — тоже. Репортеры допашивают на лестничной площадке какую-то женщину: «Он ночевал сегодня дома? Вообще здесь не ночует? А утром вы его видели?... Кто приходил? Книгоноша? Принес Большую энциклопедию...» Онн, репортеры, не знают, что днем во все редакции придет распоряжение — «Под ответственность редактора. По указанию соответствующих органов все материалы о смерти т. Маяковского давать только в редакции РОСТА». Одна, кажется, ленинградская вечерняя «Красная газета» успела выйти до получения этого распоряжения...

Появился Асеев. Приоткрыл дверь, взглянул и закрыл. Непонимающими прозрачными глазами он смотрел по сторонам. Ему принесли стул, он сел, прислонился к какимто сундукам и застыл.

Потом я видел, как бегом, через две-три ступеньки бежал наверх Агранов.

— Жив? — крикнул он на ходу.

Судорога крепко держала меня за горло.

Агранов вошел в комнату, у дверей которой уже возник милиционер. Через некоторое время он вышел оттуда, сделал знак Асееау и мие, мы прошли через площадку в соседнюю квартиру, где какая-то женщина открыла нам свою комнату

Там за большим обеденным столом Агранов прочел нам последнее письмо Маяковского, адресованное «всем»...

Потом, вечером, а редакции «Правды» я читал и перечитывал его а тассовских ротаторных листах. Назавтра оно было напечатано во всех газетах.

— Нам нужно решить, — сказал Агранов, — как быть дальше. Как сообщить Лиле? Где она? Володю надо перевезти отсюда а Гендриков. Здесь нельзя оставаться... Письмо я отвезу в ЦК.

Асеев молча прослушал письмо, молча согласился с Аг-

Когда мы спустились во двор, в ворота въезжал большой неуклюжнй лимузин, из которого вышли Сережа Третьяков, потом Кольцов, Кушнер н еще какие-то люди из «Поавды».

По дороге на Таганку мы на аграновской машине завезли его в ЦК. Когда мы остались один, Асеев впервые нарушил молчание.

— Я всегда думал, — сказал он, — что умру раньше Володи. С монм туберкулезом... Думал еще — какую хорошую речь он скажет на монх похоронах...

В Гендриковом какие-то чужие люди на лестнице, во дворе... Машина «Скорой помощи» привезла Маяковского, и санитары привычно на носилках внесли его на второй этаж.

На лестинце плакал Лева Гринкруг.

И вот Маяковский лежнт на своей тахте, прикрытый простыней, безучастно отвернув голову к стене.

«Бедный Маяковский! — писала Марнна Цветаева своему другу в Прагу, получив эту весть. — Ч и с т а я смерть. Все, все, все дело — в чистоте.»

...В столовой толпились люди, больше и больше. Беспрерывно звонил телефон. Время от времени кто-нибудь снимал трубку, говорил: «Да, да... Верно...» И телефон снова звонил.

Ворвался Сема, не останавливаясь пробежал через столовую взглянуть на лежащего и убежал на кухию плакать.

Плакал Пастернак, ходил из угла в угол, из комнаты в комнату. Он описал потом эту обстановку, себя и окружающих в «Охранной грамоте». При нем приехали Александра Алексееана и сестры; порывалась читать стихи, ломала руки и падала в обморок Ольга.

Приехал Кушнер и увез Асеева и меня в «Правду». Там — Кольцов, Беспалов, Костров, С. М. Третьяков, Виктория, жена Кострова. Говорят о том, как и что писать завтра.

— Надо, — сказал Кольцов, — избежать пошлых иравоучений, не читать мораль мертвому... И так ясно, что мы не одобряем этого поступка. Но пусть нам не будет стыдно перед поэтом за недостойные трианальности, от которых мы не сумели удержаться.

Все согласились с ним, с готоаностью согласились. Прочитав сегодня то, что было напечатано в «Правде» 15 апреля, вижу, что не так просто было этого избежать. И в редакционной статье «Поэт революцин», и даже в заметкеписьме за всеми нашнми подписями «Памяти друга».

И статья, и письмо наполовину написаны, читаются вслух, предлагаются какие-то поправки. Сергей Михаилович садится за стол Кушнера записывать. Секретарша относит листки на машинку, они возвращаются и идут прямо в типографию.

Потом поздно вечером я снова был а редакцин, смотрел все материалы в сверстанной странице. Когда мы выходили из редакцин, аннзу в дверях столкнулись с запыхавщимися Ермиловым и Селивановским.

- Осталось только перепечатать...
- Что перепечатать? угрюмо спросил Кушнер.
- Обращение Секретарната РАПП.
- Поздно уже...
- Очень важно, настанвали они. Это официальный документ.
- Ладно. Оставите у дежурной. Завтра посмотрю.

Этот «Официальный документ» не был напечатан в «Правде» ни завтра, ни послезавтра, ни вообще. Рапповцы жаловались потом самому высокому начальству на «Правду» н на Ольхового, который тоже не напечатал это обращение в специальном номере «Литгазеты», посвященном Маяковскому.

Мелким шрифтом. 26 апреля в пространном письме на пяти страницах Авербах, Ермнлоа, Киршон, Либедннский, Селивановский, Сутырни и Фадеев сообщали товарищу Сталину о товарищах, коммунистах и беспартийных, которые в связн со смертью Маяковского «выражали такие мысли, которые способствовали росту нездоровых настроений».

«Ошибка родилась из того, — писали они, — что некоторые коммунисты от имени группы «близких друзей Маяковского» выступили вместе с «лефовцами» со статьей в «Правде» (№ 104) и тем самым стерли черту между партийной оценкой Маяковского и апологетически-спекулятивной позицией его бывших литературных соратников. Этот «единый фронт» особенно наглядно и ярко проявился на страинце специального номера «Литературной газеты». В ней некоторые коммунисты наиболее рьяно соперинчали с «лефовцами» а стремлении изобразить Маяковского идеальным типом пролетарского писателя, образцом революционного бойца и т. д. Достаточно привести такие заглавня: «Это и есть пролетарский поэт» (заголовок статьи «лефовцев» Незнамова и Катаняна)»...

Совсем мелким шрифтом. Разумеется, это вовсе не было похоже на упреки, с которыми обратился некогда председатель Цензурного комитета к литератору Краевскому:

— Что это за черная рамка вокруг известия о кончине Пушкина, человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну да это еще куда бы нн шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии»!! Помилуйте, за что такая честь?

В самом деле — что общего? Там начальник разносил

подчиненного литератора, а тут свободные литераторы делают сообщение по начальству...

Цитатами из статей и выступлений М. Гельфанда, А. Зонина, А. Луначарского, М. Кольцова, Ник. Никитина, Б. Соловьева (!) рапповцы доказывали, что эти товарнщи «смазывают отрицательное отношение большевиков к самоубийству», что вследствие этого «нинциатива объяснения самоубниства Маяковского переходит в руки врагов», что ряд товарищей «нспользовал самоубийство Маяковского для того, чтобы под видом оценки творческого метода Маяковского возобнояить поход против рапповского руководства».

Заключительный абзац: «Мы считаем необходимым вмешательство Центрального Комнтета в деятельность тех коммунистов, которые не только не исправляют своей ошибочной линии в связи с самоубийством Маяковского, но стремятся вести ее дальше».

Имело ли это письмо какие-либо результаты-последстьия? Здесь не место вдаваться в подробности сложных и разветвленных рапповских интриг. Да и разве знаем мы все, что тут происходило? Но а общем их точка зрения взяла верх. Или, может быть, лучше сказать, взял верх крепкий комплот администраторов от литературы, полных сил демагогов.

Через два года онн были распущены, лишены чинов и привилегий, но выработанная ими инерция холодной бюрократической антипатин к Маяковскому была молчаливо воспринята преемниками Авербаха-Фадеева. И уж. конечно, не Горькому было менять что-нибудь в установившихся здесь ограничениях и отталкиваниях. Он мог бы еще и от себя прибавить...

Смерть Маяковского, что и говорить, наделала хлопот, но в то же время должна была принести рапповцам некоторое чувство облегчения. Разве нужен нм такой член организации? Что они будут с ним делать? И что он будет делать с ними? Инцидент с Ермиловым ничего хорошего на будущее не обещал.

Самоубийство Маяковского давало нм, казалось бы, все возможности, осудив его поступок, настаивать на том, что он был и остался попутчиком, а не пролетарским поэтом.

Ни один из руководителей РАПП, великолепной семерки, подписавшей это письмо, не симпатизировал Маяковскому, ни дружески, ни творчески, а как «администраторы и распределители кредитов», они просто побанвались его.

Нет, не по душе он был им. Да и не по зубам! Удивительно траурное объявление, которым отметила РАПП смерть Маяковского. Разумеется, традиционное «С прискорбием извешают...» еще не говорыт об испыты-

«С прискорбием извещают » еще не говорит об испытываемых чувствах. Но на фоне многочисленных траурных объявлений всевозможных организаций, до букинистоа Китайгородской стены включительно, нзвещааших «с чувством глубокой скорбн... с большой горечью... с глубокой печалью... глубоко взволнованные... выражающие свою скорбь... потрясенные безвременной трагической смертью... и т. д.», в том же духе, рядом со всем этим объявление РАПП выглядело невозмутимым н сухим, как приказ об увольняемом в отпуск сотруднике: «Правленне Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) извещает о смертн члена РАПП Владимира Владимироанча Маяковского» («Правда», 15 апреля).

И действительно — одним членом РАПП стало меньше. Только и всего!

В исторни советской литературы этому примечательному объявлению предуготовано достойное место рядом с извещением о смерти члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака.

Мы приехали в клуб за полночь.

В конференц-зале на сдвинутых столах стоял гроб. Цветы.

Первые караулы.

Без разводящих, просто постояли у гроба товарищи. Асеев, Каменский, Кирсанов, Мих. Кольцов, Феликс Кон, Третьяков, Агранов, Кушнер, Олешв, Джон Левин, Эль-

берт, Татлин, Лавинский...

Рапповцев не было. Кнреев (директор клуба) сказал мне, что они целый день заседали, у себя, в Доме Герцена. Может быть, говорит, и сенчас заседают...

... Ночью, а три часа я ехал домой поперек всей Москвы. Темная, притаившаяся, холодная, грустная Москва. Та самая, белокаменная н камнекрасная, та самая, которая «принос любит» н слезам не верит, которая «на пиках вистует» и по чужим бедам не плачет, Москва, в которой так много старого и так мало нового.

В переулках поздине апрельские кошки перебегали нам дорогу. Черные в том числе,

Извозчик ругался и норовил достать их кнутом.

Плохая примета!

Но самое плохое ведь уже случилось.

Утром 15-го.

Возвращение от ночных кошмаров к кошмару действительности.

И весь этот день, начавшийся слезами, прошедший в суете н маете, замирал и прерывался всхлнпами илн беззвучными каплями, которые бесстыдно н неудержимо бежали н бежали из глаз.

Плачет девушка в кожаной куртке на скамейке у Дома Герцена. Дрожит подбородок Ольховского, когда он читает строчки:

Не будь, товарищ, слепым и глухим! Держи, товарищ, порох сухим!

 встает и аыходит из комнаты. Будто сейчас только стало доходить до сознання случнащееся.

... Разговор по телефону с Аграновым. Звонила из Берлина Лиля, они сегодня выезжают. Просит встретить на границе, отложить похороны до четверга. Поезжайте в Госнздат, говорит Агранов, там сейчас заседает комиссия. Надо предупредить...

В Госиздате в кабинете Халатова заседает комиссия. Там уже все знают. Похороны будут в четверг 17-го...

В клубе во дворе толпа. Бухарин... После полудня переносим гроб в Большой зал и ставим на помост под черное крыло. Он одет в темный костюм, лежит под цветами... Ночью было вскрытие. Снайперский выстрел левой рукой — пуля прошла сердце насквозь сверху вниз...

Люди проходят через зал по диагонали и аыходят через маленькую дверь на улицу Герцена. Оркестр, полуспрятанный на сцене, негромко выматывает жилы. Потом его сменяет оркестр восточных инструментов (дудуки) со своими произительно-печальными мелодиями. И снова — Шопен...

Кто поедет навстречу Лиле? Сначала думали Эльберт... Денисовский? Потом отпал и Денисовский. Вероятно, поеду я. Собновем деньги...

Появился Агранов. С ним Горожанин, приехавший сегодня из Харькова. Вчера, когда он узнал о смерти Маяковского, грохнулся в обморок.

Агранов говорит:

— Да, лучше всего ехать вам. Я позвоню, через час будет готово разрешение на въезд в пограничную зону. Подъезд № 1. И броня на билет...

В Доме Герцена у Ольхового работают все наши младорефовцы, помогают делать специальный номер «Литгазеты».

На квартире у Семы в Тишинском переулке Клава с температурой а кровати. В столовой на диване лежит в изнеможении Николай Николаевич. Они сочиняют статьюзаметку а «Литгазету». А мы с Петей Незнамовым уговорилнсь написать отдельно. В клубе заперлись с ним в кабинете директора, потом поехалн в редакцию.

И наконец, вокзал. Галя с чемоданчиком. Поезд в десять — десять. Холодно. Белье есть, но вместо одеяла летнее покрывало. Поверх покрывала пиджак, поверх пиджака пальто. Зубы стучат, голова разламывается.

Страшный день, страшная ночь...

Утром в Минске я вышел на площадь незнакомого города. Ни души знакомых, никаких дел. Я неожиданно оказался выключен из действия. В трагедии, которая длилась и собирала к себе тысячи и десятки тысяч, для меня наступил глухой антракт. И в пустом номере гостиницы, и в бесцельном шатании по незнакомым улицам мне некуда было приткнуться. Можно было перебирать в памяти и возвращаться к подробностям вокруг да около, тщетно пытаясь не вспоминать распластанную на полу фигуру, отвернутое от людей лицо на фоне мексиканского пончо, сложенные в гробу руки...

...«Представьте: входит красавица в зал, в меха и бусы оправленная...»

Я знал об этом эпизоде не больше того, что сказано в стихотворении.

Подымает площадь шум, экипажи движутся,

стишки пишу в записную книжицу.

В Париже так же, как в Москве и как везде... Стихи эти были напечатаны в «Молодой гвардии» в январе прошлого года. А месяцеа через десять я стал случайным свидетелем развязки этой истории в столовой на Гендриковом.

Летом а раскрытое окно этой комнаты влетела молния и ударила а телефон. Все сидящие за столом замерлн. Кто-то крикнул: «Не двигайтесь!»

Теперь это было письмо с французскими марками, которое принесла Аннушка и положила на стол перед Лилей Юрьевной. Письмо от Эльзы. Лиля распечатала и прочла его вслух (об этом подробно есть в ее воспоминаниях).

Эльза писала, что Татьяна Яковлева выходит замуж за какого-то виконта (за «мужа Марьи Ивановны?») и боится, как бы Володя не узнал, не приекал и не расстроил брак. Поэтому — не говори ему ничего...

Но письмо уже прочитано. Все замерли... Не двигай-

Маяковский ждал машнну, он должен ехать а Ленинград, взял чемодан, попрощался и ушел.

Но ведь это было а самый разгар другого его романа! И все же!

О романе с В. В. Полонской все окружающие, конечно, знали — но это не был предмет для разговоров. Ни с ним, ни с кем из друзей лефовцев. Этого у ннх (у нас) не было в заводе. Он не делал нз таких вещей секрета, но и говорить незачем. Он это действительно «ужасно не любил»...

Накануне рокового четырнадцатого он был вечером у Катаева. Вместе с Норой Полонской, Яншиным, Олешей, артистом Художественного театра Ливановым, художником Роскиным, журналистом В. Регининым... Вот этот последний мне рассказал вчера... Маяковский был мрачный, Ливанов его задирал, Вл. Вл. писал Норе записки, потом выходил из-за стола, шагал по коридору... Катаев сказал — не бойтесь, Вертеров больше нет, не повесится... Острякоа было много. Мог он это слышать? Не знаю. Шумно было... Пилн... Он пил только шампанское... Разошлись поздно...

Катаев не бывал у Маяковского и Брнков. Это было другое общество, пьющее, богемистое, жмущееся к Художественному театру. Что общего?

Только раз видел я Катвева и Олещу на Гендриковом. Летом двадцать девятого года, в отсутствие Лили и Осипа Максимовича. Сидели долго. Крымского и кахетинского было аыпто много. Возвращались под утро по еще не проснувшейся Воронцовской. Олешу вело и шатало в разные стороны.

— Очень мило... — твердил он. — Очень... И завтра пойдем. А то приедет Лиля и нас разгонит...

 И верно, — думаю я сегодня над этими словами, разогнала бы... Они были противопоказаны друг другу.
 «Чуткий и прямой в отношении всякой фальши чело-

век», как писал о ней Асеев, Лиля Юрьевна непримиримо отталкивалась от этих людей. Они — неглупые, талантливые, тонкие, острые, — тем хуже! За богемски засасывающим острословием она чуяла холодное дно цинизма...

Потом уже, через несколько лет после смертн Маяковского, нашел я документальное подтверждение этой антипатии (в бумагах Маяковского). Это было письмо Лили к Вл. Вл. в Крым от того же 29-го года (31.7). «Очень прошу тебя не встречаться с Катаевым. Я встретила его в Модпике, он едет в Крым и спрашивал твой адрес...»

Словно знала она, что последнюю ночь на этой земле ему суждено будет провести именно в этом обществе...

В 6 часов я был на вокзале.

На перроне стоял пустой состав. На вагонах таблички «Владивосток — Негорелое». У дверей пограничники.

Я предъявляю разрешение на въезд в пограничную зону «для встречи семьи умершего гр. Маяковского» и еду, вероятно, одинм-единственным пассажиром в целом составе.

В окне какие-то канавы или окопы, мотки колючей проволоки, нежилая природа близкой границы, которая прокодила тогда всего в двух десятках километрах от столицы Белоруссни.

На горизонте --

белос.

Снега

и Негорелое.

Дважды с тех пор сходил снег, да и подъезжаю я с другой стороны...

Дереаянное здание вокзала выходит на две платформы— с одной— наши поезда, с другой— европейская колея, прибывают поезда из Польши.

У меня оставалось немного времени, чтобы, согласно инструкции, напечатанной на обороте разрешения, отметить свое прибытие а пограничную полосу, а заодно и отбытие.

Тихо подползает польский поезд, и в окне одиого из немногочисленных вагоноа заплаканное лицо Лили Юрьевны и очки Осипа Максимовича.

Онн ровно ничего не знали, кроме коротких телеграмм в немецких газетах, никаких подробностей. Письмо? Нет, не читалн, не видели. Да и где могли видеть? В Польше советских газет не продают... Я шарю по карманам и не нахожу. Как глупо! Правда, я знаю это письмо наизусть...

И вот мы уже на той стороне вокзала, в советском вагоне, поезд трогается, и мы едем в Москву. В Минске на вокзале купили вчерашнюю «Правду»...

...В Москве нас встречает много разного народа. С вокзала прямо на улицу Воровского. В клубе останавливают беспрерывное шествне пришедших проститься и освобождают зал от посторонних.

Появление Лили аызывает ноаую вспышку отчаяния у Ольги Владимировны. Она бросается на колени посредние зала и выконкивает:

Сегодня к новым ногам лягте!
 Тебя пою,
 накрашенную,
 рыжую...

Хватает и целует рукн, плачет и обнимает Лилю Юрьевну. Александра Алексеевна держится спокойнее. Повторяет несколько раз:

При вас этого не случилось бы...

Но вот они, Лиля и Ося, подходят к гробу.

Я за их спиной в ужасе — как горько он изменнлся за эти полтора дня. Смерть не пожалела его. Выключила свет из глаз — мрак придавил нх, смерть тронула нос, лоб, оставила а волосах следы снятых масок, мертвой синевой подчеркнула серые губы...

Лиля стояла перед гробом и горько плакала.

— Что он с собой сделал! Какое идиотство!!! Какое тусклое идиотство!!!

— При вас этого не случилось бы...

Снова начали пускать народ. Люди ндут и идут. Сменяются караулы — красноармейские и гражданские — писателей, художников, артистов.

Рапповцы, которых раньше почти не вндно было, теперь довольно густо функционируют в зале и вокруг.

Командует всем, или, лучше сказать, пытается командовать, управделами Федерации Осипов, маленький бестолковый человек. Он дал мне какой-то пропуск, с которым будто можно пронти всюду. Но не было тех людей, которым нужно было предъявлять этот пропуск. Он вручил мне, кроме того, регламеит церемоний, — последних семи караулов, список товарищей, которые понесут гроб, и т. д.

Последние почетные караулы предусмотрены двойные — близкие товарищи и друзья, а при них по рапповцу. Скажем, Асеев и рядом Авербах, Брик и Фадеев, в ногах — Кирсанов и Ермилов, Третьяков — Селивановский. И так далее... Написать все это и даже размножить было легче, чем осуществить. Когда назначенные лица подняли гроб, кого-то не оказалось на месте, подошел непредусмотренный Пильняк Б. А. и подставил плечо. Околонего засуетился Оснпов, да было поздно...

Председатель комиссни по похоронам Халатов — тот самый, который несколько дней назад приказал вырезать портрет Маяковского из «Печати и революции». Черная каракулевая борода и такая же курчавая шапка, которую он не снимал никогда. Вот и сейчас стоит у окна в шапке...

Ко мне конфиденциально наклоняется высокий Алелеков (из рефовского кружка):

Поручнте мне сбить с него шапку, — он показывает на Халатова. — За неуважение и по совокупности...
 Нет, я вам это не поручаю.

Приносят газеты — специальные номера «Комсомольской правды» и «Литературной газеты».

Сбоку несколько рядов кресел. Лиля Юрьевна сидела там рядом с Александрой Алексеевной. Время от аремени она подзывала Луэллу: «Лушенька, подойди, поцелуй Володю». Потом сама подходила...

2 часа дня. Должен начаться траурный митинг. «Слова «панихида» нет а словаре Маяковского», — сказал Третьяков. Гроб выносят и ставят во дворе. То, что говорят ораторы с балкона, не разобрать. Луначарский, Авербах, Федин, Феликс Кон, потом Сема Кнрсанов читает «Во весь голос».

За оградой ждет катафалк-помост, на котором повезут гроб. Это — грузовик, который студенты ВХУТЕМАСа задрапнровали-обшили железными листами. Никаких венков, никаких цветов. Один железный венок из молотов, маховиков и винтов с надписью «Железному поэту — железный венок».

Меня потом (много лет спустя) спрашивали — правда ли, что этот грузовик с гробом Маяковского вел Михаил Кольцов? Не знаю. Я помню М. Е. в тот день в пешем строю за гробом, а недавно мне попалась фотография, где пере д бронированным грузовиком ясно различимый Кольцов чинно выступает в обществе Халатова и Авербаха.

Правда, а 1979 году я нашел новое фото — гроб устанавливают на грузовике и из кабины выглядывает М. Кольцов. Видимо, он вырулнвал машину во дворе Дома Герцена, может быть, вел ее часть пути, а часть пути до крематорня шел пешком.

Здесь примечательно то, что Михаил Ефимович все дии был рядом с покойным поэтом. Я его видел постоянно.

Но это могло быть только а самом начале, на первых шагах похоронного шествия. Дальше все смешалось. Стоящие на улице по тротуарам впереди сжимали и спрессовывали двигающуюся толпу. Скопление народа было так непредусмотренно велико, люди так настойчиво и плотно нарасталн с каждым кварталом, густо подваливали с спереулков, что отдельные конные милиционеры были бессильны и сами оказались в окруженни. С заборов н балконов

нависали фотографы и кинооператоры.

Если бы он это видел...

Эта мысль пришла мне в голову и не оставляла.

— Если бы он это видел...

Это было такое убедительное и масштабное признание, непридуманное и неказенное, такое яркое свидетельство любвн, близости, родства со своим читателем, того, чего ему всегда не кватало, всегда казалось мало. Он так много предлагал, так долго шел навстречу... И вот немыслимая аудитория, длиной в Поварскую, с переулками и с Арбатской площадью апридачу...

— Если бы он видел...

Я заблудился в толпе и отстал. Меня несло среди чужих. Лилю Юрьевну и Осипа Максимовича я потерял еще во время митинга. И насколько хватал глаз, я не видел близких, до которых мог бы добраться вплавь.

...Сердце сжав

у теснин Арбата,

растирая дома,

ползет Москва,

бронированным гробом его горбата.

Уже на Донской улице, недалеко от крематория, я добрался до серой «реношки», но Лили Юрьевны и Осипа Максимовича а ней не было, и Гамазин ничего о них не знал. Остаток пути я шел, держась за ее крыло, и был втолкнут вместе с машиной в ворота крематория.

Внутри здания вижу сидящую на подоконнике беременную Наташу Брюханенко, плачущую с горя и со страху—едва не задавили...

Лнля Юрьевна и Осип Максимович проделали весь путь пешком с Луэллой. Она потом вспоминала: «Мы оказались далеко от крематория, но нам удалось как-то проникнуть во двор. Там было просторнее, чем на улице, но тоже полно народу. У входа а крематорий была конная милиция. Мы сели на скамеечку, и Лиличка сказала, что у нее нет сил дальше пробираться... Александра Алексеевна н сестры Владимира Владимировича, приехаа на машине, сразу прошли в крематорий. Вдруг конный милиционер кричит: «Брик! Где Брик? Требуют Брик...» Оказывается, Александра Алексеевна не хотела проститься с сыном н допустить кремацию без Лили Юрьеаны. Ося и Лиля прошли а крематорий...»

Все стояли вокруг помоста и потом, по чьему-то знаку, стали подходить прощаться. Ионов подтолкнул меня, я наклонился и прикоснулся к холодной руке.

«Интернационал»...

Гроб качнулся и начал проваливаться. Маяковский тихо, со сложенными руками, уходил в глубнну. И ушел. И закрылись створки...

Все кончено.

Нет, не все... Кольцов отводит нас — Асеева н меня — в сторону и предлагает спуститься аниз, там есть глазок, через который можно видеть огонь... можно видеть все... Асеев испуганно смотрит на него...

И я тоже отказываюсь, как отказался два дня назад от предложения оператора из Института мозга присутствовать при экстирпации мозга Маяковского...

leri Heri

Пусть черный дым, валивший из труб крематория, когда мы к нему приближались, останется в памяти только мрачной абстракцией...

А лицо, прекрасиое лицо гладиатора, о котором Марина Цветаева писала — «вглядитесь в лобяные яыступы, вглядитесь а глазницы, вглядитесь в скулы, вглядитесь в челюсти», — пусть оно сохранится незабываемо живым без натуралистических ужасов анатомического киньоля.

Я видел орден запекшейся кровн на его голубой рубашке. Этого ужаса довольно...

Публикация В. В. КАТАНЯНА

Голгофа

Где-то рядом Мезень, где-то рядом Печора, И Онега, совсем-то она недалёко... К милым северным пожням, к их травам, к их пчелам Прикоснулось мое просветленное око.

К диау белому, к белым ночам прикоснулась Неутихшая грусть василькового лета. Не чужая — моя возвращается юность, Потому-то так дивно все, все-то так лепо.

Катят воды свои величавые реки, Много-много воды утекло, укатилось! По лесам белоглазо взирают орехи На небесную, шумно сошедшую милость.

Дождь пролился! Резвился на радость сорокам, По Мезени скакал, по ее глухомани. Припадая к оденьим размытым дорогам, Близоруко плутал в непроглядном тумане.

К диву белому, к белым ночам прикасался, Освежал, омывал эти белые ночи... Буду помнить до самого смертного часа, Как земля посощок свой высоко возносит.

Возвыщает себя молодой подорожник. Колокольчик — и тот приподнялся высоко. Василькового лета зеленые пожни Кажут небу свое просветленное око.

Озерцо невеликое кажет урёма И не кажет небесные дивные страсти.

Снами белыми, белою-белою дремой Усыпляют себя соловецкие старцы.

Значит, ведают старцы, что сталось, случилось Со саятою обителью в некую зиму. Показала свой норов нечистая сила, Повалила стоящую смирно осину.

Все-то, все повалила. Осталась Голгофа. На Голгофе белеют мужнцкие кости, Да заветные камушки вроде гороха Долго-долго хранят беломорские гости.

Блукаю — по собственной прихоти, — Брожу по чащобе рудой. Тут все-то озера — как пригоршни, Прозрачной темнеют водой.

Тут все-то озера — как блюдечки На самобранном столе. И никакой тебе улочки. Лишь мох на сосновом стволе.

На валунах крутолобых Серебряный видится мох... На радость дорожной колдобе Я дрему свою перемог.

Освободился от сумрака Давнишних нааязчивых дум. Вздыхая, глаголет без умолка Лесного Олонца ведун.

Трубит он про Белую Индию, Про горечь тягчайших обид. А Белое море — как индевью, Как ранней зимою слепит.

Короткое лето холодит, Мое остужает тепло. К ненастью, должно, к непогоде Тревожится бренная плоть.

Душа заскучала о доме, Тоскует, горюет она, -Чем море темней, тем бездонней, Безмольней его глубина.

Никем не узнанный, до Кеми Свой день, свон глаза тяну... Крутой волны тяжелый лемех Морскую пашет целину.

И дождичек уже боронит Легко идет по борозле. Гарцуют взмыленные кони. Танцуют в золотой узде.

Ах, море, море! Что-то будет, Когда я в Кемь приволочусь. Плывущие со мною люди Восторженных не скроют чувств,

Ненастные воспрянут лики. Вдруг станут солнечней, светлей. Зовущие услышат клики Взлетеаших в небо журавлей.

У всякого свое влеченье. У журааля, у воробья... Из длительного заточенья Я возвращаю сам себя.

Никем не узнанный, до Кеми Свой день, свои глаза тяну. — Крутой волны тяжелый лемех Морскую пашет целину.

Секирная гора

Здесь осины светлы, как березы. А березы не так уж светлы. Сгибщих узников жгучие слезы Обожгли всем березам стволы.

Не смогу рассказать, не смогу, Не сумею правдиво поведать, Как на белом блескучем снегу Не моя ль коченела Победа?

Не моя ль присмирела война, В неглубоком укрылась овраге?... Вся страна, вся страна, вся страна Обратилась в зловещий концлагерь.

Мой окопный товариш, позволь Прикоснуться к открывшейся ране, Незажившую даанюю боль Ни в каком не укроешь тумане.

День и ночь она кровоточит, Омраченной тоскует зарею. А взошедшего солнца лучи Над секирной темнеют горою.

Я и сам каменею лицом. На великом вздыхаю погосте. Знаю я — под каким колесом Неговинные хрустнули кости.

Под какою секирой сложил Эти кости мой друг, мой ровесник. Потому-то так долго кружил Лиха черного пасмурный вестник...

Плач олонецкого ведуна

Темнеет вода от нахлынувших дум. Мрачнеет ее оловянное око. Рыдает Олонца лесного ведун Слезамн Иеремии-пророка.

Известный — да всей-то

России — поэт Изводит себя нензбывной кручиной. Успокоения прежнего нет, Угрюмо глядит бородатый мужчина.

Блистает слезой,

что светло пролнлась, На зорю рассветную пала. «Неужто н вправду советская власть Осталась без власти, без права?

Сам сатана все захапал, все взял, Над всей-то страной верховодит. Уразумить бы... Да нету, нельзя, Случилось затмение вроде.

На Соловки вся страна подалась. Уныло бредет под конвоем. Советская власть...

Да какая тут власть?! Тут пахнет всесветным разбоем.

О мужике неусыпно скорблю, О голубиной печалуюсь стае. Слезами кричу... Никакой лизоблюд Утихнуть меня не заставит!

Взойду на костер,

как всходил Аввакум В опальном своем Пустозерске. Освобождаю свой пасмурный ум От книг, от стихов богомерзких.

К «Поморским ответам» уходит душа, К Онежским былинам уходит, В них шорох, в них шепот,

A HHX IIIVM KAMBIIIIA Должно быть, к грозе, к непогоде.

Уже непогодит, уже моросит, Робеет осина, береза... По весям по всем

да по всей по Руси Народ не желает колхоза.

65

Не принимает, ндет супротив, Народ-то все ведает, знает, — Не усыпить никакой коллектив Медовыми сладкими снами.

Тогда-то и показада себя. Нечистая грянула сила, Не пощадила она воробья. Она никого не щадила.

Не пожалеет она и мою Волшебную дивную флейту. Молю я, о Господи, слезно молю: Придвинь мою грусть к бересклету.

К калине, рябине скорее приблизь Мон потаенные слезы. Скорбящей души половеющий лист Утешат утиные плесы.

Освободят от нахлынувших дум, От зорко смотряшего ока».

Рыдает Олонца лесного велун Слезами Иеремии-пророка.

Глазами пророка взирает на мир, На ту логовину взирает, Где серого волка так долго кормил На Солоаках замордованный заяц.

Федор Григорьевич СУХОВ родился в 1923 году в селе Красный Оселок Лысковского района Нижегородской области. Прямо со школьной скамьи ушел на фронт, командовал противотанковым взводом. За боевые заслуги награжден орденами и медалями. Первые его стихи появились в 1944 году во фронтовых и армейских газетах. После демобилизации вернулся в родиое село, работал в колхозе. В 1949 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького СП СССР, после его окончания работал в сталинградских газетах. Автор более двадцати кинг стихотворений и поэм. Живет в Нижнем Новгороде. В предисловии

к ОДНОЙ ИЗ СВОИХ КНИГ ПОЭТ ПИСАЛ: «Я всегда говорю: все, что есть

моего родного села Красного Оселка,

во мне хорошего, все это из

от той земли, без которой в не

представляю себя как поэта».

1989 году на Соловках.

Публикуемые стихи написаны в

КНИГИ ФЕДОРА СУХОВА

ПЕСНЯ ЛЕТА. Стихи. -- М.: Сов. писатель, 1978. ЯСЕНЬ. Стихи. — М.: Мол. гвардия, ЗЕМЛЯНИКА НА СНЕГУ. Стихотворения и поэма. — М.: Современник, 1979. — (Б-ка поззии «Россия»). ОВЕСЕНЬ, Книга стихов. — М.: Современник, 1984. КРАСНЫЙ ОСЕЛОК, Стихотворения и позма. — М.: Сов. Россия, 1984. ПОДЗИМЬ. Избраннов. — М.: Мол. гвардив, 1985. ЛЕШЕВА ДУДКА. — М.: Cos. писатель, МАТЬ-И-МАЧЕХА. - М.: Современ-

ГРИГОРИЙ КЛИМОВ

Князь мира сего

На этом следователь по делам нечистой силы поставил точку. После загадочной научно-исследовательской работы он защитил свою диссертацию. Когда Борнс, частью из вежливости, частью из любопытства, аыразил желание пойти послушать эту процедуру, Максим отрицательно покачал головой:

— Нельзя. Это спецпроект и защита закрытая.

Для кандидатской диссертации обычно полагается триста страниц. Вместо этого Максим представил три толстых тома, где одна библиография источников занимала более пятидесяти страниц. И вместо кандидата наук, — в порядке редкого исключения, что делается только в случае каких-либо необычайных заслуг, — сразу получил высшую ученую степень доктора социальных наук и философии.

Для больших открытий, как правило, необходимы два условия. Первое — чрезвычайная, сверхчеловеческая концентрация на данном предмете. И второе — способность найти за частностями закономерность и сделать из этого практический вывод.

Смерть любнмого человека так подействовала на Максима, дала ему такой толчок, так сконцентрировала его на какой-то, только ему одному известной, цели, что ради этого он забыл обо всем остальном на свете. В поисках ответа он перебрал все частности, перерыл всю историю человеческой цивилнзации от первобытных тунгусов с их шаманами до бренных останков утонченной аристократии — и он нашел какую-то закономерность. Причем что-то важное. Иначе ему не дали бы так сразу диплом доктора.

Мельком Максим заметил, что его работой заннтересовался сам Сталин. Какой практический вывод сделал для советской власти доктор социологии Руднев из своего увлечения средневековой алхимией — научился он делать золото из свинца? Нашел философский камень мудрецов? Или открыл секрет материализации духов? Ведь в газетах как-то писали, что и Адольф Гитлер тоже субсидировал подобные странные начинания, где ученые заинмались телепатией, спиритизмом и парапсихологией.

— Макс, что ты изобрел? — спросил Борис.

— Формулу дьявола, — ответил тот и даже не улыб-

Так или нначе, с этого момеита доктор Руднев стал делать головокружнтельную карьеру, о которой он раньше и мечтать не мог. Вместе с докторским дипломом он получил чин полковника НКВД. Вскоре у него на груди появился первый орден, и не какой-нибудь так себе, а сразу орден Леннна — аысшая награда Советского Союза. В «Правде» стояло коротко: «...за аыполнение специальных заданий партни и правительства». Теперь Максим шагал вверх семимильными шагами. Но поразительнее всего было то, что ко всем этим почестям он относился с абсолютным безразличием.

В качестве профессора социологии Максим руководил каким-то чрезвычайно засекреченным Научно-исследовательским институтом НКВД, где у всех научных сотрудников из-под белых халатов, как хвост у черта, выглядывали малиновые петлицы НКВД. Одновременно Максим был начальником какого-то оперативного отдела НКВД, где теоретическая работа его института находила свое практическое поименение.

- Что это у тебя за отдел? полюбопытствовал Борис.
- Тринадцатый, ответил Максим.
- Это по каким делам?

Продолжение. Начало в №№ 5, 6/1991.

По делам нечистой силы. Потому он и тринадцатый.
 Э-э, врешь ты все.

Максим вынул из стола служебный бланк. Там, действительно, стояло «13-й Отдел Главного управления НКВД СССР». Борис пренебрежительно махнул рукой и пошел заниматься своими делами. Все равно от Максима ничего путного не добъещься.

Потом... Потом доктор, профессор н полковник НКВД вдруг запнл горькую. Хотя раньше он никогда не злоупотреблял алкоголем, теперь он пил, как самый последний алкоголик — в одиночку. Он запнрался у себя в комнате, напивался до одурения, затем начинал разговаривать сам с собой. Или, может быть, он беседовал с привиденнями, про которые он начитался в своих средневековых трактатах о нечистой силе.

Занявшись алхимней, Максим попутно коллекционировал соответствующие этому ремеслу предметы. Так он приобрел где-то орнгинальный кубок немецкой работы тех времен, когда а Германин охотились за ведьмами, из тонкого, раскрашенного от руки матового фарфора. Это была мастерская имитация человеческого черепа. Немецкий мастер как постарался и достиг такого сходства с оригиналом, что это произведение искусства было даже неприятно брать в руки. Максим же сидел и пил из этого кубка водку.

Как-то, проходя в свою комнату, Борис укоризненно казал:

— Макс, зачем ты пьешь?

— Зачем? — полковник медленно поднял голову и посмотрел на брата мутными глазами. — Так, поговорить надо...

_ C ren

— C тем, чего не могут вернуть даже боги... C собственным прошлым... Которому я обязан своим настоящим...

— Зачем тебе это?

— Зачем?.. Душу облегчить.. Впрочем, ты, безбожник, в этом ничего не понимаешь...

Пойдем лучше в воскресенье рыбу ловить, — предложил безбожник.

— Воскресение... Это реннкарнация души... Перевоплощение души страданием, как говорил Достоевский, — в углах рта Максима скользиула нехорошая усмешка. — Нет, теперь я другую рыбку аылавливаю...

— Что, людей мордуещь? Эх ты...

В голове младшего звучала неприязнь. Старший нахму-

— Ничего ты не понимаешь... И не поймешь...

— И так все ясно. Потому ты н запил.

— Это только кажется, что это люди... А на самом деле

— A кто же это?

— Ты, Бобка, меня лучше не спрашиван, — полковник поморщился, как от тошноты. — А если я тебе даже и скажу... так ты этому не верь... и смотри, никому это не рассказывай...

Да ты все равно ничего умного и не скажешь, — согласился младший.

Старший качался на стуле и бормотал себе под нос:

— Да-с, правильно... Ты, Бобка, счастливое животное, мелкопитающееся, гомо сапиенс... мезоморфического типа... А ведь, собственно говоря, хотя ты инчего не понимаешь... ведь это тебя нужно благодарить.

— За что?

— За это! — Максим ткнул себя пальцем в грудь, где у него поблескивал орден Ленина. — Да, за это самое... Вот видишь, я тебе говорю, а ты инчего не понимаешь...

Он тяжело оперся локтями о стол и отхлебнул водки из своего мерзопакостного кубка:

Ладно, так и быть, открою тебе танну... Хочешь?

— Ты лучше меньше пей, а то нос красный будет.

— Я тебе серьезно говорю... А ты, дурак, смеешься... Это больша-ая тайна... Госуда-арственная тайна...

Полковник поннзил голос, словно опасаясь, что ктонибудь подслушает его тайну:

— Так слушай... Вот ты, безбожинк, думаешь, что чертей нет... А я вот тебе скажу, что черти есть!

 Так все пьяницы говорят. Когда перепьются до чериков.

— Болван, — беззлобно сказал полковник госбезопасности. — Чертн есть... И оборотни есть, и лешие... А ведьмы и ведьмаки так на каждом шагу... Ведь я каждый день с ними дело нмею...

 Понятно, если ты каждый день пьешь, — скептически заметил младший.

— Не веришь? — старший, пошатываясь, встал, взял с полки какую-то толстую книжку, утыканную разноцветными закладками, по этим закладкам нашел нужное место и стал медленно и торжественно читать:

«...Ведьмы и ведьмакн — это порождение зла, социальная зараза и паразиты, поклонники отвратных и непристойных убеждений, приверженцы яда, шантажа и других ползучих преступлений... Ведьмы и ведьмаки подинивот ссоры, ревность, споры, сердечные разногласия... Их пагубная деятельность простирается от семейных неприятностей и столкновений, в отдельности, может быть, и незначительных, но в целом чрезвычайно неприятных и мучительных, до самых серьезных преступлений... — гибели имущества, внезапной болезни и гложущей смерти, и, наконец...»

Здесь полковник НКВД, специализировавшийся на нечистой силе, многозначительно поднял палец:

— Обрати вниманне... «и, наконец, до столкновения нацин, анархии и красной революции, поскольку ведовство всегда было и будет политическим фактором... В результате ведьмы и ведьмаки являются постоянной опасностью для всякого упорядоченного общества». Знаешь, кто это сказал?

— Кто?

— Это сказал сам папа Иннокентнй 8-й! — с глубоким уваженнем произнес советский доктор социологии, как ученик, говорящий о своем наставнике. — Это написано в его знаменитой булле от 1484 года! И я подпишусь под каждым его словом!

 Мало ли какие глупости пишут, — возразил Борис. — Бумага все терпит.

— Нет, это вовсе не глупости, — Максим любовно погладил рукой переплет книги. — Это «История ведовства и демонологии» Монтегю Саммерса... Из сугубо научной серни «История цнвилизации»... Саммерс — ученый-теолог, а книга эта издана в Лондоне в 1926 году... Так что это вещь серьезная и современная. Надо только понимать, что за этим под-разумевается...

 Эк, ты, мракобес, — сказал Борис. — И за что только тебе доктора дали.

 Вот за это самое... Но с точки зрения дналектического материализма...

— Значит, каалификационная комнесия тоже пьяная была?

— Никакой комиссин не было, — ученик папы Иннокентия 8-го поставил книгу на место. — Мне доктора дал собственноручно сам Сталин!

Врешь ты, — сказал младший.

Старший сделал большой глоток из своего отвра#ного кубка-черепа, он тупо уставился в кубок, словно рассматривая что-то на дне человеческого черепа:

— Все очень просто... Я разб-бил свою диссертацию на несколько независнмых частей — по истории, по антроп-пологии, по псих-хологии и еще некоторым специальным предметам... Каждая часть была аннотирована лучшими специалистами Советского Союза в данной об-

ласти... Каждая часть в отдельности, сама по себе, ничего особенного не говорит... Но когда сложить все части вместе, то получается то, что говорил папа Иннокентий — нечнстая сила как политический фактор... Все апробировано н подписано академиками, но как это сложить — это знаю только я... Да еще товарищ сатана...

— Ну и что толку, что ты знаешь?

— Как это? Эти чертн есть социальная зараза, паразиты... Опасность для всякого упорядоченного общества... А раз так, то это уже по линии НКВД...

Полковник государственной безопасности оживился и заерзал на стуле так, будто он сидел верхом на сатане:

— Я Сталину говорю: «Смотрите, Иоснф Виссарионович, это источник анархни и рев-волюции...» Он не вернт. Тогда я беру мон материалы, складываю как нужно — и на основании документальных фактов, подтвержденных академиками, доказываю, как эта нечистая сила сначала способствовала анархии в царское время, а потом участвовала в Октябрьской социалистической революции... Все в точности, с именами, с фамилиями...

— И с адресами? — насмешливо вставил Борис.

— Конечно, — увлекшись, продолжал ученик папы Иннокентия. — Сталин сначала обозлился, а я ему говорю: «Минуточку, Иосиф Виссарионович... Все дело в одном слове... Это опасность для вся-ко-го упорядоченного общества... Понимаете, вся-ко-го!? Так что, если вы считаете советскую аласть уп-порядоченным обществом, то теперэта же самая нечистая сила будет заниматься революцией против вас, то есть контрреволюцией...» И вот тут-то он призадумался...

Максим приложился к своему сосуду с водкой и икнул:
— После этого Сталин назначил меня... ик-ка... особоуполномоченным по делам нечистой силы... ик-к... в составе Народного Комиссарната Внутренних Дел... ик-к... по
всему Союзу Советских Социалистических Республик...
Помял?

Сндя верхом на стуле, он погрознл пальцем:

— Только ты, Бобка, смотрн... Никому это не говори... Это государственная тайна... А теперь, знаешь что... Я чтото со стула встать не могу... Положн-ка меня в постель и сними сапоги...

— И не подумаю.

— Поч-чему?

— Раз ты напился до чертиков, так пусть они тебе и сапоти снимают.

Про себя Борис решил, что брат все-таки помешался. Однако умопомешательство Максима, казалось, помогало его карьере. Вскоре он получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, что соответствовало чину генералмайора НКВД. Но его самого это нисколько не радовало, словно в обмен на карьеру он, как доктор Фауст, променял свою душу дьяволу. В точности, как это описывалось в средневековых книжках, которые он так тщательно штудировал.

глава 4 Князь и комиссар

Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

Лука 10: 24

Вскоре после того, как доктор соцнальных наук Максим Руднев стал особоуполномоченным Сталина по делам нечистой силы, в Ленинграде произошло убийство Кирова, второго после Сталина человека в партии. Убил его молодой коммунист Николаев.

Было колодное зимнее утро. По радио беспрерывно передавали траурные марши Шопена. Максим сидел за своим столом, вместо утреннего чая пил водку, листал личное де-

ло Николаева и бормотал:

Ага-а, у него лошадиная стопа... Как у Байрона... Знаем мы эти байроновские типы... Герои нашего времени... Тамерлан, Талейран, вождь меньшевиков Мартов, Роза Люксембург, батька Махно, Геббельс... Все этн хромоножки и хромые учителя у Достоевского...

Борис сидел а соседней комнате и учил историю партии, потом приоткрыл дверь и спросил:

— Эй ты, чернокинжник, что там такое?

— Что... Что... — бормотал Максим. — Кроме того, у него эпилепсия... И жена у него гораздо старше его... Но даже и она его бросила... Типичный легионер!

Стол у Максима был старенький и простенький. Но теперь на этом облезлом столе стояло три телефона: белый для простых разговоров, красный — прямой провод в Кремль и черный — специальный провод в 13-й Отдел

Та-вк, дело ясное, — он потянулся к черному телефону. — Потому и говорят — хромой чер-р-рт... Или косой черт...

Прихлебывая водку, доктор социальных наук стал диктовать в трубку приказ о взятин на спецучет 13-го Отдела НКВД всех хромых и косых в Советском Союзе. В первую очередь тех, кто члены компартии. Но только хромых н косых от рождения.

Убийство Кирова послужило как бы сигналом, после которого началась Великая Чистка. Сначала со стен исчезали портреты знаменитых людей — героев революцин, старых большевиков, вчерашних руководителей партин и правительства. Потом их имена появлялись в газетах — а качестве врагов народа, предателей, вредителей и иностраиных шпионов. Затем бывших героев отправляли на конвейер смертн в подвалы НКВД.

Комиссар госбезопасности Руднев стал на стахановскую вахту: он работал в две смены, по шестнадцать часоа в сутки, и часто оставался ночевать на службе. А если приходил домой, то от него всегда несло водкой. За ужином он сидел молча, глядя по сторонам.

Просматривая «Известия» с отчетом об очередном процессе врагов народа, отец Руднев недовольно ворчал:

— Это черт знает что...

 Да, черт знает свое дело, — кивнул комиссар госбезопасности, не поднимая глаз от тарелки. — Есть такая старая сказка: черт обещает власть и славу, но нужно подписать с ним контрактик... Так вот, теперь черт требует уплаты по векселям... А я подвожу бухгалтерию.

— Но ведь эти революционеры боролись за лучшее будущее, - сказал отец.

- История уже много раз показала, что тот рай, которын обещают революционеры — это потерянный рай, сказал комиссар. — А красивыми обещаниями выложена дорога в ад. И первыми туда попадают сами революционеры.

Но ведь процессы-то эти дутые!

Как сказать... Ведь это они затеяли братоубийственную гражданскую войну... Ведь это они напустили на Россию разруху, голод н мор... А знаешь ли ты, что это стоило России больше человеческих жизней, чем вся Мировая война... Ну вот, теперь пришло время за все это расплачи-

Тем временем чистка принимала все более фантастические формы. На показательном процессе, в присутствии международной прессы, кремлевские врачи во главе с доктором Левиным публично и со всеми подробностями признавались, как они потихоньку отравляли своих кремлевских пациентов. Подбивал их на это верховный охранник Кремля — сам начальник НКВД Ягода. А идеологическое руководство отравлениями принадлежало тихоням идеалистам из ленинской гвардии, прославленным свободолюбам и человеколюбам. Прямо из зала суда бывших героев революции отправляли на живодерню НКВД. Казалось, что над Москвой повисло какое-то кровавое безу-

Вечером отец недоверчиво читал вслух газету:

«Отравления производилнсь при помощи распыления через пульвернзатор медленно действующих ядов, пренмущественно солей ртути. Ими опрыскивали ковры, занавеси, мягкую мебель. Через легкие эти яды попадали в кровь и постепенно разрушали организм жертвы а самом слабом месте, вызывая смерть как будто от естественных пончин...»

Комнссар госбезопасности хлебал суп и бормотал в та-

Я Сталнну открыл книжечку и показываю: «Видите, те же методы, что и в шестнадцатом веке. Ренесса-а-BHC-CIN

Он поболтал ложкой в супе и протянул руку к солонке: Между прочим, вот этой самой рукой я пристрелил

сегодня цареубницу Белобородова...

 Послушай. Максим, — сказал отец, — но неужели же ближайшне сотрудники Ленина были иностранными шпионами? Ведь этому нельзя повернты

 Что же тут такого особенного? — угрюмо уставился в тарелку Максим. — Ведь сам Лении был немецким шпноном. Ведь немцы прислали его в Россию а запломбированном вагоне. А каков поп, таков и приход.

Отец читал заключительные слова государственного обвинителя Вышинского:

«Всех этих врагов народа нужно расстрелять, как бешеных собак!»

— Глупая риторика прокурора, — сказал отец.

— Это не риторика, а правда, — буркнул Максим. — Эти люди куда хуже, чем бешеные собаки. Тех сразу видно, а этих не сразу.

Но неужели эти заслуженные революционеры, — тихо сказала мать, — одновременно были осведомителями

царской охранки?

Конечно, — кивнул Максим. — При обысках в архивах оппознции нашли даже доносы в охранку, написанные рукой самого дражайшего товарища Сталина. Оппозиция хранила это в своем арсенале как последнее оружие. Но этих воспоминаний молодости я Иосифу Виссарионовичу не показывал.

Боже мой! — вздохнула мать. — Какой ужас.

Революционеры после революции — это пауки в банке, — сказал доктор социальных наук. — И они будут грызться за власть, пока не пережрут друг друга. Ведь, если почитать архивы охранки, то ясно видно, что в подготоаке революции самыми активными были эсеры. А после революции они первые же попали под расстрел. А потом большевики сожрали меньшевиков. А теперь большевики ликвидируют друг друга. То же самое было с якобинцами и жирондистами. А кто привел к власти Гитлера? Штурмовики. А где эти штурмовики сейчас? Гитлер их всех перестрелял. В результате всегда остается один большой паук — Наполеон, Гитлер или Сталин. Это историческая закономерность. И чем это скорее закончится, тем

Покончив с ужином, Максим налил себе чайный стакан водки, отпил половину и устало откинулся на стуле. Отец свернул газету и вздохнул:

- А я все-таки этим обвиненням не верю.

 Да, правды там только частичка, — криво усмехнулся Максим. — А если я скажу тебе всю правду, то ты поверишь мне меньше. В свое время Ленин требовал, чтобы его партия была «партией профессиональных революционеров». Но весь секрет в том, что настоящие революционеры, профессиональные революционеры — это непростые люди. Это специальные люди.

— Какне-такне специальные?

- Такие... Это совершенно специфическая категория людей... С такими особыми комплексами...

- Странно. Что ж это за комплексы?

Доктор социальных наук допил свой стакан с водкои н поучительно поднял палец:

Вот тут-то оно и начинается... Это то самое, что когда-то называли бесами. Если в человеке появляется этот комплекс, то этот человек сам превращается в беса...

или в черта... и начинает заниматься черт знает чем... Понимаешь?

Видя, что Максим перепил и опять начал бредить про нечистую силу, отец осторожно сказал:

Хм, этому действительно трудно повернть.

— Да, но это так... Когда этих чертей арестовывают, я пропускаю их через строжайшие медицинские экспертизы... ана-а-ализы...

— Какие анализы?

Всякие... В том числе и внутренней секреции... И почти у всех та же самая история. То самое, что раньше называлось бесовской одержимостью. А одно из самых опасных проявлений этой одержимости — это неудержимая, болезненная жажда власти. Это специальный комплекс аласти. То, что создает так называемых «прирожденных вождей». Потому одержимые этим комплексом люди ради власти идут на все... на любое преступление.

Советский доктор Фауст щелкнул по бутылке с водкой:

 Для настоящих, прирожденных революционеров революция — это борьба за власть. А все остальное — только средство к цели. И никто не ненавидит друг друга так, как этн комплексные бесы, грызущнеся за власть — илн видимость власти. Ведь Ленин занимался фракционной борьбой больше, чем борьбой с царнзмом. Потому эти черти и стучали друг на друга в охранку. И наперебой сотрудничали с иностранными разведками.

Максим постучал кулаком по столу:

— Потому в Библии и сказано, что их хозянн — дьявол — всегда стремится к власти.

На следующий вечер, читая новые покаянные речи врагов народа, отец опять качал головой и ворчал:

— Но ведь это ж старые большевики. Прошли все царские тюрьмы и ссылки и никогда не раскаивались. А теперь такие невероятные самообвинения!?

- Говорят, нм делают какие-то одуряющие впрыскивания, - заметила мать.

 Не одуряющие, а наоборот — проясняющие, — возразил комиссар госбезопасности. — Я впрыскиваю им такне штучки, которые изгоняют то, что раньше называлось бесами. Тогда они временно становятся обычными людьми, осознают свои грехи — и признаются. А для публичных процессов я впрыскиваю им штучки посильней. Тогда нх даже тянет к покаянию — и они занимаются самобичеваннем.

Доктор социальных наук потянулся к своему стакану с водкой.

- Впрочем, все это полностью соответствует основному закону диалектического материализма -- насчет единства и борьбы противоположностей как двигателей исторического процесса. Борька, ты этот закон знаешь?
- Но ведь это абсолютно противоречит закону о классовой борьбе как основном дангателе историн. Где же в классовой борьбе единство?
- Вот в том-то и дело. Это противоречне не объяснит ни один профессор марксизма-ленинизма. А если объяснит, его расстреляют.

— Почему?

— Да потому, что это марксистское единство и борьба противоположностей... Ха-а!... Да ведь Маркс просто перефразировал старую формулу средневековых чертопоклонников... Но меня не проведешь... Я-то все это знаю.

 Что же это за формула? — заинтересовался Борис. In daemone deus, — процедил сквозь зубы комиссар госбезопасности. — В дъяволе бог... Вот вам и весь секрет этого единства и борьбы противоположностен.

— Да, но что это такое?

— Это философская загадка, философский камень, о который ломали себе голову лучшие умы человечества. Некоторые даже свихнулись. Потому что эта загадка неразрешнма.

· — Ну а ты эту загадку разгадал? — подмигнул Борис.

— Конечно, — уверенно сказал ученик папы Иннокен-

тия. — Бог есть Бог, а дьявол есть дьявол!

 Послушай, Максим. — отец снял пенсне и со смущенным видом принялся протирать его носовым платком. — Вот ты сам говоришь, что кое-кто свихнулся над этими проблемами. А ты знаешь, что есть еще такое религиозное помещательство... Может быть, на тебя слишком подействовали эти твон книги про нечнстую силу... Если хочешь, у меня есть один знакомый психнато?

Доктор социальных наук презрительно фыркнул:

- Если к кому применима поговорка «Врачу — исцелися сам!», то в первую очередь это относится к психиатрам. Ведь многие психнатры становятся психнатрами, чтобы быть поближе к собственной среде. Но мы это тоже

Отец сделал вид, что полирует свое пенсне. А Максим самоуверенно усмехался:

- Ты лучше пошли этого психнатра ко мне. Я скореи найду у него что-нибудь такое, ненормальное.

Пока старший брат был на службе, Борис обнаружил на его столе книгу Макиавелли «Князь», на которую обычно ссылаются, как на образец полнтнческого цинизма. Эта книга была написана в Италин времен Цезаря Боржна. когда там шла ожесточенная борьба между удельными князьями, которые пускали в ход все - убийства, отравления, предательство и подлоги. А Макнавелли полностью оправдывал все преступлення князей и составил как бы философскую рецептуру политического вероломства и беспринципности, всех видов подлости и коварства.

Книга, лежавшая на столе Максима, была выпущена в Москве незадолго до убийства Кирова. Прекрасное изданне «Академни». Старинные гравюры. И даже новый перевод. Но самое удивительное было то, что предисловие к «Князю» было написано Каменевым. Это был культурный н мягкий человек, типнчный тихоня-идеалист из ленинской гвардии. Но в предисловин он восхищался философней Макиавелли и всячески рекомендовал ее как практическое руководство в политике.

Вскоре Каменев был арестован по делу «Троцкистскозиновьевского террористического центра» и сам попал под ту рецептуру, которую он так усердно расхваливал. Вслед за этим был арестован и «Князь» Макиавелли — его запретилн и изъяли из обращения.

На заглавном листе рукой Максима была приписка:

«Характерно, что философия Макиавелли подразделяется на 13 принципов. Это, конечно, не случайно, а нарочно. Провернть его «Мандрагору». Растет под виселицами».

Когда Борис поступил в Индустриальный институт, на форме работников госбезопасности появилась новая эмблема НКВД: змея, поднявшаяся на квост и произенная мечом. Увидев на рукаве Максима эту овальную, шитую золотом и серебром эмблему, Борис спросил:

— А что это за змеюка?

Это гидра р-революцин, — ответил Максим.

Поймав недоверчивый взгляд младшего брата, он полез в стол и достал пачку фотографий, подшитых в специальную папку НКВД. Это была общирная коллекция значков. гербов, флажков и символов всяких революционных, террористических и тайных обществ, начиная от египетских пирамид и кончая Велнкой Октябрьской революцией. На многих фотографиях была изображена точно такая же поднявшаяся на хвост змейка, которую пронзал меч на рукаве комиссара госбезопасности.

Продолжение в следующем номере.

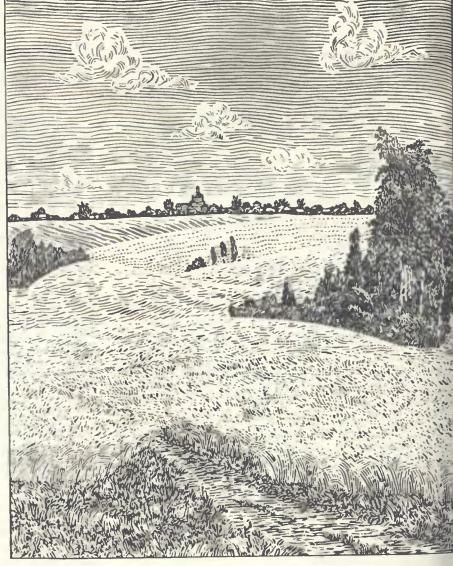
Работы этого художника, представленные нв многочисленных выствеиах — в провинции ли, в столице, всегда привлекают винмание. По ним не скояьзят равнодушным взглядом. Они особенно выделяются сроди современных «понсков» и «новаций» своей традиционностью, каким-то старомодным, но милым обликом. Ненотормм они кажутся излишие датализированимми, слишком тщательно прорисованными. Что ж, а не твкова ли наша жизнь, с ее множеством детвлей, природа, умеющая оценить и оберечь самое малое! В ней есть место и былинке, и цветку, и крошечному насекомому. Нет мепочей, «проходных» детвлей и в реботе этого ма-

Порв назвать его имв. Станислав Епифанов. Художнику 46 лет, он окончил Московский полиграфический институт, учился у именитого графика А. Д. Гончарова. Маэстро передал многое своему ученику, но, пожапуй, пристальный и добрый взглад на мир это особый, приредный дар Елифанова. Художник, сповно странник очарованный, путешествует по родному краю. Глядкт — и наглядеться не может на прекрасные сельские виды, на родные, любимые с детства места. Не мвлую родину Сергея Есенина, творчеством которого он лленен. И спово Есенина — путеводная интъ странствий художинка, больших — в Азербайджан в Мардакян, где поэт создавал свои «Персидские мотивы», н малых — в Конствитиново, Спас-Клепики, везде, повсюду на Рязвиской земле, где родился, жил, бывал Есении.

Всего лишь два цвета — черный и беяый, но художник, стремясь постичь магнческие свойства графики великого Фаворского, пытается добиться этого особого серебристого свечения, прекрасных переливов линий — тончайших, нежных, но точных штрихов. Резец-штихель в его руках обретвет легкость лера, ведущего рисунок черной тушью, снайлерскую точность и твердость лазерного луча. Одна из наиболее интересных гравюр, ранних работ, которую художинк сам считает этвлиой в своем творчестве, называется «Серебряный ветер». Красноречи-BOO HASBANNE.

Можно было бы, пожалуй, здесь поственть точку. В задачи этой рубрики не входит многословный рассказ о художниках. Их работы, посвященные родной земле, воспевают ее красоту н говорят особым языком сами за себя, подразумевая, что эритель обязательно резделит с художиниом его радость, его доброе восприятие мира. Но Станислав Епифанов — ватор, чье творчество связано с поэзней Есенина, с миром Есенина-лирика, беззвватно лреданного родной земле. Сюда, на «милую родину», всегда возвращаяся поэт. Сюда, в Константиново, вновь и виовь стремится художинк, чтобы по-своему осмыслить и передать то, что было дорого лозту, что давало силы жить и творить. Неслучайно лучшие работы Елифанова, несомненно, есеиниские. Гравюры и офорты из его есенинских путешествий, неустанно, день за днем, пишут летопись Рязанской земли, ее прошпого, тысячью интей связанного с днем минувшим. И современное Конствитиново живет Есениным, и на мемориальной улице — навечно двадцатые годы дваРусь моя, милая Родина...

Гравюры
Станислава Епифанова
см. также на 2-й и 3-й
стр. обложки

Полевая дорога в селе Константинове.

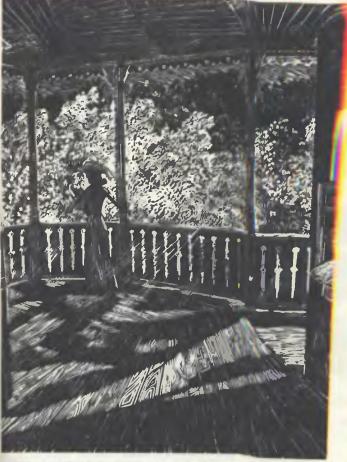
На веранде.

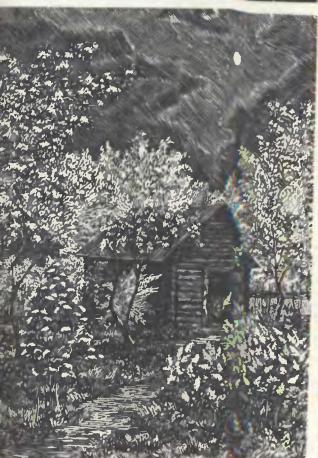
Амбар и рига в усадьбе Есениимх Кузьминская ТЭС Дом-музей Есенина

дцатого столетия... И снег твкой же легкий, серебристый, что и в былые годы, и сижет день морозный, и вечером ласково светат окив знаменитой на весь мир избы...

весь мир избы...
Тем, кто не бывал в Конствитилове, удается, бвагодаря Ствинславу Елифанову, совершить это лирическое путешоствие. Художинк, коначно, создает особый, романтически приподиятый мир Есенинв. Воспевает его, преподносит нам беремию, любовно. «Край яюбимый» звлит солицем, а «Ветер над Вожей» навевает теппо, покой, которого нам, порой, так не хавтает сейчас... Оми просты, безыскусны, этк произведения. Но почему от них так тихо, так радостио на душо!

ЕЛЕНА ПЛАХОВА

Работы этого художника, представлениме на многочисленими выставквх — в провинции ям, в столице, всегда привлекают внимание. По ним не скользят равнодушным взглядом. Они особенно выделяются среди современных «понсков» и «новаций» своей традиционностью, каким-то старомодным, но милым обянком. Некоторым они кажутся излишие датализированными, слишком тщательно прорисованными. Что ж, а не такова ян наша жизнь, с ее множеством датвлей, природа, умеющая оценить и оберечь самое малое! В най есть место и былинке, и цветку, и крошечному насекомому. Нет мелочей, «проходимх» деталей к в работе этого ма-

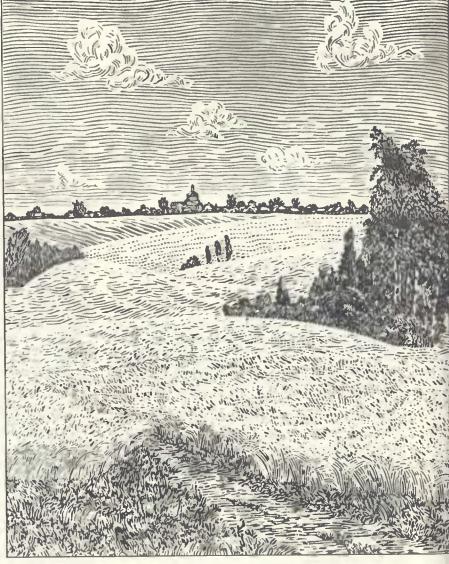
Пора назвать его нмя. Станислав Епифанов. Художинку 46 лет, он оноичил Московский полиграфический институт, учился у именитого графика А. Д. Гончарова. Маэстро передал многое своему ученику, но, пожалуй, пристальный и добрый взглад из мир это особый, природный дар Елифанова. Художник, словно странини очарованный, путвшествует по родному краю. Глядит — и наглядеться не может на прекрасные сельские виды, на родные, любимые с детства места. На малую родину Сергея Есенина, творчеством которого он лленен. И спово Есенина — путеводнав интъ странствий художинка, больших — в Азербайджак в Мардакян, где лоэт создавал свои «Персидские мотивы», и малых — в Константиново, Спас-Клепики, везде, повсюду на Рязвиской земле, где родился, жил, бывал Есении.

Всего лишь два цвета — черный и белый, но художник, стремясь постичь магнческие свойства графики великого Фаворского, пытается добиться этого особого серебристого свечения, прекрасных переливов линий — томчайшкх, нежных, но точных штрихов. Резец-штихаль в его руках обретват легкость пера, ведущего рисунок черной тушью, снайперскую точность и твердость лазерного луча. Одна из наиболее интересных гравюр, раниих работ, которую художник сам считает этапной в своем творчестве, называетсв «Свребрвный ветер». Красноречи-BOO MASBANNO.

Можно было бы, пожвлуй, здесь поставить точку. В задачи этой рубрики не входит многословный рассказ о художниках. Их работы, посвящанные родной земле, воспевают ее красоту и говорят особым языном сами за себя, подразумевая, что зритель обязетельно разделит с художинком его радость, его доброе восприятие мира. Но Станислав Епифанов — автор, чье творчество связано с поэзней Есенина, с миром Есенина-лирика, беззаветно преданного родной земле. Сюда, на «милую родину», всогда возвращался поэт. Сюда, в Константиново, вновь и виовь стремится художинк, чтобы по-своему осмыслить и передать то, что было дорого поэту, что давало силы жить и творить. Неслучайно лучшие работы Епифанова, несомненно, есеиниские. Гравюры и офорты из вго есенинских путешествий, меустанно, день за днем, пишут летолись Разанской земян, ее прошного, тысячью интей свезенного с днем минувшим. И современное Константиново живет Есенным, и на мемориальной улице — извечно двадцатие годы два-

Русь моя, милая Родина...

Гравюры Станислава Епифанова см. также на 2-й и 3-й стр. обложки

Полевая дорога в селе Константинове.

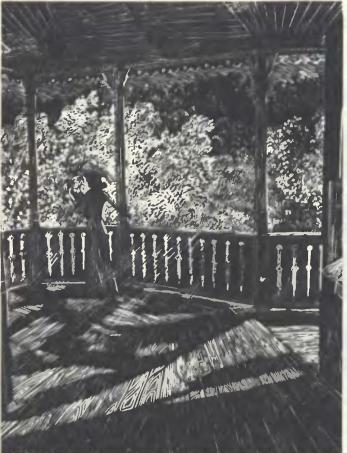
На веранде.

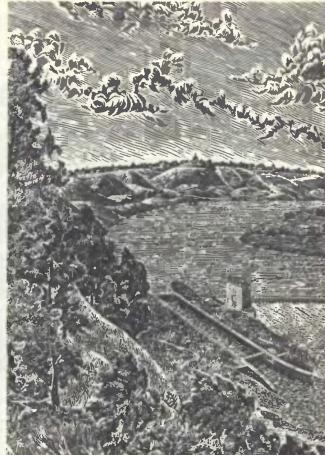
Амбар и рига в усадьбе Есениных Кузьминская ТЭС Дом-музей Есенина

дцатоге столетив... И снег такой жа легкий, серебристый, что и в былые годы, и сизет день морозинй, и вечером ласково светат окив знаменитой на весь мир избы...

Тем, ито не бывал в Конствитинове, удается, благодаря Станисляву Елифанову, совершить это лирическое лутешествие. Художник, конечно, создает особый, романтически приподивтый мир Есенина. Воспевает его, преподносит нам бережно, любовно. «Крвй любимый» залит сопицем, в «Ветер над Вожей» извазвет теппо, покой, которого нам, порой, так не хватает сейчвс... Они просты, безыскусны, эти произведения. Но почему от них так тихо, так радостно на душе!

ЕЛЕНА ПЛАХОВА

Шабаш

Лишь только показалось вдали розовое зарево, возвещающее Москву, как компання села на землю в поле. Выскочили, разобрали ухваты, Клодина села на борова, а шоферы, поставив машины, аыскочили из сидений. Первый «линкольн» устремился в чистое поле, хлопая дверцами, запрыгал по буеракам, наконец, влетел в овраг, перевернулся и загорелся, а второй полетел по шоссе и слышно было, как он врезался в какую-то встречную машину. Блеснули тревожно огин, затем смещались, что-то вспыхнуло и долетели вогли. Грач и козлоногий долго хохотали, катаясь на траве, а затем компания устремилась ввысь и, невидимая, влетела в пылающий светом город. Высадились на крыше громадного дома на Садовой улице и один за другим погрузились в трубу. Маргарита с ужасом и весельем спускалась по трубе, глотая горький запах сажи. Чем ниже, тем яснее до нее доносились звуки оркестра, а когда она оказалась в пустом камине и выскочила в комнату без единого пятна на теле, ее оглушил гром труб н ослепил свет.

Хохот, радостные приветствия огласили комнату. Пошли объятия и поцелун. Слово «Маргарита!» загремело в воздухе. Из-под земли вырос старый знакомый Фиелло и, почтительно сняв поварской колпак, осведомился у Маргариты, хорошо ли долетела госпожа. Откуда-то у кого-то появился в руках бокал с шампанским, и Маргарита жадко выпила холодную жидкость. В ту же минуту кровь ее вскипела пузырыками и ей стало весело. Кто-то во фраке представился и поцеловал руку, вылетела рыженькая обольстительная девчонка лет семнадцати и повисла на шее у Маргариты и прижалась так, что у той захватило дух. Ктото поручал себя покровительству, кто-то слово просил замолямть.

Маргарита хохотала, целовалась, что-то обещала, пила еще шампанское и, опьянев, повалилась на диван и осмот-

Продолжение. Начало в NoNo 4-6/1991.

релась. Она сразу поняла, что вокруг нее непринужденное веселье и кроме того общество смещанное и толчея ужасающая.

В комнате — бывшем кабинете Берлиоза — все было аверх дном. На каминной полке сидела сова. Груды льда лежали в серебряных лоханях, а между сверкающими глыбами торчали горлышки бутылок. Письменный стол исчез, вместо него была навалена груда подушек, и на подушках, раскнувшись, лежал голый кудрявый мальчик, а на нем сидела верхом, нежилась ведьма с болтающимися в ушах серьгами и забавлялась тем, что, наклонив семисвечие, капала мальчику стеарином на живот. Тот вскрикивал и щипал ведьму, оба хохотали, как неступленные. У горящего камина что-то шипело и щелкало — Фиелло жарил миндаль и двое в багровом столбе пламени пили водку. Один был в безукоризненном фрачном одеянин, а другой а одних подштанниках и в носках.

Через минуту к пьющим присоединился боров, но голая девчонка украла у него из-под мышки портфель, и боров, не допив стопки, взревев, кинулся отнимать.

В раскрытые двери виднелись скачущие в яростной польке пары. Там полыхало светом, как на пожаре. Горелн люстры, на стенах пылали кенкеты со свечами, кроме того столбами ходил красный свет из камина. От грохота труб тряслись стекла за шторами.

Гроздья винограду появились перед Маргаритой на столике, и она расхохоталась — ножкой вазы служил золотой фаллос. Хохоча, Маргарита тронула его, и он ожил в ее руке. Заливаясь кохотом и отплевываясь, Маргарита отдернула руку. Тут подсели с двух сторон. Один мохнатый, с горящими глазами, прильнул к левому уху и зашептал обольстительные непристойности, другой — фрачник — привалился к правому боку и стал нежно обнимать за талию. Девчонка уселась на корточки перед Маргаритой, начала целовать ее колени.

— Ах, весело! Ах, весело! — кричала Маргарнта, — и все забудещь. Молчите, болван! — говорила она тому, который шептал, и зажимала ему горячий рот, но в то же время сама подставляла ухо.

Но тут вдруг на каминных часах прозвенел один удар — половнна двенадцатого, — и разом смолкла музыка в зале и остановились пары. И тотчас меж расступившихся прошел Фагот-Коровьев, все а том же кургузом пиджачяшке и своих поганых гетрах.

Но несмотря на его неприглядный вид, толпа расступялась, и Коровьеа подошел к Маргарите, по обыкновению слегка валяя дурака.

Приветствовал, выкинув какую-то штучку пальцами, взял под руку и повел через зал. Но тон Коровьева, когда он, наклонившись к уху Маргариты зашептал гнусаво, был чрезвычайно серьезен.

— Поцелуйте руку, назовите его «мессир», отвечайте только на вопросы и сами вопросов не задавайте.

После бальных огией Маргарите показалось, что темноватая пещера глянула на нее. Некто а фиолетовом наряде откинул алебарду и пропустил в кабинет.

В камине тлели угольки, на столике горели семь восковых свечей в золотом семисвечняке, и в теплом их свете Маргарита рассмотрела гнгантскую кровать на золотых ногах, тяжелые медвежьи шкуры на полу и шахматную доску. Пахло острыми лекарствами, густым розовым маслом. На постели на шелковых скомканных простынях сидел тот самый, что в час заката вышел на Патриаршие Пруды. На нем был зеленый засаленный и с заплатой на локте халат, из-под которого виднелась грязная ночная сорочка, на голых ногах истоптанные ночные туфли с изъеденной меховой оторочкой, на палыцах тяжелые перстии. Ночной горшок помещался у кровати. Одиу иогу сидящий откинул, и голая ведьма, покраснев от натуги, натирала колено черной мазыю, от которой по всей комнате распространялся удушливый запах серы.

За спиной Маргарита чувствовала, как толпа гостей бесшумно вваливается в кабинет, размещается. Настало молчание.

Сидящий в этот момент стукнул золотой фигуркой по лоске и молвил:

— Играешь, Бегемот, безобразно.

— Я, мессир, — почтительно отозвался здоровяк черный котище сконфуженно, — просчитался. На меня здешний климат неблагоприятно действует.

Климат здесь ни при чем, — сказал сидящий, — просто ты шахматный сапожник.

Кот хихикнул льстиво и наклонил своего короля.

Тут сидящий поднял взор на Маргариту, и та замерла. Нестертимо колючий левый глаз глядел на нее, и свечные огни горели а нем, а правый был мертв. Ведьма отскочила а сторону со своим черным варевом.

 Мессир, — тонко заговорил Коровьеа у плеча Маргариты, — разрешите представить вам Маргариту.

— A, достали? Хорошо, — ответил сидящий, — подой-

Маргарита почувствовала, как Коровьев предостерегающе толкнул ее а бок, и сделала шаг вперед. Сидящии протянул ей руку. Маргарита, вдруг догадавшись, кто такой перед нею, побледнела и, наклонившись, поцеловала холодные кольца на пальцах.

Глаз опять апился в нее, и Маргарита опустила веки, не в силах будучи вынести его.

- Вы меня извините, госпожа, за то, что я принимаю вас а таком виде, — и сидящий махнул рукой на голую свою натертую ногу, на горшок и шахматы, — нездоров. Отвратительный климат в вашем городе, то солнышко, то сырость, холод... А?
- Честь, честь, тревожно шепнул в ухо Коровьев.
- Это... начала Маргарита глухо.
- Великая, свистнул Коровьев.
- головой, слепой и неуверенной походкой, он подошел к ложу.
 - Узнаешь меня, Иванушка? спросил сидящий.

Иванушка Бездомный повернул слепую голову на голос.

— Узнаю, — слабо ответил он и поннк головои.

— Узнаю, — сласо ответья от и политием Пилатом?

— И веришь ли, что я говорил с Понтием Пилатом?

— Верую.

Что же хочешь ты, Иванушка? — спросил сидящий.

— Хочу увидеть Иешуа Ганоцри, — ответил мертвый, ты открой мне глаза.

— В иных землях, в иных царствах будещь ходить по полям слепым и прислушиваться. Тысячу раз услышишь, как молчание сменяется шумом половодья, как весной кричат птицы и воспоешь их, слепенький, в стнхах, а на тысячу первый раз, а субботнюю ночь, я открою тебе глаза. Тогда увидишь его. Уйди в свои поля.

И слепой стал прозрачен, потом и вовсе нечез.

Маргарита, прижаашись щекой к холодному колену, не отрываясь, смотрела.

ответил бывший администратор.

- Да-с, а курьершу все-таки грызть не следовало, назниательно ответил хозяин.
- Виноват, сказал Внучата.

 В уважение к вашему административному опыту, я назначаю вас центурионом вампиров.

Внучата стал на одно колено и руку Воланда сочно поцеловал, после чего, отступая задом, вмешался а толпу придворных.

— Ну-с, кажется, и все московские покойники? Завтра об эту пору их будет гораздо больше, я подозреваю.

- Виноват, мессир, доложил Коровьев, изгибаясь, а городе имеется один человек, который, надо полагать, стремится стать покойником ане очереди.
- Кто такой?
- Кто такон:
 Некий гражданин по фамилии Фон-Майзен. Называет он себя быашим бароном.

— Почему бывшим?

- Титул обременял èго, докладывал Коровьев, н в настоящее время барон чувствует себя без него свободнее.
 - Ага.
- Он звонил сегодня по телефону к вам и выражал восторг по поводу вашего вчерашнего выступлення в театре, и когда узнал, что у вас сегодня вечер, выразнл весьма умильно желание присутствовать на нем.

Воистину это верх безрассудства, — философски заметил хозяин.

метил хозяии.

— Я того же мнення, — отозвался Короаьев и загадочно хихничил.

Такое же хихиканье послышалось в толпе придворных.

— Когда он будет?

 Когда оп будет:
 Он будет сию минуту, мессир, я слышу, как он топает лакированными туфлями а подъезде.

Потрудитесь приготовить все, я приму его, — распорядился козяни.

Коровьев щелкнул пальцами, и тотчас кровать исчезла и комната преяратилась в гостиную. Сам хозяин оказался сидящим в кресле, а Маргарита увидела, что она уже в открытом платье, и сидит она на диванчике, и пианино за играло что-то сладенькое в соседней комнате, а гости оказалнсь и в смокингах и во фраках, и на парадном ходе раздался короткий, как будто предсмертиый, звонок.

Через мгновение бывший барон, улыбаясь, раскланивался направо и налево, показывая большой опыт в этом деле. Чистенький смокинг сидел на бароне очень хорошо и, как верно угадал музыкальный Коровьев, он поскрипывал лакированными туфлями.

Барон приложился к руке той самой рыжей, которая в голом виде встречала буфетчика, а сейчас была в платье, шаркнул ногой одному, другому и долго жал руку хозяину квартиры. Тут он повернулся, нща, с кем бы еще поздороваться, и тут необыкновенные глазки барона, вечно полу-

прикрытые серыми веками, встретили Маргариту.

Коровьев вывернулся из-за спины барона и пискнул: Позвольте вас познакомить...

— О, мы знакомы! — воскликнул барон, апнваясь глазами а Маргариту.

И точно: барон Маргарите был известен: она видела его раза три в Большом Театре на балете. Даже, помнится, разговаривала с ним в курилке.

Маргарита почувствовала поцелуй а руку, а душа ее наполинлась тревожным любопытством. Ей показалось, что что-то сейчас произойдет, и очень страшное.

Барон же уселся и завертел головой направо и налево. готовый разговаривать с полным непринуждением. И, однако, одного винмательного взгляда достаточно было, чтобы убедиться, что барон чувствует величайшее изумление. И поразили его две вещи: во-первых, резкий запах жженой серы в гостиной, а главным образом, вид Коровьева. В самом деле! Среди лиц во фраках и смокнигах и приличных хотя бы по первому взгляду дам поместился тип, который мог кого угодно сбить с панталыку. Один гетры при кургузом пиджаке и пятне на животе чего стоили! Как ни гасил мышнный блеск своих бегающих глаз барон, он не мог скрыть того, что мучительно старается понять, кто такой Коровьев и как он попал к иностранцу.

А Коровьев именно и завел дружелюбную беседу с напросившимся гостем, и первым долгом осведомился о погоде. Барона погода удовлетворялв, но Коровьев поражал все больше, и диковато поглядывал из-под опущенных век барон на расколотое пенсне.

Кроме того, барона привело а смущение молчание самого хозянна. Барон похвалил вчерашний спектакль, а хозяин хоть бы звук в ответ. Но вместо этого Коровьев затруднил гостя вопросом о том, как здоровье деток, а то время как деток никогда у барона не было. Смущение разлилось по лицу барона и даже начинало граничнть с тревогой. Лица, находящиеся в комнате, все более казались барону странными. Так, рядом уселась декольтированная дама, но на шее у этой дамы была рваная громадная н только что, по-видимому, зажнешая рана, которая заставила чувствительного барона содрогнуться. Дальше хуже: повернувшись, барон увидел, что рядом с ним уселся законченный фрачник, на котором не хватало только одного. но самого, пожалуй, существенного — сапог. Фрачник был бос. Тут уж барон просто вылупил глаза. И закрыть их ему при жизни уже более не пришлось.

 Вас, барон, как я аижу, — вдруг произнес хозяин, удивляют мои гости? Да, не скрою н не стану отрицать, онн оригиналы, но, поверьте, аы изумляете их не меньше, чем они вас. Итак, милый барон, скажите Внутри Маргариты оборвалось что-то, но ужаса она не испытала, а скорее чувство жутковатого веселья. Впервые при ней с таким искусством н хладнокровнем зарезали человека.

Труп барона поехал вбок, но его подхватили лоакие руки, и кровь из горла хлынула в подставленную золотую чашу. И тут же а комнате начала бить полночь, и еще раз все преобра. . . .

— Верни мне моего любовника, государь, — попросила Маргарита.

Воланд вопросительно повернул голову к Коровьеву. Тот что-то пошептал на ухо Воланду. Еще несколько секунд не сводил тяжелых глаз Воланд с Маргариты, а потом сказал:

Сейчас будет сделано.

Вскрикнув от радости, Маргарита припала к тяжелым сапогам со звездными шпорами и стала целовать черную кожу и отвороты, задыхаясь, не будучи в состоянии произносить слова.

 Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать истинная любовь, — сказал хозяин. — А за . . .

 Он написал книгу о Иешуа Ганоцри.
 — ответила Маргарита.

Великий интерес выразился в глазах Воланда, и опять что-то зашептал ему на ухо Коровьев.

- Нет, право, это черед сюрпризов, заметил хозяни, но слов своих не объяснил.
- Да, да, верните его, умильно попросила Коровьева Маргарита.
- Нет, это не по его части, отозвался хозяни домв. это лело Фиедло.

И Фнелло получил приказ, но разобрать его Маргарита не могла, так как он был отлян пјепотом.

Тут Фие . . . гостей хозяина.

Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги.

Весь в грязи, руки изранены, лицо заросло рыжеватой щетиной. Человек, щурясь от яркого света люстр, вздрагивал, озирался, глаза его светились тревожно и стра-

Маргарита, узнав хорошо знакомый, рыжеватый вихор н зеленоватые эти глаза, приподнялась и с воплем повисла на шее у приехавшего. Тот сморщился, но подавил а себе волнение, не заплакал, механически обнимая за плечи Маргариту.

В комнате наступило молчание, которое было прервано словами хозяина дома, обращенными к Фиедло:

- Надеюсь, вы никого не застрелили?

Обращайтесь к коту, мессир, — отозвался Фиелло. Хозяин перевел взгляд на кота. Тот раздулся от важности и похлопал по кобуре лапой.

 Ах, Бегемот, — сказал хозянн, — и зачем тебя выучили стреляты Ты слишком скор на руку.

Ну, не я один, сир, — ответил кот.

Затем хозянн обратил свой взор на прибывшего. Тот снял руки с плеч Маргариты.

— Вы знаете, кто я? — спросил его хозяин.

 Я, — ответил привезенный, — догадываюсь, но это так странно, так непонятно, что я боюсь сойти с ума.

Голос привезенного был грубоват и хрипл.

- О, только не это. Ум берегите пуще всего. ответил хозяни, — и, повернувшись к Маргарите, сказал:
- Ну что ж... Благодарю вас за то, что посетили меня. Я не хочу вас задерживать. Уезжайте с ним. Я одобряю ваш выбор. Мне нравится этот непокорный вихор, а также зеленые глаза. Благодарю вас.
- Но куда же, куда я денусь с ним? робко и жалобно спросила Маргарита.
- С обоих сторон зашептали в уши хозяину слева Фнедло, справа — Коровьев.
- Да аыбросьте вы его к чертовой матери, сказал хозяин, — так, чтобы и духом его не пахло, вместе с его вещами... а впрочем, дайте его мне сюда.

И тотчас неизвестный человек свалился как бы с потолка в залу. Был он а одних подштанниках и рубашке, явно поднятый с теплой постелн, почему-то с кепкой на голове и с чемоданом в руках. Человек а ужасе озирался, и было видно, что он близок к умопомещательству.

- Понковский? спросил хозянн.
- Понковский, так точно, ответил, трясясь, человек.
- Это вы, молодой человек, заговорил козяин, написали, что он, - хозянн кивнул на вихор и зеленые глаза. — сочиняет роман?
- Я-с, ответил человек с чемоданом, мертвея.
- А теперь в квартире его проживаете? прищурясь, спросил хозяни.
- Да-с, плаксиво ответил человек.
- Это что же за хамство такое? сурово спросил хозяин, а затем добавил рассеянно. — пошел вон!

И тотчас Понковский исчез бесследно.

Квартира ваща таперича свободна. — дасково заговорил Коровьев, - гражданин Понковский усхали во Владивосток.

Тут качнулся светло-рыжий вихор, глаза тревожно об-

 Я, — заговорил поэт, покачнулся от слабости, укватился за плечо Маргарнты, — я предупреждаю, что у меня нет паспорта, что меня схватят сейчас же... Все это безумие... Что будет с нею?

Сидящий внимательно поглядел на позта и приказал: Дайте гостю водки, он ослабел, тревожен, болен. Руки протянулись к поэту со всех сторон, н он отпил из

стакана. Его заросшее лицо порозовело.

Паспорт, — повторил он упрямо и безумно.

 Бедняга, — сочувственно произнес хозяни и покачал головой, — ну, дайте ему паспорт, если уж он так хочет. Коровьев, все также сладко улыбаясь, протянул поэту маленькую книжечку, и тот, тревожно косясь в пол, спрятал ее под кацавейкой.

Маргарита тихонько плакала, утнрая глаза большим рукавом.

Что с нами будет? — спросил поэт, — мы погибнем!

Как-нибудь обойдется, — сквозь зубы сказал хозя-

ин и приказал Маргарите, — подойдите ко мне.

Маргарита опустилась у ног Воланда на колени, а он вынул из-под подушки два кольца и одно из них надел на палец Маргарите. Та притянула за руку позта к себе и второе кольцо надела на палец безмоланому поэту.

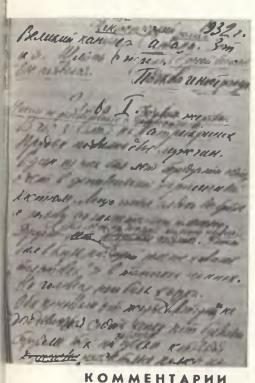
 Вы станете не любовницей его, а женой, — строго н • полной тишине проговорил Воланд, — впрочем, не берусь загадывать. Во всяком случае, — он повериулся к поэту, примите от меня этот подарок, — и тут он протянул поэту маленький черный револьвер с золотою насечкою.

Поэт, все так же мутно н угрюмо глядя исподлобья, взял револьвер и спрятал его в глубоком кармане под кацавейкой.

— Вечер наш окончен, — объявил Воланд, — светает, я хочу отдохнуть. Все свободны.

При этих словах свет а люстрах стал убывать, толпа гостей растаяла в полумраке, и Маргарита почувствовала, что ее бережно ведут под руки по лестнице.

Продолжение в следующем номере

KOMMEHTAPHH Шабаш

С. 68. Лишь только показалось вдали розовое зарево, возвещающее Москву... — Предшествующая глава под названием «Губная помада и крем» заканчивалась так:

«Обсохнув, Маргарита на щетке перелетела на противоположими плоский

8/X1.33

Тут зудящая музыка послышалась ясио. На лужайке под группой дубков шло веселье, но видимо уже к концу, и компания была разиообразная. Под дубками весело плясали после купания четыре ведьмы и один козлоногий, вроде того толстяка. Зудящая му-

зыка исходила от толстомордых лягушен, которые, подвесив кусочки светящихся гнилушек на согнутые ивовые прутья, играли на дудочках. В стороне горел костер. Неподалеку от него стояли две открытых машниы марки «Линкольн», и на шоферском месте первым сидел здоровенный грач в клееичатой фуражке. Знакомый боров, сдвинув кепку на затылок, пристроился к плетенке с провизией и уписывал бутерброды с семгой. Он жевал, но с драгоценным своим портфелем не расставался.

Багровые отсветы танцевали на животах голых ведьм, гнилушки освещали раздутые морды лягушен, от реки доносились последние всплески запоздавших.

Маргарита, иеся щетку, подошла в тот момент, когда грач рассказывал борову о том, как ловко он угиал от «Метрополя» две машины. Грач показывал, как швейцар метался и кричал: «На помощь!».

Появление Маргариты произвело большое впечатление. Танец прекратился, и ведьмы стали всматриваться...

Наконец, та самая Клодиночка подошла к Маргарите и спросила ее, от-КУДВ ОНВ И КТО ТАКАВ?

— Я — Маргарита, — ответила Маргарита и воткиула щетку в землю.

Эти слова произвели необыкновеиный эффект. Грач взял под козырек, боров сиял кепку, а ведьмы защебетали, стали обиимать Маргариту, лягушки сыграли пискливый туш.

- Bot onal Bot onal A MM-TO MHTEресовались уже, где же вы? Мы думали, что вы купаетесь на другой реке.

Маргариту стали угощать. Боров предложил бутерброд с семгой, который он только что надкусил, за что Клодиночка ударила его по морде. Высунулось из кустов какое-то рыло с коровьими рогами и тоже выпятилось на Маргариту.

Тут все вдруг заспешили, стали изпод рук смотреть на месяц, закричали: Пора! В Москву!

Лягушки прекратили музыку. Решено было всем, чтобы не было скучно и не разбивать компанию — лететь в столицу в двух машинах. Боров в особенности клопотал об этом. С хохотом и визгом набились две машины, погру-

зили туда метлы, ухваты, в качестве шофера во вторую машину уселся козлоногий толстяк, который принял Маргариту за Маньку. И уже собрались тронуться, как произошел инцидент. Из-за деревьев высунулась твиная фигура, приседая от удивления, вышла на середину поляны, и - в дрожащем освещении догорающего костра оказалась мужиком, который неизвестно как, ночью, залез на пустыниую реку. Мужик остолбенел, увидевши автомобили с пассажирами. Заиес руку ко лбу.

 Только перекрестись! — каркнул грач, — я тебе — перекрещусы! В машинах заулюлюкали.

Грач заорал: — Держи его!

Мужик, прыгая как заяц, кинулся, очевидно, обезумев, не разбирая дороги, и слышно было, как влетел в реку.

В машинах разразились хохотом. затем зажужжали моторы, машины рванулись по лугу, подиялись в воздух.

Когда Маргарита, сдавленная со всех сторон иежными объятиями голых ведьм, обернулась, — ей в последний раз тускло блеснула печальная неизвестная река и меловой лунный утес».

...ее оглушил гром труб и ослепил свет. — Вновь сопоставим со следующей рукописной редакцией:

«Первое, что поразило Маргариту, это та тьма, в которую она попала. Было темио, как в подземелье... Следуя за Коровьевым, Маргарита попала в совершенно необъятный зал. Здесь на золоченой тумбе горела одинокая свеча... — Вас, без сомнения, удивляет отсутствие света, — заговорил он. — Но не думайте, что мы из экономии не зажигали ламп. Просто мессир не любит электрического света. Когда же начнется бал, свет дадут сразу и недостатка в нем не будет, уверяю вась.

С. 69. Это великая честь для меня... государь мой. — В этом месте вырваи лист с очень важным текстом, поскольку после беседы Маргариты с Воландом начинался суд над покойниками. Но как Иванушка перешел в ниой

мир - мы не знаем. И был ли Иванушка первым — тоже не известно Но совершенно очевидно, что Булгаков вырывал и уничтожал наиболее острые места в тексте. Приводим небольшой отрывок текста из следующей полной рукописной редакции:

«- Ни в каком случае, мессир! - ясным и тихим голосом ответила Маргврита и, улыбнувшись, добавилв, в умоляю вас не прерывать партии. Я полвгаю, что шахметные журналы бещеные деньги заплатили бы за то, чтобы ее напечатать у себя.

Азазелло тихо, но восторженно КРЯКНУЛ.

Воленд поглядел внимательно на Маргариту и затем сказал как бы про себя:

— Кровь! Кровь всегда скажется... Он протянул руку, Маргарита подощла. Тогда Воланд наложил ей горячую, как огонь, руку, на плечо, дернул Маргариту к себе и с размаху посадил на кроветь рядом с собой.

— Если вы тек очаровательно любезны, — зеговорил он, — а я другого ничего и не ожидел, так будем же без церемонии. Простота — наш девиз! Простота!

 Великий девиз, мессир, — чувствуя себя просто и спокойно, ничуть не дрожа больше, ответила Марга-

— Именно, — подтвердил Воланд...» ...на блюде оказалясь мертвая голова с косым шрамом... и с кольцом лохматым в звлекшейся крови на шее... — Далее несколько листов вырвано и вновь, очевндно, с редким по остроте содержанием. Елена Сергеевна Фиксировала иногда в дневнике факты уничтожения Булгаковым части рукописи. Так. 12 октября 1933 г. она записвла: «Утром звонок Оли (Бокшенской. — В. Л.): арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорят, что за какие-то сатирические басни. Мища нахмурился... Ночью М. А. сжаг часть CRORFO DOMAHAN.

Ниже приводится фрагмент из следующей полной рукописной редакции, по объему значительно уступающий уничтоженному.

«Тотчас перед группой Воланда появился слуга с блюдом, и на этом блюда Маргарита увидела отрезанную голову человека в засохщих и замытых потеках крови, с приоткрытым ртом, с выбитыми перединми зубами.

Тишина продолжала стоять полнайшая, и ве прервал только где-то далеко послышавшийся эвонок, как бывает с парадного хода.

 Александр Александрович, — негромко сказал Воланд — и тогда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза.

— Вот все и сбылось, — продолжал Воланд, глядя в глаза голове, - н голова отрезвна женщиной, не состоялось заседение, и живу я я вашей квартире. Самая упрямая в мире вещь есть факт. Но теперь и вас интересует дальнейшее, а не этот уже совершивщийся факт. Вы были горвчим проповедником той теории, что по отрезанин головы жизнь в человеке прекращается, он уходит в темное небытие, в золу. Мне приятно сообщить вам в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем дру-

гой теории, о том, что ваша теория и солидна, и остроумна. Во всяком случае, одна теория, как говорится, стоит другой. Есть и такая, согласно которой каждому дано будет по его вере. Да сбудется! Вы уходите в небытие, и мне радостно сообщить вам, что из чаши, в которую вы превращаетесь, в выпью за бытие! Итак, чашу!»

...сказал Внучата. — Он же Ва-

...в городе имеется один человек, который... стремится стать покойником вне очереди... Некий гражданин по фамилни фон-Майзен. --Трудно поверить в неоспоримый факт: Булгаков 30 декабря 1933 года, накануне Нового года, как бы предрешил судьбу известного в то время в театральных кругах человека, «зарезав» его нв одной из страниц своего романа о дьяволе. Бывший барон фон-Майзен (в последней редакции — фон-Майгель) в романе — это бывший барон Борис Сергеевич Штейгер — в жизни. Он состовл на службе в коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним связям и подчинялся непосредственно А. С. Енукидзе, видному в то время государственному и партийному девтелю, члену этой коллегии. Бывший барон прекрасно знал иностранные языки и принимал участие в обслуживании дипломатического корпуса и иностранных

Вероятно, Булгаков был хорощо осведомлен о деликатной девтельности барона в кечестве «служащего комиссии по ознакомлению иностранцав с достопримечательностями столицы». поскольку был вынужден очень часто соприкасаться с Авелем Сафроновичем Енукидзе, возглавлявшим правительственную комиссию по руководству Художественным и Большим театрами и решавшим многие театральные дела, в том числе касавшиеся драматурга (разрешение или запрещение булгановских пьес, рассмотрение звявлений писателя на выезд за границу и т. д.). Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что писатель едав ли стал бы выносить столь суровый приговор человеку, которого не знал или плохо знал. Заметим попутно, что Булгаков мог знать Штейгера еще по Киеву, где бывший барон одно время проживал.

«Казнив» барона в романе, Булгаков затем часто встречался с ним на приемах в американском посольства. в ресторанах, кафе. Это видно из дневниковых записей Е. С. Булгаковой. Приведем лишь некоторые из них. 23 впреля 1935 г.: «С неми в машину сел (при отъезде из американского посольства. — В. Л.) не знакомый нам. но известный всей Москве и всегда бывший среди иностранцев — кажется, Штейгер. Он — с шофером, мы сзади». Очевидно, этот текст Елена Сергеевна записываля под диктовку мужа (так было очень часто), ибо здесь чувствуется саркастический юмор писателя, подчеркивающего невозможность общения с человеком-покойником, 3 мая: «У Уайли (сотрудница американского посольства. — В. Л.) было человек тридцать, среди них турецкий посол, какой-то французский писвтель... и, конечно, Штейгер». Запись того же дня: «Вчера днем заходил Жуховицкий (журналист, также занимавшийся обслуживанием иностранцев. — В. Л.)... Очень плохо отзывался о Штейгере, сказвл, что ни за что на хотал бы с ним встретиться у нас». 1В октября: «Позвонили из американского посольства, зовут на... прием у Буллита... Пришли... Посол необыкновенно приветлив. Мы поздоровались. Миша отошел к роялю. Буллит подошел к нему и очень долго с ним разговаривал... К ним подходил Афиногенов. Только двое и было русских. Впрочем, еще Штейгер. Тот проявлял величайшее беспокойство, но околачивался вдали...» 7 января 1936 г.: «После театра... поехали в швшлычную... Там были американцы и, конечно, неизбежный барон Штейгер...»

О реальной смерти барона Булгаков уанал 16 декабря 1937 года. В этот день в прессе был опубликован приговор Вовнной коллегии Верховного суда СССР по делу об измене родине и шпионаже в пользу одного из иностранных государств. Обвинялись -А. С. Енукндзе, Л. М. Карахан, другие высокопоставленные лица и... Б. С. Штейгер. Все были приголорены к расстрелу. Сообщалось, что приговор приведен в исполнение

Итак, барон Б. С. Штейгер, «приговоренный» писателем к смертной казни 30 декабря 1933 года, был расстрелян 16 декабря 1937 года.

О реакции Булгакова на это сообщение мы ничего не знаем. В дневнике Е. С. Булгаковой это событие не зафиксировано, хотя все предыдущие и последующие подобные сообщения находили отражение в ее записях.

Но после столь трагической развязки у писателя быле возможность изменить свое суровое решение, ибо основная работа над романом была еще впереди. Однако Булгаков свой «приговор» оставил в силе, изменив лишь способ смертной казни: вместо ножа берон получил пулю. Нож писатель припас для Иуды.

С. 70. ...в то время квк деток у барона никогда не было. — Еще одна деталь, указывающая на прекрасную осведомленность Булгакова о Б. С. Штей-

.. Итак, милый барон, скажите... — Двлев Булгаков поставил многоточие, видимо, не желая фиксировать на бумаге подробности казни (глава и без того пестрит обрывами текств).

...н еще раз все преобра... — В этом месте вырван лист. Очередное «преображение» свидетельствует о том, что Булгаков все более склонялся к изображению не «шабаша». а «великого бала v свтаны»

— А за... — Вырвано несколько ли-CTOR.

...Тут Фиел... — Вновь обрыв тек-

... Солдатские штаны, грубые высокие свлоги... — По описвнию внешности героя и его одежды видно, что доставлен к Воланду он не из лечебницы, а из иного учреждения.

> Публикация глав романа и комментарии Виктора Лосева

APXMBB PS/CCKOM PEBOMOUM

«Так жить совершенно нельзя»

Продолжая начатую в № 4 «Слова» рубрику «Письма в Кремль», переносим читвтеля из бурного периода «красногвардейской атаки на капитал» в не менее «славную» эпоху «военного коммунизма». Автор публикуемого ниже письма, также адресованного управделами Совнаркома Бонч-Бруевичу, - крестьянин Тульской губернии Михвил Петрович Новиков (1870-1939). О жизни и судьбе этого самобытного народного мыслителя уже рассказывалось в печати (см. журнал «Горизонт», 1989, № 1, с. 22—23). Это письмо-раздумье, датированное октябрем 1920 г., вне сомнения, отражвет не только личные мысли автора. но и мировоззрение всего русского крестьянства, не принимаящего «навязанный грубым насилием соци-

Социализм, навязываемый грубым насилием русскому ивроду, привел козяйственную жизнь этого народа в такой тупик и застой, что грозит а недалеком будущем ужасным голодом.

И вот тому причины:

1) Т. н. капиталистический строй а хозяйственной жизни опирался на хозяйский интерес и заботу, на конкуренцию и соревнование, и двигался на принципе собственности. Социалистический строй, основывающий все на обобществлении, уничтожил хозяина и его интерес, уничтожил личную инициативу и право работника и производителя на его труд и предприимчивость и не только отбил, но и а корне уинчтожил стремление крестьянина хорошо и много работать, чтобы догнать и обогнать соседа, лучше его живущего, и у крестьяи опустились руки.

2) Социалистический строй ввел монополизацию продуктов и предметов потребления и устанавливает их равиомерное распределение, что равняет способного и неспособного. трудолюбивого и лентяя в их потреблении и, с одной стороны, также отбивает охоту трудолюбивого работать и припасти на черный день, а с другой, еще больше увеличивает лентяеа и дармоедов, надеющихся на государственный паек. Правительство этого строя еще больше принуждено для этих лентяев и неспособных аыдумывать совершенио ни на что не нужных должностей и мест и содержать их как па-

3) Этот строй лишил землю хозяина и его любви к ней, и она стала плохо обрабатываться и плохо родить, и чтобы поправить дело, нужно или вернуть хозяину мелкую земель-

ную собственность в размерах трудовой нормы, или переделать психологию человека, чего без изменения религиозных устоев сделать невозможно, а религию социализм отвергает.

4) Социализм лишил крестьянина интереса мвтериального развития и приобретения, и они теперь совершенно не знают, чем им жить и чем интересоваться. Интересы же обобществления в труде и жизни им незиакомы и не могут быть ими усвоены, т. к. тому нет наглядных примеров.

5) Нарушив хозяйский интерес и трудолюбие, социалистический строй принужден был в разных формах установить трудовые повинности, или попросту крепостное право, которое хуже прежнего тем, что не имеет еще такой определеиности и мучает крестьяи, выдвигая все новые и новые

неожиданные требования.

6) Новый строй потребовал с крестьян так много натуральных повинностей, что на выполнение разверстки, жалобы и споры из-за них мы тратим так много времени, что ни одного дня не бываем спокойны. Почти каждый день собрания и сходки, так что некогда и работать. По рассказам стариков старые крепостные порядки куда были лучше, т. к. приспособившись к оброку, или двум дням барщины, в остальном можно было быть себе и своему имуществу хозяином и, как говорится в сказках, жить да поживать, и добра наживать. Теперь все мы лишены собственности и у нас отбирают насильно и хлеб, и скотину, и инвентарь, и гоняют на разные принудительные работы, так что горя, нужды, злобы друг на друга, и, главиое, злобы против так называемого советского правительства стало в 10 раз больше, чем было раньше, при монархическом строе. О прежней жизни крестьяне мечтают для будущего как о светлом рас. Мечтают, разумеется, не о цврстве и губернаторах, а о том порядке, когда можно было иметь право на собственную землю и труд и свободно распоряжаться своим имуществом, о свободной торговле и хозяйской жизии промышленности, о денежных оброках аместо натуральных, о свободе распоряжаться своим временем и т. п.

Что стало со введением социализма?

1) На место одного старшины и писаря в волости 5 заведующих разными отделами, 15 служащих и 5 разного рода уполномоченных и контролеров, понуждающих крестьян с вооруженными отрядами исполнять их законные требования крепостнического характера.

2) Земля стала плохо и меньше размером обрабатываться, много остается пустующей земли, бывшей помещичьей, которая раньше даже испольно или арендно обрабатывалась кпестьянами же.

3) К моменту нового урожая ни у кого не остается запасов старого, все взято отрядами, так что а случае неурожая,

прежде чем хлеб привезут из Сибири или Америки, люди умрут с голоду.

4) Истребляются хищнически леса, т. к. сразу оказалось, что всем крестьянам нужно по 2 избы и новые саран, амбары, ради этого делятся отец с сыном, брат с братом, лишь бы только иметь возможность получить дарового леса для стройки. Страшно подумать, что будет дальше от этого ненужного истребления лесов.

5) По легкости разводов и браков люди потеряли стыд и, как магометане, разводятся с одной и женятся на другой. третьей жене, оставляя и жен и детей на произвол судьбы и возбуждая тем суды, озлобление и месть.

6) Те негодные элементы деревни и города, которые прежде не умели или не котели работать и занимались или воровством или хождением по миру, т. е. кормились подаянием, теперь все или у власти, или а разного рода «отрядах» и уж не просят, не воруют тайно, а «по закону» отнимают среди дня у людей все, что им нужно, и, таким образом, имущество граждан законом ие оберегается.

7) Говоря правдиво, все иовщества и блага социалистического строя, для нас, крестьян, и выразились в этих вооруженных отрядах, через которые новое начальство и разговаривает с нами. Отряды по так называемой трудовой и гужевой повинности, гоняющие нас на принудительные работы по возке дров, рытью окопов, очистке линий, пилке дров и т. п., отряды продовольственные, отнимающие нвсильно из наших домов и амбаров наш хлеб, зерно и другие продукты, которые крестьяне добывают тяжелым трудом для своих семей, отряды карательные, огнем и пулеметами завоевывающие те деревни и волости, где крестьяне выходят из себя и, по инстинкту самосохранения, отказываются повиноваться всем жестоким требованиям из социалистического строя; отряды по ловле так называемых дезертиров, гоняющие как зайцев по лесам и по полям молодых людей, еще мальчиков, принуждая их идти на войну со всеми врагами советской власти, т. е. со всем миром; отряды заградительные, отнимающие на дорогах и станциях у всех проезжающих и проходящих тот пуд хлеба или ковригу хлеба, которую каждый добыл с трудом для своих родственников, или для семьи. О, какие тут бывают душераздирающие сцены, передать этого пером невозможно!

Теперь будут еще отряды посевкомные, которые должиы будут иасильно заставлять нас обрабатывать так называемые фондовые, т. е. чужие для нас земли на унизительнорабских условиях. Так, что людей, заиимающихся производительным трудом, все уменьшается и труд этот становится немилым, нерадостным, а людей, отнимающих и поедающих еще небольшие запасы и остатки все более и более и все так называемые завоевания революции, с социалистическим строем во главе, сводятся к тому, что иаступит страшный и неизбежный голод и полная смута и застой в производительном труде, и тогда слепому станет ясно то разрушительное и бедственное для жизни народа дело, которое принес нам социализм, выкраиваемый насилием из наших спин и труда потерявшими честь и совесть «вождями социализма».

Теперь как мы живем: (т. е. крестьяне)

Хлеба ржаного досыта нет ин у кого, потому что так называемые излишки отобраны отрядами, а впереди неурожай от засухи. Добрая половина ест хлеб из овсянки. Картофель есть тоже не у всех, тоже отобран. Имеется очень понемногу овсяной крупы. Нет ни сахара, ни чаю, ни мыла, ни керосина, у миогих нет даже соли. Национализированная промышлениость не дает ничего (в год на человека не дали соли по фунту), все у спекулянтов, а покупать по 1000 руб. фунт соли у них, или фунт мыла, не миогие в состоянии, тем более сахар по 2,5 тысячи. За отобранные у крестьян 10-15 пуд. хлеба платят 500-600 руб., и на них покупается только 1 аршин коленкору или катушка ниток. Теперь ввели янчную повинность и грозят не давать соли, пока ее не выполнят, за 30-40 янц обещают фунт соли. Нет кос, гвоздей, дегтю; нет досок, тесу, но главиое, нет свободы в личном труде и права распоряжаться произведениями его по своему усмотрению. Такова жизнь в социалистическом строе. Дорого заплатил бы каждый крестьянин, чтобы вернуть прежний порядок в хозяистве, а так жить совершенно нельзя.

Крестьянин Михаил Новиков.

Ф. 369, карт. 396, ед. хр. 21 Публикация А. А. ФЕДУЛИНА и Ю. А. ДЕНИСОВА. СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

Призраки прошлого

Минуло уже более пяти лет, как в нашей стране начал разгораться фонарь исторической гласиости, призванный высветить наиболее затемиениые и искаженные стороны отечественной историн. Однако свет этого фонаря, несмотря на его порой слепящую яркость, так и не затронул некоторые исторические темы, которые по каким-то негласиым, никем не сформулированным правилам принято считать запретиыми. Думается, настала пора сиимать застарелые табу со всех «скользких» исторических тем, только делать это иужио крайне осторожно и взвешенно.

Пожалуй, наиболее запретный характер среди «закрытых» исторических тем продолжают сохраиять иние те граии минувшего, которые саязаны с различиыми аспектами так называемого еврейского вопроса в истории России, и в частиости, проблемами антисемитизма и еврейских погромов. Щекотливость этой темы, имеющей определенное современное звучаиие, понятна, однако серьезная разработка ее давно назрела, и определенным шагом в этом направлении могло бы стать первоочередное рассмотрение того периода нашей истории, когда даиная тема звучала особенно остро и тревожно, а именио — гражданской войны.

Решая сегодня такую исследовательскую задачу, нам не обойтись без помощи талантливого русского историка Сергея Петровича Мельгунова (1879—1956), переживающего ныне на своей Родине как бы второе рождение после долгих лет забвения. Ему суждено было пройти тем крестиым путем страданий и испытаний, который годы революционного лихолетья начертали многим русским интеллигентам. На этом пути историка ждали пять арестов, полтора года заключения в чекистских тюрьмах, громкий политический процесс, угроза расстрела и высылка за границу. В эмиграции всю оставшуюся жизиь Мельгунов посвятил воссозданию в своих исторических трудах основных вех развивавщейся на его глазах смуты. Благодаря этому он выдвинулся вскоре в самый первый ряд историков Русского Зарубежья. Его наследие огромно, и знакомство с иим еще ждет советского читателя». Мы же обратимся сейчас лишь к одной теме, привлекавшей винмание исторнка и наиболее полно раскрытой им в статье

* В дореволюциояные годы из-под перв С. П. Мельгунова вышло более 10 книг и брошюр, посвященных, главным образом, вопросам истории русской церкви. После высылки историка за границу в октябре 1922 г. им были написаны и изданы, не считая десятков статей, следующие труды: Делв и люди александровского времени. Берлин, 1923; Красный террор в России. 1918-1923. Берлин, 1923—1924; Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Материалы для истории русской общественности. Пвриж. 1929: Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова. Критико-библиографический очерк. Париж, 1929; Трагедия вдмираль Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири (ч. 1-111). Белград, 1930-1931; На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж. 1931: «Российская контроеволюция». Методы и выводы генерала Головина. Паряж. 1938; Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1939; Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940; Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951; Легенда о сепаратном мире. Канун революции. Париж, 1957; Мартовские дии 1917 года. Париж, 1961; Воспоминания и дневники (т. 1-2). Париж, 1964. Последине три книги увидели свет уже после смерти историка в Париже в 1956 году.

«Антисемитизм и погромы», напечатанной в Париже в пятом выпуске журнала «Голос минувшего на чужой стороне» (с. 231—246), который издавал сам С. П. Мельгунов. Данная статья вызывает особый интерес, прежде всего потому, что она затрагивает совершению неразработанную в советской исторической науке и незнакомую нашим читателям тему еврейских погромов на Украине и шире — антисемитизма в годы гражданской войны.

Сегодия а нашей стране вздорная идея вековой приверженности русского народа к антисемитизму реанимируется с небывалой настойчивостью, вплоть до использования в этих целях весьма очевидных провокационных действий (о них следует говорить особо). И как скожи рассуждения многих иынешних «глашатаев гласности» с постыдными откровениями на этот счет... «великого пролетарского писателя» М. Горького, который в послесловии к книге С. Гусева-Оренбургского «Книга о еврейских погромах на Украине а 1919 г.» (Петроград — Берлии, 1921. с. 171-172) писал о «грязных подвигах христолюбивого русского народа», о «разительном обилии садической жестокости, присущей русскому народу, очевидно, по натуре его, — натуре раба, который сам способен бесконечно долго терпеть мучения и любит наслаждаться муками других тоже бесконечно долго... Еврейские погромы по энергии своей, несомненно, стоят на первом месте в ряду «великих исторических деяний русского народа», и для меня ясно, что страсть к этой деятельности все возрастает у нас». Размышления о «зверстве», «безумни» русского народа довели писателя до жуткого по своей откровеиности, особенно в свете всего пережитого этим народом, вывода, что кон заслужил все свои страдания в настоящем, заслуживает их в будущем». Иначе говоря, по Горькому, все выстраданное народом России а эпоху революционного взрыва есть не что иное, как суровая месть ему за еврейские погромы.

Оставим на совести «титаиа пролетарской литературы» его откровения и согласимся с выводом Мельгунова, что еврейские погромы в годы гражданской войны были вызваны, главным образом, разнузданиостью в стране стихии и анархии, «отсутствием власти», «твердого государственного порядка». «Политическим катаклизмам соответствовали и погромные события», — писал ои. Такого же мнения придерживался еврейский публицист И. М. Бикермаи, оспаривавший утвержденяя, что в годы «братоубийственной» войны «еврееа истребляли особо»: «Допустим, что дело происходило так... Но а общем смысле разгромлена вся Россия... Если тут был погром, то — всеобщий; одних истребляли под одним видом, других — под другим» (Бикермаи И. М. Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924, с. 58—59).

В статье Мельгунов оспаривает и чрезвычайно упрощенные представления о злостном антисемитизме всех властей, правивщих на Украине до утверждения там большевиков (эти представления послужили, в частности, поводом для убийства еврейским националистом Ш. Шварцбардом в Париже а 1926 г. С. В. Петлюры). Автор справедливо пишет, что «и правительство Центральной Рады, и правительство Скоропадского, и правительство Директории бесспорио и активно боролись с еврейскими погромами. Если все эти власти были бессильны бороться с эксцессами, то причины лежат в стихийности последних». Немаловажны также приводимые Мелычновым факты (их можно значительно дополнить), свидетельствующие о поддержке еврейскими париями и организациями «Украинских самостийннков». Среди этих организаций были и сионисты, как всегда пытаашиеся разыгрывать свою опасную игру. Д. С. Пасманик писал по этому поводу в сборнике «Россия и евреи»: «Те же сионисты и вообще еврейские националисты... поддерживали долгое время сумбурное правительство Петлюры-Винниченко даже и тогда, когда на Украине происходили ожесточенные антиеврейские погромы. Когда-нибудь мы расскажем подробнее эту печальную страницу в исторни русского еврейства» (Указ. соч., с. 211-212).

Типичная ситуация: верхи еврейских иационалистических кругов как бы не замечают или даже в какой-то степени подталкивают эксцессы протна евреев, жертвуя а угоду своим политическим целям интересами еврейской массы.

Затрагивая в статье вопрос о еврейских погромах, совершенных на Украине Добровольческой армией, Мельгунов сожалел, что в печати еще не появился продолжавщий работу И. Чериковера «Антисемитизм и погромы на Украине. 1917—1919 гг.» второй том, готовившийся к изданию «Редакционной коллегией по собиранию материалов о погромах на Украине», которая действовала с начала 1919 г. и после переезда в 1920 г. за границу получила в Берлине официальное наименование «Ostjudisches Historisches Archiv». Этот том был издан в столице Германии лишь а 1932 году, принадлежал перу И. Б. Шехтманв и назывался «Погромы Добровольческой армии на Украине. К истории антисемитизма на Украине а 1919-1920 гг.». Можно с увереяностью утверждать, что знакомство с этой книгой не изменило бы оценок Мельгунова (его мнение на этот счет нам пока неизвестно), ибо и ее отличает та же тенденциозность, что и другие подобные издания (см., например, Штиф Н. И. Погромы на Украине. Период Добровольческой армии. Берлин, 1922).

Шехтман пришел а своей работе к заключению, что погромы при добровольцах не были «неизбежным эпизодом гражданской войны», а представляли собой факт «форменного крестового похода именно против еврейского населения в целом» (Указ. соч., с 255, 259). По его миению, «официальный антисемитизм» Добровольческой армии санкционировался сверху (Н. И. Штиф вообще заявлял, что в этом вопросе не было никакой разницы между белыми генералами и самими «громилами»), хотя автор предисловия к книге Шектмана И. Чериковер и авиужден был призиавать, что погромов при Колчаке «не произошло... Не произошло потому, что Колчак их ие хотел... Не хотел погромов и Врангель в Крыму — и их не было...» (с. 22). Выходит — погромов «хотел» не кто иной, как сам А. И. Деникии. Так ли это?

Мельгунов такую «тенденциозиую ложь» отрицает, также как и утверждение о якобы «официальном антисемитизме» белой армии вообще. «...Погромы и в местах, где появлялись отряды Добровольческой армии, были также исключительно явлением стихийного характера», - инсал он. В поддержку оценки историка можно привести миожество дополнительных фактов, саидетельствующих о борьбе командования Добровольческой армии против погромных настроений и действий (миогое говорят хотя бы факты военио-полевых судов над погромщиками или устраиение в августе 1919 г. генералом В. З. Май-Маевским другого генерала — Хазова, командира 2-й Терской пластунской бригады, за учиненный его частью погром в Смеле). Приведем лишь два приказа Глаанокомандующего вооружениыми силами Юга России. Первый был адресоваи 8 октября 1919 г. командующему войсками Киевской области и гласил: «Ко мне поступают сведения о насилиях, чинимых армиями над евреями. Требую принятия решительных мер к прекращению этого явления, применяя суровые наказания к виновным». Второй адресовался всем вооруженным силам Юга России и был издан 23 января 1920 г.: «Недавно мы были у Орла, но ряд тяжких ошибок привел нас вновь на Кубань. Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужна победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причии крушения фроита и развала тыла были насилие и грабежи... Если начальники не возьмутся сразу за искоренение зла, то новое наступление будет бесполезио. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они не занимали».

В своих «Очерках русской смуты» Деникии инчуть не лукавил, когда писал, что «если бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобрительно относится к погромам, то судьба еврейства была бы гораздо несравненно трагичиее». (Берлин,

б. г., т. V, с. 146). И не случайно в этой связи в белой армии имели хождение слухи, что Деникин якобы «продался жидам». В одной из бесед Главнокомандующего с еврейскими делегациями в августе 1919 г. он откровенно признавался: «...Я старался и стараюсь возможно ослабить его (еврейского вопроса) остроту. Но устранить его совершенно я не в состоянии». Деникин называл следующие основные причины погромов, весьма далекие от упрощенных интерпретаций многих еврейских публицистов: «звериные инстинкты, поднятые войной и революцией», «всеобщая распущенность, развал, утрата нравственного критерия и обесценивание человеческой крови и жизни», «резко враждебное отношение к нам еврейства на всей территории вооруженных сил Юга России», «явиое, быощее в глаза засилье евреев во всех областях советского управления» (т. V, с. 147—148, 150).

На последнюю причину обращал особое внимание и Мельгуиов, считая ее одной из осиовных а ряду факторов распространения антисемитизма. Он подчеркивал, что погромы «так часто питались именно молвой о сочувствии евреев большевикам» и что в рядовой психологии происходило отождествление «большевизма с еврейством и во всяком случае еврейской психологии с интернациональной».

Серьезное исследование сформулированной Мельгуновым проблемы о «склонности к революционному максимализму еврейской интеллигенции и полуинтеллигенции» и о «непомерном участии» евреса а большевистской власти еще впереди. Мы же лишь напомним, что лица еврейской национальности составляли значительную часть, а то и подавляющее большинство членов руководящих органов почти всех левых партий — большевиков, меньшевиков, эсеров, народных социалистов, анархистов и др. В этой связи любопытно постановление сионистского съезда в Петрограде в 1917 г., согласно которому кандидаты в члены Учредительного собрания от еврейства должны были проходить, где это возможио, исключительно по евреискому списку, а там, где этого сделать было нельзя, снонисты обязаны были поддерживать русские социалистические партии не правее партии народных социалистов. Какая трогательная приверженность к социальной идее!

В. Жаботинский, один из лидеров мирового сионизма, в статье «Еврейская революция» (так он называл Февральскую революцию) объясиял наличие в России значительного числа «сарсев-революционеров», или, как он выражался, «преизобилие еврееа в рядах крамолы», особым «национальным настроением» боровшегося за «равноправие» еврейского народа, таким настроением, благодаря которому из этого народа «должен был выделиться известный процент революционеров». Чтобы получить права, нужна была революция, но, как писал Жаботинский, «революции не было. Надо было вызвать ее. И эту роль взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они — грибок фермента, который призваи был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России». Евреи, таким образом, выступили, согласно Жаботинскому, «застрельщиками великого дела», «разбудили политическое сознание в 130-миллионном народе», «подняли красное знамя... так высоко, чтобы увидал и Тамбоа, и Саратов, и Кострома, — чтоб увидали и сказали друг другу: «Пойдем за ним...» Знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома несомненно увидела» (Владимир (Зеев) Жаботинский. Избранное. «Библиотека-Алия» (Israel), 1989, с. 183—184, 186—187).

После победы Великого Октября среди руководящих лиц новой власти оказалось весьма значительное число выходцев из еврейской среды. Существуют различные подсчеты на этот счет. Согласно одному из них, например, среди 22-х членов Совета Народиых Комиссароа РСФСР в середине 1918 г. 17 человек были евреями. По этому поводу уже цитировавшийся раиее Д. С. Пасманик замечал: «Но иельзя же отрицать, что значительное количество евреев участвовало во всех большевистских безобразиях и содействовало кристаллизации Советской власти. Очень правильно было отмечено: само появление боль-

шевизма было результатом особенностей русской истории, русского «национального» духа, но организованию стъ большевизма была создана отчасти деятельностью еврейских комиссаров... Ответственно ли еврейство за Троцких? Несомненно» (Россия и евреи, с. 212).

Близкую к этому оценку событий дал не кто иной, как М. И. Калинин, заявивший а ноябре 1926 г.: «Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полуинтеллигентская городская еврейская масса. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, она, естественно, устремилась а революционное строительство, а с этим связано и управление... В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отклынула, испугалась революции, как раз а этот момент, еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей числеиностью и начала работать в революционных органах управления» (Первый Всесоюзный Сьезд ОЗЕТ в Москве. Стенографический отчет. М., 1927, с. 65). Через десять лет В. М. Молотов отмечал, что чеврейский народ... дал много героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей страие выдвинул и выдвигает все новых и новых замечательных, талантливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма. Всем этим определяется наше отношение к антисемитизму и к антисемитским зверствам, где бы они не происходили» (Правда, 1936, 30 ноября).

После подобных высказываний понятными становятся те особенно жестокие преследования, которым подвергались в Советской России проявления антисемитизма. Первый декрет на эту тему был издан уже 26 октября 1917 г. Вторым съездом Советов вместе с Декретами о мире и земле. Свое развитие ои получил а изданном 27 июля 1918 г. постановлении СНК о борьбе с антисемитизмом. «Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев, — говорилось а нем, — гибелью для дела рабочей и крестъянской революции и призывает трудовой народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом ...

Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению а корне аитисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить ане закона» (Известия, 1918, 27 июля). По свидетельству А. В. Луначарского, последний абзац, придавший постановлению характер специального уголовного закона, приписал «красными чернилами своею собствениой рукой» В. И. Ленин, когда ему для подписки декрет принес Я. М. Свердлов (Луначарский А. В. Об антисемитизме. М.— Л., 1929, с. 38).

Пройдет 12 с половиной лет, и а январе 1931 г. Сталии заявит в ответ на вопрос, поставленный Еврейским телеграфным агентством: «В СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явление, глубоко враждебиое советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью» (Шварц С. М. Антисемитизм а Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952, с. 100). А своих слов, как известно, Сталии на ветер обычно ие бросал. (Соеобразный «кульбит» исторни: многие нымешиме «амтисталинисты» горячо ратуют за принятие особого уголовного закона о борьбе с внтисемитизмом, наподобне того, который действовал с 1918 года).

В первые годы Советской власти дело усугублялось еще и тем, что пресечение антисемитизма возлагалось на органив ВЧК, где засилие еврейского элемента особенно сильно бросалось а глаза. Свидетельста тому миожество. В. Г. Короленко, которого никто не заподозрит в подыгрывании антисемитизму, переживая а Полтаве смутиые годы, был прекрасно знаком с деятельностью большевиков и, в частности, чекистов. В своем днеанике он оставил в 1919 г. следующие записи: «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактиость и самоуве-

ренность, которая кидается в глаза и раздражает». «Большевизм на Украине уже изжил себя... Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особению в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты» (В. Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. Вермоит (США), 1985, с. 162, 165).

С. П. Мельгунов издал в 1924 г. а Берлине воспоминания некоего В. Фишера «Записки из местечка», а которых содержится очень интересное свидетельство. Однажды Фишер разговорился с одним коммунистом, заявившим, что евреи в партии «играют главную роль» и «в общем портят дело», проявляя излишнюю жестокость. «То, что говорил коммунист о евреях, было показательно, - писал Фишер. — Я сам уже от многих слышал жалобы, что многие дела в Чеке не кончались бы так трагически, если бы не вмешательство чекистов-евреев: русский чекист, говорили, уже смягчился, но вмешивался еврей, — и дело кончалось скверно... И вот антисемитизм на моих глазах проникал в красную армию, были целые отряды, охваченные страстной ненавистью к евреям. Мнение, что большевизм еврейское дело, сложилось в населении быстро и было вполне поиятно: у нас, по крайней мере, большинство являвшихся большевицких деятелей были евреи» (На чужой стороне, Берлии, 1924, т. VII, с. 120).

Другой источник по интересующей нас теме Мельгунов издал в девятом томе сборника «На чужой стороне» (Берлин, 1925). Это были показания в октябре 1919 г. Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков. учрежденной Деникиным, бывшего следователя Киевской губчека М. И. Болеросова. Косиувщись вопроса о национальном составе чекистского органа, последний утверждал, что «по национальностям можно смело говорить о преимуществе иад всеми другими еяреев. Ввиду того, что число сотрудников «чека» колебалось от 150-300, то и точные цифры привести здесь нельзя. Я не ошибусь, если скажу, что процентное отношение еврееа к остальным сотрудникам «чека» равнялось 75:25, а командные должности находились почти исключительно а их руках». Далее следовала подробная характеристика руководящих лиц Киевской губчека и ужасных методов их «очистительной» революционной работы. Из 21 упомянутого Болеросовым имени 17 человек были еареями.

Любопытная деталы! Как сообщал бывший следователь, «1-го мая (1919 г.) раздался по «чека» клич: в целях агитационных требуются расстрелы евреев. Немедленио представить соответствующие дела. Кроме того, на видиые должности в «чека» не назначать евреев, и вот. в результате этого, идет переформирование...» (Указ. соч., с. 117—121, 132, 137). Причиной этих анезапных действий стала секретиая директива из центра, нацеленная на смягчение чрезмерного представительства а чекистских органах лиц еврейского происхождения и показательное включение таких лиц в число подвергающихся репрессивным мерам. Однако, как показал Болеросов, позже выяснилось, что почти все руководители, покинувшие Киевскую губчека после неожиданного переформирования, оказались во главе Всекрымской чека, где им предоставилась возможность еще сильнее обогатить свой карательный опыт.

В Москве не могли не замечать того ущерба, который наиосила авторитету власти «еврейская проблема». Обратимся к свидетельству Л. Д. Троцкого. В своей речи иа объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП (6) 26 октября 1923 г. ои оценивал свое еврейское происхождение как серьезный «политический момент». «Я прекрасио помню, — продолжал Троцкий, — как 25 октября, лежа на полу в Смольиом, Владимир Ильнч говорил: "Т. Троцкий! Мы вас сделаем наркомвнуделом. Вы будете дааить буржуазию и дворяиство". Я возражал. Я говорил, что, по моему мнению, нельзя давать такого козыря а руки нашим врагам, я считал, что будет гораздо лучше, если в первом революциоином Советском правительстве не будет ни одного еврея. Владимир Ильич говорил: "Ерунда. Все это пустяки". Но, несмотря на это его отношенне, все же, видимо,

мон доводы на него отчасти подействовали. Во всяком случае, я язбежал назначения на пост наркомвнудела и был иазначен руководителем нашен иностранной политики. Когда встала необходимость организовать наши военные силы, остановились на мие; должен сказать, что против назначения на пост наркомвоена моя оппозиция была еще более решительна. И., после всей работы, проделанной мною а этой области, я с полной уверенностью могу сказать, что я был прав. Я не говорю о прямых результатах своей работы... но... я мог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Вспомните, как сильно мещало в острые моменты, во время наступлении Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной Армии стоит еврей. Это мешало сильно... И в тот момент, когда Владимир Ильич предложил мне быть зампредсовявркома (единоличным замоы) и я решительно отказывался из тех же соображений, чтоб не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей, Владимир Ильич был почти согласен со мной. Внешне ои, правда, этого не показывал и, как раньше, говорил: "Ерунда, пустяки", — но я чувствовал, что он это не так говорит, как рачьше, что он соглашается со мной в душе» (Вопросы истории КПСС, 1990, № 5, с. 36—37).

В этих словах миого рисовки, но Троцкий правильно улавливал воздействие своей фигуры на разжигание в стране антисемитских настроений, хотя сам ои и любил называть себя не еареем, а интернационалистом, да еще таким, у которого национальный момент аызывает «брезгливость и даже нравственную тошноту». И. М. Чериковер запечатлел эту роль Председателя Реввоенсовета следующим образом: «Исключительно опасиым возбудителем была при этом личность Троцкого. Почти в каждом погроме повторялось одно и то же: «Это вам за Троцкого». Троцкий персонифицировал собой всю Советскую яласть; никаких других большевистских имеи для Добровольческой армии ис существовало. Почти нет ни одного антисемитского воззвания, ни одной статьи, где не повторялось бы это имя» (Шехтман И. Б. Указ. соч. с. 15—16).

Любому вдумчивому человеку должио быть ясио, что еврейская национальность многих представителей больше-аистской гвардии не могла не накладывать определенный отпечаток на их настроения, взгляды и политические действия, тем более, что занимали оии зачастую именно «командные посты». Миогое объясияют котя бы слова Мельгунова: «Бесправный, сделавщийся привилегированным, всегда мстит, подчас даже бессознательно, за прошлые унижения». После иих понятнее становится, скажем, заявленне председателя Кунгурской ЧК Гольдина: «...Для расстрела нам не нужио ни доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы иаходим нужным и расстреливаем, вот и все!» (Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. Нью-Йорк, 1989, с. 179).

Да, Мельгунов, безусловно, прав, когда он пишет о важности «определения состава так иазываемой революциоиной демократии», особенно учитывая то обстоятельство, что многие из ее числа оказывались людьми, «не только не думавшими об общих интересах России, ио и прямо враждебными ей...» Надо только подходить к исследованию этой «скользкой» проблемы чрезвычайно ответственно и взвешенно, не нагиетая излишние эмоции, ио и ие впадая в «чрезмерную щепетильность», которои страдала русская интеллигенция в дореволюционные времена, когда, по словам историка, «из деликатности и такта» о «еврее ничего нелестного нельзя было сказать» (как, впрочем, и сегодня, хотя и по несколько другим причинам).

В статье Мельгунов аыражает резонное удивление в связи с очевидной склонностью подавляющей части еврейских публицистоя «преуменьшать роль еврейских элементов а большевицкой работе» и обходить благосклонным молчанием действия самих большевиков, в том числе стихийно вспыхивавшие при их власти еарейские погромы. В этой связи понятно недоумение автора тем, что подготовители издаиия о погромах на Украине, получившего

А ларчик открывался просто. Заинтересованные в подобном издании международные еврейские круги весьма
дружелюбио относились в то аремя к Советской власти
и находили со стороны ее представителей всемериую поддержку в сборе и издании материалов о погромах на Украине. Тем самым большевики убивали сразу «двух зайцев»:
выставляли в чериом свете своих бывших противников
и представали в глазак западного общественного мнения
в образе гуманных борцоа с проявлениями национализма.
Показательно, что я конце 20-х годов литература об аитисемитизме, весьма схожая по своим оценкам с зарубежными изданиями, очень активно печаталась а СССР (авторами брошюр на эту тему выступили тогда, например,
А. В. Луначарскии, Ю. Ларин, С. Г. Лозинский, Л. Лядов,
Н. А. Семашко и другие видные большевики).

В 1990 г. в еженедельнике «За рубежом» (№ 28, с 16—19) были опубликованы главы из книги французского журналиста Б. Лекаша «Когда Израиль умирает...», иаписанной им при активном содействии советских властей и изданиой в СССР в 1928 г. в издательстве «Прибой». Можно только приветствовать ознакомление читателей с давно забытой книгой. Но ие слишком ли броско было давать к этим главам заголовок «За двадцать лет до Освенцима» и утверждать, что «если бы люди извлекли уроки из того, что произошло в 1918—1920 годах иа Украине, в Белоруссии, иа юге Россин, то, возможио, не было бы Освеици-

ма, Майданека, Бабьего Яра». Неужели автору этих строк не ясиа существенная разница между погромными эксцессами периода гражданской войны и целенаправленной политикой уничтожения сарсев, проводившейся фашистами? Не слышится ли здесь отголосок иарочитых стремлений уличить русский, украинский и белорусский народы в склонности к шовинизму фашистского образца? Да и приводимая автором предисловия к публикации Ю. Поляковым цифра жертв еврейских погромов на Украине — около 300 тысяч человек, не может не представляться явио завышениой. Достаточно сослаться хотя бы на книгу С. Гусева-Оренбургского. На основании анализа огромного массива документов, он исчисляет четко установлениую цифру погромных жертв на Украине в 35 тыс. человек, но добавляет, что общее число погибших (включая неучтенные жертвы) достигает 100 тыс. человек (Указ. соч., с. 14). Близкие к этим цифрам данные приводит и Шехтман (Указ. соч., с. 25-26).

Учащающиеся имие попытки запугать население страим, а впридачу и общественное мнение Запада наступлением в СССР новой волим антисемитизма свидетельствует о том, что это кому-то очень и очень аыгодно. Однако
воздвигается такое химерическое здание на зыбком песке.
И нам сегодня впору еще раз повторить слова историка
Мельгунова: «Призракоа прошлого, пугающих боязливых,
мы ие боимся. Не должны их бояться и евреи, те из иих,
которые ощущают себя русскими гражданами, как французы, немцы, итальянцы, живущие в Швейцарии, прежде
всего ощущают себя швейцарцами».

Малознакомый Ленин

О Ленине написаны не десятки, не сотни, а тысячи тысяч страниц, но из этой громадной интературы отнюдь не видно, в каких условиях материального существовакив протекала его жизнь. Быни пи эти условия для него благоприятны или вму прикодинось испытывать нужду и нишения! Откуда шли нужные ему денежные средства! Приносия пи их интературный заработок ипи быям иные и более существенные источники существования! На что жил Лении со врамени его возмужалости до октября 1917 года, когда революция, вознеся его и власти, тем самым сделает Ленина гигантской историчесной фигурой! Подчерниваем «тем саммм», так кан есян бы этого не быпо, Ленин умер бы простым мапоизвестным эмигрантом, и о нем вспоминали бы не больше, чем о Бабёфе, Бяанки ини Ткачево.

Базбражную интературу о Ленине пподиям его эпигоны, последователи, адепты материанистического пониманив истории, объясивющие деление общества нв классы и попожение яюдей — их экономичесной ситуацией. Энгельс 17 марта 1883 года в надгробной речи на могиле Маркса поведал, что «подобно тому, как Дарвин открыя закон развития органичесного мира, Марис открыи закон развития челояеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими насновнивми, простой факт, что люди в лервую очередь допжны есть, пить, иметь жиянще и оделаться, прежде чем быть в состовнии заниматься поянтиной, наукой, иснусством, рели-PHON N T. A.S.

Лении не быи бестелесным существом,

меподчиненным «открытому» якобы Марксом закону: прежде чем заинмвться проповедью мировой ревоиющим и всем прочим, ему нужно быпо
«есть, пить, иметь жипище, одеваться».
Спращиваем еще раз: откуда, из каних
источников Ленин имел денежные
срадства, дававшие ему возможность
удовлетворять свои элементарные потрабности и вести ту жизнь, которую
ом вел!

Вопрос, несомиению, законен, прост до крайности и, казалось бы, на него можно было бы найти ясный ответ в бесчисленных советских биографиях Ленинв. Именно этого в них-то и нет. Ни в одной биографии об этом не говорыт. Боньше того — советсине биографы настойчиво, сознатеньно вопрос этот избегают, отстраняют, извращают. А между тем, есяи его корошенько разобрать, ироанализировать, это позволит заглянуть за нуянсы показной жизни Ленина, войти в мир повседневных житейских его забот, склонностей, привычек - и тем самым даст возможность видеть не героическую ипостась пичности Ленина, которая торжественно представияется его равонюционной, ноянтической, янтературной девтепьностью, а другую, гораздо менее известную, засяоненную и разно расходящуюся с пенинским нином грозного божества, инзвергаю-

щего старый мир.
Обрисовать вторую ипостась — показать Ленина в «домашинх туфлях» —
тем более желатеньно, что это в некоторой степени прибнижает нас к
«тайне» появления исторических янинестей. На иримере Ленина видно, что
венимие июди, пераворачивающие миры и жизни народов, могут быть в повседневной жизни самыми обыкновенными яюдьми. В условиях случайиости и в особой исторической обстановке пишь немоторая специфическая,

нрисущая им, часть психики (ее-то и требуется исследовать) делает из инх историческую яичность.

В числе материала для портрета Лемина «в домашник туфяях» — важиы не «стинизованные» «Воспоминанив» его супруги Крупской, в гораздо более письма Ленина к родиым. Но их одних, конечно, мало. Отыскивать «кусочки» нужных сведений следует всюду, где топьно это можно, и при этом убеждаться, наснояьно умопчанив, маленькая и большая ложь, идущая и из семьи Уяьяновых и из-под пера советсиик биографов, препятствуют дать в дополнение и попитической биографии правдивую картину «как и на что жин Лении». Все-таки попробуем это CARRATA.

Н. ВАЛЕНТИНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Этим вступительным сповом «от автора» Николам Владиславович Вольский (Н. Валентинов) отнрывает свою кингу «Малознакомый Лении», вышедшую в Париже в 1972 г. В ирошпом марисист, искоторое время боньшевии, якчию знакомый с Лениным, еще с 1904 года Николай Владиславович посвятил много яет изучению биографии Ленина и семьи Ульяновых. Создал три кинги литературномсторических исследований — «Встречи с Лениным», «Ранине годы Леника» и «Малозивкомый Ленин», — в СССР пока не издаваещихся.

Пристрастный читатель нашего журнала наверняка обратил виимание на публикации Н. Валентинова на страницах «Слова» (№ 11, 1989 г.; № 11, 1990 г.), отничающиеся не тояько своеобразным янтературным стипем, но и тщательной, исторически выверенной достоверностью. Эти достоинства отничают и иниту «Маяознакомый Лемия», гнавы из которой мы начием початать в ближайших номерах. ИВАН ИЛЬИН

За национальную Россию

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

16. Семья

Человек родится не только в недрах родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сращены в единство; в каждой ячейке свой мед, ио из этих медов состоит единый мед целого улья. Разрушьте ячейки — и вытечет мед, и распавшуюся вощину отдадут на переплавку...

Семья вырастает из *любви*, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается одна разрушительиая ненависть.

То, что нужно сейчас России, — это умение любить крепко и долго. Ей нужнв любовь долгого и глубокого дыхания. Где же научатся ей русские дети, если не в крепкой, единобрачной семье своих родителей?

Только в семье любовь чиста, вериа и органически-строительна. Вне семьи — она становится распутиою и приучает людей к безответственности, измене, анархии и общественному распаду: безответственные и распущенные родители плодят беспризорных людей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию без чувства национального достоинства, без веры в благие силы своего народа. Где же научатся этому русские дети, если не а своей родной семье? Где загорится этот огонь национальной гордости, если отец и мать не будут блюсти его словом и делом? Кто виушнт нашим детям веру в Русский Народ, если русская семья развеет и растеряет эту веру?

То, что нужно России навеки, — это сила русского национального характера. Исторически этот характер за рождался в суровой русской природе; он закалялся в войнах; приобретал глубину и благородство в молитвах; выковывался а монастырях и а армии. Но хранилищем его была прежде асего русская семья. И ныне эта семья должна по-

Продолжение. Начало в №№ 4-6/1991.

нести и осуществить свое призвание: она должна превратить самые нужды, беды и лишения свои в школу характера для своих детей, чтобы новое русское поколение получило тот крепкий закал, ту стоическую выдержку. ту свободу небоящегося духа, без которых нам не воссоздать порядка в России.

Семья есть первая школа взаимного доверия, солидарности и дисциплины. Именно здесь человек учится подчиняться и властвовать в знак любви и справедливости. Таким образом, семья дает человеку первые начатки правосознания.

В семье русский ребенок должен научиться первой основе гражданственности: умению чтить авторитет и в то же время оставаться внутренне свободным. Он должен научиться здесь чести, жертвенности и справедливости. Здесь он должен въяве и вживе поиять, что значит «один за всех, все за одного». Ибо он сам однажды создаст семью, новую семью следующего поколения и внесет в нее тот самый дух, который он бессознательно вынес из впечатлеий своего детства.

Семья есть родовой очаг всех здоровых традиций. Человечеству нелепо начинать все сначала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость накапливаются тысячелетнями. Культура без традиции — невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, т. е. в семье.

Семья есть трудовой очаг, трудовое, наследственное единение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство.

Семья дает человеку два священные первообраза: образ любящей чистой матери и образ сильного и благостного отца. Через них душа учится прилепляться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу. И кто пронесет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны.

Вот в каком смысле семья есть хранилище национального духа и здорового правосознания.

17. Что есть истинный национализм

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное родится именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда иациональны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцання, молитаы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чув-

что мой народ действительно получил дары Святого Ду-

что он принял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему;

что сила его жива и обильна, и призвана к дальненшим великим, творческим свершениям;

что поэтому народу моему подобает культурное «самостояние», как залог его величия (формула Пушкина), и независимость государственного бытия.

Итак, национальное чувство есть любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть воля к творческому расцвету моего иарода — в земиых делах и в небесиых свершениях.

Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духоаной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любаи и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть восторг от созерцания своего народа в плане Божием, в дарах Его Благодати. Национализм есть благодарение Богу за эти дары; но он есть и скорбь о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национальном чувстве источник достоинства (Суворов: «Помилуй Бог — мы русскне!»), источник братского единения («Постоим за дом Пресвятыя Богородицы!»), источник правосознания («Грозио служить и честно прямить»).

Но истинный национализм учит и покаянию, и *смирению* — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

«За все, за всякие страданья, за всякий попранный закон,

За темные отцов деянья,

За темный грех своих времен,

За все беды родного края, — Пред Богом благости и сил, Молнтесь, плача и рыдая, Чтоб Он простил, чтоб Он простил!»

(Хомяков).

Истинный национализм открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастиы дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что интернационализм есть духовная болезнь и источник соблазнов; и что сверх-национализм доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа. Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда иационалеи.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться а нем, внимая соблазнам псеадохристианского или безбожного интернационализма.

18. О здоровом правосознании

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до «внешнего поведения» человека; что если это «внешнее поведение» а порядке, то внутренняя жизиь человека безразлична. Это западно-европейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к внутреннему миру человека, они чтут в ием свободного субъекта прав и подска-

зывают его само-сознанию и его право-сознанию, что имеино ему по закону «можио» (полномочия), «должно» (обязаиности) и «нельзя» (запретности). Поэтому а каждом государстве правопорядок зависит не только от «законов» и от «полиции», но прежде всего и глубже всего — от правосознания граждан.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то ои должеи сам стать внутренно лучше. В этом нравственная аксиома христиан-

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить а добре свои души. Жадные люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажиые люди сведут все к взятке и предательстау. России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины, как Божие дело, аыше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личной карьере; служить не соблазненно, неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответствениое.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая а себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и иизости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлоблениому напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ии мира.

Мы должиы развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти свойства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способен повелевать.

Мы должны научиться чтить закон и добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, соблюдая при этом не букау закона, а скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, брата пред лицом Божиим и свободного субъекта прав.

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и аыгоды, но требует от всех служения и жертв. Одии за всех, все за одиого. Только жертвою и служением восстановим Россию.

Таковы черты здорового и могучего христианского правосознания. Мы должны усвоить его сами и передать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

19. О политической деятельности

Тот, кто хочет политически служить России, должен прежде всего понять, в чем состоит сущность политики, и верно настроить свою душу для нее. При этом он, может быть, скоро убедится, что ои не призван к такой работе, что в душе его нет надлежащих сил и умений; и тогда ои поступит правильно, если сосредоточит свои силы на другой работе, а в политике уступит первенство другим, призванным. Надо раз навсегда покончить с вредным предрассудком, будто политика есть дело легкое, общедоступное и не требующее ни особых способиостей, ни знаний, ни подготовки. Ибо на самом деле политика есть дело сложное и трудное, требующее дара и искусства.

Нам надо начать с того, чтобы извлечь идею государства и политики из той предреволюциониой пошлости, в которую

совлекает эти идеи демократический строй, и из той революциониой грязи, в которую эти идеи сброшены коммунистическим строем. Политика совсем не есть сочетание из демагогической агитации и слепого, полупродажного «голосования», из честолюбивой толкотии, партийной интриги и беспринципного компромисса; так обстоит обычио в демократиях. Но политика не есть и смещение насилия и коварства, свирепости и лжи, она не есть темное дело презренных плутов, где чиновник становится аымогателем или разбойником, а авантюрист или уголовный преступник выходит в чиновники; так обстоит дело в большевизме.

Политика есть дело правовой и справедливой организации национального бытия. Организации: значит, необходима воля, такт, прозорливость в распознавании людей, жизненное чугье и знание законов общественной жизни (социологическое, юридическое, экономическое, историческое образование).

Эта организации должна быть правовая: значит, необходимо здоровое правосознание, чувство ответственности, способность к подчинению и к власти, патриотическое и национальное чувство, честь и честность.

Эта организация должна быть справедливая: значит, необходима живая совесть, любовь к людям, религиозная и нравственная укорененность души.

Следовательно, политика требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, а человека настоящего (волевого и духовиого) качества. Отсюда в аысшем смысле слова аристократическая природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия (правление лучших) разумеется, не по рождению, не по сословию, не по богатстау, а по качеству и достоинству лица. Нельзя вводить такой политический строй, при котором всякий бесстыдник и карьерист будет аыдвигаться иаверх только потому, что он сумеет стать угодным массе. Выдвигаться должиы лучшие люди, призванные к политической деятельности.

После революционной ставки на жадность, на слепоту, на трусость и на бесчестие — Россию спасет только ставка на качество. Из хаоса, из разложения, из оскудения — есть только один путь: к сосредоточению благородной воли, к волевой дисциплине, к интенсивному труду, к отбору и выбыжению лучших национальных сил. Надо творчески развязать качественные силы России.

Русская политика нуждается прежде всего в честной верности. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это.

России нужиы *опыт и умение* — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Нам надо приобретать этот опыт и это умение, чтобы отдать их России.

Россия будет голодать по знающим и способным людям, — на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкаи до армии. И особенно — в политике.

России необходимы воля и талант. Их нельзя ничем заменить: ибо талант творит иовое, а воля строит и держит организацию народной жизни. Революция скомпрометировала партийный отбор; новый отбор должеи быть деловым, предметным, а не партийным.

Дорогу честности! Дорогу знаимо и таланту! Дорогу русскому гению! Новая, качественная эпоха нужна нашей родине, эпоха, которая довершила бы все упущенное, исцелила бы и зарастила бы все язаы революционного времени. Качество необходимо России: люди верные, волевые, знающие и дароантые; крепквя и гибкая организация: напряженный и добросовестный труд; выработанный, первосортный продукт; высокий уровень жизни. Необходима верная и мудрая, справедливая и предметивя политика; политика, ведомая честью и прозорливостью, а не политиканство, мятущееся в честолюбии, криводушии и всеобщем обмане.

Только так создадим новую, сильную и национальную власть а Россин.

20. О власти

Есть русская национальная идея власти, аыношенная русской историей, вскормлениая и освященная православным христианством. Согласно этой идее христианин берет власть не из честолюбия, а из желания служить Богу и людям. Поэтому он чувствует свою ответственность даже тогда, когда никто с него не взыскивает; именно поэтому он инкогда не элоупотребляет властью.

Власть есть духовная сила; она покоится на уважении и доверии, на согласии людей повиноваться авторитету. Это согласие надо беречь, оно драгоцению. Если его разочаровать и растратить, то власть сведется к страху и насилию.

Кто принимает власть, хотя бы самую малую, тот принимает не только полномочие распоряжаться, но и обязанность распоряжаться. Отныне он обязаи указывать людям, что им «можно», «должно» и «нельзя», конечно, — в отведенных ему пределах. И за иеисполнение этой обязанности ои подлежит суровой ответственности.

Только тщеславные люди пьянеют от власти; только глупцы впадают в «административный восторг» и в суетню; только неумелые люди начинают возвышать голос и махать руками. Власть есть бремя; надо нести его достойно и спокойно. Всякая власть имеет свои пределы; необходимо их строго соблюдать, не впадая в «превышения». Власть организует и движет жизнь, бездействие власти разрушает живой порядок. Власть должна импонировать людям; необходимо, чтобы люди ее уважали; кого они не уважают, тому они не повинуются. Надо, чтобы люди постоянно ощущали, что власть хочет добра, что она неподкупна и справедлива, что она сильна и тверда и что ее дело действительно удается ей. Внешние усилия власти не должны бросаться в глаза; пусть людям кажется, что дело идет само собою. И только тогда, когда неповиновение явно подрывает престиж власти, необходимо уметь показать, что она сильна и даже грозна

Власть есть проявление духовного достоинства и воли. Кто вручает власть недостойным людям, тот губит ее. Кто вручает власть безвольному, тот подрывает ее. Власть призвана выбирать, решать, предписывать, настанвать и понуждать. Кто к этому не способен, тот должен быть устранен от власти. Властвующий обязан проявлять государственный авторитет и вести борьбу за него. Для этого ему необходимы иезависимость и мужество; он ие должен и не смеет бояться толпы. В серьезном и критическом столкновении властаующий должен быть готов умереть на своем посту.

И при том он должен всегда: помиить Бога, блюсти верность России и не бояться ответственности.

Было бы, однако, величайшим заблуждением, если бы кто-нибудь захотел утверждать, будто государственная власть «всемогуща» и должна поэтому впитать в себя и как бы поглотить всю жизнь народа.

все духовное в жизни зарождается, зреет и творится в самодеятельности человека, по его внутреннему, таинственно-органическому почнну (Аристотель выражал это термином «діауту», буквально: «через самого себя»). Государственная власть ставит себя в нелепое и смешное положеине, когда начинает предписывать веру, молитву, любовь, вдохновение, творчество, добродетель или иные духовные состояния. Столь же безнадежно и вредно подавлять свободный почин людей и в области хозяиства и труда. Жизнь народа подобна не машине, а растению: к ней надо присматриваться и приспособляться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но заменить ее — нечем; а произвол будет для нее гибелен. И государственная власть всегда должна помнить, что ее настоящее призвание состоит в том, чтобы служить живому организму народа, защищать его и оберегать, а не подавлять.

Окончание в следующем номере.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Пришло время новой подписной квмпании, которая — в этом не приходится сомневаться — будет проходить в гораздо более трудных условиях, чем год или два назад. Трудных для всех изданий без исключения — как для «правых», так и «левых», квк «демократических», твк и «патриотических» [берем эти слова в кавычки, поскольку в нашей действительности настольно все смещено, что ни одно из них не соответствует своему значению полностью). Прошлогоднее повышение цен оказалось лишь первой ласточкой невиданной эскапации цен на бумвгу [в пять-шесть-десвть раз], на полнграфические услуги [в пвть-шесть раз], на распрострвнение изданий по подписке через монопольную систему «Союзпечати» [до 90% от номинала квждого номера журнапа]. Потому и мы ожидаем повышения цены на журнал в два раза. Возможно, каждый номер «Слова» будет стоить в 1992 г. три рубля.

Правительство оказалось не в состоянии контролировать цены на бумагу, являющуюся ныне не менее ценным «сырьем», чем нефть нли газ. Оно позволило превратить торговлю бумагой на внутреннем рынке в один из свмых доходных «подпольных» промыслов, практически не предприняв ни

одной серьезной попытки противостоять мародерству «черного» рынка.
Вот таким образом нас приучают к законам книжного и газетно-журнального рынка, которые у нас

еще не вступили в действие в полную силу. Мы лишь стоим на пороге этого рынка, который и будет диктовать: что, как, кого, где и какими тиражами издавать... Идеологический диктат сменится диктатом коммерческим, диктатом денег, противостоять которому будет не менее трудно, чем былым

ЦК с их гласными и негласными запретвми.

Можно, конечно, сослаться на книжное изобилие в странах с развитой рыночной экономикой. Но при этом нельзя забывать, что лочти во всех этих стрвнах книга — предмет роскоши, в не первой необходимости. Хорошо изданнав книга — не по кврману даже университетскому профессору, не говорв уже о студенте или пенсионере. А домашние библиотеки — вообще редкость. Конечно, помимо дорогих, там существуют и дешевые издания, тиражи которых исчисляются миллионами. Но это в основном те же свмые детективы, фантастика, «чернуха» и «порнуха», которые сейчас наводнили и наши прилавки. На подобную коммерческую литервтуру и у нас в скором времени будут влолне доступные цены. Зато подлинная духовная пища оквжется н е д о с т у п н о й для миллионов...

Все ссылки на рыночную западную экономику в данном случае не очень состовтельны еще и потому, что традиции русского книгоизданив Сытина и Суворина, равно как традиции издвния литературно-художественных журналов, ввляются достижением и достоянием не европейской, не американской, а нашей отечественной культуры. Недаром почти все ее выдающиеся предстввители, включая Карамзина, Крыловв, Жуковского, Пушкина, Ивана Киреевского, братьев Аксаковых, Некрасова, Достоевского, издавали журналы, превращая их в свои гражданские трибуны. В Россин не было партий, их заменяли журналы, выражавшие разные общественные идеи и позиции.

Ничего подобного ие учитывается в тех «рыночных» отношениях, в которые нам предлагается ступить, как в воду, не зная броду. Но в том-то и дело, что он есть, этот «брод» — наши великие русские трвдиции.

Все это имеет самое непосредственное отношение к нашему журналу, поскольку он не относится к числу коммерческих и не стремится стать таковым. Единственное, на что мы надеемся, так это на поддержку наших читателей, которым журнал интересен, судя по почте, именно своим содержанием, своими публикациями. Тем более, что за последний год-полтора (об этом свидетельствуют письма в редакцию) у журнала стал складываться свой круг читателей. Читателей внимательных, вдумчивых, не утративших способности сохранать свою точку зрения и здравый смысл даже в наше время крайностей и навязчивой лопитизации сознания.

Надеемся, что афиша «СЛОВО-92» дает представление об основных налравлениях наших творческих поисков в новом году. Хотв далеко не все планы мы можем сейчвс рвскрыть, поскольку в них тоже есть момент «коммерческой твйныв. Единственное, что мы не скрываем от своих читателей [да и конкурентов тоже], так это стремление выпуснать журнап, не похожий ни на какой другой.

Таи что судьба журнала теперь будет зависеть только от вас, подписчиков. Наломинаем лишь, что помимо индивидуальных подписок можно организовывать совместные (нв несиолько семей, на трудовые коллективы). Такав практика вполне оправдывает себя, тем более, что при новых ценах мало кто сможет позволить себе подписаться сразу на два-три журнала, две-три газеты. При коллективных подписких эти возможности увеличиваются. Добивайтесь безвозмездных ссуд на подписку по месту работы, требуйте подписвть «Слово» в районные, сельские, городские, вузовские библиотеки... А редакцив, со своей стороны, будет добиваться увеличения розницы (сейчас онв не превышает 11 тыс. экз.), осущестеленив подписки также и через книжные мвгазины (что упростит получение книг по абонементвм «Спова»).

Уверены, что эти наши общие усилия окажутся не напрасными. Нам удастся сохранить «Слово» для вас, наши читатели...

Редакцив «Слова»

DEONCTONHINKOB ADXIBENDA DEONCTONHINKOB, ADXIBENDA DEMONHINKOB, TUKTUMINATUMINA документов, пуолицистики — 0 TPAREAWN PYCCKON PEROTNOLIMN, ER TOWNWAX W CREACTEMAX, WCRORESYA SHALIMITA' OCLANOMMECH XPOHMA IMANO ACT TAKNO PER COLUMN TO THE COL CTELLADEMENNA, & TENONE NOTIFICATION OF THE POST OF TH истинные портреты вожда революционеров». до конца этого года редакция в до конца этого года редакция в разделе «Архив русской революции» разделе «Архив русской револ опурликует повесть кагения корнета» тарина «возврвщение корне» «Днееник» генерала михаила Троздовского. А также в рубрике CORCKOTO. A THEORY IN ACCUMULANT «Красный террор» рассказы Аркария Авериенко из сборника ADKARUR ABBOHBHKO N3 COODHWKA BADKARUR ABBOHBHKO N3 COODHWKA BADKARUR ABBOHBHKO N3 COODHWKA BADKARUR ABBOHBHKO N3 COODHWKA «Нечистая сила», загиски Е. Гаук «В подвалах чк», е рубрике «Глазами BNAHA TO CTDAHMIN NA очевидца» страницы из неопубликованных дневников неопусликованных дневников генерала А. Жиркевича о голоф LIOBOUMPS B 1818 1855 LOVE WORKS OF WORKS OF WORKS OF WORK OF эмуары бельгийского консула Дуйв «Москва без покровов». Редакция продолжит свою На Валентинова, лениману — статьи флёрова, лениману — берова, берова, А. Авторханова, бероварина. А. Нагловского, бероварина. PERAKUMA ROODORWAT COOD православный и народный календарь, основы богословеня, духовные календарь, основы проповеди, духовные согременные проповеди, приграма проза, поэзия, пуолицистик признания — днеаники, тисомия, постории востояминания — днеаницы истории OTHWASHITHE WAS UNDER TOKATHER OF THE STATE тора редакция очерком о церкем государственной деятельного воспоминания, страницы ист русской церкви XX века, ве русской церкви XX века, ве подвижники, великомучених мы сеятые. Уже в этом году мы сеятые. Уже в этом году мы расскажем о московских роголита филерета (Проздова) PRINTING HORPIN PSTAGE POUT SIN SOM PROHOUS DECCK SWOW O WOCKOBCKAY который будет продолжен в оудущем году серией матермалов о ороссийских госупальтвация и UYAYUEM TOAY CEPHEN MATERNAN H POCCHICKYN TOCYABOCTBEHTINX H POCCHICKYN TOCYABOCTBEHTINX MATERIAL MATE РОССИИСКИХ ГОСУДАРСТВАННЫХ И Общественных деятелях, сыгравших общественных деятелях, обиравших BCTPEYNB

PYCCKOM

PYCCKOM

B 3 APYSE X DE TREACTENTYT CYALD

B 3 TOM DE BARRE TREACTENTYT CYALD оощественных деятелях, сыгре еидную роль в становлении и укреплении нашей державы. B 1992 TORY WYDHAN ROAD RANAY VINE DUNCK HOBBY 18W 6 DS3 BOLEY, AMB NOWCK HOBBIX TOM & PRIZABITIZAT, YME

TOMOK HOBBIX TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK HOBBIX

TOMOK по письменным источникам и стране семейным архивам русской стране семейным. В первые в нашей стране зимграции. В первые за момела в момела замирации. CULLING SALVAN AND A KAMEN UND SET ON WHITE LONG TO SET ON WHITE LONG SET ON WHITE LONG SET ON SET O SWALL TIMOUNG UNKSSONS UNLEW CLOSHE YWE B 3TOM FORY H3 HOMEPS B HOMEP CY RET WHYPOKO TOKASSANS TYPOKOS ON THE STORES KHNI N POCCNY (TOBADHUBCTBO 36) A KHNI N POCCNY NOBADHUKOB) N KHNI N NDOSIN PYCKWX XXADAYADKHNIKOB NOVENX NA NA FARTANIACTA РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ) И КНИКИ ПРОЗВЕТВИТЕЛЬСТВ
И ПУБЛИЦИСТИКИ ДДУГИХ ИЗДАТОЛЬСТВ
И ПУБЛИЦИСТИКИ ПО ИСТОГИИ OVART WWPOKO POKASAHA NWTEL

ADVINDA PVCCKON SHIMT PALMIN

ORDERFORM VICTURE WASHINGTON «жилины» русской эмиграций, советских узникое концлегерей, переделивальных пах. 1.3 страны, книги по истории, философии, репринтные издан CHAM WHACKC HAW NET TO THE METALORE WARMAN AND THE METALORE WAS AND THE METALORE TH советских узников пот в 1991 г. на советских узников пот в 1991 г. на «невозвращенцев». Еще е тучт г. г. страницах журнала будет широко CTPRHULEX XYPHETE OYABT WILL

OTMOGEN CTONETHWIN COMMEN центрельных журнелов, Kaparagga (Aprentung).

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов, главный редактор

Виктор Калугин, заместитель главного редактора Артемий Игнатьев, главный художник

Владимир Бондаренко, обозреватель

> Алексей Тимофеев, обозреватель

Елена Егорунина, обозреватель

Юрий Чернелевский, обозреватель

Марина Подгорская, заведующая секретариатом

> Художественнотехнический редантор Е. М. Верба Технический редактор Н. Н. Козлова Корректор Е. И. Табашникова

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться на Тверской полиграфкомбинат по адресу указанному в выходных сведениях. Вопросами подписки н доставки журнала занимаются предприятия связи.

Сдано в набор 24.04.91. Подписано в печеть 05.06.91 Формат B4×108/16. Бумага Знаменская 100 гр. Печать глубокая и офсетная. Усл. печ. л. В,40+0,84+0,42. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 13,20+1,04. Тираж 180 000 экз. Заказ 2164. Цена ! p. 50 к.

> Адрес редакции 129272, MOCKBA, Сущевский ввл, 64. Телефон для справок: 281-50-98

Ордена Трудового Красного Знаменн Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Учредители -Госкомпечать СССР у трудовой коялентив редакции журнала. Издается с сентября 1936 roga Nº 7. 1991. С Издательство «Книжная папата», журнап «Словой, 1991.

BPEMA

Митрополит Виталий. Порабощение души

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Вагнер. Дорога к храму

ИСТОРИЯ

Ф. Морозов. Привычка свыше нам дана И. Розенталь. Неврученные Нобелевские премии Кое-что из жизни Штирлица Нео-Сильвестр. Кто совершил злодеяние?!

ИСКУССТВО

Арс. Кузьмин. Вопреки забвению А. Борисов. Вечный странник окевна Письма П. М. Третьякову

ЗАКОН БОЖИЙ

Раздел первый Раздел второй

ЛИТЕРАТУРА

В. Розанов. Сны золотые
С. Золотцев. В сумерках просвещения
А. Жуков. Осеиние песни о весне
В. Катанян. Последние дни
Ф. Сухов. Стихи
Г. Климов. Князь мира сего
Е. Плахова. Русь моя, милая Родина
к 100-летию со дня рождения

М. БУЛГАКОВА

М. Булгаков. Великий канцлер

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Так жить совершенно нельзя». Письма в Кремль С. Дмитриев. Призраки прошлого Н. Валентинов. Малозиакомый Ленин

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

И. Ильин. За национальную Россию Обращение к читателям

наши авторы — ПИСАТЕЛИ

Василий Афонин, Дмитрий Белашов, Вакилий Белов, Виктор Боков, Леонид Бородин Владимир Бушин Иван Васильев, Бронтой Бедюров, Михаил Воздвиженский, Олег Волков, Сергей Воронин, Михаил Ворфоломеев, Михаил Вострышев, Юрий Галкин, Татьяна Глушкова, Глеб Горбовский, Павел Горелов, Глеб Горышин, 15 Владимир Гусев, Николай Дорошенко, Борис Екимов, Анатолий Жуков, Станислав Золотцев, 29 Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Валентин Курбатов, Виктор Лихоносов, Михаил Лобанов, Вячеслав Марченко, Олег Михайпов, 51 Евгений Носов, 54 59 Михаип Петров, Юрий Прокушев, Вапентин Распутин, Ваперий Рогов, Эрнст Сафонов, Всеволод Сахаров, Сергей Семанов, Эдуард Скобелев, Валентин Соронин, Борис Споров, Николай Старшинов, Федор Сухов, Анатолий Ткаченко,

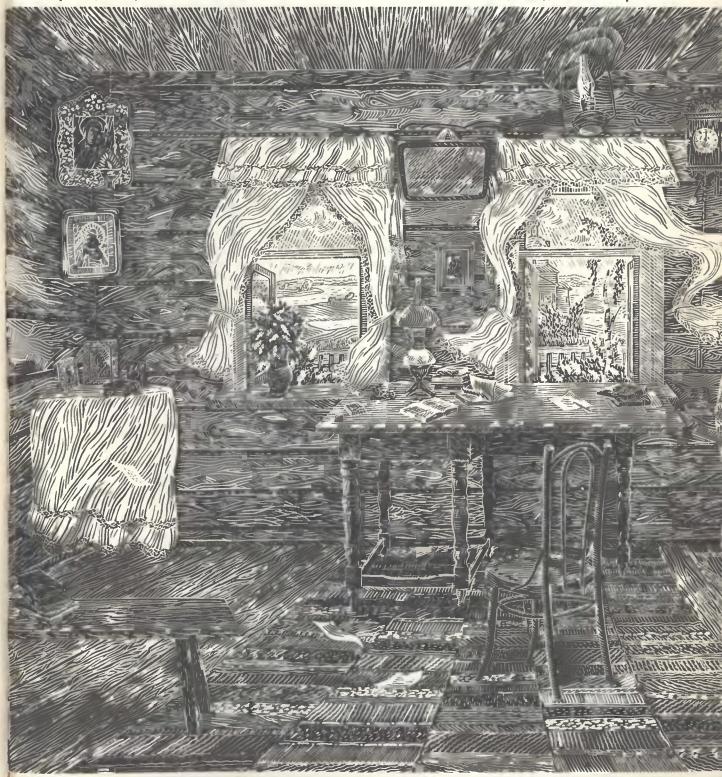
> Иван Уханов, Леонид Фролов,

Евгений Чернов.

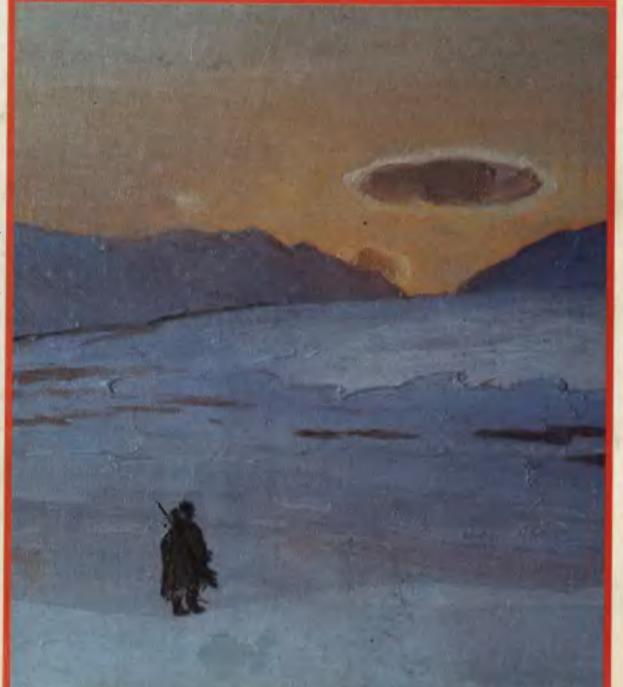
Русь моя, милая Родина...

Станиспав Епифанов. Свпо Константиново. В гориице дома-музея

Очерк о художнике на стр. 66

ISSN 0868-4855.

ALOHA FLOTA

А. А. Борисов. На промысел за оланем. 1901. К 125-летию со дня рождения художника

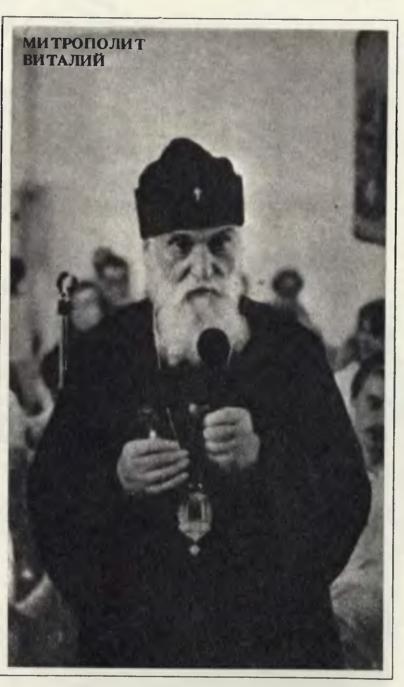
Русь моя, милая это журиал современных писателей и издателей, в противостоящий масскультуре. Торгашеству в Станиспав Родина... Епифанов. Сепо Константиново. Очерк о художнике на стр. 66 Пуховной жизни, утверждающий Ивана Сытима и Алексея Суворина. Изпучина Оки William . это дайджест книжимых новинок и путеводитель в миле книг. Возводшенных из запубежья. из спец. это дайджест кимжиых новинок и путеводитель в мире кинг, возвращенных из зарубежья, из спец-миреских пломб, муз-под идеологических пломб, хранов, из-под идеологических пломб, ими рассии суворина, мире кинг, возвращенных из зарубежь; жранов, из-под идеологических пломб, это современная проза, поэзия, публицистика, прозаний проза, поэзия, публицистика, прозанием трагелии и страданий это современная проза, поэзия, публицистика, промикиутая пониманием трагедии и страданий идеалов и надежд, промикмутая пониманием трагедии и ст народа, его духовных идеалов и мадежд, это семейное чтение, это журнал для личиных и публичных библиотек, для школьшых учителей и это семейное чтение, это журнал для личных и и преподавателей вузов, для книголюбов, преподавателей вузов, для книголюбов, публичных библиотек, для школьных уч преподавателей вузов, для книголюбов, это поиск «третьего» пути, это издание, независи-мое от любого партийного диктата и догматизма, это поиск «третьего» пути, это издание, независи. это поиск «третьего» пути, это издание, ато жур. мое от прупповых и клановых пристрастий. это жур. от групповых и клановых пристрастий. мое от любого партийного диктата и догматизма, это жур. от групповых и клановых и для своболомыслящих и для своболомы слящих и для своболомы с для с для своболомы с для своболомы с для с от групповых и клановых пристрастий, это жур-нал свободомыслящих и для свободомыслящих, это для миогих читателей возможность приобре-- 3 ТО ДЛЯ МИОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИОБРЕ-ВОПРЕКИ ВСЕВЛАСТИЮ ТЕМЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И «ЧЕРИО» сти уникальные книги по абонементам журнала вопреки всевластию темевой экономики и «чериоэто домашияя галерея современных художников, фотохудожников и мастедов классического миро. 3то домашимяя галерея современных художников, фотохудожников и мастеров классического искус. фотохудожников и мастеров классического миро-вого и отечественного изобразительного искус-ства. го» рынка,

ИДЕИ. ДИАЛОГИ. ПОИСКИ.

Его Высоколраосвященство митрополит Виталий (в миру Ростислав Петрович Устинов) родинся в 1910 году в Петербурге. Вместе с родителями выехап в 1917 году во Францию. В 1939 году пострижен в монахи Иово-Почаевского монастырв в Карпатах, рукоположен в сан в 1941 году. В 1948 году становится свещенником в одном из православных приходов Лондона, в 1951 году — приходсиим священником а Монтевидео. С 1954 года — епископ, с 1958 архиепископ Монреаньский и всей Канады. В 1986 году архиерейским собором избран митрополитом. Митропопит Виталий — центральная фигура современного Русского Зарубежья не топько по церковному сану — Первонерарха Русской Зарубежной Церкви, епископа Монревльсного и Канадского, но и по впиянию, по инчному ввторитету. Статьи и проловеди митрополита Витапив касаются наиболее насущных проблем духовной жизни и исторических судеб России. Таким было его «Письмо моподым людвм в Россим», опубликованное в 1989 году в «Православном Вестинке» (Нью-Йорк, № 25—26] и в «Литературной России» (Nº 52), в котором прозаучали сбывающиеся ныне сиова: «Зиые сипы столько потрудинись, чтобы соирушить Православную русскую державу, что для них возрожденная Россия - это ночнои кошмер с холодным педенящим потом... Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пиамя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит свичас Россия. Это почище Наполеона, Гитпера».

В августе 1990 года под руководством митрополить Витания в Мокреале прошел Шестон Всезарубежный съезд Русской правоспавной молодежи, на нотором он выступил с проповедью об Истине и Жизии. «Самое гиавиое. подчеркиуп он, — в деятельности души чеповеческой — это монитва. Мопитва должна быть как дыхание. Мы только пользуемся силами, которыми мы обпадаем, - волей, умом, сердцем. И вот, ногда мы молимся одинм умом, это ужасно трудно, мы очень рассеянные. Значит, нужно просить Бога, чтобы Господь нам помог наи бы Щупапьцами сердца схеатить спова мопитам. И тогда оно загорается» цитата по фонограмме документального фильма режиссера А. Киселева «Россия — путь к истине» [ЦСДФ. 1990].

Статья «Тепевидение как проблема для современного пастырства» была впервые опубянкована почти тридцать лет назад в «Канадском Вестнике», но, как нам кажется, инсколько не утратипа своей актуальности.

Митрополит Виталий. Кадр из фильма «Россия —

Порабощение души

конца не поняли, какие огромные последствия будет иметь изобретение телевидения. Обладая какойто воистину магической силой обаяния и привлекательности и вместе с тем тая в себе страшный яд растления. оно стихнино завоевывает свое самое почетное место почти в каждом доме, в каждой семье. Современное пастырство не может и не должно обойти молчанием телевидение, которое не превзойдено инчем и никем по силе влияния на душу человеческую. Борьба с телевидением должна быть нашей первейшей задачей, и это мы говорим без преувеличения, потому что оно является ежечасным, ежеминутным источником влияния на нас в нашем же собственном доме. Вся борьба с ним должна выражаться в правильном отношенни к этому гениальному современному изобретению, но трудность и сложность борьбы с иим в том, что приходится бороться не с телевидением, а с бесконечно расслабленной человеческой волей, которая просто не находит в себе силы вовремя оторваться от этого исключительно обольстительного и заманчивого удовольствия.

Итак, чтобы успешно бороться с телевидением и раз и навсегда выработать к нему правильное отношение, необходимо сначала с предельной объективностью рассмотреть все, что в нем есть положительного, затем раскрыть все его сокровенное зло и только тогда начать пользоваться его добрыми услугами, отвращая от себя с последовательно напряженной знертией его тлетворное влияние.

Тут вспоминаются слова апостола Павла: «все мне позво-

лительно, но не все полезно; все мне позволительно, но

ничто не должно обладать мною» (I Kop. VI, 12).

Надо указать, во-первых, что всякое изобретение, всякий механизм и машина не есть зло само по себе, как нет самобытного зла. Зло только в воле разумнои твари, не исполняющей волю Божию. Наоборот, в таких изобретениях надо видеть печать Божией Премудрости, которую человеку дано раскрыть в законах природы и от всего сердца вознести хвалу своему Создателю. Перед размером соблазинтельных картии, плывущих по телевизионным каналам, было бы нерассудительно не отметить и его положительно доброго влияния на массы людей, а именно: телевидение способствует возвращению людей в их дома.

Весь период от 1-й мировой войны до сего дня был отмечен социологами и педагогами стремлением человека уйти в свободное аремя на улицу в поисках развлечений.

Дома только ночевали, ели, но никогда дома не оставались в свободные часы. Спорт, кино, танцы и бесконечные другие развлечення, пропитанные ядом растления, выводили всех из-под домашнего крова, который катастрофически стал терять, в особенности для детей, смысл родного гнезда, где ребенок впервые раскрывал свой осмысленный взор на вещи, облекая их своей фантазией, где его воображение с любовью придавало домашней обстановке одушевленные формы, создавая целый мир наивной детской фантасмагории. Улица манила и ребенка, и он почти что с колыбели, грубо и жестоко, без всякой подготовки, познавал оскорбляющий его душу реализм жизни.

И вот телевидение впервые за десятки лет стало возвращать всех домой. Его роль в этой большой социальной перемене очень скромная: оно просто обратилось к низшим инстинктам того же уличного человека и вернуло его к его домашнему очагу только потому, что все те же удовольствия и развлечения города и улицы перенесло в его собственный дом.

Конечно, ничего высоконравственного в этом в принципе нет, но среди моря бесчинства, соблазна и растления современной жизни надо уметь хвататься и за соломинку, если есть возможность хоть что-нибудь и тут использовать для добра.

Согласимся признать тот факт, что телевидение способствует возвращению к домашнему очагу, и сумеем использовать это его доброе влияние. Оно таит в себе столько почти что магнетической силы, привлекательности и обаяния, что если просто его отрицать, в категорической форме возвышая свой голос с кафедры и амвона, то это значит себя уподобить быющей воздух палке.

Наконец, телевидение способно наглядно и исчерпывающим образом преподать уроки по всесторонним вопросам науки, искусства и техники и этим поднять образование, ве́дение, нанося таким таким образом большой удар по невежеству и полунауке, которые всегда несли миру столько горя.

Рассмотрев все положительные стороны телевидения, перейдем теперь к обозрению его губительного воздействия на человеческую душу.

Телевидение совершенно отрывает всех от чтения. Зачем читать, когда все не только видно, но и слышио? Зачем напрягать свое воображение, когда все уже заранее сделано за нас, проработано и преподано нам в законченном виде с мельчайшими нюансами, которые просто сидя можно воспринимать без всякого труда?

Как ни страино, но телевидение, которое способно переносить нас в любой конец света, опускать на дно морское, открывать недра земли; которое вводит нас во всевозможные фабрики и заводы, в запрещенные операционные паты, где мы вместе с хирургом почти что принимаем участие в сложнейших операциях; прн помощи которого мы видим народы, которых бы никогда в жизни не увидели; несмотря на весь этот грандиозный диапазон наглядного зрения, делает нас как никогда ленивыми, апатичными, как бы пресыщенными знанием, безразличными и в итоге итогов развнвает в нас невежество.

Поясним нашу мысль.

При чтении в человеке происходит сложный психологический процесс, состоящий, во-первых, из напряжения воли. Чтобы взять книгу и начать ее читать, нужно заставить себя это сделать, тогда как никто не заставляет себя смотреть телевидение. Как бы точно ни описывал автор происходящее, наше воображение всегда параллельно чтению создает свои образы, свой целый мир. По-настоящему мы именно и благодарны автору хорошей книги за то, что он помог нам в этом невидимом творческом усилии.

Наше воображение, эта важная часть нашей души, источник творчества и дерзновения, развивается при чтении книг и делает человека не только полезным для общества, но придает ему жизнениость и радость бытия. В телевидении к нашему воображению не обращаются, его даже не нужно. Все готово, все сделано, нам только Яужно смотреть и принимать чужим и чисто чуждым нам воображением созданные формы. Это есть психологическое порабощение нашей душн, насилне над ней и поражение нашей творческой силы.

Телевидение отучает нас воображать и даже мыслить. Оно делает нас духовно ленивыми, и в частной своей жизни мы становимся людьми без всякого воображения, с потухшим взором взирающими на Божий мир и не видящими, что «на всем видимом написано свидетельство о Невидимом» (Рим. I, 20).

Таким образом, телевидение очень тонко делает нас материалистами, которые смотрят на вещи по естественному животному свойству вообще смотреть, без участия в этом процессе духовного взора, через который смотрит душа. Нас все больше и больше приучают просто смотреть и не видеть, что нас уподобляет тем бездушным истуканам, о которых говорит в своих псалмах венценосный пророк Давид: «есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат; есть у них ноздри, но не обоняют... Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них» (Пс. СХІІ, 13—14, 16). А раз мы смотрим и не видим сущности вещей и связывающих их нитей, то мы воистину невежды.

О развращающем влиянии телевидения было уже много сказано, но мы хотим отметить это еще раз и напомнить

Ни один отец, ни одна мать никогда не решатся повести свою семью в дома сомнительной репутации. Если друг их предложит им пойти погулять вечером в самые отвратительные кварталы города, где царствуют грех и порок, они сочтут это глупой шуткой, признаком сумасшествия или посчитают, что подобное предложение сделано под действием спиртных пароа. Но, отцы и матери хороших православных русских семейств! Зачем вы лицемерите? Вы только что пожимали плечами в ответ на сомнительные предложения посетить аморальные места вашего большого города, а сейчас вы всем своим семейством чинно рассядетесь у себя в гостиной и легким невинным поворотом кнопки телевизора пригласите в свой дом, стены которого осенены святыми иконами, всех подобнов человеческого общества: всевозможных гангстеров, убийц, психопатов всего света, самых невероятных маньяков, торговцев живым товаром, и будете смотреть на них без малеишего зазрения совести, как будто бы вы ничего плохого не совершаете. А ваши дети, после таких представлений, будут кричать во сне, постепенио делаться нервными и раздражительными и вам же будут грубить а неслыханной иедопустимой форме; вы же сами еще долгие часы не будете способны сомкнуть глаз от тяжелой нагрузки — образами всех видов иравствениой нечистоты.

Вы оскверияете ваш домашний очаг, который в глубоком поиимании Православной Церкви является вашей домашней церковью, о чем иеоднократно возвещал апостол Павел, фактически называя христианский дом «домашней церковью» (Рим. XVI, 4; 1 Кор. XVI, 18; Кол. IV, 15; Фил. I, 2).

Вы оскверняете свои души и души своих детей, ибо через зрение и слух, являющиеся органами человеческой души, в них проникают все эти образы; как фотографии они оседают в области нашего подсознания, оскверияя самые тайники нашей души. Затем они в любой момент нашей жизни, по еще не исследованным законам психики испорченного человека, внезапно вырываются из этих тайников в самые неожиланные моменты нашей жизни, помрачая нашу молитву, портя наши взаимоотношения с людьми и отнимая от нас радость жизии. Недаром Православная Церковь, зная, какой глубокий вред приносит нам созерцание греховных изваяний и картин, 100-м правилом Шестого Вселенского Константинопольского Собора совершенно точно и определенно постановила: «"Очи твои право да зрят... Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни" (Притч. IV, 23, 25), - завещает Премудрость, — ибо телесиые чувства удобио вносят свои впечатления а душу. Посему изображения на досках или на ииом чем представляемые, соблазияющие эрение, растлевающие ум и производящие воспламененне нечистых удовольствий, не позволяем изображать каким бы то ии было способом. Аще кто сие творити дерзнет: да будет отлучен».

Какая дьявольская насмешка над нами, православными людьми. Зная, что мы никогда не посмеем принять участие в греховиых сборищах, он так умело помрачил наш ум, что мы за свои же собствениые деньги, тяжелым трудом добытые нами, покупаем себе телевизор и сами вводим в свой дом растление, разврат, убийства и сумасшедший дом, потеряв перед дьяволом всякое самолюбие, которым был так богат святой пророк Давид, многократно и неустанио просящий Господа через всю Псалтырь, чтобы Господь не дал его в посмеяние дьяволу.

Взирая посредством телевидения на все эти ужасы порочной жизни, нужио отметить еще одно происходящее тут очень тоикое погубиое явление. Надо сказать, что в обыдениой жизии между душой человека и самим грехом есть путь, на котором поставлены предохранительные заставы иравственного, бытового, психологического и социальиого характера, которые душа по своей лености и косиости ие решается преодолевать. Реализм телевидения помогает зрителям проходить без труда все эти препятствия, подходы к греху делает привычными, как бы уже пройдениыми, и самый грех, при случае, совершается легко и свободио. Вот почему за последнее время было совершено
множество самых иевероятных и неожиданных преступлений, о чем свидетельствуют многие социальные деятели,
преступлений без малейших предшествующих симптомов,
преступлений без предисловий. Так, например, ии в чем
не повинный мальчик раио утром убивает своих родителей,
школьник иадругается иад своеи учительницей и другие
бесчисленные примеры из аниалов криминальной полиции,
которых мы не хотим приводить на страницах нашего журнала.

Какой же способ борьбы мы можем и должиы предложить? Сначала мы должны сказать, что бороться надо. И пастырь и пасомые должны непременно поставить своей задачей борьбу с телевидением. Самый лучший способ и самый простой — продать как можно скорее свой аппарат. К этому акту можно еще сделать маленькую заметку для тех, кто духовно прозрел, — продать и деньги от продажи пожертвовать на церковь или на бедных. Это первое мероприятие по плечу, конечно, праведным душам, избранникам Божним, людям, для которых самая большая цель в жизни — спасение своей души. Блаженнее же последних те, кто еще не покупал этого аппарата и никогда не чувствовал и не чувствует в нем никакой потребности. Однако мы прекрасио понимаем, что в данный момент это наше первое предложение борьбы является очень твердой пищей, которую не может принять масса наших верующих. Уже слишком прочно телевидение связало нас, а наша воля такая слабая и немощная, что на первое мероприятие мало кто откликнется. Но этому не надо удивляться героев всегда мало, мучеников всегда единицы, праведники всегда одиноки.

Всем нам, рядовым христианам, мы предлагаем сиова вспомнить все положительные качества телевидения и в особенности его способиость возвращать людей под домашний кров. Все мы, проходя по улицам, неоднократно замечали, как чинно и уютно многие семьи собираются у себя дома и в полумраке телевидения, казалось, так патриархально и дружно проводят свои вечера. Значит, для нас вся задача борьбы с пагубным влиянием телевидения сводится к тому, чтобы, использовав его собирательную способность, одновременно пресечь все его развращающее влияние. Иля этого полжиа быть проявлена сила воли и установлена твердая дисциплина в обращении с этим аппаратом, чтобы, под страхом строгого наказания, никто, кроме отца или матери или ответственного в семье человека, не смел бы прикасаться к телевизору, который должен приобрести образ запрещенного плода. Ребенку могут быть показаны только полезные редкие фильмы, но исключительно как награда за его успехи и хорошее поведение.

Очень полезно каждый фильм сопровождать своим объяснением, своими выводами, расширяя его диапазон примерами из истории, из хороших повестей иашей литературы, всегда неизменно в своем мировоззрении опираясь на святоотеческое древнее Православие.

Хочется верить, что тому, кто станет так ревностно бороться с пагубным влиянием телевидения, Господь Сам внушит и иные способы оградить себя от зла.

Во все же посты можно положить себе за правило или совсем выключать этот аппарат из сети, или вовсе на это время убирать его от глаз подальше. Вся ревность в борьбе будет, конечно, зависеть от степени желания своего спасения, от нашей преданности Церкви.

PYCCKAЯ MЫСЛЬ

ЧЕЛОВЕК. ПРОГРЕСС. ЛИЧНОСТЬ.

акон о свободе совести не столько предоставляет право исповедания любой религии (бесправия в этом смысле вообще не может быты), сколько делает возможной открытую реализацию этого влечения, иачиная с самого простого индивидуального его выражения и кончая восстановлением всех прерогатив церкви. Как известно, потери в церковной области колоссальны и трудновосстановимы, поэтому не удивительно, что этому вопросу сейчас уделяется большое внимание. Между тем уже раздаются голоса тревоги: не происходит ли поощрения религии и не становится ли это своего рода модой!

Конечно, вести какие-либо философско-богословские дискуссии с подобного рода «лысенковцами» от культурологии совершенно бесполезно. Гораздо интереснее поразмышлять над теми древними интуициями, которые заставили, например, Тертуллиаиа сказать: «Верю, потому что абсурдно». Если действительно проблема абсурдна, то что же заставляет верить? Разумно полагать, что первейшей, главнейшей и серьезнейшей интуицией человека было чувство включенности себя в окружающую пространственно-временную среду на правах какой-то ее частицы. Необходимым условием для этого нужно было бы самое элемеитарное представление как о форме и сущности этой среды (мира), так и осознание себя ее (его) участииком. Как формировалось такое представление?

Человечество с незапамятных времен пытается ответить на этот кардинальный вопрос и, судя по многочисленным даниым, довольно рано прониклось «идеей порядка», который предстояло еще объяснить: что это за порядок, кем ои установлен и как к нему относиться? На первом месте, естествению, продолжала оставаться интуиция, но она все более и более обогащалась опытом. Одновременно она наполнялась и трансцендентным содержанием, поскольку кардинальный вопрос оставался неразрешимым. На почве этой неразрешимости и рождалась религия...

Пропагандируемая «научными атеистами» теория происхождения религии из чувства страха перед смертью представляется мне поверхностной. Древнейшие памятники, выражающие представление о мироздании, позволяют говорить о приоритете «идеи порядка». Я имею в виду так называемые «неолитические обсерватории», к которым условно можно отнести знаменитый Стоунхендж (Англия, 16-й век до н. э.). Ежегодно повторяющийся эффект совпадения точки восхода солнца (в день летиего солнцестояния 21 июня) с положением специального камня в структуре Стоунхенджа должен был вызывать скорее чувство восторга у аборигенов, нежели страх. Страха перед смертью не было даже в античном мире, поскольку люди того времени были убеждены в круговороте времени и всех космических событий...

Осознание порядка в окружающем мире и в правильности происходящих явлений природы явилось величайшим завоеванием человека, хотя у него еще ие было знания, что такое Мир и как он устроен. Вполне естественным следствием этого незнания стала поистине неистребимая тяга к хотя бы «проектному» воспроизведению образа Мира.

Еще за иесколько тысячелетий до того, как наш замечательный философ Н. Ф. Федоров (1828—1903) скажет: «Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной», человеческое творчество уже сделало немало

шагов в этом направлении. Естественно, речь идет об архитектуре, причем в первую очередь культовой.

О том, что древнейшей идеей здесь была «идея круга», сказано достаточно много. В восточно-славянском мире она дожила до Крещения Руси, доказательством чего служат языческие святилища. Отражение в их круглои форме видимых частей космоса не требует доказательств. Таким образом, мировоззрение языческих славян уже вплотную подошло к «проекту» храма-Вселенной, о чем тоже немало сказано.

Гораздо интереснее и существеннее вопрос: каким образом древнейшая «идея круга» была заменена «идеей четвероугольника», господствующей в архитектуре до настоящего времени? Простой ссылкой иа технические условия строительства из дерева здесь не отделаещься.

Поиски символики прямоугольника уводят нас в Египет. На саркофаге фараоиа Сети I (XIV в. до н. э.) Земля изображена в форме прямоугольного ящика. Прямоугольными в плане строились все египетские храмы. Вероятно, символика такой формы восходит к мифу об Озирисе, спасшемся от потопа в ящике. Числу четыре а египетских, аккадских и ассиро-вавилоиских древностях придавалось мистическое значение. Отсюда оно могло перейти в иудаистическую мифологию (Пятикнижие Моисея), а через античность и в христианство.

Напомню, что Моисей, по голосу Бога на горе Сннай, строит скинию в виде прямоугольника в пропорции 1:2 (Исход, 27, 18). Причем в Библии нигде ие говорится, что скиния — это образ Мира. Таковым она будет считаться в христианской интерпретации, возможно, не без античного воздействия. В виде прямоугольника строится и знаменитый храм Соломона, но уже а пропорции 1:3 (Третья книга царств, 6, 2), что приближало его к базилике. О воплощении в соломоиовом храме образа Мира тоже ничего не говорится. Для столь поэтичного, картинного и символико-космологического понимания иужна была... античность.

Если бы христианство выступило иа историческую сцеиу с исключительно ветхозаветной предысторией, то оно,
вероятно, ничего не потеряло бы в спиритуализме, ио несомненно было бы лишено таких великих интуиций, как
тождество идеального и реального, первообраза и образа,
без чего невозможна культура средневековья и нового
времени. Говоря об античности и христианстве как главных,
по словам Томаса Манна, элементах европейской культуры,
мне не раз приходилось делать акцент на христианском
наследии, просто по одному тому, что после антифилософской вивисекции 1917 и особенно 1922 года оно оказалось
дальше всего от момента истины. Но без античности не было бы поннмаиия архитектуры (прежде всего культовой,
конечно) как образа Мира (Вселенной) и, наоборот, Вселенной как храма. Такое понимание, естественно, складывалось не сразу.

Осиовополагающим в античности было представление об Абсолюте как «видимом, слышимом, осязаемом и вообще чувственном космосе» (А. Ф. Лосев). «...Чувственный космос (с его землей и небом, с его подземным царством и морями, с его воздушной атмосферой, метеорологией и астрономией) был самодовлеющим произведением искусства и природы одновременио; везде он выступал как числовая гармония» (он же).

Интерес к числовым отношениям мы видели уже в Пятикнижии Моисея, но это были очень простые целочисленные
отношения, не нагруженные каким-либо особым космологическим значением. Не то в античности. Уже у Гомера космос выступает конечным в пространстве. Земля рисуется в
виде диска, а небо — в виде сферы. Если к этому добавить
гомеровские понятия величины, размерности, симметрии,
объемности, то нетрудно понять, насколько все это подготавливало представление о картине Мира. Она дана Гомером в описании знаменитого щита Ахилла. Поскольку
центром щита выступала круглая Земля, то остальные кон-

цеитрические круги можно рассматривать как схему Вселеиной. Купольную гробницу Атрея в Микенах следует считать одной из древнейших архитектурных параллелей гомеровского представления о Вселенной.

Гораздо больше для нашей темы дает учение пифагорейцев (VI в. до и. э.) и Пифагорейской школы о числовой гармонии космоса. Оно имеет прямое отношение к архитектуре образа Мира.

Прежде всего существенно то, что пифагорейцы мыслили число не абстрактно, а структурно, даже фигурно. Хотя числовая гармония понималась интуитивно, как соотиошение предела и беспредельного, но само это понятие предела очень важно. По учению пифагорейцев существует пять предельных фигур: куб, пирамида, октаздр, икосаздр и додеказдр. Вселениая имеет форму додеказдра, а находящаяся в центре Вселенной Земля — форму куба. Это отлично от Гомера и ближе к Платону, который немало усвоил от пифагорейцев.

Существенно также, что пифагорейцы «разрабатывали и проповедовали с неистощимым эитузиазмом» (А. Ф. Лосев) учение о пропорции. Из различных типов пропорции особый интерес представляет геометрическая пропорция, в области которой и родилось зиаменитое «золотое деление», призианное божественным. Главная заслуга здесь принадлежит Платону. «Золотое деление» широко применялось а архитектуре. Лучший пример — Парфенон (447—438 гг. до н. э.).

Все эти пифагорейские числовые разработки очень способствовали развитию геометрических представлений о космосе, а также об его образном воплощении в архитектуре. При этом иаметились две линии архитектуриого творчества: одна исходила из «идеи круга», а другая — из «идеи кваловта».

Разумеется, первая линия уходила в более глубокую древиость. Но и пифагорейская гармонизация космоса вела к «благоговению перед окружностями, кругами, шарами и вообще закругленными геометрическими фигурами. Даже элейцы свое единое были склонны представлять шарообразию. Эмпедокл свой бесформенный сферос тоже представлял шарообразным» (А. Ф. Лосев).

Странно, но почему-то в греческой архитектуре циркульиый образ Мира почти не встречается. Иное дело — Рим.
Здесь, начиная с круглого периптера в Тиволи («эпоха
Августа») и кончая мавзолеем Констанцы (IV в.), «благоговение перед окружиостями» было выражено весьма недаусмысленно, дав истории такой поистине храм-космос,
как Пантеон (115—126 гг.). Он был посвящен семи планетным богам (Аполлон, Диана, Меркурий, Венера, Марс,
Юпитер, Сатурн), поэтому круговая форма Пантеоиа как бы
сама собою разумелась. Это самым лучшим образом согласовывалось и с геоцентрической астрономией Птоломея
(первая пол. II в.). А в Греции?

Здесь самое место вернуться к упомянутой «идее квадратв». Весьма знаменательно, что даже Платон, очень интересовавшийся учением пифагорейцев, представлял себе Землю в форме куба, в то время как уже Гомеру она рисовалась в виде круга! Неужели Платон все еще находился под влиянием египетской мифологии? По-видимому, мы должны исходить не только из «благоговений» перед числовыми и геометрическими рефлексиями пифагорейцев, но и из более чувственных категорий. Земля ассоциировалась у Платона с формой куба, поскольку куб является наиболее устойчивой из фигур. Устойчивой «не только по своему виду, но и по самой сущиости своего устойчивого бытия» (А. Ф. Лосев). Но этого мало. Большую роль в предпочтеини «идеи квадрата» играли представления, связанные с так называемым «квадратным стилем». Под этим названием у античных греков подразумевались понятия правильности, упорядоченности, пропорциональной гармоничности, лежашие в основе «канона Поликлета». О каноничности «канона Поликлета» можно было бы спорить, ио ведь под категорию «квадратности» были подведены числовые значения, с которыми нельзя не считаться. Я имею в виду не восточную мистику числа четыре, а числовые и геометрические

интуиции тех же пифагорейцев, у которых «идея круга» вовсе не была исключительной. Так, иапример, Филолай (V в. до н. э.) большое внимание уделял «тетраде» («четверице»), как принципу возиикновения тела. Сочинениями Филолая очень интересовался Платои.

Но «квадратный стиль» надо понимать и а более широком эстетическом смысле. Например, в каионе Поликлета под «квадратностью» понималась не геометрическая квадратность, а, если можно так выразиться, психологическая, то есть «естественная» (для греков того времени) соразмерность высоты и ширины (в плечах) мужской фигуры. Иначе говоря, «квадратность» — это предельная устойчивость формы, что возаращает нас к фигуре Земли по Платону.

Нетрудно заключить, что архитектурным эквивалентом «квадратного стиля» инкак не мог стать ни шар, ни круг. Им мог быть и стал (в Греции) параллелепипед, — господствующая форма архитектуры аитичной Греции, известная под названием периптера.

Можно ли греческий периптер, как и римский Пантеон, считать образом упорядоченного космоса?

На первый взгляд, ответ должен быть отрицательным. Но только на первый взгляд. Нельзя забывать, что в представлении античных мыслителей космос — это тело, такое же, как и человеческое тело, «То, что имеется в космосе, имеется и в человеке; а то, что есть в человеке, имеется и в космосе. Макрокосм и микрокосм — одно и то же. Одно уннверсально, другое — индивидуально. Однако различие между тем и другим, повторяем, по преимуществу чисто количественное. Не существует никакого раскола между космосом и человеком, между ними не существует никакой непроходимой бездны» (А. Ф. Лосев). Но если из «четверицы», по Филолаю, образуется куб, то разница между кубом и додекаэдром-символом космоса тоже чисто количественная! Из этого вытекает, что додекаэдр (или шар) универсальный образ космоса, а куб (или параллелепипед) — образ индивидуальный. Справедливость такого заключения подтверждается и тем, что греческий периптер был «монументализацией человека» (Н. И. Брунов).

Культовая архитектура древнего мира, взятая в целом, соединяла в себе гигантские усилия человечества по воплощению сложнейших космических интуиций в чувственные формы. Достижения античности здесь были громадны. Можно было бы согласиться с Н. И. Бруновым, писавшим, что «именно греческая архитектура легла в основу всего последующего зодчества Европы», если бы не одно очень важное обстоятельство.

Как уже отмечалось, все античное мировоззрение, культура, искусство пронизаны телесным пониманием космоса. Человек и все человеческое — это тоже не более, как телесные части телесного космоса. «Человеческое в аитичности есть телесно человеческое, но отнюдь не личностио человеческое. Человек здесь — это отнюдь не свободная духовная индивидуальность (А. Ф. Лосев). Когда об этом говорится (в силу издательской необходимости) кратко, как, например, в даиной статье, то это подчас вызывает негативную реакцию. Мне уже приходилось испытывать это, ио что поделаешь! Читайте замечательные многотомные штудии А. Ф. Лосева, и станет вполне ясным, что без учета сказанного объективного понимания античности просто ие может быть. И не только античности, но и всей последующей культуры.

Признавая за античным храмом, будь это круговидный Паитеон или прямоугольный Парфенон, функцию образа Мира (уннверсального или индивидуального), мы должны всегда помнить, что ои (храм) оставался именно материально-телесиым образом, то есть личиостный момент в ием отсутствовал. Эта внеличностность аитичной культуры, как известно, стала одной из причин ее упадка, а затем и конца...

Если в античности Абсолютом был чувственно-материальный, внеличностный космос, то в христианстве Абсолютом был Дух, иначе говоря, личиостный Бог. Это если не совсем переворачивало все представления о Вселенной, то наполняло ее совершению иным содержанием, с чем было

Этой статьей Георгии Карлович Вагнер, доктор искусствоведения, лауреат Государствениой премии СССР продолжает свою рубрику «Дерзание духа». Предыдущие статьи рубрики читайте в №№ 1 и 3 за 1991 г.

Несоответствие старого новому стало испытываться уже с времен раннего христианства. Личностное понимание Абсолюта привело к наполнению всей Вселенной личностным иачалом, так что соотношение человека с Вселенной никак не могло вместиться в прежние рамки. Более того. Несмотря на достижения античной философии, в Библии оставались такие интуиции, над перспективностью которых сейчас ломает голову самая новейшая мысль.

Не касаясь сложиейшего догмата триединства (кствти сказать, объясненного Б. В. Раушенбахом с точки зрения формальной логики), всегда надо иметь в виду, что личиостное понимание Абсолюта — это не слишком отвлеченный постулат, как думают некоторые нашн марксисты, а необходимая предпосылка современной теории создания. Предварительная, поскольку не локализуясь «под черепной коробкой конкретной человеческой особи» (М. К. Мамардашвили), «живое вещество сознания» требует своего носи-

Личностное понимание Абсолюта, пусть временно (до открытий XXI, а может быть, и XXII века!), но «очеловечило Вселенную». Подобио античности, христианство не признает никакой «непроходимой бездны» между космосом и человеком, но не потому, что они одинаково личиостны! Ведь Бог вочеловечился через Иисуса Христа, а про человеков у Иоанна сказано: «Вы — Боги».

Христианство не могло отвергиуть античного учения о гармонии космоса, но теперь эта гармония приобреда наивысший ствтус, как гармония божествениого Духа, как храм Духа. «Обращаясь к Богу внутренне и внешие, человек или, точнее, сын человеческий делался храмом, жилищем Бога по преимуществу, оружием Его, Бога отцов, воли». Сказаа это, Н. Ф. Федоров цитирует Новариса: «Существует один только храм во вселенной: этот храм есть тело человека». И далее Н. Ф. Федороа продолжает: «Создав из себя храм, подобие неба, сыны создают и вне себя храм. подобие неба, наделяемого умершими отцами. И только после долгого застоя перед храмом — пребывания в язычестве и иудействе — последовало вступление в храм»...

Невозможно даже представить себе, как в таких условиях античная архитектура, будучи образом внеличностного космоса, могла бы ствть образом Вселенной как храма Духа. В период гонений вообще не могло быть и речи о создании иового образа Вселенной-храма. Неофиты вынуждены были уйти в подземелья, в катакомбы. Существует мнение, что именно христианские катакомбы и были прообразом нового храма — образа Мира. Но это неверно. Образ Мира должен был выглядеть как иечто простраиственное, а не

В силу неизбежности, история чаще всего пишется людьми, живущими много позднее описываемых событий. Отсюда многие ошибки и потеря аромата, духа истории. Как происходило у христиан архитектурное формирование иового образа Вселенной-храма? Ведь мы можем судить об этом только косвенно, по тем или иным практическим

Попытки использовать для богослужения старые языческие базилики мало что могли дать, так как в них слишком сильно было чувственное (внедуховное) начало. Для выражения образа Вселенной-храма не очень подходили и круговидиые композиции типа Пантеона. Мало того, что христианские богословы не признавали округлости Земли, сама «идея круга», не имеющего ни начала, ии коица, противоречила новой концепции пространства-аремени. Если в античности весь временной цикл сводился к принципу бесконечного круговорота (идея циклизма), не знающего истории, то христианское сознание немыслимо без чувства нсторизма. Ему чужда «идея круга». Крупнейший христианский мыслитель V века Августин считал, что «по кругу бегают нечестивцы». Не с этим ли саязаны народные поверья об ограждении себя кругом от нечистой силы («Вий» Н. В. Гоголя)?

В XII веке, когда после принятия Киевской Русью христианства а архитектуре понемногу начнут появляться хра-

мы с круглым планом, образ Вселениой-храма уже потеряет свое мировоззренчески-конструирующее значение. Конструирующая роль перейдет к эстетике. Но в X-XI веках древнерусская архитектурная мысль была более философской. Конечно, тут не обощлось без византийского воздействия, поэтому на византийском опыте следует остановиться.

Отказ от римской формы круглого храма-космоса, который Н. Ф. Федоров называл «птоломеевской архитектурой», протекал не очень легко. Была испробована восьмиграиная композиция («октаэдр» по Филолаю), но и такая конфигурация не удовлетворяла. В частности, она не удовлетворяда ходу литургин. Выход из положения был найден в сооружении знаменитой Константинопольской Софии (532-537), которую называют «новой моделью мироздания». Остроумио замечено, что композиционио Коистантинопольская София представляет купол Пантеона, водружениый на базилику Максенция. На античном языке это означало такой образ Мира, а котором универсальное соединилось с индивидуальным. Казалось бы, лучшего нельзя и придумать. Но еще раз приходится напомнить: ни в универсальном, ни в иидивидуальном образе космоса не было личностного начала. Не было его или почти не было ни в экстерьере, ни в интерьере Константинопольской Софии. Храм-человек растворялся в храме-космосе, Впрочем, о прямоугольности основного объема Константинопольской Софии следует сказать особо.

Если греческий периптер можно было возвести к символике пифагорейской (филолаевской) «четверице», а через нее — к представлению о кубической форме Земли, то а Византии к этому добавились новые «основания». Я имею а виду сочинение Космы Индикоплова «Христианская топография», созданное примерно а те же годы, когда в столице Византии строилась София. В своем сочинении Косма дает наглядное (в рисунке) изображение Вселенной а виде подквадратного «ящика» с полуцилиидрическим сводом, в вершине которого изображен Христос. Прообразом такой Вселениой указывается скиния Монсея, прямо названная «образом мира». Возникает два важных и очень принципиальных вопроса: что Косма Индикоплов имел в виду под словами «образ мира» и почему он не посчитался с античиыми учениями о сферовидиости космоса? На последний вопрос византологи отвечают довольно легко: Косма был малограмотен. Но такой ответ неприемлем. Тогда следовало бы заподозрить а малограмотности и Платона, считавшего, что Земля кубовидна. Ответ надо искать глубже.

Из текств кинги Исход, где говорится о том, как Бог на горе Синай «диктовал» Моисею форму скинии, иикак не вытекает, что под скинией подразумевался образ космоса (Вселениой). «И устроят они (народ израилев. — Г. В.) Мне святилище, и буду обитать среди них» (Исход, 25,8). Скиния, следовательно, мыслилась как место земной встречи с сынами израилевыми. В последующих строках описывается, как Бог в виде облачного столпа входил в скинию Монсея. Под «образом мира» Косма Индикоплоа мог иметь в виду (по ветхозаветной традиции) мир земли Обетованной. Этот образ был настолько силеи и желанен, что оказался распространенным и на Вселениую. Но на рисунке, изображающем Вселенную, в сущности говоря, нет никакой Вселенной! Показана Земля в виде горы, вокруг которой ходит солнце; показан окружающий Землю океаи и четыре стены со сводом, огораживающие всю эту картину. Нет никакого намека на другие планеты. Конечно, это уже не земля Обетованная, а нечто планетарное, может быть, ВСЯ ЗЕМЛЯ под солнцем, весь земной и иебесный Мир. Скиния, скорее всего, и была образом такого земновидного мира, определившего земновидную форму Вселен-

Все сказанное имеет непосредственное отношение прежде всего к аизантийской архитектуре - преемнице библейского, античного и раннехристианского наследия. Конствитинопольская София была в том смысле «новой моделью мироздания», что символизировала собой не Вселенную, а земиой и небесный мир, взятые в целом. Нельзя

отрицать того, что прямоугольный план Софии шел от скинии, котя это требует доказательств. В качестве одного из доказательста можно привести мнение Н. Ф. Федорова, считавшего, что прямоугольная форма храма — это своего рода «жертвенник», а ведь именно прямоугольный жертвенник был в Моисеевой скинии. В этой прямоугольности Н. Ф. Федоров усматривал переход от «птоломеевской архитектуры» к «коперниканской». До времен Коперника было еще очень далеко, но такой переход предполагает весьма длительный процесс. Так что эту интересную мысль отбрасывать не следует.

Что касается купола Софин, то его саязь с куполом Паитеона вряд ли подлежит сомнению. Таким образом, композиция Софяи представляла мироздание как синтез земного (человеческого) и иебесного (божеского), но отнюдь не Вселенную в астрономическом смысле. Этим я вношу корректив в свои прежине суждения.

Не является ли предлагаемое содержание «иовой модели мироздания» более бедным по сравнению с храмом-космосом? Так можно думать только оставаясь под впечатлением от абстрактного космологизма античности. Если, конечно, этот абстрактный космологизм кажется более содержательным, нежели богочеловечность христианского храма. В Константииопольской Софии эта богочеловечиость аыражена еще неполно, храм во многом еще остается храмом-космосом. В его куполе даже не было изображения Христа. Не поэтому ли София легко была превращена в мечеть, когда Константинополь завоевали турки? Не случайно и то, что композиция Софии почти нигде не повторилась, уступив место храмам нового типа, получившим нвзвание «храм-Земное небо».

В послеюстиннановское время началась длительная полоса страстных догматических споров, приведшая в конце концов к иконоборческому движению, из которого победителями вышли иконопочитатели. Атеисты, конечио, могут сколько угодно выражать свой скепсис перед поклонением иконам, но поклонение иконам реализовало личиостное понимание Абсолюта, без чего человек уже не мог вынти из внеличностиого языческого существования. Движения назад не могло быть.

Личностиое поиимание Абсолюта неизбежно привело к переоформлению образа мира. На смену прежиим имперско-вселенским концепциям с их геометрическим космизмом приходило понимание храма как образа мысленного и чувственного мира, как образа человека и даже образа души. В таком храме снималось «противоречие между духовиым и материальным, небом и землеи» (В. В. Бычков), почему за храмами нового типа и закрепилось название «небо на земле».

Ни от «идеи четвероугольника» (жертвениика), ни от «идеи круга» (неба) христианство, конечно, не могло отказаться. Но поскольку Вселенная наполиялась личностным началом, то для ее образного воплощения уже не требовались грандиозные, абстрактные сводчатые композиции вроде Пантеона или Константинопольской Софии. Идея «храм-человек» или «человек-храм» вообще не требовала физико-космических ассоциации, для нее были достаточны ассоциации чисто символические, более духовные. Зачем, например, сооружать грандиозный купол, абсолютно лишенный человеческого начала, когда небольшой свод с изображением Христа говорил человеку о присутстани Бога во Вселенной, а храме и а нем самом гораздо больше. Правда, чтобы перекрыть небольшим куполом сравнительно большое храмовое пространство, потребовались подкупольные столбы, но и они понимались не физически, а личностно, как символы евангелистов. Личностно понимались и глава храма, а если их было пять, то и подавно: Христос и четыре евангелиста! И так — во всех частях храма. Понимание храма как обожествленного человека не требовало даже никакой догматики. Н. Ф. Федоров, например, писал: «А храмы, не были ли они изображением того же

существа в той же вертикальной позе? Куполы и главы не представляют ли подобие чела, обращениого к небу? Не та же ли сила, или стремление, которая действовала а вертикальном положении, подняла и эти здания к небесам?». Мне думается, что ии про Пантеон, ни про Константинопольскую Софию такое трудио было бы сказать.

Излишне говорить о том, какое громадиое значение это имело для человека, причем, я сказал бы, не столько для поддержания в нем чувства богоподобня, сколько для утверждения своего «трансцендентного статуса». В условиях полной открытости души и интуиции «храм-земиое небо» представлял своего рода переход к иному, высшему искусству: храмы были не только подобием того, что есть. но и проектами того, что должно быть. Иначе говоря, такое храмостроительство было равнозначио непрерывному интуитивному приближению к познанию тайны Вселенной, гиоселогическое значение чего непредсказуемо. Когда мы говорим об умении древнерусских зодчих ориентировать свои храмы на точку восхода солнца в разные времена года (разработки П. А. Раппопорта), или об искусстве пропорционирования в построении объемио-пространствениой формы (разработки К. Н. Афанасьева и др.), или о космографических основаниях храмовой архитектуры и т. д., то подчас не учитываем, что все это составляло мощиый духовно-интеллектуальный багаж человека того времени, без чего было невозможно и наше собственное «выше чем человеческое» бытие. В переводе со средневекового на современный язык это означает не что иное, как призиание «озарений», в которых видимый мир выступает в мыслимом единстве с невидимым, сознательная природа которого после высказываний В. И. Вернадского о «сгущенной мысли» уже не представляется чем-то парадоксальным. Интунция богословов, разрабатывавших коипепнию «храма-неба на земле», работала в этом направлении. Конечио, это не было ии философией, ни наукой, а цельным, далеким от однобокости мировоззрением, к которому мы теперь, кажется, возаращаемся благодаря преодолению разрыва между гуманитариыми и естествениыми областями знания. В таком свете и «дорога к храму» представляется не просто красивыми словами, а нечто гораздо большим в философском смысле. Предприиятое Советской властью почти повсеместное с 1917 года разрушение храмов отбросило ищущую мысль на тысячелетие назад, трагические последствия чего мы сейчас переживаем. К счастью, наиболее глубокие философские умы усматривают в метафорах и символах древности иесравненно большее, нежели фантазию, благодаря чему так называемый «антропный принцип» ие снимается с повестки дня. Но ведь «дорога к храму» и есть дорога к этой идее или проблеме! Отсюда ее значение. Я прошу только прощения у читателя, что изложил этот вопрос не в увлекательной, а а скучной форме. Каждому дано свое. Но изложить его все-таки надо было, в том есть насущ-

ная потребиость дня.

Ф. Д. МОРОЗОВ

Привычка свыше нам дана

История неграмотного отца, деда и прадеда, ставшего русским предпринимателем

История всех страи с ихиими всякими устоями всюду нарушена, на нашей родиие совсем разрушена. И много еще лет пройдет в разрушении, а не в созидании. А поэтому мое первое предупреждение сыну — не позволять особо увлекаться и углубляться и не делать еще больших затрат. Без этого можио пока обходиться. Необходимо пользоваться возможиостями, пока во всех делах еще есть свобода. Исправлять и видеть ясно, где что иадо развивать, а что сократить. Достигать целей, где ближе к доходности, и необходимо быть всегда иачеку. Никогда не откладывать нужных дел до последнего дня — авось выкручусь, авось успею.

Проморгали ход уклонов в сторону Ленина, вместо ихнего Учредительного Собрания и земли крестьянам, прогрессивного налога, свободы слова и религий и прочих гуманизмов. А Ленин — сразу выгоду! Проорал на всю

Из книги Ф. Д. Морозова «НА ПАМЯТЬ ПОТОМСТВУ», изданной его наследниками за границей.

Россию: ВСЕ ВАШЕ! Грабь награбленное, долой буржуев, помещиков! Громи! Долой косматых лодырей — попов! Кончай воевать, идите по домам!

Это и сегодия везде заманчиво, да нигде еще, до сегодняшиего дня, беднота путного взамен ничего не сделала. В погромах рассудок отсутствует.

А когда такое бешеное время наступает, необходимо чудовищное напряжение железной воли, согласие и дисциплина а семье и окружении и быстрое решение.

Бескроаная революция сорвалась, и нужно спасение. Не обращал я внимания, что приятели-торгащи еще крупно богатели. Соблази был велик. Но, к дьяволу, легкие наживы! Мои настоящие друзья прогрессисты-конституционисты: Саша Бебешин, кузен священиика отца Ивана Сторожева, Николай Петрович Петроа, Н. Н. и Захар Багровы. А. Т. Бочков — все подтвердили. Да, Россия встанет на новый путь без поворота к старому после окончания войны с немцами. Это еще разговор до Ленина. Промышлениость и торговля на новых началах. Нам, четырем — Саше, Н П., Н. Н. Никольским и мне, — не страшен будет прогрессивный налог и всякая разумная свобода. Крестьяне будут собственниками земли, а я — из мужиков, свой. А Толкачевы — рабочие. И вся эта иллюзия гуманная полетела вверх тормашками! И я — со всем торговым делом порываю, чтобы помогать психам всяким, новому демократическому временному правительству и впредь до Учредительного Собрания...

Но появляется Леиин и К°. Попервости никто в его затею не верил, а смотрели как на бунтарско-бешеное явление. Но, к прискорбию России и всех здравомыслящих патриотов, все рухнуло. Россия превратилась в трисирию — СССР. И моя помощь в тартарары полетела.

Но? Видимо, за что-то Бог меня вознаградил, и я дотянул до 73 лет, живу сейчас в безопасности. В награду масса радости, даже до правнуков, в придачу, дожил.

Возможно, кто из детей или внуков и увидят еще родину деда, вноаь с названием Православной России! А она, матушка Русь, беспредельна, широка и обильна. А при хорошем порядке, восстановлениая без эгоизма, а на доброте и божественно-христианской морали, она тогда не только русским, а всем место даст, да с ней каждому из иародов выгодно будет мирно жить и дружить. В русском народе всякие крайности уживаются и злоба изживается быстро. Но особо, кто к русскому запросто и бесхитростно подойдет, тот выгадает и с ним ие пропадет.

Это было отступление от личио-семейной истории, но как пример внукам. Чтобы в крайнем случае предвидели, куда больше приемлемо двинуться.

Одно дело, — храбро родить, а другое, — воспитать и сохранить. Да и как детей и на что направить, в какую сторону, а какую среду? К чему их подготовить: к стряпне, шитью, мытью, к торговле, конторе? Нужно, чтобы через какой-то труд честный имели сытость. И может случиться врасплох, после роскоши и щедрости — ничего. Тогда — ой как трудно, не дай Бог! Тогда особое и нужно проявление семейной любви и полного единства и никаких укоров никому. Одно дело — делать опнибки, а второе, — как их быстро исправлять.

Знайте, ануки: моя, вашего деда, Родина — Центральная Россия и середина Волги. И мы с бабушкой со всеми традициями, имея столетнее имя, промениваем родину на

Федор Дмитриевич и Дарья Николаевна Морозовы. Харбии, 1920 г.

«вонючую» Маньчжурию, на Харбин. В ноябре 1917 года мы уже за границей, раньше всяких других русских эмигрантов.

Я далеко ие глубоко верующий, я дожил до правнуков. Немало надоел своими нравоучениями. Но зато и не чувствую себя до сего дня в тяжесть, как дармоед. И избави Бог от затяжной болезни, чтобы ие быть в тягость семье до последнего дня. Приведи Господи продумать иеисчислимые грехи и хотя бы отчасти очиститься от ник. А как? Кто из моих древних друзей остался? Это только — отец Иван Клярович, кто ж из нас первый? Но ему-то легче. Ои по первому классу переселения души к Царю Небесному, ибо ои с твердой верою на земле и в загробную жизнь, с твердой верою. А я-то малодушен и всю жизнь как-то придерживаюсь ко второму классу. Это разница от безбожников, ибо настоящая вера а Отца и Сына Спасителя Христв должна быть навсегда с чистым сердцем, в добрых делах и добрых помышлениях.

Обрядность — да показная. Забота о церквах, но без добрых дел. А также тщеславие и эгоизм. Все это — не то, не приближает к Богу. Как ни нарядись, какую свечу ни поставь, основа Христианства — всем и во всем прощать. А прощаем ли мы? Я из первых? Ищем ли и знаем ли, кто в бедности, кто в нужде и кто из-за иужды в темнице, и одинокий а больнице? И чтобы ие напоказ, а проявить во имя Христа, оказать помощь страждущему, быстрее обласкать и помочь. Это и есть вера! И только молитвы твковых Бог слышит. Сначала прости сам всем, и тебе простится!

Я люблю всюду приходить не опаздывая, и это не однажды спасало меня. Но? Как бы раио я ни пришел в храм, если с переполнениым злобой сердцем и разными отвлеченными помыслами, от этого больше греха, чем облегчения. Христос ясно сказал: «Лицемеры, что вы напоказ быте лбы свои, а сердце-то, сердце где ваше?»

Или на Пасху. В чем главная забота? Пофорсить наря-

дами, а в сердцах нет радости о Воскресении Христа. После страдания и распятия за нас, чтобы указать нам и внушить истинные пути в жизни земной и думая о иебесной. Чтобы придерживаться высоких нравственных целей. А не игра: говеть-поститься. День-два, и все это по моде, а не для усмирения всяких страстей.

Понятно, все это известно вам и не ново. А моя цель — лишний раз внушить аам, чтобы оставить в головах прочнее.

Кииг вами прочитано разных много и философии разные знаете. Но, к печали моей, читая серьезные и разумные книги, особенно из прошлого, где на фактах поясняется, какими надо быть, а какими не надо, в головах и сердцах этого ие задерживаете. Шлифовка каждого зависит только от себя. Работая иад собой, избавляются от дурных привычек, даже изменяют характеры в лучшую сторону. Такие люди ценные.

Ну, а дальше, что из моей истории на будущее возьмете? Я не пророк, а прошлое — а памяти, и что в настоящем — одна болтовня о свободах. В прошлом без предрассудков была свобода. В передвижениях — куда угодно. И ищи, и сравнивай, что угодио и где угодно, и начинай, что по способностям. Хотя настоящее у вас солидно и не нуждаетесь вы, все-таки неплохо знать о зачатии дела и через что все пришло. И вот это поясню вам.

Всегда от Волги (Новодевичье), от Безводовки, из Сызрани и Симбирска в Тереиьгу и Дворянск двигались обозы по 30-40 и до ста подвод. Сколько от этого народа кормилосы!

А что значило село в 100 дворов? Огромная церковь. Прием по несколько вагонов на экспорт яиц, чечевицы, ячмеия, мяса для Москвы. На миллионы хлебные покупки. Было у нас несколько банков, и обороты делали такие, что и американские банки позавидовать могут. А они затеяли дружбу с коммунистами. Запутались и разбрасывают деньги. Это еще не все. Чем все кончится?

Приобрело знатность торговое дело Ф. Морозова в Тереньге, Дворянске. На 3 губерини имя знатное. Москва, Лодзь, Белосток и другие места нашли Тереньгу и везли от Волги на подводах образцы на любой срок в кредит. Это мало — все фабриканты хотели знать мое мнение. А теперь?

Сколько сортов и предметов в мануфактуре, сколько в бакалее было. Табак, спички, сахар. Виниое дело, виио всяких сортов в бочках. Лампадное масло вагонами. Все предметы, иазвания, цены, сроки — все, все укладывалось как-то в голове. Что и а какое аремя протолкиуть и как распределить в сроки. Рождество-то и Пасху выдержать! Но каково, когда свадьбы разыгрываются! А тут — Михаил Архангел, Никола Зимний, Введение Пресвятои Богородицы, престольные праздники, большие базары, и под них иаваливались большие платежи, согласно выручке. Дело прогрессировало.

Караул! Куда летит Россия?! Начало сентября, Лении лозунг за лозунгом аыкидывает, одии другого лучше для черни, и доводит ее до безумия. Как всему миру известно — достиг безумия; а преемник — Сталин, еще большего достигает, подходит к финишу. А Трумэн и другие заняты мишурой, пустозвонством. В те месяцы Керенского знатный Владимир Бурцеа Россию и весь мир предупреждал о грядущем. Не доходило до созиаиия особеиного передового человечества, которому иадо было понимать. Да и по 1953-й год полугнилая Европа ие может понять, что ее ожидает. Для иих из России грандиозный вывоз всего всегда был, а при Сталине голод и всего не хватает. Гнет и кровь, стахановщина, и каждый на своей родиие прикован к месту цепями. И этой свободы теперь иужно ждать везде.

Все обстоятельства, выпавшие на мою жизнь, особенио начиная с 1916 года, измеиялись с такой быстротой, как на киноэкране. Выходя на сцену, должеи был изображать, наподобие Шаляпина, чтобы Борис, Сусанин и Дон Кихот — все вместе. И на масленице с балалайкой. И чтобы все разыгрывалось сходно с натуральным. Связи, друзья и просто знакомые. От Лодзи, Варшавы, Белостока — до Петрограда, Москвы, Астрахани, Самарханда. Центральная Россия, Сибирь и Маньчжурия. И во всех местах, и по всем неисчислимым отраслям — всюду вклинивалось имя, заводились, укреплялись связи и дружба. С помощью Бога! Ни в чем и иикогда ие доводил до конфуза. И из всех трудностей и безвыходных, казалось на вид, обстоятельств, спасал своеаременно и жизнь, и имя.

Спаси Бог! Избави и помилуй! Моего сына и внука, продолжателей торговых дел и имени — из простых, ио древнего. От таких и подобных жизненных перемен и пертурбаций. Уповайте иа Бога, живите иа земле, сохраняйте истииу и справедливосты! Утешайтесь Господом, и Ои исполнит желание ваших сердец! Уклоияйтесь от всего злого, старайтесь людям делать доброе. В этом спасение всего. Не гордитесь, этоизм приносит вред. И еще предупреждение: не зная броду — не лезьте в воду!

Чтобы начинать и вести дело, особенно в новых страиах, необходима широчайшая осведомленность. И прислушиваться нужно не к поверхностным и льстивым, а к тем, кто в совете круче. Во всем необходим совет и с разиыми мнениями советники. А потом хладнокровно все взвесить и поммерить.

Во всех делах необходима близость семьи, ее помощь а деле и, во-вторых, иужны практичные, честные сотрудники, на которых платы нельзя жалеть. По каждому отделу поиимающие и заботливые, как о своем. Но обязанность хозянна — их обласкивать и иести заботу о них. Это обеспечивает успех дела, а не выгоду в жаловании.

Время капиталистов-частников отошло в предание. Каждый, кто хочет что-то создать или улучшить, или переменить, сиачала сам себя во всем должеи проверить и себя переменить... У русских оыли зиаменитые тройки! А почему? Кориевик выбирался спокойный, сильный, а к нему, чтобы в любую гору подхватывались, пристяжные. А над ними руководитель — могучий кучер, который обязаи был знать силу, ловкость и выиосливость лошадок.

Дальновидные купцы и фабриканты, пока сыновья в университетах, не гнавшись за выгодой, подбирали заведующих в делах, а особенно умные посылали после университетоа сыновей в чужие фирмы на службу.

Пишу все, что пришло на ум, хотя и малограмотно и торопливо, ио правдиво. Это пишется только для близких родных, и не надо обижаться. Вроде истории, особенно если бы сохранилось для родины-России.

Восстанавливаю, что осталось а памяти о Японии. Приехали в сеитябре 1925 года.

По незнанию языка мне помогали во многом руки, ноги, они всякое выражали, доводя япошей до смеха. А это во всяких делах и обстоятельствах — самое главное. Не только с японцами, ио и в торгоаых и банковских делах. И с америкаицами а веселом настроении успешнее во всем, чем подходить к иим с гордостью. Ко всему этому необходимо знать характер, к кому как обращаться, а каком иастроении он или она. Все это а жизии вырабатывалось и приспосабливалось с библейских времен.

Из «Песни песней». Руфь, возвратясь из странствий, узнала, что деверь разбогател. Ей дали совет — хорошенько приоденься, причешись и выжди, когда он кончит молотьбу и пообедает. Потом приблизься, приласкайся. Поиятно, он ей отвалил всего полно...

А у меня — во всякое учреждение, к чиновникам, к директорам, к архиереям и другим. Нужно попасть первым на прием, иначе часто кто-то его уже взволновал.

Повторяю: ие забывайте, так и к вам обращаются. До начала разговора на стол, что есть, накрыть, радушие показать, оно располагает к откровению.

Везде: в делах, в собраниях и в семейной жизии — смех и незлое подшучивание всегда только пользу приносят. Сам Христос оправдывал веселость во время трапез и порицал злые споры и выкрики, поясняя: «Сердце злое и помышления злые, а это оскверняет душу, а веселость без зла возвышает дух».

Знатные советники-иностраицы, они появляются около знатиых, а мы были — комар с комарихой, только бы не придавили. Без всякой сиятельности и безграмотиые.

Особой явилось радостью, когда мать освободилась от забот, от разрушающих здороаье платежеи, долгов. Этот праздник был два года. А на третий год Акционерного общества, передохнув, прозрели. Начали появляться недоразумения.

Компаньон и с ним хитрец-Факумото, возгоревшись нашей деловитостью и добротой, чтобы еще больше приблизить нас, наметили план сватовства, продемоистрировав кулинарные способности дочки. Хотя дочь и разница от брата, который вскоре появился в деле, но этот толчок ускорил мое решение женить сына на харбинке, чтобы избавиться от зависимости. А на кого пал жребий? Внукам теперь понятно!

А компаньоны тогда иные нажимы иаметили всякими способами подобрать к рукам магазин. А мы хотели во что бы то ии стало удержать магазин, как отдушину на будущее.

У вас, детей, много храбрости и бесстрашия за будущее. А я по природе труслив, и девиз у деда и отца — никаких дел никогда не доводить до суда. И русская пословица: от хорошего суда на лапти не аыгадаешы!

И с Божией помощью, и с помощью, на этот раз, детей, вновь появилось дело — «Космополитеи и K° », но это

Валентии Федорович, Ольга Сергеевна и Валентин Валентинович Морозовы

уже ие впотъмах и не наощупь, а со знанием и уверенностью. Но и увеличились семейные расходы. Вложеиные Нииой Боби 15 000 затратили иа улучшение магазниа и на сырье. Что получили от общества, ушло на расплату с долгами и улучшение фабрики. Дело завертелось. Но через год — 49 000 долгу. И виовь — беготия за займами, ио чтобы солидно и скрытио. Но можно было бы затруднений избежать, уверенность в деле была.

Сын на новом месте а Шанхае. Добавил знание и развитие. А я во время его отсутствия, по-стариковски, с честью, через магазинчик, не только со всеми рассчитался, но покрыл расходы иа разъезды и прочее. С добавлением мануфактуры заработал деньги иа домик в Оике, в деревушке в 12 верстах от Кобе, где во время войны нашла спасеиие семья от воздушных налетов на Кобе, от которых было более 20 000 убитых и которыми на 80% был разрушен город. Все это позади, и воспоминания об этом, как о прошлом сне, без всякой обиды на кого-либо. И завещаю вам, и аы в жизни скорее забывайте всякие злобы, потери и обиды, а вспоминайте доброе.

А я а жизии, грешеи, отиосился к пышным помиикам, с изрядной выпивкой, критически. Приветствовал,
чтобы определять эти расходы туда, где есть насущиая
нужда, в память усопших отсылать. Но в день похорон
клопочущие, а также духовенство должиы вознаграждаться. А если после меия будет возможность в этом иаправлении что сделать — нуждающимся уделите, но, как
и в жизни моей, — никаких излишеств, во всем скромность. Положите, по-возможности, рядом с мамой, и малюсенький памятиик — «Крестьянин — Федор Морозов».
Меньше слоа и больше дружбы между родиыми и старыми
друзьями.

С исстари и до последиих дней жизни придерживался я средиего, никогда ие гнался за роскошью. Но всегда — не скупо, особенно если кого иакормить, пришедшего даже врасплох. Но ие забывал вести всему учет и всегда знал, оправдаются ли расходы, и предвидел на будущее. Это тоже усвоила мать и сохраняла до последнего дия жизни.

Около вашего большого дела все — по представлениям малоимущих — знатно. В таком положении много будет подвертываться разных дельцов, льстецов и подлецов. Но и у самих вас с легкостью приходит, иезаметно для себя, зазнайство, гордость и пренебрежение к прежним друзьям и приятелям. А через это — охлаждение и отход. И что скверно, причины ие видиы, и особеино при нервных настроениях. А шаитрапа новая — эти всегда без принципа.

Для достижения дружбы и знатности необходимо от себя всегда проявлять теплоту, прямоту (а меру), и всегда почтительность в отношениях. Эластичность, нюх — не переборщить бы. И надо помнить, что у каждого друга есть жены с разными капризами, с этим надо считаться. Нужна и осторожность всегда при оценках мужа или жены и о их характерах и поведении.

Дети, внуки, помоги вам Бог! Без трудностей, без препятствий продолжать жизнь и дружбу, чтобы всякие семейные и торговые дела разрешались бесшумно, гладко, согласованно.

Авось когда-либо, через миогие годы, и эта разнообразиая моя брехня явится для кого-то интересной для сравнения вашего настоящего с далеким прошедшим моим. Понятно, должно быть снисхождение к иекультуриости деда, который вбивал в голову что и как.

Душевное, родственное, теплое и истинно радушное отношение и обоюдное участие в радостях и трудиостях. Это и есть величайшая цениость, это имеет главное зиачение в жизии. Особенио свой по крови человек должен во всем быстро откликаться.

Оторванность, закосиелость от всего и всех и потеря связи с родственииками — тяжело и гибельио отражается. История а народах повторяется, и жизиь на одном месте не останавливается. Чем богаче человек в жизни, чем он грубее и эгоистичнее к ближнему и простому народу, тем жёстче его состояние духа, особению при разорении и падении, т. к. не от кого получить сочувствие и почти каждый от таких уклоняется. А без сочувствия жизиь особенно тяжела на земле. Общение с народом и ласку всегда необходимо иметь.

Но в то же время — строгий разбор в людях. Знать нужио — кто какого происхождения и качества. Роль, порода — это одно. Нужно знать, кто его друзья и каковы дела. Но напередки, сгоряча не эткрывать душу, чтобы не простудить, через резвый и особо с грубостью язык, а также не попасть под влияние обольстительных. Это вредно во всей жизни. Сегодня — друг, а завтра — враг. Люди, друзья и приятели испытываются десятилетиями и при нужде.

"Чего только в моей жизни не пришлось наблюдать и переживать? Особо когда обнаруживалась всяческая извращениость в понятиях морали, об обидах, оскорблениях и о доброте. Этому причина — лихолетие. Человек, якобы, выше и благороднее всех животных. А вот практика жизненная и мои наблюдения доказывали иное. Например, собака Рекс и два кота ие только уживаются, но из одного блюда кушают, а потом игру затевают. И кто кому боль причиния? Не дрались никогда, и котам от собаки полиая защита. Или — курица вывела двух гусей и, отменно охраняя, воспитала. Но отменно орала, когда они начинали нырять. А человек — человеку? Да, хуже чем волк. Волк сразу разрывает. А ближний ближиего — через всякие ухищрения, бахвалясь культурою, — медленно.

Да и что такое богатство? Есть ли граница удовлетворения? Сколько надо на жизнь супругов и каждого члена семьи, чтобы жизнь протекала во всем счастливо и ураановещенио? Да и у всякого народа и класса людей на все понимание разное и растяжимое.

В какие пертурбации человек или семья попадают, и насколько человек способен спокойно осознавать свои ошибки и грехи, и как скоро находит способы, призывая бога на помощь, исправлять их. Мои периоды жизии жестокой и крутой ломки, прогресса и падения... С 1903-го года в канун русско-японской войны и в войну 1904—5 годов — огромный прогресс. Стал знаменит не только в окружности уезда, Сызрани и Симбирска, но в Москве, Лодзи, Варшаве, Белостоке, Гамбурге. И везде связи, и везде кредиты, самостоятельное управление. Везде почет, веселость, дружба и во всем согласованность.

Война — вместо фроита, чины в тылу и работа патриота, на виду у всех, до призыва. Появляется богатство от запасов товаров и через помощь друзей из Москвы и Ставрополя, снабжающих перед подорожанием и без моих заказов товарами. И это вот — главная моя удача, иметь таких друзей.

Была уверенность, что обеспечена семья недвижимостью и страховкой, и вдруг сверхнеожиданность — кругом поворот и крах! Все оставлено, и мы где-то в Харбине, около Нахалоаки, в наскоро, из глины и соломы, построеи-иой фанче.

Эта сырая, из глины, хижина хотя и разрушила у всех здоровье ревматизмами, но жизнь в ней была радостиая, веселая, со смехом, сытная и вселяла радужные издежды. Потом появился свой домик в Модягоу, и не только себе на пользу и радость, но и для бесчисленных знакомств и связей. А под рюмку и пироги разиым бездомным — ласка и приют, даже и для ночлега. Многим знатностям в прошлом и просто обездоленным.

Богатство и всякая обеспеченность только в недаижимости и в одном месте — не есть вериая гарантия. А потеря половины капитала, если здоровье ие потеряно и сохранилось широкое доброе знакомство, — не опасно. Иной друг — лучше, чем в сундучке или в чулке мешок золота. Но необходимо имя честного дельца — это высшая ценность. К тому же — спаяниая, согласованиая семья и уступчивость в отношениях. Это везде и всегда — главный путь в жизненных делах!

У каждого государства и народа — свои традиции и свои стремления. У каждого народа во всем свои идеи и приемы их достижения. А также у великих держав были и есть руководители и предупредители судеб. В какое русло корабль направить, к какой цели.

Были в России из высшего класса декабристы, с благими намерениями. Но еще не созрело, непонятно было. И прогрессировать начали разиого рода социалисты с еще большими требованиями улучшений для масс народных. И всякие прогрессисты преследовали гуманные цели и на пользу для большинства. Достигнув же до представительства иародного, какие бы не предписывали рецепты, ничего не оказалось на пользу Руси и населяющему ее большинству. И никакого вразумления правящим.

А я только, как отец, исходил из практической теории, что, по моему разумению, казалось понятно в устройстве жизни семьи и дел торговых и маленьких общественных. Указывал на ошибки и на пути их исправления. А ради чего? Чтобы призвать к воздержанию. Для этого, понятно, требовались авторитет и вера в Отца и Сына Божьего, да и в собственного отца.

В премудрейшей, дальновидиой, хитрейшей Англии руководит 85-летиий Черчилль. Руководит не только своей страной, но и влияет на другие страны и народы, хотя могущество силы потеряно и страна в зависимости от янки. Но у него — прицел на далекое и мысль, как восстановить страну свою.

Я моложе его на 10 лет. После разных неимоверных трудностей и катастроф, благодаря удаче и приобретенному за годы доверию, достиг крупного дела, чтобы не испытывать больше нужду и не видеть сына донельзя измученного. И при богатстве я кряду все три года в напряженном труде и к тому же, по самомнению своему или гордости, успоканвал себя, что имею какие-то заслуги и меня поймут и послушают. Хотя бы даже по мелкому торгашеству, т. к. я-то не знал Морганов и других чудопрогрессистов. Не знаю, через какие они способы и оборудование достигли своего положения. Повторяю, что мелкая натура моя, но знающая и схватывающая. Знвл, на какого червячка клюет, знал, как переждать всех конкурентов и отобрать у них всякую инициативу. Особенно теперь, имея такие места! А о крупном и стандартном? Это втягивает дело в большие мертвые затраты. Это не по времени. Проверил и убедился, что это особо гибельно и опасно при катастрофе. Моя натура — во всем подвижность. Иметь живую копейку на всякое сырье и на расплаты, а также и себе на скромные расходы. Казалось бы. мне стыдно это задуманное дописывать, когда израсходовал на Веру свыше 25 тысяч и от аванса сэкономил для Кориилыча 2 тысячи. И все время под гнетом совести, т. к. видел, как сыну трудно...

Помоги Бог, чтобы была смелость и быстрота решения у Ирочки Морозовой, на всю жизнь была удача и счастье. Но вторая виучка — Наташенька Морозова, а это у Морозовых вторая Наташа, первая — осталась на родине. Маленького роста, но высокой культурности и глубочаишей серьезности, начитанности и особенно огромной житейской и торговой практичности, ласковости и приветливости, а потому и широчайшего знакомства. Для внука — Валентина Морозова — мое пожелание. Всегда на глазах у отца школа и обучение по своей отрасли. После окончания школы или университета в чужое дело на практику следует устроиться.

Написал на будущее внукам, кроме Дарьи, т. к. ее более далекое будущее, а оно только Самому Богу известно!

Я также думаю и о моих других детях — о Зине и Нине и об их семьях, которых жизнь унесла далеко от меня, но которые знают, что я их люблю.

Во всем мире чудовищные события, междоусобицы. Но безверие. К гибели — это каждому яснее ясного.

Июль 1969 года, мие 90 лет. Жестокие болезни, не в силах писать. Кто пожалеет из потомков?..

иосиф розенталь

Неврученные Нобелевские премии

оказывать благотворность

І благотворность деидеологизации науки и искусства нет нужды. Но у этого тезиса есть своя логика, которая заставляет нас задуматься самым серьезным образом о взаимоотиошениях идеологии и духовиой, интеллектуальной жизни внутри страны. Как должны строиться эти отиошения, чтобы свобода мысли получила необходимые ей гараитии? Ответ на этот вопрос нам может отчасти подсказать и наша не столь уж далекая история.

Много уже написано о том, что пришлось претерпеть в сталинское время искусству и общественным наукам, попавшим под пресс тяжких идеологических догматов. Пострадали в тот период и естественные науки, которые, казалось бы, никак нельзя было заподозрить «а политике».
И тем не менее одним из этих областей знания вообше
суждено было перейти, так сказать, в разряд «врагов народа» (генетика, кибернетика), а другим — развиваться
сложным, зигзагообразным путем, терпеть «проработки»
и долго нести на себе печать неблагонадежности. Пример
тому — непростая история советской физики.

В 1990 г. в журнале были опубликованы статьи И. Розенталя: «Чуток к боли каждого» (№ 5), «Достоевский. Булга-ков и современная физика» (№ 12).

В смутное время

Сначала — небольшое отступление. В мемуарной литературе, посвященной периоду 30-х — 40-х годов, часто приходится встречаться с такими выражениями: «Мы не понимали, что происходит», «Мы верили и не могли не верить Сталину, потому что нам казалось, что он представляет советский народ» и т. д. В качестве иллюстраций можно привести свидетельства литераторов, занимавших видное положение в то время (И. Г. Эренбург, К. М. Симонов), или интервью С. В. Михалкова («Огонек», № 12, 1988 г.).

Поскольку здесь важны нюансы, то я позволю себе привести цитату из последнего интервью. «Сталин был для нас человеком с большой букаы. Конечно, нас тревожило, что исчезали люди, что ссылают, но мы думали, что это наверняка за дело (выделено мною. — И. Р.). Разве могли мы не доверять официальной информации». Я позволю себе решительио не согласиться с Сергеем Владимиросебе решительио, получается, говорит таким образом от имения всего моего поколения или поколения моих ролителей.

Для справки сообщу краткие анкетные данные: родился я в 1919 году, отец мой — не имея высшего образования. занимал в 30-х годах инженерные должности в Метрострое. мать — зубной врач. Таким образом, мои родители занимали низшие ступени в иерархии московских интеллигентов. Такое же положение занимали и родители моих друзей, погибших во время войны. Так вот - ни у моих родителей, ин среди моих близких и друзей не было ни малейшего сомнения, что «большие процессы» — это инсценировки. Не было лишь полной ясности в другом вопросе: какими методами большевиков, закаленных а царских тюрьмах и ссылках, заставляли признаваться в невероятных преступлениях — шпионаже или контрреволюции. Впрочем, мой отец развивал «теорию», которая, возможно, была отражением слухов, ходивших по Москве. На процессах будто бы выступали не Бухарин и Зиновьев, а загримированные Качалов и Москвин...

Поннмая искусственность «больших процессов», трудно было поверить, что множество знакомых людей исчезло «за дело». Таким образом, по крайней мере, часть московской интеллигенции уже тогда понимала: происходит то, что и получило название «революция сверху».

Но и прозревшие понимали далеко не все. Конечная цель всей это «революции» — от коллективизации до репрессий 1937 года — оставалась неясной. Лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны» не давал ни малейшего представления о конечной цели сталинской политики. Поставленная задача построения социализма в одной стране мало проясияла ситуацию из-за неопределенности самого понятия социализма в интерпретации Сталина.

Как всегда, чуткие москвичи начали ощущать нечто определенное по второстепенным, ио, быть может, поэтому крайне многозначительным признакам. Одним из них был разгром поставленной в Камерном театре пьесы «Богатыри», написанной весьма известным в довоенные годы поэтом Демьяном Бедным. Признаюсь, пьесу эту не смотрел и не читал. Однако содержание погромных статей в центральных газетах помню хорошо. Главный упрек — автор неуважительно писал о героях русских былин. И тогда казалось, и сейчас я увереи: выбор темы был крайне неуместен. Однако, на мой взгляд, Демьян Бедный никогда не отличался особым вкусом, и поэтому шквал публикаций в органах массовой информации в то время мне показался совершенно неожиданным и неадекватиым ответом на глупость конкретного автора. Но ситуация постепенно прояснилась, когда параллельно с критикой Демьяна Бедного начали появляться книги, пьесы и кинофильмы, посвященные апологии сильных русских властителей Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Первого. Нужно было лишь совместить оба факта. А они рисовали как бы абрис будущего страны под единовластием одного человека — Сталина. Заметим, что едаа ли увлечение Стапина личностью Петра было случайностью. Еще в середине 30-х годов Н. А. Бердяев отмечал: «Приемы Петра были совершенно большевистские» (см. Н. А. Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма», — М.: Наука, 1990. —

Перейдем к осиовиой теме. Насколько можио судить, процент «врагов иарода» среди физиков ие отличался от среднего — в других слоях интеллигенции. Однако машина репрессий затронула самых лучших физиков молодого поколеиия: М. П. Бронштейна, Л. Д. Ландау, Ю. Б. Румера, входивших в одии круг, о чем, в частности, свидетельствуют их совместные работы.

Хорошо, что мы можем теперь говорить о людях, затяиутых шестернями этой машины, можем назвать их имеиа, почтить их память. Это важно для нас, для обшественной морали. Но следует, думаю, сделать и выводы, которые были бы обращены в перспективу, важны для развития иауки. Например, необходимо задаться вопросом: как сказались репрессии на творчестве наших выдающихся физиков?

М. П. Бронштейн, будучи очень широко образованным человеком, увлекался принципиальными вопросами науки. Совместно с Ландау он сделал попытку разрешить известный парадокс Больцмана о неизбежности тепловой «смерти» Вселенной. Наибольшую известность принесла Бронштейну поистине первооткрывательская работа по квантовой теории гравитации. В те далекие 30-е годы казалось, что квантовая механика и теория гравитации не имеют инчего общего. Потребовались десятилетия, чтобы физики поияли: именио в квантовой теории гравитации находятся корни решения основной проблемы физики — построение теории, объединяющей все взаимодействия.

Бронштейн на десятилетия опередил свое время. Хотя и сейчас еще очень далеко до создания последовательной объединенной теории, одиако не подлежит сомнению, что ее центральная проблема — построение квантовой теории гравитации. Думаю, что мы были бы к решению этой проблемы ближе, если бы тому не помещал такой факт биографии Бронштейиа — в 1938 году он был арестован и вскоре потиб в тюрьме.

Биографию Бронштейна следует дополнить. Этот ученый был мужем Л. К. Чуковской и, по-видимому, ее повесть «Софья Петровна» — отражение личной трагедии, а гибель Бронштейна — причина известного «диссидентства» семьи Чуковских. Бронштейн, несомненио, обладал литературным даром, нашедшим свое отражение в трех иаучнопопулярных книгах, написаниых для детей и не потерявших своей свежести в настоящее время. Чтобы подтвердить мою высокую оценку, сошлюсь на авторитет К. И. Чуковского: «...я могу засвидетельствовать, что кииги Бронштейна "Солиечное вещество", "Лучи Икс" и другие кажутся мне превосходными. Это не просто научно-популярные очерки — это чрезвычайно изящное, художественное, почти поэтическое повествование о величине человеческого гения. Книги написаны с тем заразительным научным энтузназмом, который в педагогическом отношении представляет собой высокую ценность». (Из архива К. И. Чуковского. Г. Е. Горелик, В. Я. Френкель. М. П. Бронштейн. — М.: Наука, 1990. — С. 216).

По-иному сложилась судьба Л. Д. Ландау. Арестованный в том же 1938 году, он под давлением советской (П. Л. Капица) и международной (Н. Бор) общественности был примерно через год освобожден. Думается, что заключение было трагическим рубежом в его творчестве. Так, если в молодости он позволял себе смелые экскурсы в принципиальные, спорные проблемы науки, то затем Ландау сосредоточил свои усилия лишь на технических проблемах почти во всех областях физики. Будучи (наряду с Р. Фейнманом) величайшим физиком-универсалом XX столетия, Ландау мог без усилий переходить от одной проблемы к другой. Используя шахматную терминологию, я бы назвал его гением эндшпиля. Но «играть в свою игру», по-видимому, физик не смог и после войны, когда, казалось бы, кровавых репрессий 30-х годов ждать не приходилось. Однако ревинтели идеологической чистоты не дремали. В одной из своих раиних работ Ландау вслед за Н. Бором

высказал гипотезу о возможном нарушении закона сохранения энергии. Такая гипотеза не противоречила некоторым экспериментальным даниым иачала 30-х годов. Потом, когда эти данные были уточнены, надобность в гипотезе отпала и о ней забыли. Забыли, ио ие совсем. В конце 40-х годов появились в печати заметки с обвинениями Ландау в идеализме. В 1951 году руководство ФИА На поручило группе физиков, куда был включен и я, рутинное по тем временам задание: написать философское эссе на тему «Масса и энергня». Поиачалу казалось, что такое сочинение будет иметь стандартиый характер — перевод современного физического языка на лексику, принятую В. И. Лениным в его известиом произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Подобное задание было вполне в духе времени и не вызывало особых эмоций.

Однако неожиданно события приияли неприятный и даже опасиый оборот. Мы получили приказ: в нашем опусе обязательно отразить «идеализм» Ландау. Схему рассуждений предложили такую: если энергия не сохраияется, то значит, исчезает и масса. А масса — символ материи. Следовательно, Ландау допускал исчезновение материи, а это уже идеализм, то есть покушение на святая святых — диалектический материализм. Публикация такого силлогизма угрожала Ландау непредсказуемыми бедами. Я был поставлен перед тяжелейшей нравственной альтернативой. Отказаться от задания — в лучшем случае быть полностью отлученным от науки. Согласиться — навек потерять уважение к себе. Разумеется, было невозможно и обсудить было бы нам всем обеспечено.

Выход был иайден в своеобразной игре. Одному из участников иашего предприятия давалось задание: написать фрагмент статьи. Когда появлялся этот фрагмент, все остальные в роли критиков с остервенением набрасывались на него и его творца. Затем тема поручалась другому соавтору, который, в свою очередь, подвергался уничтожительной критике и т. д. Так выигрывалось время.

Мне трудно судить о ходе мыслей моих коллег, однако мои надежды основывались на непреложном законе системы: кампании имеют конечное время жизни. Я, кстати, не связывал его с конечностью жизни Верховного Властителя. Мне он казался бессмертным. И здесь не было никакой мистики, а трезвая оценка, основанная на весьма смутных слухах, ходивших тогда в Москве. А слухи были таковы: Сталии либо очень болен, либо уже ушел в мир иной, а его родь играет некий двойник. Вследствие моей некоторой политической наивности, эти слухи мне казались вполне правдоподобными, поскольку я был убежден, что система основана на обожествлении одного человека — Вождя, и если его не ствиет, то обрушится система, а в такой катастрофе погибнут и все соратники правителя. Я полагал, что примерио такие рассуждения были в ходу и «наверху», и поэтому верил в гипотезу «двойника Сталина» и, следовательно, в «бессмертие» Вождя.

Однако жизнь оказалась проще и драматичнее. Сталин действительно умер, и наше так и не оконченное сочинение превратилось в труху. Вероятно, слухи о мышиной возне вокруг псевдоидеализма Ландау доходили до него, и это обстоятельство также не стимулировало его интерес к принципиальным вопросам физики, всегда чреватыми непредсказуемыми оценками.

Однако после смерти Сталина ситуация резко изменилась. Идеологический корсет на теле физики резко ослаб. Результат? Л. Д. Ландау совместно с И. Я. Померанчуком публикует прекрасиую работу о внутренней противоречивости квантовой электродинамики. В этой работе высказывается замечательная мысль: теория, объединяющая гравитацию и электродинамику, должна разрешить это противоречие. Одиако это объединение должно произойти при фантастически больших энергиях. Этот вывод лежит в современном русле идей, иа основе которых и пытаются

* Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР.

построить объединенную теорию взаимодействия.

Показательна и судьба Ю. Б. Румера. Арестованный также в 1938 году, он длительное время работал в тюремной «шарашке» над авиационными и ракетными проблемами. Видимо, его полезность в этих вопросах предоставила ему некоторую возможность заниматься и физикой. После выхода из заключения он публикует статьи и книгу на тему: объединение гравитации и электромагнетизма. В своей теории Румер следует идеям Эништейна, но вносит новый элемент, а именно квантовую механику. Однако подход Эйнштейна-Румера оказался слишком прямолинеен. Как показало развитие физики, нужно пытаться объединять все взаимодействия, а не только гравитацию и электромагнетизм. Вероятно, поэтому у Румера не оказалось последователей, и он фактически ушел из большой физики. оставив нам несколько превосходных учебников и монографий.

Оценивая деятельность Л. Д. Ландау, М. П. Бронштейна и Ю. Б. Румера, можно перефразировать известный афоризм римского поэта Квинта Горация Флакка: «Я сделал все, что мог: пусть другие сделают больше». Наши герои сделали все, что могли. Но они сделали бы гораздо больше, если бы не попали под жернова сталинской репрессивной машины.

Конечно, иногда система прибегала и к «мягкому» вытеснению прекрасных физиков из научного оборота. Так, в 20-х годах у нас физика процветала благодаря усилиям трех всемирно известных школ — С. И. Вавилова, А. Ф. Иоффе и Л. И. Мандельштама. Школа последнего — блестящего физика, теоретика и педагога — доминировала на физическом факультете МГУ. Однако незадолго до войны (насколько я помню, в 1938 году) одного из сполвижников Мандельштама сняли с должности декана физфака, назначив на его место А. С. Предводителева, который и возглавил вытеснение Мандельштама и его учеников из МГУ. Вскоре учитель и его ближайшие ученики И. Е. Тамм, М. А. Леонтович, С. М. Рытов, С. Э. Хайкин и др. были вынуждены покинуть МГУ. Здесь важно подчеркнуть, что смена деканов на физфаке МГУ произошла одновременно с упомянутым выше резким поворотом в литературе и, вероятно, была сравнительно малым звеном в цепи фактов, которая очерчивала новое государство, созданное Сталиным.

Борьба с космополитизмом

Взаимоотношения России с иностранцами издавна носили противоречивый характер. С одной стороны, иноземцы привлекались, как теперь выразились бы, для увеличения ее научно-технического потенциала, а с другой засилье иностранцев и их привилегии стимулировали рост националистических настроений. Особенно ярко это противоречие проявилось во время правления кумира Сталина — Петра Первого. И Сталин его своеобразно повторил. Если Петр предоставил, например, иноземцам привнлегии в торговле, то Сталин — в покупке дефицита. Появление в сталинскую эпоху торгсинов, с одной стороны, привлекло зарубежных инженеров и ученых, но с другой вызывало к ним смешанное чувство зависти и некоторой неполноценности со стороны коренного населения. После окончания Великой Отечественной войны чаши весов, постоянно колеблющиеся между национализмом и интернационализмом, славянофильством и западничеством, окончательно склонились в сторону национализма. Но повинна в этом, конечно, не проблема дефицита.

Наступила «холодная война». Отношения между Востоком и Западом были фактически прерваны, и не следовало ожидать никакой внешней помощи. Этот факт вызывал тенденцию, на которой не замедлил сыграть Сталин, выбросивший новый лозунг — «уничтожить преклонение перед иностранциной». Но как это часто бывает в условиях неограниченной диктатуры, правильная тенденция к сохранению национальной самобытности постепенно начала приобретать уродливую шовинистическую окраску, а приведенная выше формула трансформировалась в призыв «вести беспощадную борьбу с «безродными космополитами».

Национализм с шовинистической окраской не возник, конечно, на пустом месте. Можно почти с уверенностью утверждать о существовании корреляции этого явления и взаимоотношений Востока и Запада. Хорошие отношения — мягкий национализм; плохие — он переходит в шовинизм. Разумеется, для системы всегда было выгодно наличие внутреннего врага — нет уже разбитых троцкистов, пусть будут космополиты. Какая разница?

Об уровне дискуссий можно судить по факту, свидетелем которого мне довелось быть. Один из ныне здравствующих известных физиков в одной из книг употребил словосочетание «периодическая система элементов» без упоминания имени Д. И. Менделеева, за что был подвергнут многочисленным разгромным проработкам. Причем на сей раз борьба велась уже на два фронта — с космополитизмом и с идеализмом. Эти обе линии сосуществовали весьма причудливо, иногда переплетаясь, иногда развиваясь самостоятельно, как бы параллельно.

Появился расхожий термин: «реакционное эйнштейнианство». Один способный математик, ушедший вскоре из большой иауки, даже написал книгу «Анти-Эйнштейн», но, к счастью, не успел ее опубликовать.

Борьба с космополитизмом тем временем разгоралась. Нужно подчеркнуть, что эта трагическая страница в истории советской науки имела одну особенность по сравнению с борьбой с «врагами народа». Во время борьбы с космополитизмом люди, как правило, не исчезали. Их массами увольняли с работы, что, впрочем, было эквивалентно гражданской казни. Дело в том, что, например, слесарь (по крайней мере, в то время) может сравнительно безболезненно изменить специальность и переквалифицироваться в токаря. Настоящий физик может быть либо физиком, либо никем.

Я ограничусь лишь одним примером. На физическом факультете МГУ числом способных студентов выделялся курс набора 1938 года, давший многочисленную плеяду талантливых физиков, и сейчас занимающих руководящие посты в Академии наук. Однако, еще будучи студентами, даже на этом фоне резко выделялись своими способностями два человека — А. Д. Сахаров и П. Е. Кунин, оба ставшие впоследствие аспирантами И. Е. Тамма. Судьба Сахарова общеизвестна, а Кунин же был вместе с многими другими физиками во время кампании против космополитов уволен из ФИАНа и затем ушел из большой физики, а после (насколько мне известно) и из жизни...

Параллельные течения — борьба с космополитизмом и борьба с идеализмом — в 1949—50 годах должны были слиться в единое русло и привести к разгрому физики наподобие того, как это сделал Лысенко с биологией. Но вмешалась сама судьба в лице И. В. Курчатова. Стране жизненно необходимо было совершенное атомное оружие. Я слышал от многих физиков, что И. В. Курчатов сформулировал на самом верху такую альтернативу — разгром или бомба. Верхи предпочли последнюю. Однако попытки хотя бы частично терроризировать физиков не закончились.

Огонь был сосредоточен на школе Л. И. Мандельштама. Апофеозом этой атаки явился ученый совет в ФИАНе в феврале 1953 года. Этот совет должен был окончательно «узаконить» существование идеализма в трудах Мандельштама и завершить разгром его школы. Однако заседание прошло совсем не так, как замыслили его организаторы. М. А. Леонтович в своей исключительно смелой речи решительно отрицал какую-либо связь физика Мандельштама с идеализмом. В заключение он в прямом смысле клопнул дверью, повергнув президиум заседания в шоковое состояние. Вероятно, смелая эскапада Леонтовича не прошла бы ему даром, но опять вмешалась судьба, карма, рок... Вскоре наступил день 5 марта 1953 года, и мелкие по сравненню с этим событием проблемы физиков были забыты.

Идеи и лауреаты

Выше было рассказано о тех зигзагах, которые совершила советская физика в сталинскую пору. Чтобы поставить точку, полезно осветить зволюцию физики, обусловленную этими зигзагами. Нужно сразу же оговориться, что подобная акция крайне сложна и по необходимости несколько субъективна. Отиосительно просто, например, проследить временную динамику выплавки стали, но уже гораздо сложнее сделать категорические выводы о прогрессе (или регрессе) в выпуске обуви. В соответствии с официальными данными, по числу изготовленных пар (валу) Советский Союз находится на первом месте, что однако совершенно не решает проблему дефицита обуви.

Бесконечно сложнее провести сопоставление по «качеству» наук, в особениости фуидаментальных. Здесь почти полностью отсутствуют количественные критерии. «Качество» же работ по физике имеет (по крайней мере, в историческом разрезе) весьма субъективный характер. Существует, по-видимому, едииственный путь: сопоставление числа выдающихся работ, оставивших заметный след в науке в довоенную и послевоенную эпохи.

Чтобы свести субъективность такого сопоставления к минимуму, мы будем говорить о работах, которые получили или должны были получить самую престижную международную премию — Нобелевскую. И здесь необходимо сделать одну оговорку. В мире науки существует несколько превратное представление о том, что все Нобелевские лауреаты — это выдающиеся физики, а все выдающиеся физики — всегда Нобелевские лауреаты. Как правило, это утверждение правильно. Однако бывают и исключения. Нобелевский комитет состоит из людей, то есть подвержен виешним влияниям (в том числе и политическим), симпатиям, антипатиям и т. д. Имеется и иная, более прозаическая причина. Нобелевские премии присуждаются ежегодно. А большая физика вовсе не обязана следовать этому циклу. Одиако вие сомиения, Нобелевская премия является самым престижным международным признанием работы по физике.

Для решения поставленной задачи разобьем выдающиеся советские физические работы на три класса. К первому отнесем работы, получившие Нобелевскую премию. Ко второму — работы, которые хотя премии не получили, одиако их зарубежные аналоги получили; и, наконец, к третьему — те работы, которые заслуживают этой премии по моему личному (а следовательно, и несколько субъективному) убеждению. Разумеется, датировка будет приводиться не по году присуждения премии, а по периоду, когда эта работа была закончена. К первой категории относится открытие свечения Черенкова — работа эта была сделана под руководством С. И. Вавилова в 1934—35 годах и правильно интерпретирована И. Е. Таммом и И. М. Франком в 1937 году. Эта работа была удостоена Нобелевской премии в 1958 году. Отметим, что П. А. Черенков был аспирантом С. И. Вавилова, который первый понял нетривиальность явления и дал его элементарную интерпретацию. Однако Сергею Ивановичу Вавилову даже не приходило а голову объявить себя соавтором открытия. Это особенно показательно на фоне современиой практики, когда зав. лабораторией, даже не имеющий прямого отношения к определенной (хорошей) работе, как правило становится ее соавтором.

Ко второй категории следует отнести открытие комбинационного рассеяния света (резонансного рассеяния фотонов на молекулах) Г. С. Ландсбергом и Л. И. Мандельштамом в 1928 году. Аналогичная работа была сделана индийским физиком Раманом, который опубликовал ее на неделю раньше. И котя всем ясио, что большое экспериментальное исследование нельзя провести за несколько дней, тем не менее Раман получил Нобелевскую премию, а Ландсберг и Мандельштам — нет, что, по мнению многих физиков, было великой несправедливостью. Отмечу, что в последующей истории Нобелевских премий аналогов подобной иесправедливости нет.

Наконец, третий класс работ, которые заслуживают, но моему мнению, Нобелевскую премию, но по разным причинам не получили ее. Это работы А. А. Фридмана (теория расширяющейся Вселенной), цикл работ Г. А. Гамова — М. А. Леонтовича — Л. И. Мандельштама по квантовому прохождению элементарных частиц через потенциальные поля, а также интерпретация и-распада на основе такой теории В. А. Фока (создание совершенно новых и весьма плодотворных методов квантово-механических подсчетов, которые используются и до сих пор). Также мне кажется весьма важным открытие в 1940 году К. А. Петржаком и Г. Н. Флеровым спонтанного (самопроизвольного) деления ядер урана.

Итак, подведем итог. До войны за 20 лет было сделано примерно 10 работ высочайшего класса. После войны (более чем за 40 лет) — таких работ было приблизительно вдвое меньше. Следовательно, иужно признать, что по самому важному показателю — числу работ мирового класса — в Советском Союзе наблюдается регресс. А если учесть, что относительное число физиков, работающих в Советском Союзе, за эти годы существенно возросло, то этот регресс становится еще более очевидным. В чем его причина?

Естественио, особенно обратившись к вышеизложенному, сделать вывод о том, что обязано наше отступление «на физическом фронте» (а мы говорим только лишь о нем) установлению в обществе жесткого интеллектуального контроля. Наука, в том числе, разумеется, и физика, для полноценного развития требует интеллектуальной свободы. Сто ученых с самыми блестящими анкетными данными не заменят одного таланта с каким-либо «пятном» а биографии. Я мысленно «переставляю» Фридмана и Кунина. Если бы Фридман был его ровесником и изгнаи из науки, например, в «эпоху борьбы с космополитами», то, возможно, мы не имели бы современной космологии. С другой стороны, если пофантазировать и допустить, что Кунин родился бы на 30 лет раньше, то, может быть, мы имели бы «расширяющуюся Вселенную Кунина» или какую-нибудь иную новую блестящую работу.

Наука и искусство прогрессируют (или регрессируют) взаимосвязанно, и этот процесс, в значительной степени, определяется степенью интеллектуальной свободы.

Эволюция физики в Советском Союзе, которую я хотел кратко обрисовать, не испытала те дикие крайности, которые были характерны, например, для биологии. Такое различие имеет простую интерпретацию: физика (а, следовательно, и физики) была иеобходима для военной индустрии, для создания атомного оружия.

Одиако есть классический пример губительного воздействия тоталитаризма на физику. В первой трети XX века Германия была центром физической мысли, Меккой для молодых физиков и математиков. Изуверская политика Гитлера привела к полному разрушению немецкой физики, разгрому, от которого немцы не могут оправиться до сих пор. Впечатляющим уроком является бесспорный факт: шовинист Гитлер, обрушивший море слов во славу немецкого народа, был тем человеком, который более, чем ктолибо другой, способствовал созданню великой америкаиской физики и атомного оружия в США. Метаморфоза имела простую и вместе с тем ужасную подоплеку. Гитлер создал невыносимые условия для свободного развития физики и тем самым стимулировал эмиграцию выдающихся европейских ученых за океан.

Вряд ли мы можем удовлетвориться только лишь сознанием того, что нам «повезло» больше. Нужны серьезные выводы. Один из них очевиден, прост и плодотворен: тоталитаризм и прогресс науки соаместить невозможно.

Кое-что из жизни Штирлица THINEP. KTO STOT, 4TO BEE SPEMS GETAET NO все времв оегает по рейхсканцелярии! Советский ГИММЛЕР. Вазведчик Штирлиц. Не-ПОВИМЫН: П-а-а-чему неуловимый. АИМИ ЦЕБ. ТЯ ОН НИКОму не нужен, мой фюрер.

> Рейхсфюрер ошибался. Пришло время, когда Штирлиц понадобился стране-победительнице и чуть не на полтора десятка лет стал одним из самых популярных людей в СССР. Анекдоты про него — это ведь тоже результат популярности, и конечно, апофеозом его славы и карьеры стоит считать те незабленные дни, когда по сути именно ему, народному герою, было поручено читать по всем программам телевидения биографию другого, тоже народного героя (и тоже полковника!). Такого не знали ни Испания, ни США. Подумаешь, памятники Дон-Кихоту и Тому Сойеру! Дань талантам — не более. А тут — сюжет, достойный Данте. Вымышленный герой читает вымысел про своего двойника, но с более блестящей карьерой. Это был поистине перст судьбы.

Но после того случая, как сказал бы незабвенный автор «Левши» Н. С. Лесков. «судьба их начала сильно разниться»: объявленную «бессмертным» творением «Малую землю» стали дружно сдавать в макулатуру, полковника, успевшего влезть в маршальский мундир, который он до того, как и положено, оказывается, всю жизнь носил в своем ранце с великим множеством фапьшивых орденов, этого самого мундира лишили, хорошую славу поменяли на плохую и стали потихоньку забывать, а вот первый себя забыть не позволил. Штирлиц с достоинством продолжал гвои подвиги. И продолжает, Загляните в любой книжный магазин. Там. в разделе договорных цен, он на своем боевом посту. Немножко, конечно, сдал, за арбатскими детьми и ленинградскими интердевочками на короткие дистанции ему не угнаться, но он теперь за стайера себя выдает. Возраст как-никак. Стаж. Да еще он, как истинный разведчик, притаился на довольно расплывчатой грани легкого чтива-детектива, исторической или политической сплетни и фактической каивы. Хорошо пристроился. Литературная критика, та, что посерьезнее, упорно делает вид, что Штирлица нет в литературе, а просто «на основании фактического материала рассказывается о героическом труде тех, кто охраняет безопасность нашей страны», а историкам спорить с беллетристикой вроде не с руки, ну а что касается «тех, кто охраняет», то ведь они охраняют, а не пишут. (Пожалуй, пока генерал Калугин единственное исключение, но не о нем речь.) Хитрюга Штирлиц оказался вроде бы вне закона досягаемости, но он допустил серьезный просчет — романы о своих подвигах он (возможно, для вящей убедительности) назвал документальными.

Документ такая штука, что можно и проверить.

Проверять, пожалуй, лучше всего то, что общеизвестно, да и самому Штирлицу это принесло львиную долю лавроа — речь, как можно догадаться, пойдет о семнадцати его мгновениях в Берлине весной 1945 года.

2

Вкратце «легендв». Штандартенфюрер СС Штирлиц служит в РСХА, что на Принц-Альбрехт-штрассе, 8, тел. 12-00-40, в отделе Шелленберга (заграничная разведка и конторазведка), живет в Бабельсберге под именем инженера Бользена (тел. 42-75-41), имеет личный автомобиль марки «Хорьх» № ВКР-821. При всем этом он еще и советский резидент «Юстас» (полковник Исаев) с подчиненными ему радистом и шифровальщиком («Эрвин» и «Кзт»), которые проживают в Кепенике (район Берлина). Их группа получила задание выяснить, кто именно из фашистского руководства подталкивает (или провоцирует) западных союзников на сепаратные переговоры с Германией.

Штирлиц начинает действовать. Пишет анонимное письмо и отправляет его секретной почтой рейхсляйтеру Борману, потом звонит ему по телефону правительственной связи (тел. 12-00-54) и договаривается о астрече. Но в это время в результате бомбежки района Кепеннк погибает «Эрвин»; а беременная «Кэт» получает ранение и в роддоме «Шарите» рожает ребенка, где и выдает себя тем, что кричит по-русски. Штирлиц вынужден решать помимо основной задачи, на которую он ориентировал пастора Шлага, еще проблемы связи (профессор из «Пергамона» Плейшнер), спасения радистки и самосохранения в поединке с шефом гестапо Мюллером. Штирлиц выполняет основное задание, спасает радистку и с новым заданием возвращается в Берлин 18 марта 1945 года.

Вот, собственно, вся история, квинтэтсенция, известная всем читателям документального романа, ставшего без особых изменений сценарием телесериала, который с непостижимой скоростью стал обладателем всех мыслимых премий. Штирлиц стал национальным героем. И вот парадокс. Все герои застойного времени сдали, поблекли или объявлены антигероями, а Штирлиц непоколебим. Ои вроде бы даже остался за пределами сиюминутной суматоки, но, тем не менее, пода бы взглянуть на него пристальнее.

Шпионы, как прввило, попадаются на мелочах. И вот оказывается, что в семнадцати его мгновениях, наверное, таких возможностей попасться, по крайней мере, вдвое бопьше, чем этих самых мгновений. Не будем голословны.

«Мелочь» первая. Рвзведчик (или писатель, который взялся о нем писатель) должен знать свой «театр военных действий», быть «как все», что его окружают, и хорошо знать собственную «легенду» проживания. Это злементарно, и доказывать это не надо, потому что Штирлиц, слава Богу, не единственный разведчик, которого знавт человечество.

Но одна только машина марки «Хорьх» с номером ВКР-821 способна была погубить героя. Дело в том, что все четыре модификации автомобилв зтой марки в Германии 1945 года были «представительскими» машинами высокого класса (нечто вроде нашей нынашнай «Чайки»), и скромный инжеиер Бользен, и штандартенфюрер из разведки СС обязаны от нее отказаться, а уж советский разведчик, зная, что машины марки «Хорьх» составляют менее одного процента легковых автомобилей рейха, должен ужаснуться только от одной мысли, что ему придется пользоваться ею при тайных передвижениях. Проще и для СС, и для советской разведки было бы подобрать что-то из пяти приличных модификаций «Опеля» (36.8%) или трех модификаций «ДКВ» (17,9%), «Даймлера» (9.4%), не опускаясь до «фольксвагена» фирмы «Адлер» (6,9%). С номером злосчастного «Хорьха» тоже не все в порядке. Штирлиц привинтил себе трехбукванный номер, когда во всем пейхе были одно- или двухбукванные. Как исключение, трехбуквенными были только часть дипломатических номеров, бывшие немецкими аббревиатурами названий государств (Англия, Мексика, Чили), а буква В («дубль-ве») была принадлежностью военных номеров СС; попицив и почта имели свои обозначения, остальные — в зависимости от территориальной принадлежности (в частности, берлинские начинались только 1А). С номером Штирлиц явно оказалсв не на высоте, и потому гестаповцы проявили вполне здоровое пюбопытство, мотаясь за таким монстром по Берлину, но сами оказались не лучше преследуемого -- отправились в погоню на машине «Вандерер», что и выдало их Штирлицу. потому что марка оказалась такой редкой (4. 4%), что даже советский разведчик, наконец, обратил внимание.

Гестаповцы доложили о сумасшедшем Мюллеру, а Штирлиц написал Борману анонимку (на машинке экспедиции РСХА во время налета) и «сунул» в секретную почту. Экипажи обеих экзотических машин опять постарались перещеголять друг друга. Германия - страна с устоявшейся, единообразной системой письменного обмена. Обязательно должны были присутствовать все реквизиты: адресат, ведомственная принадлежность его, ранг, степень секретности, дата. Содержание письма должно строго от-REVATE HA BOTTOCH: «MTO?» «TIQUEMV?» «сколько?», а его размер должен был быть кратным единицам стандарта -ЛИН. Нелишне было бы сказать, что вся переписка НСДАП велась только на готических шрифтах, «латиница» не допускалась. А теперь стоит подумать, возможно ли при таком отношении к простой переписке что-то «сунуть» в секретную? Там, где количество писем должно строго соответствовать реестру? Возможен ли вход в помещение с такой перепиской постороннему (даже во время налета)? Равно, как и в комнату правительственной телефонной связи? Думаю, что надо честно ответить отрицательно, хотя о телефонах можно поговорить поподробнее, но ниже. А пока придется констатировать, что цидульку-анонимку Борман практически не имеет шансов получить. Не надо быть немцам, чтоб знать, что за подобные отправления кто-то расписывается и кто-то комплектует их к отправке.

Отдадим должное Штирлицу, вполне вероятно, что на стол рейхсляйтера анонимку положил он сам. Больше просто некому, но факт есть факт: Борман ее получил, понял, что написавший такое никак не может быть офицером СЛ (почта ведь пришла оттуда!), и, вдобавок, обязательно сделал нагоняй всем по всей степени полчиненности - он же был самым главным делопроизводителем нацистской

партии. — и забыл. Однако товарищ Юстас оказался настойчивым. Он прокрался в кабину правительственной связи и набрал номер 12-00-54. Не стоило бы так рисковать. Можно было позвонить из любого автомата, потому что по правительственной связи нельзя небрать обычиый городской номер вбонентв. Именно таким был телефон, по которому звонил Штирлиц. Но на этом его элоключения не кончились. Вспомним, как дальше: «- Борман, - услышал он в трубке низкий сильный голос». И тут Штирлиц оплошал. Не спросил имя. Ответил ему действительно Борман, но не заместитель Гитлера по партии. Мартин, а его однофамилец, тоже партайгеноссе, адъютант фюрера от партии (были еще от армии, СС, целых 5 управлений канцелярии), един-СТВЕННЫЙ, КТО МОГ ОТКЛИКНУТЬСЯ ПО ТЕлефону 12-00-54 — Альберт Борман.

Советские граждане знать это не обязаны, а вот товарищ Юстас, занимая в гитлеровской нерархии какое-никакое положение, должен был знать, кому звонит, да и как туда надо дозвани-

После таких финтов подопечного Мюллер решил присмотреть за штандартенфюрером. А тот после бомбежки в Кепенике возьми да и отвези раненую радистку Кэт в «Шариту». Безродная жена инвалида войны оказывается в самой фешенебельной клинике Берлина «Харите» («СН» по-немецки читается «Х»), где лечение было платным и стоило до 18 рейхсмарок в день. «Харите» — самое мощное медицинское учреждение тогдашнего Берлина — состояло из более чем двух десятков институтов, клиник, поликлиник, но все они были для состоятельных людей, а радисток полагалось возить в окружную больницу Келеника на Ахенбахштрассе, 4 (тел. 64-20-11), потому что годовое пособие ее погибшего мужа было не больше 2.4 тыс. рейхсмарок, что в месяц составляло всего 200 (и это без уплаты налогов, без вычета стоимости патента и при военной дороговизне продук-

Радистка понимает, что попала не туда и, сбежав, звонит резнденту прямо на дом, в Бабельсберг по телефону 42-75-41. Странно, что она дозванивается, потому что это - явно не тот телефон, номера Потсдама-Бабельсберга все, без исключения для советских разведчиков, начинались на цифру «8». Оттуда они — радистка и резидент - сматываются в Швейцарию на своем «незаметном» «Хорьхе», ориентируясь по дорожным указателям голубого (совсем как сейчасі) цвета. Указательные знаки с принятым в то время желтым полем по чьему-то указанию были сняты. Возможно, тут постарался сам рейхсфюрер, как шеф полиции.

На этом можно закончить адреснотелефонно-автомобильную справку, хотя сюда бы прекрасно вошли музвиные похождения героя, например, встреча со школьниками в университетском музее — именно таким являлсв музей природоведения, бывший не топько музеем, но и одновременно четырьмя институтами: петрографическим, геолого-палеонтопогическим, зоологическим, благородных металлов и самоцветов. Туда и штандартенфюрера могли не впустить, поскольку он туда инкогнито отправился, в цивильном, а уж про школьников, да впопыхах организованных, со «стукачкой»-учительницей — тем более.

Короче говоря, поиск документальности в картине Германии тех лет по похождениям Штирлица проводить нельзя, потому что ее там просто не существует.

Теперь о месте службы штандартенфюрера. Это РСХА, имперское управление безопасности, где Штирлиц в сжатые сроки (с 12.2 по 18.3 1945 г.) «прокручивает» свои головокружительные операции. Читатель, наверное, помиит такую фразу: «Когда Мюллеру доложили, что Штирлиц идет по коридору РСХА, направляясь в свой кабинет, он на мгновение растерялся».

Было отчего! Здание РСХА сгорело при бомбежке 31 января того же года, и хождение по пепелищу полтора месяца спустя поспе пожара удивипо бы пюбого.

Не было у РСХА и «местных» отделений. Представьте себе, что прогуливаясь по Воронежу или Одессе, вы подходита к зданию, на котором написано: «Местное отделение Верховного Совята СССР». Вы наверняка будето вести себя так же мак немец узнавший про существование «местных отделений РСХА» вместо обычных полразделений СД.

Все упомянутое и в самом деле мелочи, свидетельствующие о незнании не то Штирлицем, не то автором Германии 1945 года. Правда, этнх мелочей вполне достаточно, чтоб раз и навсегда забыть о «документальности»

Но, может быть, разведчик верно информировал Центр о сепаратных переговорах? Это ведь главное, это уже история, где искажения недопустимы. Что же произошло на самом деле, когда на пороге поражения Гитлер попытался расколоть союзников?

Привлечение внимания политических кругов к инициативе Германии должна была обеспечить миссия Клейста в Стокгольм, где он вел первый тур переговоров с сионистским Функционером Шторхом об освобождении 4300 евреев. Шторх поставил в известность посла США Олсона. Затем круг участников и лиц, осведомленных о переговорах детально, стал быстро увеличиваться: рейхсминистр Риббентроп, граф Бернадотт, Гиммлер, шведский банкир Валленберг, советский посол Коллонтай, Гессе. В частности, Александру Коллонтай детально ознакомил с содержанием переговоров Валленберг. Дальнейший путь ниформации в штирлицах не нуждался. Но внезапно звонком из рейхсканцелярии (звонил Вальтер Хевель) Риббентропу н Гессе дальнейшие переговоры были воспрещены.

С швейцарскими переговорами еще проще. О факте переговоров с Вольфом советскую сторону официально **УВЕДОМИЛИ СОЮЗНИКИ.** НО ОТКАЗАЛН В участии представителю генштаба Красной Армии под предлогом локальности объекта переговоров (Сев. Италия). Только это вызвало подозрительную реакцию Сталина в упомянутом письме Рузвельту. Кстати, в письме Молотова вмонтированном в «Мгновения», содержится почти полный ответ на вопрос участия Штирлица в этом деле, «Подтверждвя пояучение Вашего письма по поводу переговоров в Берне между германским генералом Вольфом и офицерами из штаба фельдмаршала Александра...» — дальше цитировать ни к чему, потому что от «бойца невидимого фронта» инчего не осталось. Может быть, кому-нибудь жалко расставаться с наскоро состряпанной сказочкой о «глубокой достоверности», но это необходимо сделать, потому что читателю нужны не «правдоподобные» версии, а сама правда, зерна, отделенные от плевел Потому похождения Штирлица должны называться не документальными романами, а так, как они того заслужи-BBIOT, - STHEOM

манор ПРОНИН, не только литературный герои НЕО-СИЛЬВЕСТР

Кто совершил

Внезапная кончина в 1934 году в Риге великого русского певца Леонида Витапьевича Собкнова вызвала в тогдашней лечати многочисленные, но лаконичные сообщения. Никому не приходило в голову искать загадку там, где ее, казалось, не было. Воспоминания, которые публикуются ниже, проливают, однако, новый свет на смерть артиста и придают этому печальному событию неожиданно трагический оттенок. Воспримем их как версию, но весьма правдоподобную. Остается добавить, что воспоминания появипись в парижском журнале «Возрождение».

И не уйдешь ты от суда мирского, Как не уйдешь от Божьего суда.

Пушкин

1. Сенсации, поразившие Ригу

12-го октября 1934 года все население латвийской столицы Риги, особенно русское, было потрясено кратким официальным сообщением об убийстве главы православной Церкви в Латвии и члена Сейма — архиепископа Иоанна

Не успело русское иаселение прийти в себя от этой потрясающей вести, как вечером того же дня по улицам города иеслись, как табун степных лошадей, мальчишки-газетчики с оглушительными криками:

«Экстра-телеграмма: подробности загадочного убийства архиепископа и внезапная смерть знаменитого русского певца Собинова».

Люди наперерыв требовали экстрателеграмму: некоторые буквально вырывали из рук газетчиков печатные листки и тут же жадно пробегали глазами изпечатаиное.

Эта новость поразила и меня: ведь лишь неделю тому иззад я, как сотрудник русской газеты, беседовал с архиепископом там, на даче, где он теперь зверски убит.

Но при чем тут почти одновременная смерть Собинова? Архиепископ Иоанн, по происхождению — латыш — Поммерн, из лифляндских крестьян, по окончании Рижской духовиой семинарии поступил в Киевскую духовную академию, где и принял монашество. В 1912 г. — он архиерей, 36 лет, иемного позже — архиепископ в г. Пензено. По прибытии в Ригу, он в 1921 г. избирается главой латвийской православной Церкви, а через четыре года он проходит по списку православных и объединенных русских организаций в Латвийский Сейм. Там я, в качестве парламентского корреспондента, впервые увидел его и познакомился с ним. Высокого роста, плечистый, умные, болышне глаза с орлиным взглядом, толстые губы, слегка скрываемые большой, окладистой бородой, энергичная и даже величественная походка архиепископа невольно привлека-

ли внимание всех. Каждое выступление его в сеиме было своего рода политическим событием и вызывало в палате депутатов много оживления, так как он был блестящим оратором и природным борцом со злом, особенно с марксистами, в которых вндел ярых врагов не только Церкви, но и каждого правового государства. А в Латвии в то время марксисты, главным образом, социал-демократы, имели в сейме из общего числа 100 депутатов — 32 представителя, плюс еще 4 меньшевика и один бундовец, всего 37 человек, весьма влиявших на политику парламента.

«Социалистическая рабочая партия», как официально именовали себя латвийские соц.-лемократы, относилась дружественно к коммунистам, и последние под их крылышком быстро развили в стране свою преступную деятельность; только благодаря правому крылу сейма во главе с крестьянской партией (Карл Ульманис) большевикам не удалось сразу захватить власть в республике, и им пришлось довольствоваться подпольной работой и шпионажем в пользу восточного соседа, ожидавшего лишь благоприятного времени для прыжка в Прибалтику.

Пробыв несколько лет в России при господстве большевиков, архиепископ Иоанн много претерпел там, а еще больше он видел ужасов и страданий русского народа от коммунистической власти и познал природу большевизма.

Все речи владыки в Сейме носили характер страстности, лишь только они касались марксистов (он всегда так именовал большевиков) и вольных или невольных их пособников. В речах Иоанна открывалась его клокочущая бурным гневом душа, порой, казалось мне, далекая от иноческого смирения, но всегда правдивая и не терпящая компромиссов с безбожниками, кто бы они ни были.

Свои аргументы архиепископ подтверждал доказательствами, часто с гневом потрясая на кафедре убийственным для марксистов документом, чем вызывал на скамьях их бешеный шум и негодующие крики.

Я невольно восторгался доводами оратора и его замечательной способностью пользоваться тем или иным документом, уничтожающим доводы противников.

— Скажите, пожалуйста, владыка, вы не опасаетесь гнева большевиков, особенно тех, с Юрьевской улицы (сов. полпредство)? — спрашивал я архиепископа в кулуарах сейма.

— А что они сделают мне, ведь я правду говорю, пусть докажут, что я не прав. Ведь я только открываю кое-какие их тайны, помиите, в Евангелии от Матфея сказано, что нет ничего сокровенного, что не открылось бы. и тайного, что не было бы узнано, — улыбнулся владыка.

Служил владыка весьма торжественно и благолепно. Величавая осанка в архиерейском облачении, мощный голос с понижением при переходе к смиренной просьбе, наконец, произносимые трогательно и с большим чувством молитвы — все это производило на молящихся неотразимое впечатление, и они проникались глубоким, молитвенным настроением.

Часто в соборе архиепископ обличал атеистов, сеющих безбожие в стране. И эти проповеди, быстро доходившие до ушей его врагов, раздражали их. Недоброжелателей владыка имел немало, даже среди духовенства, так как он был довольно суров по отношению к тем, кто не исполнял своего пастырского долга.

Зато среди русского населения и в Риге и в провинции архиепископа не только любили, но многие его боготворили, в чем я убедился из разговоров с ходоками и членами делегаций, приходивших к владыке как к члену сейма, с разного рода просъбами.

2. В сетях интриг и сплетен

Первую серьезную неудачу потерпел глава православной Церкви в борьбе за здание православного Алексеевского монастыря, которое в силу конкордата латвийского правительства с Ватиканом было передано епископу католической Церкви в Латвии. Дело в том, что католики по тому же соглашению получили, кроме того, лютеранскую церковь св. Якова, когда-то принадлежавшую католнкам. Эта церковь находилась против Алексеевского монастыря, почти в центре города, рядом с сеймом.

Дом монастыря против Яковлевской церкви был предоставлен католическому епископу, товарищу председателя парламента, быв. профессору СПБ. Императорской Католической Академии Иосифу Ранцану.

Архиепископ Иоанн незамедлительно повел борьбу за Алексеевский монастырь со свойственной его могучей натуре страстностью и горячностью, но вернуть монастырь не мог. Тогда он в знак протеста отказался жить в предоставленном православной Церкви доме и поселился в подвале православного собора, что находится на центральном месте латвийской столицы — на бульваре Свободы.

Подвал был довольно сырой и вообще неприспособлен для житья, тем более для резиденции главы правосланной Церкви.

Там, к великому иеудовольствию латвийского правительства, архиепископ Иоанн принимал и знатных иностранцев. Летней же своей резиденцией он крайне неудачно избрал принадлежащую православному приходу даухэтажную дачу, которая находилась довольно далеко от города на пустынном берегу Киш-Озера, за евреиским клатбищем. Там же владыка часто отдыхал и в зимнее время. Туда неоднократно приезжал и я побеседовать с владыкой по тем или иным вопросам, касающимся русского меньшинства в Латвии (ок. 200 тыс.) и интересующим наших читателей (газ. «Слово»).

Беседовать с нерархом было большое удовольствие:

в нем сочетались русская культура и наблюдательность с латышскими трудоспособностью и упорством, порой переходящим в упрямство. Каждый раз при моем разговоре с ним он, как римский Катон, повторял, как, вероятно, и другим собеседникам, свое предупреждение: «На свою беду сближается Европа с этими безбожниками».

В Риге архиепископ знал положительно всех, не только государственных людей, бывших его «одиокашников» в царское время, но и обыкновенных простых горожан.

Между тем его многочислениые враги, главным образом политические, энергично работали, сплетая вокруг него густую сеть интриг и распространяя по городу гнусную клевету, пятиающую его доброе имя не только как пастыря Церкви, но и как человека.

Кто имеино занимался этим мерзким делом — трудно сказать: Рига в то время кишела советскими шпионами, международными аваитюристами и вообще искателями приключений, готовыми за доллар на любую подлость.

Сначала враги архиепископа пустили по городу в виде пробного шара «слушок» о каких-то якобы «любовных утехах Кишозерского пустынника» с одной неуравновешенной девушкой, посещающей его на даче. Затем пошли доносы относительно денежиых иедочетов в кассе православного собора.

Архиепископ Иоанн, получив такое «донесение», срочно назначил ревизию денежных сумм собора, которая подтвердила правильность доноса. Отсюда ясно было, что враги владыки имели сочувствующих в самом соборе.

Справедливый и требовательный в отношении себя, архиепископ был ие менее суров и даже крут к своим подчиненным, особенио к провинившимся духовным лицам. Рассмотрев дело о нехватке сумм в кассе, владыка устранил ключаря собора, священника Занца, запретив ему совершение треб, а затем, когда иедостающая сумма не была в известный срок покрыта, направил дело о растрате церковных денег в прокуратуру.

Ободренный успехом доноса, кто-то из «доброжелателей» прислал владыке полуофициальное донесение на вопиющие непорядки в кассе Петропавловского братства, где казначеем состоял известиый своим прекрасным басом протодьякон.

Ревизия обнаружила недостачу внушительной суммы денег. И его архиепископ лишил сана и предал суду. Число врагов строгого архиепископа уже в самом кафедральном соборе увеличилось. Когда эти и другие, уже не подтвердившиеся, доносы не поколебали доверия и уважения прихожан к архипастырю, тогда тайные враги от сложных интриг перешли к помощи наемных воров и убийц.

За несколько дней до захрытия навсегда сейма (переворот Карла Ульманиса 15 мая 1934 г.) член сейма Янис Поммерн, он же архиепископ всея Латвии, выступал с кафедры сейма, не помню точно, по какому поводу.

Владыка значительно похудел: на лице его появились крупные морщины, а в глазах заметно было какое-то беспокойство. По всему видно было, что эта кампания гнусной травли врагов подточила его здоровье.

Он произнес громовую речь против вожаков крайне левых партий, ведущих, по его словам, Латвию к гибели, разоблачал их в предательской работе на пользу большевиков и снова несколько раз потрясал папкой, указывая, что в ней находятся убийственные документы, изобличающие подлую работу латышских марксистов и их пособников, даже из правого лагеря.

— Настанет день, когда вот эти документы сделаются достоянием гласности, и народ узнает виновников в его бедствиях, и он ужаснется и иаполнится гневом...

Разразился небывалый скандал: социал-демократы вскочили с мест, крича «вон, вон», а некоторые из них, потрясая кулаками, грозно бросились к оратору.

Спокойно стоял архиепископ на кафедре, ожидая, когда улягутся страсти на левых скамьях. Когда, наконец,

председатель сейма водворил порядок, оратор продолжал, улыбаясь:

— Этот шум, свист и улюлюкание напомнили мне случай, происшедший со мною очень давно в одной из деревень на юге России. Однажды ночью за мной, тогда еще молодым священником, заехал крестьянин и повез меня к своей умирающей матери. При въезде нашем в одну из деревень на иас напали с яростным лаем и визгом собаки с очевидным желанием наброситься на меня и разорвать на куски. «Не бойся, батя, — сказал мие возница, — это они приветствуют тебя иа своем собачьем языке».

Что говорил дальше оратор, разобрать нельзя было вследствие невероятного шума, в котором потонул даже звон председательского колокольчика.

Заседание пришлось закрыть. Эта речь была «лебединой песней» архиепископа в сейме.

3, От клеветы к действиям

Вскоре после этого инцидента политическая деятельность архиепископа Иоанна окончилась с закрытием сейма «на время» Карлом Ульманисом, который 15 мая 1934 г. принял на себя всю полноту власти. Но таинственные враги иерарха не прекратили своего преследовании, наоборот, усилили его.

В тот же год, в августе месяце, в отделе хроники местных газет появилось сообщение о иеудавшейся попытке воров проникнуть на дачу архиепископа в Киш-Озере «с целью кражи», — подслеповатый старик вовремя обнаружил воров, пытавшихся перебраться в сад через забор.

Встревоженные этим происшествием прихожане собора предложили любимому архипастырю охранять его по очереди, но архиепископ категорически отказался от охраны, указав на Бога как лучшего защитника.

Но не прошло и трех иедель после этого покушения «на кражу», как была совершена новая попытка злодеев проникнуть на дачу владыки: на этот раз громадного роста детина влез ночью в окно нижнего этажа дачи, но соскакивая на пол, попал в крепкие объятия самого хозяина, после чего уже сам идти к двери не мог.

- Немного помял я его, наверно он чувствовал себя, как в лапах медведя, — говорил мне, смеясь, владыка во время моего визита на следующий день после этого события.
- Куда же вы отправили этого типа, в полицию?
 Зачем в полицию? Он достаточно наказан, обещал исправиться и второй раз не приходить ко мне...
- Почему же вы не приобретете себе револьвера вель вас могут убить?
- Монаху револьвер?! Что вы говорите! На все Господня воля, — сказал, крестясь, владыка.
- И чего ищут у вас воры? спросил я, стараясь вызвать у собеседника прямой ответ на интересующий меня вопрос.
- У бедиого монаха воры хотят найти что-то другое, кроме денег и драгоценностей, ведь они прекрасно знают, что церковные деныги хранятся в более надежном месте, чем здесь на даче, среди леса и на пустынном берегу Киш-Озера... Нет, так называемые «воры» просвещенные люди и хотят у меня получить воровским способом то, чего они открыто, законным путем достать не могут.
- Так, понимаю. Уж не документы ли так тревожат ваших недоброжелателей? — спросил я осторожно.
- Да, пожалуй, вы правы: эти самые документы марксистам и их пособникам спать не дают, а бороться с этими безбожниками — наш общий долг...

На этом кончилась моя последняя беседа с главой православной Церкви в Латвии. Архиепископ встал, просил передать привет нашей редакции и с доброй улыбкой крепко пожал мне руку, которую я уже на дворе расправлял, думая: «Ну и богатырская же рука у этого современно-

го Пересвета! Вполне понимаю плачевное положение вора, сжатого его могучими руками...» Тут же я заметил, что никого на дворе не было: сам владыка открыл мне двери и сам закрыл их на замок. У сторожа в огороде копались среди грядок две старушки-монахини. Я поклонился им, но они даже не взглянули на меня — и я пошел к выходу мимо церковки св. Иоанна.

4. В отеле «Петроград»

«Неудивительно, что убийцы незаметно проникли на цачу архиепископа и убили его», — подумал я, стоя с эксгренной телеграммой в руке.

Ну, а теперь скорей к месту происшествия — на Киш-Озеро, — и я быстро вскочил в вагон трамвая номер 12.

В вагоне, где я занял место ближе к выходу, было полно. Все товорили только о страшном, небывалом для Риги убинстве архиепископа.

— Но какую роль в этом деле играл артист Собинов? Ведь он был найден мертвым в отеле «Петроград» через несколько часов после убийства владыки... странное совпадение. — спросил по-русски популярный на Московском форштадте врач, типичный земец из чеховских персонажей, какого-то угрюмого господина с подстриженными усиками.

Тут только я вспомнил, что от волнения я не прочел, как следует, вторую часть телеграммы.

«В самом деле, почему Леонид Собинов скончался в такой короткий промежуток времени после убийства владыки?» — спросил я себя, вынимая из кармана помятый листок. Я углубился в чтение. Вот что, приблизительно, было напечатано:

«В ночь на 12 октября с. г. на даче православного архиепископа Иоанна Поммерна, что расположена на глухом берегу Киш-Озера, возник пожар. Вызванные пожарными чины уголовной полиции во втором этаже этой дачи нашли в сенях на верстаке, принесенном, видимо, преступниками из столярной мастерской православного иерарха, на снятой с петель двери обуглившийся труп архиепископа.

Труп почему-то был прикреплен проволокой к этой двери на верстаке. Борода сторела. Ноги совершенно обуглились. Лицо было обезображено до неузнаваемости. На место трагического происшествия прибыли начальник уголовной полиции Тифентать, судебный следователь по особо важным делам и прокурор г. Карчевский. Энергичное следствие по делу загадочного, зверского убийства навы православной Церкви и бывшего члена сейма Иоанна Поммерна продолжается».

Насколько помню, содержание второй телеграммы под крупным заглавием

«ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО ТЕНОРА СОБИНОВА»

гласила: «Рига, !2-10 октября. Сегодня днем в отеле «Петроград» внезапно скончался в номере отеля известный
русский оперный артист Леонид Собинов. Вчера певец
прибыл из Германии, где он лечился в Наугейме. Артист
направлялся в Москву, у нас же он остановился для свинаим с супругой, пребывающей в Риге. Вызванный врач
констатировал внезапную смерть, вызванную разрывом
сердца. Похороны знаменитого артиста состоятся в Москве, куда тело артиста будет отправлено».

Собинов, Леонид Витальевич! — Знаменитый лирический тенор! Его хорошо знала не только вся Россия, но он был известен и далеко за ее пределами. Билеты на оперные спектакли с его участием брались с бою. Его выступления в дореволюционное время считались крупным художественным событием в том городе, куда он приезжал. Красивая наружность, прекрасный голос, приятные манеры и высокая культурность — до своей артистической карьеры он был присяжным поверенным — окончательно покоряли всех, кто только слышал или видел его. Количе-

ство поклонинц и поклонников Собинова соперничало с копичеством «шаляпинцев», главным образом вследствие обаятельности вечно юного Собинова. Рижанам было известно, что знаменитый тенор ежегодно, проездом в Германию для лечения, останавливался в нашем городе, где жила его жена. Тут же он неизменно поздно вечером или рано утром посещал архиепископа Иоанна. По словам владыки, Леонид Собинов остался глубоко верующим христианином, исполнял свой христианский долг и много молился...

5. В поисках тайны убийства

Мои воспоминания о Собинове были прерваны кондуктором, который спросил:

— Вам, господин, куда билет, наверно, к месту убийства русского бискупа — к Киш-Озеру?

Правильно, а что?

 Да спешите-то напрасно: вся полусгоревшая дача бискупа оцеплена полицией — там сам прокурор и префект полиции. Доступ на дачу воспрещен даже корреспондентам газет, — сказал кондуктор, вручая мне билет.

Ну, префект-то меня знает: пропустит...

— Не думаю — даже редактора газет возвращались ни с чем... Ну и разбойники пошли нынче, а ведь часто выдавал я бискупу билеты на проезд, вот как вам, частенько ходил он метровыми шагами в свой глухой, медвежий угол.

Доехали до конца. Я быстро сошел и направился по знакомому пути мимо мрачного еврейского кладбища, а оттуда по пустырю к озеру через редкий лесок. Недалеко от берега стоял полицейский, который убеждал тех, кто шел на дачу архиепископа, идти обратно, так как велено никого не пропускать.

 Позвольте, я корреспондент, — сказал я полицейскому, показывая ему свою профессиональную карточку. Не помогло:

— Приказано никого не подпускать к месту убийства. Делать нечего — пришлось отправиться домой ждать дальнейших официальных сообщений и вместе с тем продолжать свои частные розыски.

На обратном пути, уже в городе, я встретил нашего сотрудника Цветкова, дававшего в газеты новости о происшествиях в столице. Он уже успел рано на рассвете побеседовать почтн со всеми прикосновенными к расследованню убийства лицами. Он даже сумел, несмотря на запрещение, издали взглянуть на лежащий на верстаке труп мученика-архиепископа. Недаром Цветкова называли королем латвийских репортеров:

Ближе не подпустили, но все же я хоть на міновение взглянул на тело архиепископа и содрогнулся: жуткий вид. Не дай Бог видеть. Но в гостиницу, где лежало тело Собинова, не впустили: там распоряжался какой-то тип из полпредства.

 Все это дело не только кошмарное, но и весьма загадочное, я сказал бы — краине таинственное, — почти шепотом прибавил Цветков.

 Впрочем, я проголодался: зайдемте к «Робежнеку», там я кое-что расскажу, все равно напечатать нельзя, сказал он, открывая дверь в излюбленный рижскими журпалистами ресторан на Мельничной улице.

Несмотря на сравнительно раннее время, в ресторане было уже много посетителей, главным образом, журналистов.

Нетрудно было догадаться, что головы всех были заняты одной мыслью о Киш-Озерском кровавом событии. Но точного и ясного ответа не находили.

Одни основывались на свидетельских показаниях, достоверность которых некоторыми журналистами оспаривалась, другие — на верных слухах — последние в населении ежечасно множились, — но большинство сходилось

на том, что, судя по обстановке этого страшного преступления, убийцами были большевики и их пособники, среди последних называли политических врагов преосвященного Иоанна, которых он немилосердно разоблачал в сейме.

Другие журналисты находили, что в устранении его были заинтересованы лица, прикосновенные к растратам церковных сумм, отданные архиереем под суд. Третьи уличали в невольном пособничестве внезапно скончавшегося в отеле «Петроград» артиста Собинова: убийцы, говорили они, знали, что набожный артист поздно вечером посещал владыку. В роковой вечер чекисты проследили артиста, и, когда он находился на крыльце киш-озерской дачи в ожидании появления владыки. — последний лично открывал дверь, — злодеи, как только появился хозяин дачи, выскочили из засады, оттолкнули Собинова в сторону и ворвались в дом, где и совершили свое гнусное дело. Некоторые к этой версии добавляли, что часть чекистов прибыла к даче озером на моторной лодке, а часть чекистов будто бы привезла на автомобиле к даче артиста — эта версия была сразу же отброщена как не имеющая солидных свидетелей. Наконец, третьи подтверждали официальное сообщение о том, что Собинов скончался от разрыва сердца в отеле, откуда он по приезде из Германии не выходил. Умер же он внезапно, узнав о страшной смерти любимого им архипастыря.

Хотя достоверность этой версии ослаблялась отказом полпредства судебным властям в просьбе вскрыть тело умершего артиста, она казалась наиболее вероятной.

«Ворвавшись в дом, преступники прежде всего набросились на владыку и после отчаянной борьбы связали свою жертву, переправив ее наверх. Одновременно другие злодеи перерезали все провода и действовали спокойно до рассвета.

Затем они замучили архиерея и подожгли дачу, чтобы замести следы этого злодеяния. И если бы сосед, живущий недалеко от места преступления, случайно заметивший пожар, не сообщил в пожарную команду о пожаре, мы все даже не подозревали бы об ужасном преступлении на архиерейской даче», — закончил Цветков свой рассказ журналистам.

Все были потрясены дьявольским планом преступников. Старый и опытный журналист, редактор близкой к правительству газеты, призывал к сугубой осторожности при даче материала в газеты, так как в данном случае зачинтересован «наш великий восточный сосед» и он может причинить нашему правительству большие неприятности. «Вероятно, не сегодня-завтра наши власти выявят свое отношение к информации по этому крайне загадочному делу», — сказал он, прощаясь с нами.

Покинули мы ресторан в подавленном настроении.

Цветков и я, не сговариваясь, повернули к набережной Двины. Погода была чудесная. С реки тянул приятный прохладный ветерок. Мы прошлись по Замковой плошаци мимо Петроградской гостиницы в надежде что-нибудь увидеть или узнать о причинах смерти Собинова, потому что мы весьма сомневались в официальной версии кончины выдающегося артиста. Таких, как мы, якобы прогуливающихся, оказалось довольно много, но и полиции, тайной и явной, было немало.

Все попытки Цветкова, лично знакомого с чинами угрозыска, получить новости не дали результата. Мы видели несколько чинов из полпредства, которые с озабоченными лицами свободно входили в отель. Видели даже, как доставили из похоронного бюро гроб для Собинова, но больше ничего не узнали. Делать нечего: простились друг с другом и пошли по домам.

Утром на следующий день все редакции Латвии получили из Министерства внутренних дел предложение по делу об убийстве архиепископа Иоанна Поммерна печатать лишь официальные данные, исходящие от прокуратуры.

Сообщения же эти были приблизительно следующего содержания:

«Следствие по делу об убийстве архиепископа Иоанна энергично продолжается под руководством прокурора. Пока, однако, на следы преступников напасть не удалось». Через день или два состоялся, по требованию полпреда, перевоз тела Собинова в здание советского полпредства, а оттуда на вокзал для отправки его в Москву. Несмотря на то, что предварительного сообщения об этом в газетах не было опубликовано, а наоборот, в полпредстве день и час перевоза останков певца хранили в строгом секрете, — все улицы, по которым двигалась траурная процессия, были запружены народом.

. . .

Пошел и я отдать последний долг большому артисту. И когда траурная колесница с гробом, покрытым цветами, двигалась мимо меня, мне думалось, что смерть владыки оборвала жизнь того, тело которого так поспещно везут в Москву.

Позади колесницы шли вдова, родственники, знакомые и несколько чинов полпредства...

Как только из отеля «Петроград» вывезли тело Собинова и сняли дежурный наряд полиции, туда хлынули корреспонденты газет. И вскоре «из уст в уста» передавали не для печати слух, что полпредство, от имени которого распоряжался какой-то «рыжий товарищ», воспротивилось требованию полицейского врача произвести вскрытие тела для установления причин смерти Собинова: «Дело, мол, ясно — разрыв сердца, гаково заключение советского врача». И вскрытия трупа не произошло! Этот отказ в законном требовании полицейского врача еще более усилил в народе слухи «об отравлении» Собинова большевиками. Кроме того, стало известно, что накануне убийства иерарха Собинов имел целый ряд телефонных разговоров с полпредством, что было установлено судебным следователем из телефонной записи отельной администрации.

Через некоторое время после отправки тела Собинова в Москву, в газетах появилось официальное сообщение об отставке начальника уголовной полиции Тифенталя и о назначении на его место другого (Целенса).

Наконец, через месяц появилось новое правительственное сообщение о временном прекращении следствия по делу об убийстве архиепископа Иоанна за необнаружением преступников.

Это официальное сообщение было вместе с тем и финалом этого жуткого дела.

6. Подробности мученической смерти архиепископа

Взволнованное ужасным убийством владыки, русское население было не менее возмущено распоряжением о прекращении судебного следствия. В народе распространились слухи о жутких подробностях пыток главы православной Церкви. И эти подробности, уточняющие сухое и краткое официальное сообщение об убийстве владыки, большей частью подтвердились: ведь они, в сущности, исходили от тех или иных участников расследования и первых свидетелей — пожарных. Один из агентов розыска, немецкого происхождения, в Германии подтвердил мне большую часть этих слухов.

И прав был покойный владыка, сославшись в разговоре со мною относительно происков его недругов на слова Евангелия:

«Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узиано» (Матфей, X, 26).

Убийц было, как предполагают, не менее четырех. Обстановка места кровавой драмы, осмотр трупа и данные, полученные после вскрытия тела архиепископа, дали приблизительно точную картину мученической смерти архипастыря.

Сразу же внизу, на крыльце, когда владыка открыл

входную дверь, спрятавшиеся у крыльца бандиты ворвались в передиюю и набросились на хозяииа.

Борьба, судя по пятнам крови, разбрызганной по полу и стенам передией, была упорная и страшивя с обеих сто-

Внизу же, в одной из комнат, жертва, видимо, была связана и доставлена в кабинет, где происходили поиски каких-то документов, так как половицы в некоторых местах были сорваны. Всюду на полу валялись в беспорядке разиые бумаги, записки, счета, вырезки из газет.

На иекоторых верхиих бумагах видиелись квпли крови: видимо, и здесь истязали архиепископа.

Затем несчастная жертва была доставлена по виутренней лестище иаверх, где в глухом, широком коридоре между столяриой мастерской (владыка столяриичал) и другими комиатами, видимо, и происходила пытка.

Там, на верстаке, принесеииом из столярной, прибывшие в два часа иочи пожариые обнаружили обгоревший труп мученика, привязанного проволокой к снятой с петель двери. Проволокой же на всякий случай была палачами заделана с наружной стороны выходящая на лестинцу пверь.

Какие страшные пытки претерпел архиепископ, видно из следующих даиных осмотра трупа: обуглившиеся иоги от первой струи воды, пущениой иа верстак, отвалились, в то время, как иа спиие даже не сгорела кожа, а иа затылке жертвы остались волосы, хотя борода сгорела.

Это доказывает, что палачи пытали огием несчастного, вероятно, калильной лампой. В правом паху покойиого, как гласит протокол осмотра трупа и вскрытия, было обнаружено пулевое отверстие с выходом пули вверх к позвоиочиику, где она и застряла.

Выстрел в архиепископа был произведен, как полагают, после пыток, когда жертва палачей лежала привязаиной к верстаку.

Кроме того, в легких замученного владыки были обиаружены дым и угольки — это зиачит, по заключению врача, что архиепископ еще дышал, когда начался пожар.

Нашли ли убийцы у замучениого и убиенного владыки то, что искали, — неизвестно: вероятнее всего — архипастыры унее свою тайну в могилу.

Через несколько дией, в воскресенье, в Риге состоялись торжественные похороны главы православной Церкви в Латвии.

Был хороший и тихий осенний день. В кафедральный собор пропускали только по билетам. После панихиды гроб владыки вынесло из храма на улицу многочислениое духовенство при печальном песнопении и похоронном звоне соборных колоколов.

Весь бульвар Свободы и широкая улица была запружеиы народом. Все конное и трамвайное движение было прекращено.

Среди коленопреклонениых прихожан собора слышался плач. Последний долг покойному архипастырю пришла отдать, можно сказать, вся Рига. Много делегаций было не только из провинций, но и соседних государств.

Перед вратами иа Покровское кладбище получился продолжительный затор: все желающие не могли попасть иа кладбище.

Позже иад могилой архиепископа Иоанна была воздигнута красивая в визаитийском стиле часовня с мозаичной иконой св. Иоанна, как память от паствы о мученике-архипастыре Иоаине, борце за христианство, который, как добрый пастырь, положил мучеиически душу свою за овец своих.

Мучительные вопросы, — кто же убийцы и почему при всех перемеиах режима в Латвии никто из правителей не идет иавстречу общественному мнению возобновить по этому страшному делу так неожидвино прерваниое след-

ствие или, по крайней мере, опубликовать материалы последнего, — терзали умы многих верующих.

Не прекратились эти вопросы и во время занятия Риги большевиками. Были даже такие наивные люди, почитатели убиеииого иерарха, которые иамеревались перед советскими властями возбудить вопрос о возобновлении этого дела, ио юристы разъяснили им вовремя иеуместность и даже опасные последствия подобиой попытки при известиом всем отрицательиом отиошении большевиков к духовенству и к религии (тогда весьма осторожно выпажались)

В 1941 году в конце июия иемцы, в свою очередь, заияли Ригу. Они, между прочим, назиачили комиссию для восстаиовления судебных учреждений, разгромленных большевиками, во главе которой поставили рижского присяжиого поверенного Б. Е. фон Нольтейна. К иему обратились иекоторые русские юристы с тем же вопросом относительно убийства архиепископа Иоанна.

Этот вопрос особенно волиовал их в связи с распространившейся по городу версией, исходящей от бывших правительственных латвийских кругов, что дело об убийстве архиепископа Иоаина было в свое время направлено на прекращение по двум причинам: первая — из-за иеобнаружения виновииков преступления и вторая — из-за нежелания властей вызвать в сердцах верующих смятение, так как при судебном разбирательстве были бы оглашены неподобающие для духовных лиц поступки иекоторых представителей духовенства, интриги и пр.

Едва ли с последией версией можно согласиться, так как большевики в таком случае, наоборот, не преминули бы воспользоваться этим следствеиным материалом для шумиой антирелигиозиой пропаганды, даже в мировом масштабе.

Со дня этого страшного преступления прошло почти 20 лет, но оио все еще не вполие раскрыто, как не раскрыты сотни тысяч подобных жутких дел о погибших, замученных или таинственно исчезнувших жертвах Чека, ГПУ, НКВД или как они еще будут именоваться.

Все же я верю, что настанет время, — и оно не за горами, — когда все «сокровенное и тайное будет явным».

Публикация ОЛЕГА МИХАЙЛОВА

Дорогие подписчики «Слова»!
Приносим извинения за то, что апрельский и майский номера журнала поступили к вам с опозданием. Когда в июне писалось это обращение, у нас еще не было твердой уверенности, что и последующие номера выйдут в срок. Причина — несвоевременная поставка бумаги. Редакция делает все от нее зависящее, чтобы выправить положение. Во всяком случае, мы гарантируем, что все двенадцать номеров «Слова» вы получите в этом году, надеемся видеть вас нашими подписчиками и в 1992-м!

«Краткий курс» с Запада?

В 1989 г. российский читатель был порадован книгой «известного амвриканского историка и политолога» Александра Рабиновича. Оиа, как уверяют нас, «принадлежит к немногим зарубежным исследованиям, которые дают в основном объективную характеристику Октябрьской революции в России» и выпущена по доступной цене в полтора рубля тиражом в 100 000 экз.

Но ие спеши, российский читатель, говорить «спасибо» Рабиновичу и его советским друзьям, например, Г. З. Иоффе, под чьей общей редакцией и с чьим послесловием дошла до нас сия книга. «Труд» Рабиновича — изпожение СХЕМЫ, а не честное добросовестное исследование, причем схемы умника левых взглядов, схемы ам давно известной. Пусть в «Кратком курсе» она изложена примитивно, в достославном «кирпиче» — завирально, у Роя Медведева — просто фантастически, а у Рабиновича — «в основном объективно» — какая разница?

Что главиое в книге Рабиновича? Причины победы большевиков. Что же это? Откроем книжку.

«Мир, земля, хлеб», «власть Советам», «человек с ружьем» и «партия нового типа» (стр 330—331). Полный набор! По Рабиновичу, «Леннн в Октябре» снимать можно.

Ничем не пучше и «объяснение» причин Февраля 1917 г. (стр. 14—15). Знакомые байки: переход России на военные рельсы, завершенный в 1916 г. — это, оказывается, «резкое ухудшение экономического положения»; Брусиловский прорыв и наступение на Турецком фронте — «неудачи». О «бездарности правительства» Николая II рядом с «гениями», пришедшими в Феврале, и говоритьто смешно. А вот же, говорят. И издают большими тиражами.

Схема есть схема. Для ее обоснования требуется передергивать, умалчивать и выкручиваться — короче говоря, обращаться с фактами так, как этого требуют «прогрессивные убеждения»

Вот Рабинович (стр. 53) демонстрирует изворотливость, заявляя, что провокационные, погромные (антисемитские!) листовки, захвачанные правительственными войсками в штабе большевиков в июльские дни 1917 г. (факт слишком известный зарубежным историкам, чтобы его умолчать), оказывается, оставались там... «с царских времен»!

временя: Умеет Рабинович и молчать: всех троцких-зиновьевых он упорно именует псевдонимами, не называя подлинных фамилий. Видимо, он забыл, что в научной литературе подобная конспирация недопустима.

И в заключение я кочу задать вопрос советскому историку Г. З. Иоффе: «О маститый редактор! Поведайте намловедайте миру, как могло случиться такое, что в своей книге о генерале Корнипове (Г. З. Иоффе. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., Наука, 1989; вы на стр. 7 пишете: «... он (Корнилов. — Л. Д.) закончил Омский ка-

детский корпус и Михайловское артиллерийское училище... поступил в Академию Генштаба и закончил ее с золотой медалью», — а в книге Рабиновича, вышедшей в том же году ПОД ВАШЕЙ ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ И С ВА-ШИМ ПОСЛЕСЛОВИЕМ, черным по белому: «Корнилов не получил полного военного образования» (стр. 120). В чем же состояла эта ваша ОБШАЯ

Л. ДУМНОВ

Рабинович А. БОЛЬШЕВИКИ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ПЕТ-РОГРАДЕ. М.: Прогресс, 1989.

Спаси по сохрани по с

РЕДАКЦИЯ?!»

Эта книга о том, как на протяжении десятков лет безжалостио уиичтожалась русская земля—и о том, как уничтожалась русская душа. Плач по утраченному и тщательно собранные документальные свидетельства зверского истребления святынь народа, да и его самого. Хочется верить в то, что на грядущем Праведиом суде над ражимом эти свидетельства станут свидетельскими показаниями.

И хотя нет в сборнике ни свидетальств пострадавших в годы репрессий, ни анализа сложных социальных и политических проблем прошлого и настоящего (к этим аспектам авторы и составитель и не стремились), но есть в нем иное, чего так часто не хватает сегодняшним «народным витиям» -асть живая боль раненой человеческой души, тоскливо мечущейся в казарменной социалистической клетке. Души, взывающей к людям и к Богу, ищущей ответы на главный, может быть, для многих авторов книги вопрос: за что же такая мука смертная, что поистине не вздохнуть нигде русскому человеку, везде его «достанут»..

Сборник открывается «Меморандумом в защиту природы», подлисанным такими известными русскими писателями и общественными деятелями, как В. Белов, В. Распутин, М. Леме-

шев и другие. Как тут не вспомнить, что экологическое движение в защиту природы, по существу, и стало первой ласточкой в русском национальном возрождении. Именно эта гигантская задача — спасения земпи русской — и объединила впервые не в подполье и змиграции, а уже впопне легально писателей и ученых, деятелей искусства и будущих политиков. Конечно, не всегда ровио и поступательно развивалось движение, знало и подъемы и спады, но оно стало вполне реальной общественной и политической силой, с которой вынуждены считаться сегодня и всемогущие ведомства, вроде Минводхоза, и институты власти, попавшие ныне в очередной «бесконечный тупик», и ревнители светлого капиталистического будущего.

Россия медленно, но верно астает на ноги. Потому что еще жива, не добита ее душа. Об этом — центральные произведения сборника, повести В. Смирнова-Двиисова «Пеший», М. Кострова «Жихари Полистовья», Н. Чумакова «Князь Приладожья», рассказы и лирические зарисовки Н. Конявая, В. Кречетова, недавно трагически погибшего В. Перепелки.

Авторы стремятся создать галерею ярких, запоминающихся образов своим героев — русских людей со своими, порой иепростыми, противоречивыми характерами и судьбами. Срединих и праведники из народа, подобные василию Егорычу из повести В. Смирнова-Денисова, и чем-то подобный знаменитому Ивану Африкановичу В. Белова Кляпенок, с любовью изображеный в «Жихарях Полистовья», и очень характерный кряжистый Никифор Ломовой из повести Н. Чумакова, своего рода новый «хозяин земли русской», правда, советской, сталинской форма-

Различно отношвние авторов к этим пврсонажам. Далеко не всегда оно однозначио, да и должно ли таким быть? Время литературы, скроенной по готовым клише, вроде бы прошло. Остается главное — сами эти иародные типы, пополняющие, наверное, бесконечный ряд, начатый в незапамятной древности летописцами и народными сказителями.

Но немало было и потерь. Часто невольных, а часто и таких, о которых мыне нельзя не вспомнить без горечи и раскаяния за собственные грехи. «Стареющая трезво-безбожная душа томится в неясиом ожидании. Ей бы высказаться и вознестись под этот колокольный благовест, вместе с какими-то высокими словами, к истинным высотам духа... Но где они, эти заветные слова? Старые забыты, новые не придуманы», — признается один из авторов сборника И. Виноградов в миниатюре, которая так и названа! «Моя молита».

И все же эти новые слова есть. Так же, как и старые не выпали из народной памяти навечно, и вспоминаются теперь с еще большей ясностью и отчетливостью. Понимание этого, наверное, и объединяет пучшие произведения, вошедшие в книгу «Рощи заповедные», являясь подлинным свидетельством того, что она удалась

Геннадий МУРИКОВ

РОЩИ ЗАПОВЕДНЫЕ. Сост. А Е Стерликов. — Л.: Лениздат, 1990

MCKYCCTBC

ГРАФИКА. ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА.

Вопреки забвению

А. А. Борисов. Архангельси, 1901 г.

За допгий этот век, сдепавший забвение нормой жизии, мы потеряли, должио быть, стопько, сколько не утратили за все века предыдущей русской истории. Нам предстоит многое сделать по возвращению, прежде всего, иациональных исторических, купьтурных и духовных ценностей. Творчество выдающегося русского художинка Александра Апексеевича Борисова, тапантливого и пюбимого ученика И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, к вепичайшему сожалению, из этого забвенного ряда. Когда-то основатель Третьяковской галерем, ценя талант и творчество Борисова, еще при жизии его отвеп ему в своей экспозиции целый зап (!), спрвведпиво считая, что картины этого заспуживают. Но уже в советское время, когда быпо попрано завещание Павла Михайповича Третьякова, в музейной экспозиции не остапось ни одной борисовской работы. Почему-то советсние искусствоведы (самые «сведущие» искусствоведы в мире) отнеспи его к региональным художинкам, а потому предоставили северянам самим заботиться о творческом наспедии Борисова. Но художинк одной темы и региональный художийк — суть вещи рвзиме. Никто не называет Айвазовсного — черноморским художинком, заслуженио оценивая его маринистику. Равио и Борисов, отдав многие годы новоземельской Аритике, не может быть отиесен пишь к живописцам северного края. Как справедливо заметил И. Е. Репии, Борисов — тапаитпивый художинк темной арктической воды и белосиежных арктических далей. Он первым из русских живописцев проник в высокие широты и был очароваи пином недоступной земли. Его захватили контрастиме новоземельские цвета, особо проникиовенивя, оглушительная тишина... Он почувствовал, как мапо еще знает человек о плаиете, на которой живет. Именно от этого чувства родилась неизъяснимо тамиственная живопись, которая потрясла ие только Москву и Петербург, но и Европу, признавшую тапаит

Борисова исключительным. Успех

его передвижиых выставок был ошепомпяющим. Картииы его открыпи пюдям иовый, неведомый мир...

Да, коиечио, сегодия на Земпе недоступных мест иет. Книю и телекамеры открыпи нам красии самых уникапьных мест. Но эта доступность инкак ие обесценила живопись Борисова, поскопьку она ие этиографичесиая, а художественио-таниствениая, в ней есть ощущение присутствия таниственного создателя нашей планеты, космоса и всего реального мира... Это, пожапуй, и есть главное художественное открытие Борисова...

Сегодия мы в большей степеии, чем когда-пибо, иуждаемся в таких открытиях. Хищиически вторгаясь в природу, варварски разрушая ее, мы разрушаем гармонию, которую еще цепьио видел и живописал Борисов, Такое. пожапуй, уж вряд пи повторится. И эти чувства художиниов, зиавших гармонию мира и сумевших запечатпеть ее для нас, — духовный нпадезь, который необходимо постичь каждому жаждущему духовиого утоления. И еще одио отрадиое явление в творчестве таких пюден, как Борисов. Они были совершенны изиутри, как пичиости, их таланты удивляют разиосторонностью... Борисов оставил нам не только картины, но и кинги очерков [к сожапению, не переиздававшиеся в советское время), написанные летучим и певучим стилем, язык его первородиый, гпаз иабпюдательный, приметливый, восприятие жизии оптимистичное. участливое... Апександру Апексеевичу

Апексаидру Апексеевичу Борисову испопняется в этом году 125 лет со дня рождения. В Архаигельске откроется юбилейная выставка и пройдет научная конференция. Земляки задумали провести юбилейные торжества широно, гостей зазывают не только из столиц. Будем надеяться, что событие это обериется для творчества талантливого живописца иовым открытием и мировым призианием, чего ои впопие заслуживает, без квких-пибо скидои.

Арс. КУЗЬМИН

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ ПКРУНЯ

Крайний Север, с его мрачной, но мощной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекал меня к себе. Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской губернии. Родился я в 1868 году в деревие Глубокий Ручей Вологому утбернии.

Родился я в 1868 году в деревие Глубокий Ручей Вологодской губернии, Сольвычегодского уезда, на берегу Северной Двины. Детство провел среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не покойна. Мысли мои неслись куда-то далеко, в неведомые страны на север; я думал: «Вот где простор и раздолье, вот где можно пожиты» Грамоте начал я учиться по псалтыри у крестьянина-соседа, так как школ в то время у нас не было, да и грамотных людей вообше было очень мало.

Лет десяти я был страшно болен, на выздоровление не было никакой надежды, и мои родители дали обещание, если я поправлюсь, послать меня в Соловешкий монастырь работать бесплатно на целый год. Я выздоровел и 15-ти лет был отправлен в Соловки. Там меня определили на рыболовную тоню. Это занятие мне было как нельзя более по душе, и я с величайшим удовольствием, не замечая, как быстро летели дни, скитался по неизведанным лесным озерам, ставил сети и ловил рыбу, или еще с большим рвением пускался в море, в лабиринт сосновских островов, и подолгу разъезжал там, слушая пение летних пернатых гостей. В юной моей голове роились тысячи прекрасных картин, дивных мечтаний.

Через год я вернулся домой, но дуща моя еще больше куда-то иеудержимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлечения моих юных сверстников. Они, бывало, идут по праздникам в свободное время на гулянья, в хороводы, а я запираю ручей, устраиваю пруд, ставлю туда только что сделанную модель лесопильного завода, виденного мною в Соловках, и пускаю воду. Вода вертит водяные колеса, и весь завод приходит в даижение. От восторга прыгаю по зеленой траве — вот мое развлечение. Я и раньше очень любил машины (мельницы, пароходы), а теперь, после Соловок, полюбил еще больше. Сижу, бывало, стругаю что-нибудь, задумаюсь и забуду свои крестьянские работы. Придет отец, все переломает, чтобы положить этому конец. Я долго-долго плачу, соберу остатки своих построек и снова, тайком от отца, где-нибудь в пустой избе начинаю мастерить свою затею. Картин и рисунков я ие видал никаких, кроме икон. Случилось, приехали живописцы расписывать Красноборскую церковь. Я пошел к обедне и впервые увидел изображение масляными красками на стене. Это меня страшно поразило; в особенности меня удивило то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Достал я себе книжку «Родное слово» и со всею страстью юного сердца стал рисовать. Рисовал по ночам при дымной лампе, так как днем надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать редко позволяли: попусту, мол, жгу керосин, да и спать не даю.

Долго боролся я с неотступной мыслыю оставить родительский дом. Наконец, 18-ти лет снова рещил попасть в Соловки, чтобы там поступить в иконописную или механическую мастерскую. Иного выхода не было, так как для всякого другого учения нужны были деньги. С этой целью я достал себе тихонько от отца годовой паспорт. благодаря тому, что старщиной в волостном правлении служил мой дядя, и уговорил мать весной пойти в Соловки на недельку — поклониться святыне. Мать, не подозревая того, что у меня есть годовой паспорт, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали в Соловки, я сказал ей, что назад я с ней не пойду, что у меня есть уже и паспорт. Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Савватиевского скита о. Ионафан (ныне архимандрит Ионафан, настоятель Печенегского монастыря) и убедил мать не противиться моему сильному

Главв из книги А. А. Борисова «У свмоедов. От Пинеги до Карского моря» СПБ., 1907 г. любезио предоставлена иам для публикации Архангельской научной областной библиотекой им. Н. А. Добролюбова.

стремлению. Стал я опять рыбаком в Савватиевской пустыни, а потом был взят в иконописную мастерскую, где и работал дни и ночи.

В 1885 году Соловецкий монастырь посетил Е. И. В. Великий князь Владимир Александрович и обратил виимание на мои шестимесячные успехи. Это дало мне сильный толчок и сыграло в жизни моей огромное значение. В 1886 году приезжал в Соловки добрейший А. А. Боголюбов, который и вывез меня впоследствии в Петербург. В Петербурге я сиачала поступил в рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств, а затем вольнослушающим в Академию художеств. В 1895 году я сдал экзамен по научным предметам и поступил в число действительных учеников Академии художеств. В 1897 году я окончил Академию и предпринял целый ряд полярных путепествий с художественными пелями.

После природы родных лесов Вологодской губернии наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие, и, может быть, по этой причине меня всегда тянуло на север, хотя и до того рассказы и описания полярных путеществий не давали душе моей покоя.

Прошли годы ученья, в течение которых мне удавалось урывками побывать и на родиом Соловецком, и в Печеньге, у высокочтимого игумена Ионафана, и во миогих других местиостях Мурманского побережья. Всюду со мною были краски и палитра, но этого оружия оказывалось недостаточно, чтобы даже приблизительно передать окружавщие меня картины полярной природы. Много меня «бодрил дорогой Илья Ефимович Репин, который написал восторженные статьи в печати о моих картинах, и мон незабвенный учитель И. И. Шишкин, который и поставил меня на твердую дорогу, заставив изучать рисунок с тою настойчивостью и вниманием, какие характеризуют этого великого мастера. Советы второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной иовые горизонты в смысле колорита, и я еще больше потянулся к тем иеобычайным красотам, которые только и могут дать летние северные ночи: то грозное, то ласкающее небо и вечные странники Ледовитого океана - могучие полярные льды.

Благодаря стечению обстоятельств и поддержке вечно мною оплакиваемого М. И. Кази, летом 1896 года я попал на Новую Землю.

Те впечатления, которые я переживал наедине с несколькими самоелами, и в смысле художественном, и в смысле скитальца по неизведанным странам, глубоко запали мне в душу, и в моей голове созрела мысль снова посетить далекий север, но уже при таких условиях, которые дали бы мне не только материал для этюдов, но и позволили произвести некоторое географическое исследование восточного побережья Новой Земли и обогнуть, если представится возможность, самую севериую оконечность острова — «Мыс Желания». В голове роились мысли о местах, где когда-то бывали малоизвестные подвижники русского дела: Савва Ложкии, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и проч., и брала досада, что рядом с этими священными для всякого русского именами приходится встречаться на искони русском побережьи с именами разных иноземных путешественников, по большей части лично одущевленных корыстными чувствами. Хотелось дополнить хотя бы в слабой степени географические сведения о наиболее для нас интересных местах Новой Земли и привлечь к ней внимание общества.

Но главная задача моя была художествениая: мне хотелось написать целую серию картин и показать всему свету те необычайные красоты загадочного полярного мира. Мне котелось похитить его молчаливую тайну и поделиться ею с другими широкими кругами. До сих пор созерцали этот таинственный волшебиый мир только одни путешествениики, которые нередко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красиво, иногда увлекательно!. Но разве можно передать

пером эту дивную сказку заснувшей или, быть может, навеки умершей природы. Можио плакать, молиться, стоять на коленях перед этим дивным творением Бога, но написать невозможно!...

К счастью, мои начинания встретили могущественную поддержку в лице министра финансов С. Ю. Витте. Этот человек верил мне; он представил меня Императору... И впоследствии все мои силы направлены были к тому, чтобы не было стыдно ему за меня. Это заставляло меня иногла пробиваться с риском для жизни — голодать. мерзиуть во льдах, но я всегда помнил и всегда неуклонно двигался к цели. В то же время на работы мои обратил внимание человек с именем, известным всеи художественной России, безвременно скончавшийся П. М. Третьяков. Удачная продажа ему для его Московской галереи первой серии моих новоземельских этюдов и большой картины, бывшей на конкурсной выставке в Академии художеств 1897 года, вместе с шедрой субсидией Государя Императора, позволили мие приступить к осуществлению давно лелеянного плана, но те же исключительно благоприятные условия возлагали на меня и большую ответственность — хотелось сделать все, что от меня ожидают и что я сам себе предиачертал. Пожалуй, это не сбудется, но, по крайней мере, совесть моя будет спокойна, что я сделал все, что было в моих силах и в моем умении.

«Верные, как зеркало, картинки»

Из переписки А. А. Борисова и П. М. Третьякова

Художник-пейзажист Алексеевич Борисов (1866-1934), ученик И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, вошел в русское искусство в конце ХІХ века, с 1896 г. он активно участвует в академических выставках, а в 900-е годы с персональными выставками он посетил все европейские центры искусства — Вену (1905), Прагу (1905), Мюнхен (1905), Берлин (1906), Гамбург (1906), Кельн (1906), Париж (1906), Лондон (1907)... Петербург (1914). Печать того времени (немецкая чешская французская английская. русская) пестрила рецензиями и откликами на эти выставки.

Из отечественных критиков о нем писали С. Н. Дурылин, В. А. Гиляров-

А А Борысов занял прочное место в отечественном искусстве рубежа XIX и XX веков как художник Крайнего Севера, как пионер и новатор в области живописного освоения полярной темы. Его интерес к изображению природы Крайнего Севера не был эпизодом, как, скажем, для В. А. Серова и К. А. Коровина, посетивших Мурман двумя месяцами позднее Борисова, - он прошел через всю творческую жизнь художника, начиная с академической юности и до конца дней. Наиболее известные работы этого цикла: «В области вечного льда. Лето» 1897 (ГТГ), «Весенияя полярная ночь» 1897 (ГТГ), «Весённяя ночь на Мурмане» 1896 (ГТГ)...

На осенней академической выставке 1896 года Павел Михайлович Третьяков приобрел почти все этюды Борисова, тогда еще ученика Академии. По этому поводу в письме М. В. Нестерова от 29 ноября 1896 года к Е. М. Хруслову (1861—1913, художинк) говорится: «Третьяков купил у молодого академиста Борисова 56 этюдов «Полярная страна» (Новая Земля), из них до 20 действительно интересны».

В 1897 году Третьяков снова приехал в Петербург и 10 сентября побывал в мастерской А. Борисова (см. А. П. Боткина «П. М. Третьяков», М., «Искусство», 1960, стр. 292) и опять купил несколько работ художника.

Когда же Борисов собрался в «испытательную экскурсию» (декабрь 1897 г.) — так он называл свою поздку в Большеземельскую тундру и на остров Вайгач, — то Павел Михайлович, узнав об этом от самого художника, сказал, чтобы он никому не показывал своих новых работ и вез их прямо к нему, — кулит.

После такого успеха у Третьякова многие молодые художники пережили чувство обойденности и, прямо скажем, зависти к Борисову. Зависть сопровождала Борисова многие годы. Об этом он писал и сам: «Я умру, уляжется ко мне зависть...»

П. М. Третьяков купил у А. Борисова 65 работ, образовавших специальный полярный зал № XXII.

Начавшаяся в 1896 году переписка Борисова с Третьяковым продолжалась до коичины Павла Михайловича в конце 1898 года. В рукописном отделе ГТГ хранятся

девять писем Борисова к Третьякову. Первое письмо здесь цитируется по черновику, кранящемуся в отделе ру-кописей ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), ф. 676 оп. 1 № 34.

27 ноябрв 1896 г.

Добрый Павел Михайлович! Письмо Ваше я получил еще 24 ноября, а выставка наша закрылась только вчера 26 ноября.

Отвоевать из проданных ранее этюдов удалось только один с Оленем № 35, а два других я не мог, так как владельцы их ни за что не соглашаются уступить; один, тот, который купил этюд Полярной ночи № 25, говорит, что он купил по поручению из Москвы и что он уже об этом известил в Москву и описал сюжет, а потому он не может согласиться на предложенные условия написать ему повторение или картину, хоть бы и в большем виде.

...Что касается этюдов, Вами приобретенных, то Вы, Павел Микайлович, пожалуйста, не беспокойтесь, все будет приведено в полный порядок и сделано все превосходно. На «Птичьем базаре» напишу птиц. Остаюсь с глубоким почтением к Вам

А. Борисов.

Из контекста видно, что їретьяков, отобрав зтюды для галереи, сделал ряд замечаний и котвл, чтобы художник довел их до того уровня совершенства, какой был необходим ему, покупателю.

С.-Петербург 1896 9 декабря

Добрейший Павел Михайлович!

Простите меня, что я так долго не отвечал Вам, но дело в том, что я до сих пор не мог узнать адреса того господина, для которого куплен мой этюд, об котором Вы просили узнать, так как некто Траншель (по-видимому, Гентих Генрихович, ученик академии. — Н. Б.), с которым я вел переговоры по поводу уступки этюда, выехал в Москву, и мне удалось только после долгих трудов и ожиданий узнать, для кого в Москву куплен этюд. Вот его адрес: Москва, Покровка, угол Яковлевского и Лямина переулка или второй — Кузнецкий Мост, контора чайного магазина Попова — Алексей Николаевич Изгарышев.

почти все дела идут к концу, и я думаю, что скоро буду в состоянии отвезти этюды, за исключением некоторых, о которых мы говорили Сергею Сергеевичу Боткину (зять Третьякова. — Н. Б.). В настоящее время делаю повторение для господина Быкова (видимо, сын петербургского собирателя Николая Дмитриевича Быкова (1812—1884), коллекционер. — Н. Б.), который оригинал уступил для Вас.

Все этюды моих товарищей, которые Вы изволили приобрести, уже у меня.

Остаюсь с глубочайшим почтением к Вам

А. Борисов.

В письме речь идет об этюде картины «Весенняя полярная ночь» (ГТГ), который А. Н. Изгарышев подарил галерее в 1897 году.

А под «этюдами моих товарищей» подразумеваются этюды Н. К. Рерика «Гонец. Восстал род на род» (ГТГ) и Ф. Э. Рушица «Ранней весной» (ГТГ).

С.-Петербург 1897 фавраля 8

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Простите меня, что я задержал Вам ответ на Ваше письмо, в котором Вы просили сообщить название этюда, бывшего у Изгарышева,

но дело в том, что я на несколько дней уезжал из Петербурга...

Этот этюд я бы назвал «Весенняя полярная ночь», хотя там уже есть такое название, но это ничего не

Про мои этюды с Севера очень лестно написал И. Е. Репин в одной газете, издаваемой в Тифлисе, «Кавказ».

К выставке приготовил две картины, и когда Вы, Павел Михайлович, будете на выставке, то прошу обратить Ваше вниманив.

Остаюсь с искренним к Вам вни-

А. Борисов.

Действительно, в январе 1897 года в газете «Кавказ» И. Е. Репин писал: «Прошлую весну, лето и зиму один из учеников академии, уроженец вологодского края А. А. Борисов предпринял давно желаиную им экскурсию на Север, который он любит и понимает. Норвегия, Мурманский берег и особенно Новая Земля, на Ледовитом океане, привлемли его воображение. И там, несмотря на все невзгоды, лишения, холод, голод и темноту, при всех неудобствах, он сделал около 150 этюдов этого ужасного края. Это все превосходные и верные, как зеркало, картинки, строго нарисованные и необыкновенио правдиво написанные. В них ярко выразилась любовь этого пусского Нансена и чепной поде океана, с белыми льдинами, свежесть и глубина селарных тонов, то мрачных, то озаренных резким светом низкого Солнца. Горы, наполовину покрытые снегом во время самого жаркого лета, берега, дали, лодки, самоеды в оленьих шкурах и проч. предметы, все это дышит у него особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой правды. Коллекцию его приобрел П. М. Третьяков для Московской галерен.

Нельзя не приветствовать такой своеобразной силы в стенах академии художеств, где столько лет попадавшие сюда юноши инвелировались устарелыми традициями посредственной коллегии руководителей».

Цитируется по книге «Воспоминания, статьи и письма из заграницы И. Е. Репина» С.-Петербург, 1901, стр. 252.

Упоминаемые в письме две картины — это «В области вечного льда. Лето» и «На моржа», первая находится в ГТГ, а местонахождение второй — неизвестно.

С.-Петврбург 6 марта 1897

Добрый Павел Михайлович! Напрасно Вы беспокоитесь относительно той акварели работы Александра Николаевича Бенуа. Я в тот же день, когда Вы сказали, говорил Альберту Николаевичу (Бенуа) об этом и просил заведующего на выставке продажей отметить, что акварель № такой-то при-

обретена Вами. Она стоит 100 руб-

С истинным почтением преданнейший Вам

А. Борисов.

С.-Петербург 1897 апреля 25

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Академическая выставка картин закрывается в воскресенье 27 апреля, и я сейчас же по закрытии ее пойду к господину Фельтену (петербургский комиссионер Ю. М. Фельтен. — Н. Б.), как мы и условились, и скажу ему, чтобы он взял картину мою, приобретенную Вами. и отправил ее в Москву.

Получили ли Вы четыре этюда, которые я еще до праздника Св. Пасхи оставил у Сергея Сергеевича для того, чтобы он переслал бы Вам. Интересно, понравился ли Вам мой этюд, взятый Вами в последний раз бывши у меня и решили ли Вы его оставить у себя? Деньги за картину Вы опять, будьте так добры, перешлите на имя Сергея Сергеевича для передачи мне.

С глубочайшим почтением к Вам

А. Борисов.

О какой картине и каких конкретно этюдах идет речь, сказать трудно.

С.-Петербург 1897 23 ноября

Добрейший Павел Михайлович!

На днях в мастерской у меня был И. Е. Репин. Мы, между прочим, говорили относительно моей большой картины, свободна ли она? Я ему сказал, что мы с Вами еще пока не сошлись, тогда он мне сказал, чтобы я написал Вам письмо, что я уступил бы картину за 3 000 рублей.

Глубокоуважаемый Павел Михайлович, если Вам будет угодно приобрести картину мою за 3 000 р., то я готов Вам уступить ее за эту цену. В ином случае я стану ее считать свободной и буду ждать покупки Академией в конце выставки.

С искренним почтением, Ваш покорнейший слуга

А. Борисов С.-Петербург, Тучковая набережная 10 кв. 42.

В письме речь идет о большой картиие «В области вечного льда. Лето», которую Третьяков купил чуть поздиее, она и ныне находится в Третьяковской галерее.

27 ноября 1897

Глубокоуважаемый и добрейший Павел Михайлович!

Академия давала мне поездку (заграничную. — Н. Б.) и брала картину бесплатно. Здесь, во-первых, нравственное удовлетворение и, наконец, я вполне мог рассчитать на продление пансионерства еще хоть, по крайней мере, на год, и таким образом, я получил бы 4 000 р. и громадное нравственное удовлетворение.

Павел Михайлович, будьте снисходительны, и поймите мое положение, ведь надо мной будет смеяться академия, да и товарищи, это отчасти и теперь уже заметно. Если Вы будете так добры и дадите 2 500 р., то тогда не буду казаться смешным, и Вы, таким образом, снимете это пятно: бог его знает, послали бы еще на второй год, но я получил бы 2 500 р. и не обязан отдавать отчета, вот какой был бы предлог в мое оправдание.

Вы были ко мне все время так добры и оказывали мне большую нравственную поддержку, и Вам, а не Академии, обязан я.

Прошу и теперь Вас не оставить меня.

Преданный Вам **А. Борисов.**

После этого торга Третьяков купил картину «В области вечного льда. Лето», но это было уже в 1898 году на 17-й Периодической выставке. Так в его галерее образовался зал № 22 — зал полярной живописи, в котором было развешено 65 полотен А. Борисова.

Зато иыне не только не существует подобного зала в ГТГ, но нет и ни одной работы Борисова в экспозиции!

Архангельск 98 12/1

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Возвращаю Вам с большой благодарностью сто рублей и поздравляю Вас с Новым Годом, и от всей души желаю, чтобы Новый Год принес множество счастья!

Павел Михайлович, как Ваша Периодическая выставка, что говорят вообще и, в частности, про мою картину? Вот если бы Вы были так добры, прислали мне газетные рецензии, я бы Вам был бесконечно благодарен. Пришлите мне все худое и хорошее, не бойтесь, Павел Михайлович, меня теперь, что называется, пушкой не прошибешь?

Вчера приехал в Архангельск и, бог мой, как здесь скучно! Все занесено снегом, все обезображено страшными выогами... Теперь уже перебрался из шубы в малицу и прекрасно себя чувствую. Мороз в Архангельске 30° с лишним.

> Готовый к Вашим услугам А. Борисов.

Упоминается 17-я Периодическая выставка картин Общества любителей художеств 1897/98 года, на которой экспонировалось две картины А. Борисова: «На моржа» и «В области вечного льда. Лето».

В Архангельск А. Борисов приехал в конце декабря 1897 года, готовясь к поездке в Большеземельскую тундру и на Вайгач. Устроив необходимые дела и формальности, он на лошади, по зимней дороге, поехал и себе в г. Красноборск (на Северной Двине) для окончательного сбора в дальнюю дорогу. Из Красноборска его путь в Пустозерск проходил по Северной Двине, реке Пинеге — деревня Труфановская и по пинежской, мезенской и печорской тайболам в Усть-Цильму. Несколько дней отдыха в Усть-Цильме и далее - дорога на Пустозерск. Следующее письмо Третьякову уже из Пустозерска.

Пустозерск 98 31/111

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Письмо Ваше, последнее, догнало меня в Пустозерске. Оно где-то долго странствовало. Бесконечно благодарю Вас за сведения по Периодической выставке и № (вырезку) газеты Р (усские) В (ведомости).

...Послезавтра, 2 апреля, отправляюсь из Пустозерска в Югорский Шар. Тундрой пройдем при всех благополучиях недель 6—7. Прожив некоторое время, я поеду по острову Вайгачу и познакомлюсь с его жизнью.

Остаюсь с почтением к Вам

Александр Борисов.

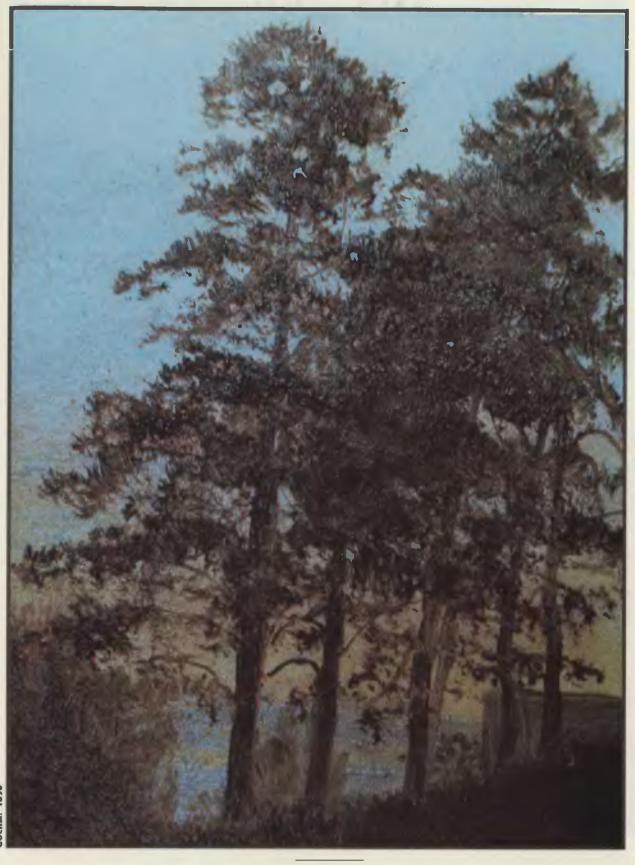
Адрес: Господину Вице-Губернатору Дмитрию Николевичу Островскому в Архангельск, для передачи в Югорский Шар А. Борисову.

В письме упоминаются «Русские ведомости» от 21 янв. 1898 г. с рецензией на выставку.

Переписка свидетельствует, с каким отеческим вниманием и заботой относился к Борисову и его творчеству Павел Михайлович.

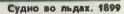
Письма А. А. Борисова к П. М. Третьякову любезно предоставлены нам Архангельским музеем изобразительных искусств с согласия племянника художника Н. П. Борисова и с его комментарием.

Цветиые релродукции картин А. А. Борисова вылолиил фотохудожник Винтор Коноплев. Мы лубликуем их с любезного разрешения дирекции Архангельского музея изобразительных искусств, поскопьку эти работы художинка и аходятся в экслозиции музея и его запасниках.

Этюд с избушками. 1898

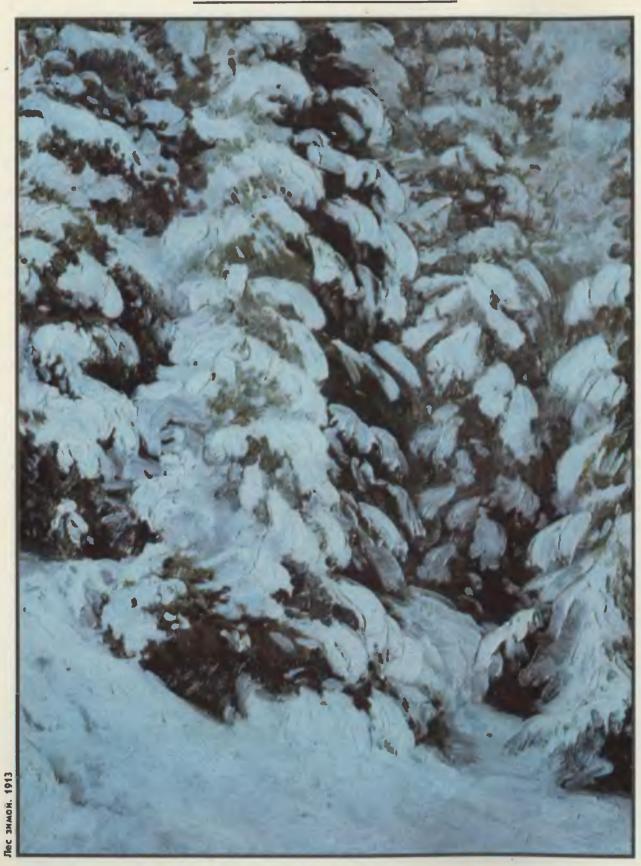

Этюд «Восточная башня Соловецкого монастыря». 1912

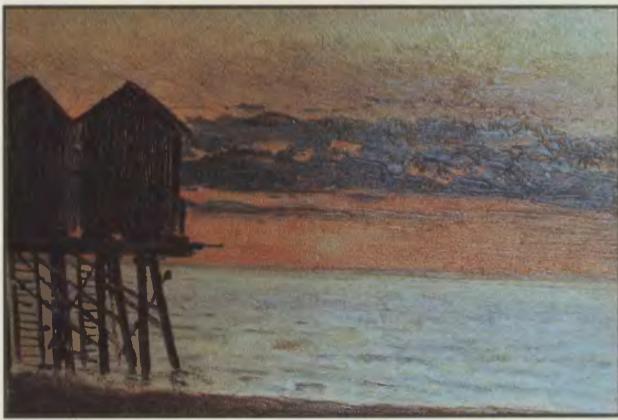
Залив Чекина. Новая Земля. 1901

Изображенное «дышит у него (Борисова. — Ред.) особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой природы».

И. Е. Репин

Купальии на берегу. 1890

Борисов нашел «новый ручей, никем не затоптанный, на дне которого ничьих тюбиков красочных не валяется».

Н. К. Рерих

Брак есть таинство, в котором при свободном (пред священником и Церковью) обещании женихом и невестою взаимной верности друг другу благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается и подается благодать Божия для взаимной помощи и единодушия и для благословенного рождения и христианского воспитания детей.

Брак установлен Самим Богом еще в раю. По сотворении Адама и Евы «благо-словил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28).

Иисус Христос освятил брак Своим присутствием на браке в Кане Галилейской и подтвердил его божественное установление: «Сотворивший (Бог) вначале мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27). И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью (Быт. 2, 24), так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Матф. 19, 4-6). Муж не должен самовольно оставлять жену, а жена - мужа (см. Римл. 7, 1-3). Единственная достаточная причина для развода — прелюбодеяние; но и в этом случае муж и жена разводятся не иначе, как властию самой Церкви через ее законных пастырей, т. е. тою властию, которая сочетала их: кто привязал жену мужу или мужа жене, тот только может и развязать их, ибо только апостолам и их преемникам Спаситель дал власть связывать и разрешать людей (Матф. 18, 18).

SAKOHIL

Православные праздники Дни светлой памяти

АВГУСТ

1 августа — День памяти Серафима Саровского. — День памяти благоверных князей Бориса и 12 августа — День памяти преподобного Германа Соловецкого. 16 августа — День памяти преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца. 19 августа — ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ. 21 августа — День памяти преподобного Григория, иконописца Печерского. 22 августа — День памяти апостола Матфия. 26 августа — День памяти святителя Тихона Воронежского. 27 августа — День памяти преподобного Феодосия Печерского. 28 августа — УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. 30 августа — День памяти преподобного Алипия. иконописца Печерского.

Раздел первый

Изъяснение обрядов при бракосочетании

- 1. Возлюбленные новобрачные! Священное таинство, совершившееся ныне над вами, св. Церковь сопровождает такими обрядами и молитвами, которые должны служить для вас назиданием на всю жизнь. Поэтому, вместо всяких слов и рассуждений, достаточно указать на эти обряды, для того, чтобы понять важность священного таинства и обязанности, какие оно налагает на вас.
- II. 1. Итак, эти перстин, которые надеты на вас, суть символы вечности, чистоты и драгоценности вашего союза. Вечно оставаясь на ваших руках, онн беспрестанно должны напоминать вам о ващих взаимных обязанностях.
- 2. Эти венцы, которые были на вас возложены. указывают на величайшее достоинство брачного союза. Возлагая на главы ваши этот исключитель-

ный зиак царского достоинства, св. Церковь желает этим возбудить в вас уважение, которое должно быть и побуждением, и ручательством к доброй нравственности. Вы слышали слова апостола Павла, который союз мужа и жены уподобляет соединению Христа с Церковью. Итак, ежели брачный союз так важен. что он возводит вас на степень почти царского достоинства и олицетворяет соединение Христа с Церковью, то захотите ли вы чем бы то ни было унизить этот высокий союз?

- 3. Далее, вы пили из одной чаши вино. Это значит, что с этой минуты вы должны всегда разделять между собой и радость, н горе, которое может случиться с вами на вашем жизненном пути.
- 4. Вы троекратно обходили с соединенными руками вокруг сего аналоя, на котором вы видите крест и Евангелне. Это научает вас, что с этой минуты вы должны согласно и единодушно нести на себе крест Христов, разделять между собой все огорчения, несчастья и жить в законе Божнем.
- 5. Наконец, во все продолжение совершения сего таинства вы много раз слышали имена Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Рахили и других патриархов, этих бессмертных образцов семейной жизни. Их представляет вам Церковь как пример для подражания. Вспомните, что отличительные черты их жизни — это величавое спокойствие.

Продолжение. Начало в №№ 1-6 1991.

непоколебимое взаимное уважение всех членов семейства и воспитание детей в духе благочестия — должны принадлежать и всякому христианскому семейству.

III. Итак, принося вам душевное поздравление во исполнение ваших желаний, прошу Бога, чтобы жизнь ваша была имеино такова, каковою она должна быть по духу святой Православной Церкви. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ пред благословением образом жениха и невесты

І. Возлюблениые во Христе жених и невеста! Вы находитесь в преддверии семейной жизии и просите Божьего благословения и благословения родителей вступить в законный брак. И то, и другое благословение будет вам дано. Цените их и живите достойно сих благословений. Я, как пастырь Церкви, призванный от лица Церкви преподать вам Божие благословение, нахожу благовременным преподать вам несколько наставлений, которые имеют целью оградить семейную жизнь от гибельного влияния на нее ложных мнении и обычаев.

II. Жизнь семейная на глазах наших падает, семейное счистье рушится, и свмая возможность этого счасться подвергается сомнениям. Заключение супружеских союзов становится страшным по множеству несчастных браков; счастливый выбор жениха и невесты сравнивается с случайным выигрышем по жребию; незаконные сожития, как легко расторжимые, предпочитаются законным супружествам, заключаемым с обетами вечной верности. Положение печальное. Если семейство есть основание силы и благосостояния народов и государств (чего никто не может оспаривать), то разложение семьи должно быть началом падения государств и народов. Если правильная семейная жизнь есть источник дарований и благовоспитанности молодых поколений, то с разрушением семьи надо ожидать упадка народных сил и доблестей.

Надобно принимать меры и ставить преграды разливающемуся элу, если мы котим спасти от упадка и истощения наш народ и от разложения наше великое государство.

Искать этих спаснтельных мер нам негде кроме Божественного откровения и Церкви. Призовем на помощь их спасительные наставления для ограждения наших семейств от тлетворного влияния пожных воззрений и вредных обычаев нашего времени.

1. Главное заблуждение относительно семейной жизни ныне состоит в том, что все ишут и ждут от семейной жизни счастья, как чего-то готового, что непременно они полжны найти без трудов и усилий. Но такого готового счастья ни в каком роде и нигде нет на нашей земле: все здесь трудом добывается. В изречении бытописателя о жизни в раю наших прародителей есть знаменательная черта, которую мы можем взять в руководство при нашем размышлении о семейном счастьи. Земной рай, изображенный в Библии, всеми признается за первообраз земного благополучия. Красота местности, первобытная сила растительности, готовые плоды для пищи, отсутствие опасностей и болезней, мир и чистая рапость сердна, созерцание Создателя и беседа с Ним все это возносит наше воображение в иной вожделенный мир, который превыщает все наши обычные понятия о земном счастьи. Но ие для праздных иаспаждений поселил Бог первозданных людей в рай сладости, а дал им упражнение для первого развития их сил, повелев им «возделывать рай и хранить его». Итак, если и самый рай, для полноты счастья его невинных обитателей, имел нужду в возделывании и охранении, то какое земное состояние и какое место на земле может быть всегда готовым для иашего благополучия без возделывания и охранения?

Ныне два условия признаются прочным обеспечением семейного счастья: счастливый выбор жениха и невесты и предварительно установившвяся крепкая взвимная склонность, обещающая нерасторжимый союз в будущем. Никто не отрицает великой важности этих условий, но никто из людей, знакомых с опытом, не решится сказать, что счастливым выбором и взаимной склонностью все будущее счастье супругов обеспечено. Это рай, который надобно еще возделывать и хранить. Прежде всего под это доброе начинание нужно подвести основание. на котором зиждется истинное, т. е. разумное, сознательное, духовное счастье человека. Все увлечения нашего сердца проходят вместе с переменами. нензбежно происходящими в предметах, к которым они направлены, и в нас самих. Красота телесная вянет, к богатству привыкают, вкус к удовольствиям по времени притупляется; не изменяются и не слабеют только связи, составляемые на общем направлении супругов к разумно-нравственным целям. Апостол Павел говорит, что невеста «свободиа выйти, за кого хочет» — как и жених волен жениться. на ком хочет — «только в Господе» (I Кор. 7, 39). Что это значит? Значит, чтобы при заключении брачных союзов не были опускаемы из виду цели, указанные для супружества Господом: взаимное попечение супругов друг о друге во всех отношениях, но преимущественно в нравственном; умножение, согласно с Божиим благословением, рода человеческого людьми, способными силою дарований, познаний и деятельности господствовать над природою, а не смотреть на нее тупым взглядом и не жить в ней без сознания подобно существам неразумным (Быт. 1, 28); наконец, восполнение человеческих обществ членами, способными служить благу человечества и славе Божией. Только при согласии супругов во взглядах на эти главнейщие их обязанности и при дружном их исполнении получают настоящее значение и красота, и образованность, и достаток, и взаимная любовь как средства достижения целей или как утещения в трудах. Без этого единства убеждений является у супругов разлагающая разность во вкусах и взглядах, направление склонностей в разные стороны, а главное - бессодержательность и пустота семейной жизни, которой нельзя наполнить никакими чувственными удовольствиями. Если эта пустота и отсутствие высших целей и благородных трудов, предлежащих супругам, обнимает обе половины, то семейное счастие сгибло, и дом становится жилищем праздности, ссор и пороков как в родителях, так и в детях: если же эта неспособность к труду семейной жизни является в одной половине. то эта половина становится бременем для другой, и ее участь — иногда затаенное, но всегда неизбежное охлаждение и лаже пренебрежение от другой стороны, как к мертвой силе, задерживающей общее дело и вредящей ему. Таково чувство, сопровождающее печальный взгляд разумного мужа на жену, бросающую без призора детей для светских удовольствий; таковы мысли жены о муже праздном и

KO

ленивом или разоряющем дом расточительностью и другими пороками. Когда равно пусты и рассеянны и муж, и жена, то их неизбежно постигает и другая заслуженная кара — потеря уважения и любви со стороны детей их.

Воображая, что счастливым выбором пвртии обеспечивается навсегда семейное счастие и что оно упрочивается первою склонностью, многие супруги иыне опускают из виду и то, что в первое время супружества они еще не знают ни друг друга, квк должно, ни даже самих себя в новом своем положении. Только стоя близко друг к другу, как стоят супруги, и только по времени они могут изучить образ мыслей, вкусы, склониости, привычки друг друга, причем, к удивлению миогих, в избраиниках сердца, вместе с достоинствами, привлекцими любовь, открываются и значительные недостатки. Обнаружение иедостатков, неожиданные мысли, желания и требования поражают иногда обоих супругов, как нечто исобычайное, для счастья опасное и доказывающее ошибку, сделанную в выборе. При дальнейшем обнаружении недостатков эта мысль подтверждается, и умножающиеся столкновения, споры и размолвки, при недостатке наблюдения за собой и снисходительности друг к другу, принимаются за доказательство, что счастье улетает, что брак не удался, что вместе жить невозможно, что иужно разойтись.

Между тем правила христианской жизни требовали от обоих супругов, при благодарности к Богу за найденные друг в друге достоинства, быть настороже и ждать обнаружения недостатков, как неизбежной принвдлежности каждого человека, изучить их, отнестнсь к ним со всею сиисходительностью, какой требует взаимнвя любовь, и приниматься с кротостью и терпением за исправление друг друга. Это укрепляет любовь, так как имеющий недостаток старается утешить снисходительного друга другими лучшими свойствами своей души. Внимание к слабости и недостатку такого близкого человека. как муж или жена, возбуждает жалость к нему и утверждает в терпении, которое само по себе есть добродетель; в этой добродетели человек, имеющий христианские убеждения, и для собственного усовершенствования обязан упражняться с ревностью и постоянством. Он не может бросить того, с кем сжился сначала первою, живою и ясною любовью. потом любовью, по слову апостола, «милосердствующей», потом любовью «долготерпящею», наконец любовью «верующею» в плоды терпения и в возможность исправления человека, которое иногда бывает и сверх ожидания, при особой помощи благодати Божией (I Кор. 13, 4—8). По этим воззрениям истинно, честно любящие друг друга супруги не могут бросить друг друга за недостатки (если они не обращаются в преступления), иначе для них потеряется главная цель супружеской жизни — любить друг друга не с увлечением для одних наслаждений. а с самоотвержением для общего блага, временного и вечного. В этом случае полезио вспоминать наставление св. Иоанна Златоуста: «В супружестве надо всем жертвовать и все терпеть для сохранения взаимной любви; если она утрачена — все пропало».

2. Немало вредят в наше время семейному счвстию разные обычаи и предрассудки, не согласные с христианскими понятиями о супружеской жизни. Сюда мы относни: поздняю женитьбу мужчин, особеиности воспитания женщин, стремление к уличний жизни и крайнюю свободу супругов в отношении к чужим лицам другого пола.

2.1. Продолжительная колостая жизиь развивает в мужчинах не только крайнюю разборчивость в выборе себе жены, по их избалованному, в иногда и испорченному вкусу и по излишним требованиям, но и разные эгоистические привычки, не соответствующие основному закону семейной жизии, по которому супруги обязаны заботиться больше об угождении друг другу, чем личным склоиностям. Муж. привыкший до бракв проводить свободное время в веселых собраниях, делает издержки из своего состояния только для себя, располагает время посвоему, — с трудом мирится со строем жизни семениой, где он обязан больше тратить для жены и детей, чем для самого себя, посвящать им свое свободиое время и заботиться больше о благоустройстве своего дома, чем о своих личиых удовольствиях. Все это для избалованного свободного человека становится стеснительным; он рвется из дому вон и тем дает семье испытывать оскорбительное чувство. что она для него бремя, и переносить одиночество и как бы сиротство при живом муже и отце.

- 2.2. В современном воспитании девиц много крайностей, вредящих целости и сосредоточенности семейной жизни. Ныне каждая образованная девица. забывая свое главное иазначение быть женою и матерью, непременно задается какою-нибудь особою возвышенною целью, для достижения которой не только отдает все свои силы, но и изнуряет себя: быть общественною деятельницею и служилым человеком, врачом, литератором, художником, поступить на сцену — вот любимые мечты современных молодых девиц. Выходя замуж, как они часто любят говорить, вопреки своему призванию, они бредят этим призванием до старости и убивают время на бесполезное для их семейных обязанностей чтение и другие занятия, без которых не только можно бы, но и должно обойтись.
- 2.3. Под именем привычки к уличной жизни мы разумеем обычаи нашего времени, порождаемые новым ученнем о необходимости всеми средствами развивать жизнь общественную, разумея под этим не совокупные труды для блага общества, а главным образом, общественные удовольствия. Сколько иыне выездов, собраний, вечеров, гуляний и тому подобных отлучек из семьи, отрывающих супругов друг от друга и от детей, которые можно бы оставить без ущерба общественному и государственному благу. Мы много на эту мысль встретим возражений со стороны требований благотворительности, процветания искусств, общественных приличий и т. п. Но все эти благодеяния просвещения окажутся легковесными сравнительно с великими благами, которые приобрели бы семейства, если бы муж и жена все свободное от истинно обязательных выездов время сидели дома и занимались своим делом. И всякая полезная общественная деятельность потеряет и душу, и силу, и истинный смысл при упадке семейных добродетелей.
- 2.4. Но едва ли не самый опасный враг семейного счастья это крайняя свобода, позволяемая ныне в отношениях супругов к сторонним лицам другого пола. Стеснять мужа и жену в этом отношении почитается ныне и неблагодарным, и несоответствующим истинным понятиям об уважении к человеческой личности, и признаком грубой ревности, и обидным недостатком взаимного доверия и проч., и проч. Но между всеми этими правами на свободу мужа и жеиы от взаимного надзора недостает самого законного и не только права, но и обязанности

мужа и жены — заботиться о иравственной безопас ности друг друга. Христианское учение о человеческой слабости и о силе соблазна не теряет своего значения при всех здравых понятиях об уважении и доверии друг к другу. При ныиешних героях и героинях, починающих для себя честью победы известного рода и искусство соблазнять супругов и расторгать наилучшие супружеские отношения; при современном учении о свободе чувства; при разнообразии раздражающих чувственность общественных удовольствий, - со стороны супругов оставлять друг друга на произвол случая, - без молчаливого, кроткого и любовного попечения и взаимного охранения от соблазнов — и несправедливо, и жестоко. Точно так же неблагоразумно и допускать в свой дом в слишком близкие отношения к семье друзей под предлогом свободы и полнейшего доверия мужа к жене — и обратно. У многих таких простодушных супругов была выкрадываема этими мнимыми друзьями супружеская любовь, а все мы беспрестанно видим расторжения некогда счастливых браков, подготовленные этими дружескими отношениями.

2.5. Но общая причина современных несчастий в жизни семейной (как и во многих других случаях) есть уклонение от уставов и правил, предлагаемых нам для сохранения семейного счастия нашею руководительницею — Православною Церковью.

Молодые люди, воспитанные под руководством Церкви при наступлении поры супружества в глубнне сердца молятся Богу об устроенин их будущности и вверяют судьбу свою всеблагому Промыслу Божию.

Соблюдение священных времен и уставов Церкви относительно бдения над собою спасает их от развития страстей, ведущих к разрушению взаимной верности. На детей они смотрят, как на дар Божий. Дни церковных праздников и у них в доме составляют праздники, восполняющие духовной радостью семенную любовь и доступные по состоянию удовольствия. Питомцы такой семьи от детства до старости помнят любовь и слезы родителей, их благословения и молитвы, с каким они отпускали их в школы или на службу, н тем оставляли в сердцах их сколько благодарности к родителям за любовь их, столько же и поучительную память об их благочестии. В таких семьях даойной союз — родственный и духовный — связует мужей и жен, детей и родителей двойною силою и ограждает их от всяких вредных влияний и соблазнов, приражающихся со стороны. Такое семейство и называется у св. апостола Павла домашнею Церковию (Рим. 16, 4), в той мысли, что и христианской семье, как самой Церкаи, Глава и покровитель — Господь; что и она, как Церковь, живет под осенением благодати Св. Духа.

ПІ. Благодарение Господу, еще есть у нас такие семейства во всех сословиях, есть и память о благочестии предков даже в семействах, сбившихся с прямого путн; но что думать о тех очень многочисленных семьях, которые отвергли все эти предания, как бесполезную старину? Они сами от того страдают, они возбуждают и в нас жалость и сострадание; об них мы должны молиться, ио должны и думать, крепко думать о пресечении зла путем воспитания, наблюдения за проповедниками ложных учений и за новыми обычаями и удовольствиями, развращающими и убнвающими нашу нравственную жизнь.

Раздел второй

Конспект ИГУМЕНА ФИЛАРЕТА

ГЛАВА XII

Другие эмоции. Развитие альтруистических чувств в детские годы. Христианская надежда. Упокоение сердца в Боге и ожидание будущего блаженства

Эстетическое чувство, рассмотренное нами в предыдущей главе, является одной из эмоций человеческого сердца. Но, разумеется, не меньше, а еще больше значения имеют для христианина многие другие эмоции — напр., чувства симпатии и антипатин, привязанности семейные дружеские и национальные, чувство милосердия и жалости и т. д. И, конечно, все эти возвышенные чувства должны быть развиваемы в сердце христианина — по возможности, с самых юных лет.

Увы — этого как раз обычно и не бывает! К сожалению, во многих иногда очень и очень хороших христианских семьях жизнь поставлена так, что родители сознательно отстраняют от своих детей картины человеческой нужды, печали, тяжелых бедствий и испытаний. Такое чрезмерное оберегание детей от суровой действительности — конечно, приносит только отрицательные результаты. Дети, выросшие в тепличной, оторванной от жизни обстановке, вырастают изнеженными, избалованными эгоистами, привыкцими только требовать и получать и не умеющими уступать, служить, быть полезным другим. Но жизнь жестоко ломает и иногда невыносимо больно наказывает таких людей, и нногда уже — с юных лет, со школьного возраста. И поэтому-то, любя детей, нужно уже с детства закалять их. А главное: и пред глазами родителей, и пред глазами у их детей должна быть всегда одна определенная христианская цель — чтобы дети, вырастая и развиваясь телесно, развивались и духовно: становились лучше, добрее, благочестивее, отзывчивее... А для этого нужно ставить пред детьми картины людской нужды и горя н давать им возможность помочь. И тогда дети сами потянутся к добру и правде, ибо все чистое, доброе и светлое в особенности близко и родственно ненспорченной детской душе.

Те эмоции, о которых говорили мы до сих пор, включая высшне из них — жалость и сострадание, — встречаются у всех людей. Переходя теперь к чувствованиям уже чисто-христианского тнпа, мы остановимся на чувстве христианской надежды. Христианскую надежду можно определить как сердечное жизненное памятование христианина о Боге, неразрывно связанное с уверенностью в Его Отеческой любви и помощи. Человек, нмеющий в сердце такую надежду, везде и всегда чувствует себя под кровом Отчим, подобно тому, как везде и всегда в физи-

ческом мире над собою видит необъятный небесный свод. И поэтому христиании, имеющий надежду на Бога — никогда не придет в отчаяние, никогда не почувствует себя безнадежно одиноким. «Безвыходным» положение может казаться только неверующему; верующий же и надеющийся на Бога — знает Его близость к скорбящему человеческому сердцу, и у Него найлет и утещение, и ободрение, и помощь.

Но, конечно, венец и вершина христианской належды — в будущем. Мы, христиане, знаем, что наш Символ веры, в котором собраны все основные истины христианства, оканчивается словами: «чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь». (Слово «чаю» означает — ожидаю, и не только ожидаю, но и надеюсь, и желаю всем сердцем, чтобы это пришло поскорее.) Итак, полное осуществление христивиской светлой ивдежды — будет уже тогда, когда жизнь окончательно восторжествует над смертью и Правда Божия над мирскою неправдою. Тогда «все минется, одна правда останется», говорит русская поговорка. Тогда покрыто будет всякое горе страдальцев, ибо «отрет Господь всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее — прошло» (Апокал. XXI, 4). «И радость вечная будет над головою их» (Исани XXXV, 10), Вот — вершина, венец и полное осуществление христианской надежды, и торжество тех, кто в земной жизни был гоним и притесняем и изгоняем — за правду Христову...

ГЛАВА XIII

Развитие воли:

I. Упражнение.
Самодисциплина.
Добрые привычки.

II. Значение принципов
в деле выработки воли.
Религия как источник
этих принципов

Остается нам теперь разобраться в вопросе о воспитанин и развитин воли человека. От направления и силы воли более всего зависит иравственный характер и нравственная ценность личности человека. И, конечно, всякому понятно, что для христианина важно, во 1-х, иметь волю сильную и решительную, а во 2-х, иметь волю, твердо направленную ко благу ближнего в сторону добра, а не зла.

Как же приобрести сильную волю? Ответ прост: прежде всего — чрез упражнения ее. А для этого опять-таки аналогично телесным упражнениям нужно начинать с немногого, с небольшого. Но - начавши упражиять свою волю в чем-либо (напр., в постоянной борьбе с какой-либо своей греховной привычкой или прихотью) — уже не оставлять этой работы над собой. При этом, с самого начала, христианин, желающий укрепить свою волю, свой характер должен избегать всякой разбросанности, беспорядочности и непостоянства в поведении. Иначе он будет человеком бесхарактерным, не представляющим из себя ничего определенного. На такого человека не могут положиться ни другне люди, ни он сам. А в Свящ. Писанни такой человек называется тростью, ветром колеблемой.

Для каждого из нас нужна дисциплина. Она имеет

настолько важное значение, что без нее невозможен правильный, нормальный порядок и успех работы — напр., в школьной или в военной жизни. Еще важнее это в жизни каждого отдельного человека, причем место внешней школьной или воениой дисциплины здесь занимает внутренняя самодисциплина. Человек должен сам поставить себя в известные рамки, создав определенные условия и порядок жизни — и от этого уже не отступать.

Заметим еще вот что: в деле укреплення воли большое значение имеют привычки человека. Мы уже видели, что привычки дурные, греховиые — большая помехв для христианской, нравственной жизни. Зато добрые привычки — ценное приобретение для души, а поэтому ко многому хорошему человек должен себя именно прнучать, чтобы это хорошее сделалось для него свонм — прнаычным. В особенности важно это в молодые годы, когда еще формируется, складывается человеческий характер. Недаром говорят, что вторая половина земной жизни человека складывается из привычек, накопленных за первую половину этой жизни (срав. поговорку: «привычка — вторая натура»).

Против того, что сильная воля иужна человеку — вероятно, никто спорить не будет. В жизни мы встречаем людей с разной силой воли. И часто бывает так, что человек очень одаренный, талантливый, с сильным умом и глубоким, добрым сердцем — оказывается слабовольным и не может провести в жизнь свои планы, как бы хороши и ценны они ии были. И обратно — бывает так, что человек менее талантливый и одаренный, но более волевой, сильный характером, успевает в жизни и, как говорят, свою линию порводит до конца.

Но еще более важным качеством человеческой воли является ее доброе направление — в сторону добра, а не зла. Если хорошний, но слабовольный человек может в жизни оказаться мало полезным членом общества, то человек с сильной, но злой — разрушительной — волей является уже опасным; и он тем опаснее, чем сильнее его злая воля. Отсюда ясно, что крайне важными являются те принципы, те основные начала и правила, которыми руководится воля человека. Беспринципный человек — нравственное инчтожество, не имеющее никаких нравственных устоев и опасное для окружающих.

Откуда же воля человека может взять для себя эти принципы — дабы действовать по ним? Для неверующего человека ответ здесь крайне труден да, в сущности, и невозможен, неразрешим. Брать их из науки? Но наука, во 1-х, по пренмуществу, интересуется вопросами знания, а не моралн, а во 2-х, она сама не представляет из себя чего-то твердого и принципивльно-постояниого, ибо все время расширяется, углубляется и во многом изменяется. Из философии? Но философия сама твердит нам об относительности и отнюдь не безусловной достоверности своих истин. Из жизни практической? Еще менее. Эта жизнь сама нуждается в положительных принципах, которые могли бы упорядочить и устранить из нее разнузданную беспринципность.

Но если так труден ответ на поставленный вопрос для неверующих, то для верующего человека, в особенности — для верующего христианина ответ прост н ясен. Источник добрых принципов — Божия воля. Она открывается нам в учении Спасителя, в Его Святом Евангелии. Только она имеет в этой области безусловный, незыблемый авторитет; и только она научила нас самопожертвованию и христнанской любви ко всем — даже и к врагам; только она да-

ла людвм возвышеннейшне понятия о христнанской свободе, христианском равенстве и братстве (понятия, украденные у нас социалистами, коммунистами и др. врагами веры). И об истинных христианах Сам Господь сказал: «Не всякий, говорящий мне: Господи, Господи — воидет в царстаие Небесное, — но исполняющий волю Отца Моего Небесного»... (Матф. VII, 21—23).

Глава XIV

Труд и его необходимость для христианина. Развлечения и самособранность духа. Молитвы, обеты и зароки как средства преодоления дурных навыков

Необходимым условием всякой деятельности человека, укрепляющего его волю, является труд. Он был заповедан Богом согрешиашему человеку еще в раю: «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой». Поэтому трудиться должен каждый из нас.

В 1-м послании к Солунянам ап. Павел о необходимости труда писал так: «Умоляем вас, братие, делать свое дело и работать собственными руками, как мы заповедали вам». А во 2-м посланин он резко отзывается о тех, которые поступают бесчинно и «суетятся» — и точно формулирует свой призыв к труду: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (эти слова также украдены коммунистами, выдающими их за продукт собственного творчества). При этом необходимо отметить еще то, что христнанство никогда не разделяет труда на работу «белую» и «черную». Такое разделение часто принималось до последних лет в совр. обществе, причем к «черной» работе (по преимуществу - физическому труду) относились пренебрежительно. Христианство же требует от человека только того, чтобы труд его был честен и приносил соответствующую пользу. И с этой христианской точки зрения человек, занимающий высокий и ответственный лост и небрежно относящийся к своим обязанностям, -- гораздо инже самого незначительного из своих подчиненных, если последний исполняет свои обязанности по-христиански — добросовестно. При этом всякий знает на личном опыте, какое отрадное удоалетворение чувствует тот, кто честно и усердно работает и какой скверный осадок остается на душе после времени, проведенного пусто и бессмысленно...

В наши дни среди молодежи очень распространен ложный и греховный взгляд на труд и на развлечения. На труд смотрят, как на что-то в высшей степени неприятное, как на тяжкое подневольное иго, и заботятся о том, чтобы поскорее от него отделаться — «свалить с плеч». И все свон стремления и усилия направлять к тому, чтобы как можно скорее «отдохнуть» (от чего?!) и развлечься. Есть поговорка — «делу время, потехе час». Многие хотели бы, чтобы было наоборот... Но, во 1-х, это грешно и совсем не по-христиански, а во 2-х, и самын отдых и разалечения только тогда бывают приятны и радостны, когда они заслужены предшествующим трудом. А для того, чтобы в душе не было той пустоты и рассеянности, которые так обычны теперь — в наше нервное, беспокойное, суетное время, - христиании должен приучать себя к самособранности. Нужно следить за собою во всех

отношениях и ясно отдавать себе отчет в своем настроенин и стремлениях, а также представлять себе точно — что мне нужно сделать в данный момент и к какой цели направлять все свон усилия.

Говоря об укрепленни волн, необходимо еще упомянуть о тех случаях, когда человек чувствует волю свою бессильной для того, чтобы устоять против какого-либо соблазна или укоренившейся греховной привычки. Здесь он должен помнить то, что первое и основное средство в таких случаях - молитва, смиренная молитва веры и упования. О молитве речь будет ниже; пока же только еще раз вспомним то, что даже такой могучий духовно человек, как ап. Павел, говорил о бессилии бороться с грехом и творить добро: «не еже хощу доброе — сие творю, а еще не хощу — злое сие содеваю» (доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, — делаю). Тем более, так бывает постоянно с нами — немощными и слабыми. А молитва — может нам помочь, т. к. она на помощь нашему бессилию привлекает Божию всемогушую силу.

Помимо молитвы, большое значение для укрепления воли в борьбе с грехом имеют еще так наз. обеты и зароки. Обетом называется обещание человека сделать какое-либо доброе, благоугодное дело — напр., помочь бедняку, построить храм или богадельню, взять на воспитание сироту (или - как часто делали наши благочестивые предки — сходить куда-либо в св. места — на богополье) и т. д. Применительно к нашим условиям, такие обеты могут состоять в следующем: если человек замечает за собой неисправность в каком-либо отношении — мало помогает другим, ленив трудиться, мало заботится о семье и т. д., он должен выбрать себе в этои области определенное постоянное доброе дело и исполнять его неуклонно, как свою обязанность. Зароки — это те же обеты, только отрицательного характера. В этих зароках человек дает обещание не делать того или иного греха, бороться самым решительным образом с той или иной греховной привычкой (напр., пить, курить, сквернословить н т. д.). Часто эти зарокн даются торжественно, пред св. крестом и Евангелием,

Конечно, самый лучший взгляд зарока бывает тогда, когда человек дает его на всю жизнь. Однако допускаются, и часто бывают, случаи, когда зарок дается на 1-2-3 года. Само собой разумеется, что обеты или зароки человек должен давать, взвесив свои силы, с решимостью во что бы то ни стало выполнить их - с помощью Божией. От неосторожных, необдуманных и непосильных обетов Спаситель предостерегает нас притчею о неразумном строителе башнн, над которым смеялись окружающие, гоаоря: «Этот человек начал стронть и не мог кончить»... Соответственно этому, русская пословица говорит: «Руби дерево себе по плечу», а другая дооавляет: «Не спросясь броду, не суйся в воду»... Но зато — если обет уже дан — то исполняй его непременно, призвавши помощь Божию, «не давши слова — крепись, а давши — держись»...

Продолжение в следующем номере.

Тексты публикуются по изданиям: раздел первый — Слова, поучения, беседы и речи пастыря церкви на разные случаи. Составил по лучшим проповедническим образцам священник магистр Григорий Дьяченко. М., 1898; Тромикий листок. Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990; раздел второй — Игумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харбин, 1936.

Публикацию подготовил писатель Евгений Чернов.

Ar

MMTEPATYPA

CTUXU POMAH ЭССЕ

B. B. PO3AHOB

Сны золотые

«Час смерти Лермонтова — сиротство России» — такими словами закончил свою поспеднюю статью о великом русском поэте [«О Лермонтовв»/ «Новое время», 1916, 18 июля) аелиний русский мыслитель Василии Васильевич Розанов. Восторженняя оцення творчества лозта, глубоний к нему интерес — были неизменными для Розвнова в течение всей вго писвтельской двятвльности. 27 июля нынешнего года исполняется 150 лет со дня трагической гибели М. Ю. Лермонтова, и тем любопытивй, неожиданный предстоит с высоты наших дией угол зрения другой розановской статьи о нем. Коначно. наличие в «Демоне» отголосков BOCTOVHUX \$3M48CKKX KVALTOR весьма слорный вопрос, конечно. языческие симлатии Розанова могут DESCRIPTION OF BURNEY TOWN MEHEE, MM CHRTSSM, 4TO STOT OVERK Ікан и большинство сочинений Василия Васильевича), благодаря острой, лорой парадоксальной постановка важнейших проблем ралигии и культуры, представляет богатейшую пищу для ума всякого чеповека, неравнодушного к двикым проблемвм. А это не так уж мало...

Статья «"Демон" Лермонтова и его дравиме сородичи» печатается по первой [и единстванной] публикации «Руссний вестинк», 1902, № 9.

Лермонтов чувствует природу человеко-духовно, человеко-образно. И не то, чтобы он употреблял метафоры, сравнения, украшения — нет! Но он прозревал в природе точно какое-то человекообразное существо. Возьмите его «Три пальмы». Караван срубает три дерева в оазнсе самый простой факт. Его не украшает Лермонтов, он не нщет канаы, рамки, совсем другое. Он передает факт с внутренним одушевленнем, одушевлением, из самой темы идушим: и пальмы ожили, и с пальмами плачем мы; тут есть рок, Провидение, начннается Бог. Это все тоже

Когда волнуется желтеющая ннва,

но уже переданное фигурно, образно, в драматической сцене, а не отвлеченно. Помню, как еще до поступлення в гимназию и не зная, что такое «поэт» и «поэт Лермонтов», я придумал к поразившему меня стихотворенню напев н, бывало, уединившись в лес или сад, пел эту песны («Три пальмы»), всегда с невыразимой грустью, как о живых и родных мне пальмах. Лермонтов роднит нас с природою. Это гораздо больше, чем сказать, что он дружит нас с нею. И это достигается особенным способом. Он собственно везде открывает в природе человека — другого, огромного; открывает макрокосмос человека, маленькая фотография которого дана во мне.

Ночевала тучка золотая На груди утеса великана:

Не остался влажный след в морщине Старого утеса. Одиноко Он стоит. задумался глубоко. И тихонько плачет он в пустыне.

Это совсем просто. Ничего нет придуманного. Явление существует именно так, как его передал Лермонтов. Но это уже не камень, о котором мне нечего плакать, но человек, человек-гора или гора-человек, о которой или с которою я плачу. В «Рустаме и Зорабе» есть Горный Дух. которому на время Рустем передает часть своей силы и потом берет у него ее обратно, чтобы победить сына: вот такими-то «горными духами», большими, чем самые горы. древними «Виями», одного из коих показал нам Гоголь. полиа поэзия Лермонтова. Возьмите «Дары Терека».

Но, склонясь на мягкий берег. Каспий стихнул, будто спит, И опять, ласкаясь, Терек Старцу на ухо журчит...

Это совершенно человекообразно. Это — сказка, не хуже народных, и с такою же, как у народа, прочною,

но уже не нанвною верою, что природа шевелится, слушает, ласкается, любит, ненавидит. Все, что есть в моем сердце, есть в сердце того огромного духа ли, чудовища ли, во всяком случае, огромного какого-то древнего, вечного существа, которое обросло лесами, сморщилось в горы, гонит по небу тучи. Таким образом, во всех стихотворениях Лермонтова есть уже начало «демон» недорисованный, «демон» многообразный. То слышим вздох его, то видим черту его «лика». Каспий принимает волны Терека только с казачкой молодой: вот уже сюжет «Демона» в его подробностях; «дубовый листочек» молит о любви у подножия краснвой чинары: опять любовь человеко-образная, человеко-духовная, между растениями; три пальмы в кого-то влюблены, кого-то ждут; караван они встречают, как брачный поезд:

Приветствуют пальмы нежданных гостей, И щедро поит их студеный ручей...

это — оживление, это раскрытие объятия невест, так жестоко обманувшихся... Тема «Демона» неугасима у Лермонтова, вечно скажется у него каким-нибудь штрихом, строкою, невольно, непреднамеренно. Что же это, однако, за тема?

Любовь духа к земной девушке: духа небесного ли, или какого еще, злого или доброго, — этого сразу нельзя решить. Все в зависимости от того, как взглянем мы на любовь и рождение, увидим ли в них начальную точку греха или начало потоков правды. Здесь и перекрещиваются религнозные реки. А интерес «Демона», исторический и метафизический, и заключается в том, что он стал в пункт пересечения этих рек и снова задумчиво поставил вопрос о начале зла и начале добра, не в моральном и узеньком, а в трансцендентном и общирном смысле.

Средневековые легенды полны сказаниями о таких духах, всегда называемых «демонами», всегда обольстительных. Обольстительные девушки являются подвижникам, обольстительные юноши соблазняют подвижниц. Пушкин в

За озером в тенн пубравы Спасался некогда монах...

нарисовал легкую и выразительную картину подобных искушений. Никогда не было исследовано: почему именно возможная страсть, страсть напряженная раздвигается, однако, в представление цельного человеческого образа, в таллюцинацию необыкновенно живую, до полной веры в ее действительность и объективность. Почему страсть не остается в рамках физиологических, а переходит в художество, в рисовку, в лепку форм, физиологически весьма мало нужных? Ведь голодный просто представляет себе кусок хлеба. миску щей, едва ли сервируя стол и задаваясь вопросом, серебряной или оловянной ложкой он ел бы такой померешившийся суп. Но у отшельников является какой-то астартизм, роскошествование, изящество в представлениях: в галлюцинациях вдруг встают древние «боги», навсегда похороненные, — и. как описал Пушкин, иногла эти «боги» побеждают всяческие заклятня. Как для настоящих «духов», для них не существует замков, запоров, стен. Не понимаю, для чего спиритам потребовались их исключительные «духи», к тому же с такою коротенькою психологиею, когда настоящие могущественные «пухи» оставилн такой реальный след по себе в стольких «житиях»?!

Начало жизни — грех. — вот философия наших времен. И что влечет к началам жизни, названо было в средние века «демоннческим» и «демоном». «Это демоны соблазняют нас, чистых дев и чистых старцев, приобщиться к жизни, которую мы прокляли, выйдя из ее кругооборотов...»

В томительных сценах искушения, увы, не ведется никаких теологических споров: «демон» никогда и ничего не доказывает, ничего и никогда не опровергает; не поддерживает ни одной ереси, не колеблет никакого догмата. В житиях, ни в одном, ничего подобного не записано: он сияет, манит и влечет. Он только прекрасен и он только

тело, живое, блистающее, гармоннчное, весеннее; одухотворенное, но без всякого перевеса «дука над материей»; без речей, или с речами не умнее спиритических. Что же это за чикс»? Он не относится ни к какому частному, видовому, второстепенному утверждению нашей эры; он относится к коренному ее утверждению — гробу, маня перейти от него к акту, лежащему на протнвоположном полюсе смерти. «Демон телесной красоты и привлечения» борется с богом, и уже по тому одному, что в среднне века он был назван «демоном», можно заключить, что в эти века сущность святости определялась, как бестелесность, антителесность, как некоторая акосмичность, если употребить слово «космос» в древне-пифагорейском смысле «красоты», «благоустройства».

Но то, что стало «демоном» в нашей эре, до нашей эры называлось «богом». Всмотримся в некоторые подробности. Все древние религни были роматические: вместе с тем все онн — реальные. От холодного, остывшего Рима до знойной Сирин. везде солнце религии составляло жертвоприношение. Через кровь жертвы человек соединялся с Богом. Что такое кровь? Бегушая жизнь, живое. творческое, безмолвное и созидающее. Все органы тела творятся из материала крови, и кровь животного (сумма ее) есть как бы пар его образа, его же фигура, прозрачная, душеобразная. Избрать между Богом и собою посредником, вестником кровь — уже значит самого Бога представлять и чувствовать не отвлеченно, но живо, кровно, а следовательно родственно человеку. Если я пишу письмо, то посылаю его грамотному, и если в религию входит жертва, то непременно человек молнтся не понимаемому Богу, но существующему Богу, тому, который «есть», который скажет о Себе: «Я — есть», н даже в этом, на первый взгляд странном определении, выразит свою главную сущность. «Я была. есмь и буду» — стояло, по словам Платона, на статуе Нейт в Сансе (египетский город). С наших, уже бескровных, логических точек зрения, «я есмь» как бы выражает отрицание сомнения в бытин: «не сомневайся — я есмь», «не ищите меня, не пугайтесь видимым отсутствием, — я есмь, существую». Между тем для народов, имевших жертвоприношения, ударение в этой формуле стояло не так: «существо я есмь», «сый я есмь», «вечно сущий, живый — как жива кровь, через которую ты ко мне относишься, и живый именно в крови, вечно гонящий кровь, струящий жизнь мира, нерв мира». Живого нельзя не бояться; это не просто сумма мненни теологов. Все древние народы, жертвоприносившие, трепеталн Бога реально, невольно, неудержимо, как и любили его сыновне, реально же, и вернли ему реально, как сын не может не верить в бытне отца своего, хотя бы никогда его не видел. Где были жертвы. — теизм был реален и неугасим. Теперь второе наблюдение. От Грецни до Вавилона, до Египта звезды были разделены на группы, обведены фигурамн — животными: вот подлинные боги древности, эти небесные животные! — и дева, н козерог, и близнецы, медвелица, лев, дракон. У Геродота записано, что в каждом египетском городе почиталось свое животное, так что в сумме египетских городов почнталась вся сумма известных египтянам животных. Они же приноситись в жертву, онн же были брошены на небо — уже в каком-то новом смысле. Животное — предмет почтення в храме, животное — под ножом жреца, животное — обведенное вокруг звезд на небе, было взято вовсе не в одном смысле, но в трех разных, однако, относнвшихся к одной метафизической загадке. «Животное, жизнь — непостнжимо, тут и земля, тут — и небо; и персть, красная глина, — и дыханне Божие; его плоть я вкушаю, но пар его, но дух его улетает в небеса, — н вот отчего я тоже н молюсь ему,» В одном атласе научной экспедицин в Египте я рассматривал рисунок красками неба: темноголубой фон — это лазурь, твердь; среди его желтые лучистые звезды — того цвета, как они видны; но каждая звезда имеет красную каплю внутри, каплю — кровн! Древние представляли небеса живыми, кровавыми, туманно-животными, парообразнодуховными. Иначе невозможно истолковать, для чего на рисунке центр звезды представлен пурпурно-красным. Лермонтову померещились невесты. когда таких звезд не видит наш глаз, ничего подобного не видит! В астрономических атласах и до сих пор вся древняя религия.

Но ведь для этого есть основание, нбо звезды в самом деле романтичны, а любовники все и до сих пор великие звездочеты, звездо-мыслители, звездо-чувственники. Пусть кто-нибудь объяснит, отчего влюбленные пристращаются к звездам, любят смотреть на них и начинают иногда слагать им песни, торжественные, серьезные.

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, И звезда с звездою говорит... -

как написал наш романтический поэт, которому мерцала любовь и в дубовом листке, и в утесе, мерцала при жизни и за гробом. Отчего, в самом деле, полководцы и солдаты, накануне битвы, накануне возможного смертного часа, не взглядывают на звезды? Звезды — кровавы, как рисовали их египтяне, а

В крови горит огонь желаний.

Между животными глубинами нашего «я», откуда как бы там ни было, во всяком случае, распускается цветок любви, и между звездами есть какое-то родство, близость, телепатическая связь, незримая и, однако, действительная. И потому, влюбляясь в юношу, девушка параллельно чуть-чуть влюбляется в звезды, кидая из четырех взглядов три — на него, а четвертый — на них, но тоже любующийся, но тоже влюбленный. «Ты загляни в мое сердце, звездочка, и что там увидишь — скажи возлюбленному, шепни в ночи или нарисуй мой полный образ ему в сновнденни.» Никогда ведь не было разгадано и явление сомнамбулнзма (лунатизма): луна что-то показывает спящему (не в буквальном смысле, ибо глаза сомнамбулиста бывают открыты), чего никто не видит, и он следует указанию, идет, не оступается, забыв, не чувствуя весь реальный мир. А когда просыпается — ничего не помнит. То есть лунный мир и здешний, лунные образы и здешние не имеют общего между собою ничего, не имеют моста между собою. Именно луну древние и называли «астартой», в то же время изображая ее в виде прекрасной девственницы. И до сих пор эта «астарта» является как девственница отшельникам, и как луна — водит за собою сомнамбулистов, посылая им небесные усыпляющие пассы через столько миллионов верст. Ведь если она на душу действует, внушая ей сны, давая образы, усыпляя, — то она действует, как гипнотнзер, т. е. не только как человек, но как человек еще хитрый и могущественный. Древние дети и воскликнули: «Это — бог! это небесная девственница». Диана (в Греции), Астарта (в Финнкии), Милитта (в Вавилоне). Изида (в Египте). Бог знает, в подробностях, что они думали: мы перебрасываем мостик от заметного и нам в явно бывшему там.

Религин были тогда реальные, романтические, кровавожертвенные, звездные. Они были метафизические, в противоположность только моральной, какую знаем мы. Зодиак находится во всех древних храмах; а до чего скептицизм не смел подступить к ним, видно из того, что молитвою «всем богам и богиням» Демосфен начинал политические речи, а Платон окончил некоторые из своих дналогов. Представить себе речь Чемберлена, начинающуюся словом «Бог», или Спенсера, посвящающего заключительную главу трактата молитве благодарственной об окончанин труда! Мы религиозно несравненно холоднее древних. Но если метафизика бытия составляла сущность их тензма, и святое они начинали с колыбели, то понятно, отчего храмы их были как бы прнуготовительны к любвн. Египетский храм есть имитация ночи и рощи, он полон распускающихся лилий, не в виде поддерживающих потолок колонн, но лилий — наполняющих храм, стоящих посреди его, составляющих органическую и почти главную его часть. Человек, входя в храм, входил из жаркого полудия, из рациональной суеты дня — в мнстицизм ночи, в тайну сумерек, в средоточие тех пальм, в которых нашему

...кивая махровой главою, Приветствуют пальмы нежданных гостей...

Так, вероятно, входя под необъятные своды своих рощхрамов, чувствовали и египтяне, ответно улыбаясь невестам-растениям, сочувствуя их любви, готовые сами любить, пришедшие сюда, чтобы любить. Стены храмов исписаны сценами материнства: везде — младенец, лица улыбающиеся, таинственные, как будто они прозрелн в какую-то тайну и обрадовались этой тайне. Во всей необъятной египетской живописи нет ни одного унылого лица: а уныние ведь есть печать удаления от Бога, по заключению всех времен. В вечном и никогда в человеке не умирающем чувстве любви они нашли путь к Богу, второй и параллельный жертвам. Ведь любовь — заря крови, отсвет крови, цветок из ее глубин. Мы наблюдаем в истории, что везде, где были жертвы, чтились и звезды, а любовь считалась священным состояннем, несколько как бы вдохновенным, несколько как бы пророчественным. Поразительное чувство веселости и облегченности души в древием мире, как можно думать, и происходило от того, что они, купаясь в волнах самых теплых и приятных чувств, были убеждены, что океан этих волн уже независимо от их воли катит их к Богу, к вечному «Сый», к тому, что «было, есть и остаиется». Здесь объясняется и древнее обрезание, общее евреям, финикиянам, халдеям, егнптянам. Когда Пифагор пришел в Гелиополис и стал жрецов просить посвятить его в их тайны, они сказали, что это невозможно, пока он не примет обрезания, т. е. оно у них было началом священиой науки, как у Израиля начвлом священных судеб. Обрезанне — это вариант жертв, вариант звезд; «кровь завета», взятая нз родника любви. «Ангел Исговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», говорят до сих пор еврен. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте мир: если вы проклинаете любовь, - уж прокляните заодно и травку, и листочек, ибо он все тоже любит, и звездочки, — ибо их любят влюбленные, а вместо прекрасных небесных животных изобразите на тверди небесной таблицу умножения. Но что же останется, кроме этой Геростратовой затеи и самодовольства глупца, утешающегося, что он плюнул на небо и плюнул на землю». От этой-то необходимости скалы скептицизм н не подкрадывался к ним. Начиная святое и свет с жизни, они на периферии этой категории, в нестерпимого блеска животворных лучах помещали: «тайна», «Бог», «не вемы и трепещем», а демоническое и демона, темное и отрицательное, помещали в смерть, вечный холод, небытие. Все окружение рождения им представлялось святым; и как мы кадим усопшим, возжигаем перед ними свечи, вносим тело в храм, — со своих особенных точек зрення они кадили же н возжигали свечи перед младенцем в колыбели, перед зрелищем матери, питающей с любовью своего ребенка. Во всяком случае они были чрезвычайно счастливы, хотя бы уже потому, что в каждой семье были «боги».

Сколько богов и богинь!...

Все это и продолжалось до начала новой эры. Тут вдруг один свет погас, зажегся другой. Категория правды началась с покойника. Разом хрустнули косточки «божков» и младенцев, «божков» — папаш. Изиды и Озирисы были вынесены, как погань, из храмов. А то, чего потребовали от Пифагора в Египте и о чем было сказано Аврааму: «это — завет вечный даю тебе», было объявлено ветхим, не пользующим более, ненужным, зачеркнутым, неупотребительным. Пала древняя астрология. Любовь стала физиологической, звезды — булыжниками, животные н растення — бифштексом и дровами. Поразительно, что с падением обрезания разом рушились: жертвоприношення, чувство неба, священно-трепетная семья и брак, и стала медленно и упорно угасать, погашаться любовь к летям (метафизика возникновения детоубийства). Старость, дряхлость, а еще лучше — раны, а еще того хуже гроб вызвали поток спвершенно нового умиления, и образовалось другое небо, полное другими небожителями. Не только у евреев, но в Греции и в древней Италии, человек, прикоснувшись к покойнику, считался нечистым или «оскверненным» до конца дня: нбо в нем — жало смерти, гниение, хвастовство и самоупоение дьявола. Но все это прошло. Какой критерий перемены — этот труп! Перед ним сталн воскурять фимиам, возжигать свечи, стали ему немножко поклоняться, — этого нельзя скрыть! Ибо кто уже не романтичен, — то это труп! Туманные образы юношен и дев, навеваемые «луною» лн «астартой», или «звездами — воннством небесным» (выражение о звездах Библии), в объятия которых в древности радостно шли, теперь ствли пугать, названы были «соблазнителями». Ведь они уводят от смерти, коренной святости, в жизнь, главный грех. Но вот что замечательно: в новой эре их столько же яаляется. И в средние века не менее было сожжено девушек на кострах за сношение с «духами» («колдуньи», «succubi» и «іпсиbі»), сколько в древности было прославлено храмами и мифами, на Кипре, в Сирин, в Месопотамии, на Ниле. Ничего не умерло, переменились только эпитеты «злой», «добрый».

Лермонтов в «Демоне» в сущности написал один из таких мифов. Все равно, если он ничего не знал о них, — это атавизм древности. В древности его стихотворение стало бы священною сагою, распеваемою орфиками, представляемою в Элевзинских таинствах. Место свиданий,

монастырь уединенный,

куда отвезли Тамару родители, стал бы почитаемым местом, и самый «Демон» не остался бы с общим родовым именем, но обозначился бы новым, собственным, около Адониса, Таммуза, Бэла, Зевса и других.

До какой степени это так, можно подтвердить одним подробным рассказом Иосифа Флавия о случае, имевшем место в Риме, во времена кесаря Тиверия. Вот этот рассказ. «В Риме жила одна знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, краснва и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулину нельзя было купить подарками, то Деций возгорелся еще большим желанием обладать ею и обещал, наконец, за одно дозволенное сношение с нею заглатить 200 000 аттических драхм (на наши деньги 50 000 рублей). Однако он был отвергнут, и тогда, не будучи далее в силах переносить муки отверженной любви, решил покончить с собою и умереть голодной смертью. Он не откладывал в долгий ящик этого намерення и сейчас же приступил к его исполнению. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенинца отца его, некая Ида, женщина, способная на всякне гнусности. Видя, что юноша чахнет, и озабоченная его решением, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения, доставит ему возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм. Получнв от Мунда эту сумму, она пошла нною дорогою, чем он, ибо знала, что Паулину за деньги не купишь. Зная, как ревностно относится Паулина к культу Изиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем и остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиною. Жрецы, побеждаемые громадностью суммы,

обещати свое содеиствие. Старший из них отправился к Паулине и просил у ней разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все даери. Затем были потушены огни и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночн, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем вошли жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис, и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумляясь необычайности событня, но и не могли не верить Паулине, зная ее порядочность. На третии день после этого она встретнлась с Мундом, который сказал еи: «Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждаться, а потому я прикрылся именем Анубиса». Сказав это, юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей гнусности и просила помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее сообщил обо всем императору («Древности иудейские», кн. XVIII, гл. III, 4). Жрецы и служанка былн распяты, храм разрушен, Мунд отправлен в ссылку.»

Наказание — страшное, оттого и цена была велика. Что же это такое? Миф в действии, миф с подлогом. Было элоупотребление. Но чтобы элоупотребить чемнибудь, иужно иметь то, чем злоупотребляешь. Подделать фальшивую ассигнацию можно только тогда, когда есть настоящие и когда настоящие внушают веру, имеют ход. Миф древний есть то же, что сказание о «соблазненни» в житиях, и как под вторыми есть общирная философия, была она и под первым. Что же это за философия? Да то, что Достоевский и выразил формулою: «Боги сходили на землю н роднились с людьми». Паулина — редкая из римлянок, особенно того испорченного времени. Но ни ее, ни ее мужа не оскорбляет требование в храм. «Наша любовь с тобою, Паулина, - не уличная любовь, не нравы этих Мессалин. Мы возвысилнсь в ее строгости, в ее ощущенин, в верности друг другу не только физической, но и мыслимой, и наконец в миловидной грации, — до звезд, до Зодиака. Вот одно из зодиакальных животных, сам Анубис (он изображатся в виде шакала, это — «созвездие Пса») спускается к нам и хочет соучаствовать нашему браку, сделать тебя небожительницею. Спеши же, спеши и радуйся!» Не это, но что-то в этом роде мелькало у древних.

Поишем аналогий, не поступаем ли иногда так же и мы. Мы уже не умеем любить, мы уже любим, как кухарки и нзвозчикн. Но мы мыслим, как боги (наука). И вот, эту возвышенную мысль, которая нам удалась, мы без трепета переносим в мир, возносим к Богу, не страшась что-нибудь замарать ею: «Мнр мудр», — говорим мы и не оскорбляем этим ни мира, ни нашего разума. «Небесный ум», — говорим мы о Ньютоне. Но почему наша жизнь, бытие, ролники бытия н, в частности, рождение ниже мысли? Неужели рождающийся ребенок не лучше всякой книги, заключая в себе живую и трепещущую мудрость, яркую и поразительную красоту, глубину неисчислимых возможностеи? Почему же бытне свое, нерв свой, роман свой тоже перенеся в мир, не сказать: «Мир мудр и жив, мир романтичен. нервен, богат нервами, но не иашими, а утончениейшими, сокровеннейшими, невидимыми, но имеющими кое-что общее н аналогичное с нашнми нервами, и чрезвычайно могущественными». Ведь ум же сам по себе бессилен, песчинки не созидает, а перед нами — бытне, золотой песок звезд в тверди небесной! Мышление нашего ума, открыв конические сечения, открыло в них вместе и круги вращения светил небесных. И в небесах геометрия! «Но также и в небесах любовь, как у Паулины и Сатурнина, но еще лучшая, еще возвышеннейшая, еще глубочайшая. Кто знает, не небесные ли конические сечения родили в человеке отражение свое — мысль о конических сечениях, и не романтизм ли небес рождает нашу малую любовь? Если так, построим храм чудесному чувству, пойдем туда, чтобы удивляться, благодарить и счастливствовать»

Геродот в Вавилоне видел подобныи храм. «Уцелел он до моего времени, — рассказывает отец истории. — Посредине его стоит массивная башня. Над этой башней другая — уже, и так далее до восьми. Подъем идет кольцом вокрут всех башен. Поднявшись до середины, находишь там место для отдыха со скамейками. На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое, богато убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого кумнра, однако, в храме нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, за исключением одной только туземки, которую выбирает себе божество из всех женщин. Так рассказывали мне халдеи.» Почти можно нллюстрировать строфами из «Демона»:

Лишь только месяц золотой Из-за горы тихонько встанет И на тебя украдкой взглянет, — К тебе я стану прилетать; Гостить я буду до деиницы И на шелковые ресницы Сны золотые навсвать...

«Халден же говорят, чему, однако, я не верю. будто божество само посещает храм и почивает на ложе. Нечто подобное таким же способом совершается в египетских Фивах, по словам египтян; и там будто бы ложится спать женщина в храм Зевса Фивского, как здесь, в храм Зевса-Бела, причем и вавилонянка, и фивянка не имеют, говорят, вовсе сношений с мужчинами. Подобно этому в Лидии в Патрах пороицательница, если только она бывает, потому что оракул там не постоянный, запирается по ночам в храм» («История», кн. 1, гл. 181).

Вот как это было всемирно в религиях порядка «сыи», «я есмь»; но ведь и в самом деле, если геометрия есть в небе, почему не быть там какой-то далекой аналогин земных, физиологических, метафизических влечений?! А если там есть далекая аналогия романа, то оно может не только бросать сюда на землю и зажигать в нас любовь, но и внушать поэтам мифы, песни, стихи — подобного же сюжета, «Все, что есть в моем сердце, - есть и в небе, но огромненшее, чудеснейшее, святейшее.» Оттого философы зовут человека микрокосмом, «малым, но целым миром». А более дорогое слово нам говорит, что мы «образ и подобие», т. е. земной и тусклый, не проявленный дагерротип Того, Кто «есть, был и будет» нечен и не причастен смерти. Вот отчего, когда сотворился человек, то и оказалось, что «мужчиною и женщиною сотворился он», т. е. сотворился романтичным. Этого и понять нельзя без романтизма в том, с кого сделан был дагерротип.

Публикация С. М. СЕРГЕЕВА

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

В сумерках просвещения

Наше время, как и всякое иное, рождает свои словесные устойчивые выраження, быстро окаменевающие, становящиеся штампами и, следовательно, теряющие дажв ту новизну, что вначале убеждала своей свежестью - даже если доля истины в них была невелика. А нынешняя эпоха летит такой сверхскоростной лавиной, что в кратчайший срок нам становятся очевидны пустоты и беспочвенность большинства подобных клише, еще вчера приятственных нам своим «лица необшим выраженьем». Вот одно из таких наших невольных (верней, недомыслием рожденных) и действительно вчерашних заблуждений, которое высказывалось чаше всего так: дескать. какое счастье — к нам возвращаются золотые имена творцов поссийской духовности, долгое время бывшие в заблении и под запретом: к нам возвращаются бесценные кладези отечественной подлинной культуры. И так двлее... К нам возаращаются...

Эффектно — и нелепо, неверно по самой нравставино-исторической логике. Кто к кому возвращается — блудный сын к отчему дому? или наоборот? Согласно новоявленным клише — второе. А ведь это мы возвращаемся в святоотеческий храм веры и красоты, из которого были изгнаны либо сами себя изгнали. Это мы приходим к истинности российской, к своему Глаголу, это мы, заблудшие дети, идем на свет. зажженный творцами нашей словесности и философии, идем сквозь застоявшиеся потемки обскурантизма и чужебасия и поражаемся: какие ясные и точные ответы находим мы при этом свете, рожденном многие десятилетия, а то и века назад ответы на те болевые вопросы, что рождены нашим часом и мы поражаемся тому, как пламя старинных свеч духовных убивает и разгоняет соблазнительные химеры и призраки. ВОСХОЛЯЩИЕ ИЗ ИСПАВЕНИЙ НАШЕЙ СИЮМИНУТНОСТИ. ИЗ СЫТЫХ уст новоявленных «столпов», «архитекторов» и прочих вождей «прогрессизма»... И, читая созданное страстотерпцами и подвижниками Русской Думы в двание дни, мы не перестаем повторять: сказано — как сегодня. Не потому ли теперь почти не астретишь не то что литературно-философской статьи или просто рецензии, но даже и опуса на хозяйственно-экономическую тему, где в том или ином контексте автор не ссылался бы то на Н. Федорова, то на В. Соловьева, то на отца С. Булгакова... Есть в этом, конечно, и дань моде, и желание блеснуть свежеприобретенной эрудицией, и асякая прочая суета, кото-DVЮ МОЖНО НАЗВАТЬ «ИЗДЕОЖНАМИ ВОЕМЕНИ» — И ВСЕ-ТАКИ здесь надо видеть прежде всего доброе знамение времени а не его издержки. Ведь и впрямь божественное удивленне Охватывает При чтении страниц вновь открываемого нашего наследия: даже, казалось бы, сугубо спиритуальные и теософские откровения «без промаха» высвечивают еще не ясные для нас черты в рельефе нашей действительности.

Но даже и в космосе этого провидчества есть звезда, свет которой исполнен особо разительными прорицаниями — такими, что временняя условность, дистанция меж временем их рождения и меж нашими днями начисто снимаются, не существуют. Слова писателя-визионерв в самом буквальном смысле «накладываются» на плоть часа идущего, врастают в нее словно кровеносные сосуды. Речь идет о творчестве Василия Розанова (1856—1919).

Читаешь — поистине: хоть плачь, хоть смейся, о быте ли говорит Васильй Васильёвич, о литературе или об истории. Любое положение и сегодна может вызвать гнев у одних, ярое одобрение — у других. Берем наугад из «Опавших листьев»:

«Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер...»

Вот н еще кое-что о нынешнем климате:

«Больше любан; больше любан, дейте любан. Я задыхаюсь в холоде. У, как везде холодно!»

Или — о том же, но более определенно:

«В революции нет радости. И не будет. Радость — слишком царстаенное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея».

Ну, ладно, с таким-то мнением, хотя и без особого востор-

52

га, ныне согласятся и прежние ортодоксы «аеликих потрясений», и новообращенные «радикалы»: приверженцем братоубийственных кровопролитий и терроре не хочется выглядеть

в глазах людей даже тем, кто в глубине души своей не прочь был бы поиграть с динамитом или, по крайней мере, кто тянется к «жестким методам». Но вот утверждение, которое, прозаучи оно сегодня из уст писателя или общественного деятеля, тут же навлекло бы на него гиев «митернационалистов» и сторонников «всеземного сознания»; ватора мгновенно заклеймили бы как «черносотенца», «шовиниста» и... (прочие ярлыки нам хорошо знакомы). Но В. В. Розанов осмелился высказать его в годы, когда само понятие «любовь к России» становилось синонимом реакционности среди «свободомысляшего общества»:

«Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, даже порочна. Именно, именно, когда наша мать льяна, лжет и ася запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когде она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть один кости, тот будет «русский», кто будет планать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...»

Жестокие в своей правдивости слова, — и мы сегодня хорошо себе можем представить, почему в годы меж двумя русскими революциями подобные взгляды В. Розанова вызывали не просто отчаянную критику и неприятие даже со стороны наиболее прозорливых («Грядущего Хаме» предвидевших) его друзен и коллег-единомышленников — почему состоялось подлинное «отпучение» этого уднаительного писателя от цеха изящиой российской словесности... К слову сказать, и до этого печально-позорного событня репутация этого праведника в литературном мире была, как ныиче принято выражаться, весьма неоднозначной; как только не называли его и «справа», и «слева», каких только ярлыков не клеили: и литературный фринк, и «русский ницше», и лукавый любитель пврадоксов, и беспринципный реакционер, и еретик, и... стоит ли продолжать, он действительно пришелся «не ко двору» всем тогдашним «лагерям» и «течениям». Ибо как, пожалуй, никто из творцов отечественной общественно-философской мысли того времени, он, во-первых, хотел, во-вторых, мог, а в-третьих, был самим собой. Иной образ бытия в слове и в жизни был для В. Розанова немыслим. Подобное, будем откровенны, ни в каком обществе не приветствуется и понимання не астречает. Сегодняшнее — тому вящее подтверждение...

Вот и ныне любитель усгранвать «помники по советской литературе» (а попросту говоря — замазывать дегтем все достояние духовности, созданное у нас за семь последних десятилетий) Виктор Ерофеев не может удержаться — в своем предисловии к книге В. В. Розанова «Несовместимые контрасты бытия», вышедшей недавно в «Искусстве», — от новых ярлыков, хотя и употребляет их в «позитивном смысле». Автор этой кинги, по его мнению, был и «тонким и удачливым провокатором», и проповедником «сладостного эксгибиционизма», и, наконец, писателем, предавшим проклятию все русское вообще, Россию и ве народ — ибо они, якобы, проявили свое несоответствие «мифу», им, Розановым, создвиному. Словом, духовидец и один из столпов патриотической гуманитарности зачисляется таоретиком нашего доморощенного «авангардизма» в свои «предтечи», в отрицатели чувства отечественности... Конечно, в нашей стране посмертная судьба правдолюбца и прорицателя редко бывает легче прижизненной, но когда действительно саврхсамобытностью и оригинальностью слособа выпажать себя мыслитель становится и выше, и еще точнее — «вне» всяческих флангов политизированной действительности, вне так называемой «партийности», даже если она эстетическими полотинщами драпируется, — тогда... тогда и через десятилетия несладко будет его душе от различных «толкователей» его наследия. На одно обрубят в нем, так другое, не другое постараются замолчать, так третье. Если ерофеевы и ижа с ними «опустят», работая с розановскими текстами, вот таков, например, утверждение: «Вовсе не университеты вырастили нестоящего русского человека, а добрые безграмотные няни», то их единомышленникам-публицистам (особенно из «парламентских сфер») очень не по нутру придутся «антилиберальные» высказывания писателя, вроде: «...«прогресс» и «либерализм» есть английский чемодан, в котором «все положено» и «все удобно»... Либерал красивее издаст «Войну и Мир». Но либерал инкогда не напишет «Войны и Мира»: и здесь его граница». Но — сколько же у Розанова есть страниц, от коих в артистическом отвращении скривятся наши пышнобородые свеженспеченные неофиты славянофильства (из вчерашних комсомольских функционеров), новообращенные приверженцы православия, смертным

грехом почнтающие любую скептическую ноту в отношении Церкан и ее служителей.

Очень трудно Василию Розанову в наши дни: сегодня его необычность стала еще более очезидной, его провиденциальность в глазах нынешних читателей играет всеми оттенками «злобы дня», жаждущие коммерческого успеха (и спреведливо жаждущие) кингоиздатели выпускают одну за другой его кинги, и происходит это самое, печальное «усекновение» его философии, разрывание его наследия на части различными комментаторами согласно своим вкусам и политическим убеждениям. Надо признать: ин К. Леонтьева, ни В. Соловьева, ни С. Франка, ни одного из слевных творцов отвчественной духовности прошлого и нашего веков, к которым мы возвращаемся, такая судьба не постигает, восприятие теорений наждого из них становится — продолжает быть — целостным. Но и то сказать: создатель «опавших листьев» «Уединенного» сам в том повинен, сам дал все предпосылки для такой своей судьбы, и прижизненной, и посмертной.

Ибо дейстантельно — ни в чем и ничего не стеснялся. Ибо и впрямь, ериичеством, озорством, удельством, даже ухерством, как соком солнечным, проиизаны многие его страницы, и блистательными «общими местами навыворот», и россыпями всяких «сумасшедшниок», где отвлеченно-философские положения перемежаются с «гербарно»-физиологическими наблюденнями (к которым и мы лишь недавно поневоле стали привыкать). Вызывающие, оскорбляющие «приличный» акус и «утонченный» слух дерзости...

И — самый главный парадокс: ничего этого нет у Розанова. Верией, есть только тогда, когда мы подходим к нему, как в известной притче слепцы и слону: каждый трогает наощуль какую-то отдельную часть — и слышатся ярлыки, ныне, как прежде. А Василий Васильевич Розанов был уникально целостным явлением жизни, явленной в Слове.

Он был... конечно, многим он был: литературным критиком. эссвистом, публицистом, историком, философом. Но прежде всего - Учителем.

Учителем — и в первозданно-изначальном, библейско-античном смысле этого слова, и в буквальном, профессиональном: лучшие годы жизни были отданы преподавательской работе в провинции (в частности, в той Елецкой гимназии, где учениками тогда были И. Бунии и М. Пришвин) и в Москве. Но прежде всего сущность жизиедеятельности В. В. Розанова следовало бы обозначить так: Просветитель. Ведь это и по корневой, и по бытийной сути понятие гораздо более родственное своему исходному — Просвещению, — нежели иынешнее ведомственно-вульгарное «просвещенец» (как тут не аспомнить солженицынский гермин «образованец»). Просвешение. Просветительство. Вот то, что было н поприщем писателя Василия Розанова, и самим духовным космосом его творнеского бытия. Системой — и в этой системе крупные звезды живут воедино и со слепящими метеоритами и со звездной пылью: нет ничего случайного и лишнего. Да, не монолит, но - пространство с мириадами лучей, где основа света невероятная, невыносимая боль, рожденная тревожными пророческими предчувствиями, страхом за угасание русской духовности. Сумерки просвещения...

Нет, не только тревогу за возможную грядущую гибель отечественности вложил В. В. Розанов в название одного из своих важнейших многочастных сочинений — «Сумерки просвещения», название, ставшее заглавием книги его работ, которвя недавно выпущена издательством «Педагогика» (и которая побудила меня обратиться и этим заметкам). Это труд, конкретно и детально касающийся собственно педагогики, проблем народного образования в России начала XX века проблем, дейстантельно мучавших писателя как профессионала — как просветителя. Возьму на себя смелость сказать, что именно из зтих тяжких раздумий, из мыслей над тем, как образовать русского человека — и как образовать его именно русским — вырастала главная дума Розанова-философа. Розанова-психолога. Конечно, этой своеобразнейшей философии не было бы ни без К. Леонтьева, который явился подлинным духовным наставником писателя, ни — что, может быть, не менее важно, без работ великого русского филолога Ф. И. Буслаева — прежде всего, без того анализа, который был дан этим поборником отечественной культуры «Повести о Горе и Злосчастии...», незадолго до того открытому памятнику-шедевру старорусской словесности. Здесь необходимо привести одно из важнейших и нанболее определяющих (для «генетики» розановского творчества) положений, которое дано в послесловии к книге «Сумерки просвещения» ее составителем, современным литературоведом и прозаиком В. Н. Шербаковым. Он лишет, касаясь работы Ф. И. Буслаева: «Ученый обнаружил, что общим философским направлением всей русской литературы является преимущественно непрваление учительно-просветительского херактера. Именно к этому направлению позже, т. е. спустя двадцать пять лат, и применет только что появнашийся на свет Божий Розанов»...

На первый взгляд, ничего особенного, ничего секраментального нет в этом определенин: но тут тот самый случай, когда чем более просто звучит истина, чем естественнее она — тем труднее воплощеется она в явь, тем больше копий вокруг нее ломается (да и головы летят нередко). В. Розанов увидел, что мгла грозит затмить свет в образовании духовном, поглотить просвещение, ибо в государствениой системе воспитания нет системы человечной и национально-означенной культуры. Из нее исключена собственно душа русского чеповека. Этот педагог и литератор был одним из первых, кто обратил внимание нового общества России на изначальный смыся поиятия «культура» (от латииского корня — «возделывать», «развивать», «обрабатывать», а затем уже «чтить», поклоняться тому, что воздельно). Это вовсе не отвлеченная семантика: острота вопросов, поднятых в «Сумерках просвещения», ныне стала для нас стократно более ощутимой. Вспомним розановское восклицание о холоде от безлюбия; «культура начинается там, где начинается любовь», пишет он в своем педвгогическом труде. Раньше, чем ряд западных мыслителей, он разделил современное ему образование на три «этажа», три сферы: высшую — мудрость (собственно культуру), затем — знание и наконец низшую — информацию. Система просвещения сведена до уровня получения людьми информации: вот исток духовной мглы, по мнению Розанова. Вместо философии духовного воспитания — «учебно-воспитательный процесс». Боже, как все это нам знакомо...

«Кого не поразит, что, так много учась, так тщательно учась, при столь усовершенствованных дидактике, методике и педагогике, мы имеем плод всего этого (новый человек) скорее отрицательный, нежели положительный. Забыта именно философия воспитания; не приняты во внимание, так сказать, геологические пласты, коих поверхностную пленку «наземв» мы безуспешно пашем», — говорит автор «Сумерек просвещения». И нельзя не согласиться с автором послесловия: «Написано это было в 1899 г. 21 января. Однако и до сих пор наша современная педагогическая наука во многом еще продолжает безуспешно «пахать» пока лишь поверхностный слой донам совлиего и высшего образования...»

И со всеми свойственными его натуре язвительностью, скепсисом, юмором и иронией обрушивается Розанов на современных вму изготовителей «информации», на тех, кто своими словесами и деяниями стремится подманить почву российской духовности «наземом», кто поверхностной «цивилизацией» и ипрогрессизмоми уводит новые поколения от подлинной, от родной, от тысячелетней культуры. Эту, все растущую пропасть в бытин общества и народа он ощущал поистние с физической болью, выплескивавшейся на многие страницы его творений, и журналистских, и философских. «Все реальность — в одном! Все и деология — в другом! Непреодолимов раскождение! До отвращения, до крови!» - восклицает он в «путевом» эссе «Русский Нил». Вот истинивя почва нынешней актуальности розановских сочинений: все то же расхождение (в жизни страны нашей, в бытии россиян) между прежними и новоявленными «идеологиями» — и между естественными законами и устоями отечественной культуры и действительностн... Первые не ведут никуда, кроме как к духовному разложению, к «великим потрясениям», говоря словами другого великого россиянина.

Мои размышления — не рецензия на новую книгу, аключающую в свбя еще одну часть наследия В. В. Розанова: оно действительно громадно, писатель отличался невероятной работоспособностью и плодовитостью, и, вероятно, лишь некое многотомное избранное даст исследователям и читателям возможность усвоить органичность философии этого подвижника, внутрениее единство множества ее ликов, граней и ипостасей — столь противоречащих, на первый взгляд, друг другу, что и люди, жившие с ним в одно время, звалн его то «самым интересным человеком современности», то «Иудушкой Розановым», и нашн нынешние комментаторы «разрыввют» его наследие на части. Но из всех изданных в недавние годы книг Розанова «Сумерки просвещения» тем отличаются в свмую добрую сторону, что и содержанием, «внутренним сюжатом», и тонким, «понимательным» (термин Розанова) анализом, данным в послесловни, этот сборник впервые дает своего рода ключ к целостному и органнчному восприятию одного из христианнейших русских писателей. И — ключ к пониманию как истоков его оригинальности, так и — его трагедии, прижизненной и посмертной. Читая книгу, мы впервы в сможем ощутить и то, почему поборники и служители православия звали творчество ее ватора «дьяволиадой» и всерьез готовили его отлучение от Церкви. И уж, разумеется, ощутим трагизм его финала — не просто физическую смерть от голода в 1919 году, в Сергиевом Посаде, — но удушение человека

теми ядовитыми джунглями революционного варварства, что и взросли на «наземе» — убиение русской души, которое он столь остро предчувствовал. И тут я не могу не обратиться и едав пи не самым «сверхактуальным» страницам книги, на которых выплеснуты эти предчувствия — к очерку «О картине И. Е. Репина "17-е октября"». Размышляя у полотна великого передвижника, где изображен один из трагичнейших (в своей обмаиности, в посеянных зернах грядущих обманов и потрясений) дней нашей истории, Розанов создает поистине политикофилософскую поэму — донельзя пророческую по отношению к нашим диям, к «митинговой перестроечиости», - я приведу лишь самые красноречивые и знаменательные ее штрихи.

«Жидовство, сумасшествие, знтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек - вот что сплело нашу революцию, понесшую красные знамена по Невскому... — так комментиоует дело И. Е. Релин в выставленной им большой картине .17 октября 1905 года"...» — так начинает свой очерк Розвнов. А далее — даются описания «даижущих сил» грядущего разрушения: «вождь», одержимый «бесовщиной» маньяк, переживающий звездный час своей античеловеческой жизни, ошалеашие от своей «раскрепошенности» (вадь ни классов, ни скучных лекций!) гимназисты и студенты, «закружившаяся» от сознания своей юности курсистка-провинциалка. А даль-

«Впервые из картины Репина, столь разительно истинной по зарисованным лицам, я увидал, что «евреи в революции», в сущности, не ведут, а именно идут за сумасшедшими мальчинами но полбавляют и их энтузназму хитрую технику, ловкую конспирацию и минмо-научную печатную литературу. В революции, как и везде, евреи ие творцы. Творит, выдумывает и рается вперед арийская кровь. Это она бурлит и крутит воду. А евреи «починщики часов», как и везде, с мелкоскопом в глазу, и рассматривают, и компилируют подробности ...и «организацию» забастовки...» Под пером писателя оживают другие герои релинского полотив, например, чиновник, бессмысленно просидевший десятилетия в конторе и «выход» находивший в чтении «либеральной» литературы — и вот ему кажется, что сбываются его лучшие менты. Но! - подчеркивает Розанов, — но: «еврею есть дело до «сегодняшнего дня» и иет дела до России. Чиновник — русский идеалист-патриот; это тот патриот, который ждал и не дождался реформя...

Не знаю, кому квк, но мне, повидавшему за последниа года полтора целый ряд демонстраций и митингов, организованных нашими «демократами» и «прорабами перестройки», показалось: не о картине Репнив говорит Розанов - он живописует эти нынешние «акцни». Всё и все отражаны писателем, что наличествует в бузящей, безумствующей «улице» наших дней: и «быдло» революции, ее «пушечное мясо», обманутые трудовые люди, готовые и на голодовку, и на жартвы, и геррористы, и даже — вот еще одно из удивнтельных «сближений» в пространстве русской истории — даже «общественный деятель», «человек 60-х годов...» Знакомые все лица...

«Его картины, — пишет художник слова о художника киси, — и великолепная опера, и «тайное следствие» о том, что было и что есть на Руси». И — что будет, можно с полным правом добавить сегодия, то есть — что происходит в наши драматические дии. Это — и судьбе творений Василия Розвнове...

И не потому ли — заметим в скобках — не потому ли во времена нашей своеобразной «гласности» гениальное полотно Репина до сих пор скрывается от народа, не потому ли его прячут бог весть в каких «подвалах» наши «архитекторы либеральных перемен», что, увидев эту картину, люди нынешние, как в зеркале, увидели бы н свою трагедию часа идущего. И — опасность того, куда может привести нынешний «революимонный зитузиазм».

Нет, не для осуждения «улицы» привел я в финале своих заметок строки на провидческого пронаведения В. В. Розанова. И не для того нам гегодня надо возвращаться к его творчеству, чтобы порицеть тех или иных своих соотечественников. Сказал же он сам: «Может быть, народ наш и плох, но он наш наш народ, н это решает асё».

И в этих словах — тоже ключ к пониманию трагедии Розанова. Той трагедни, которою он предупреждает нас сегодня, заставляет прежде всего задуматься о самих себе, о своем духовном спасенни, и отвратить себя от возможной и уже наступающей Смуты...

АНАТОЛИЙ ЖУКОВ

Осенние песни о весне

Ш

Отвега из Дубоссар не было, хотя после моего письма прошло уже больше недели. Домашние заметили, что я каждый день придирчиво спрашиваю, иет ли писем, и успоканвали: никуда он не денется, твой Николай, не для того объявлялся. Любопытство, что ли, разбирает? Так вряд ли будет что-то любопытное: тоже, наверное, постарел, посивел, о пенсии думает, если еще не вышел...

Да, если все время оставался в армии, то календарные двадцать пять давно прошли. Но мог ведь и не остаться. В конце пятидесятых Хрущев проводил сокращение армин на одной нолько гордости: вы хотите заменить иас ракетами? — счастливо оставаться!

Если не ушел, интересно, куда распределила его судьба: в строевые командиры, в политсостав или в военврачи?

Медицина привлекала его, как нашу Люду, с детства, но детские мечты редко сбываются, хотя медучилище он окончил блестяще, на младшего лейтенанта аттестовался тоже как военфельдшер, дальше ступеньки прямо в медицинскую академию. Встал ли он на эти ступеньки? В пятьдесят пятом году он писал мне в совхоз, а через год рассказывал лично, что зовут на политработу, но он сильно колеблется: не лежит душа, не в его характере. В строй еще, при крайней необходимости, можно, а «помпой», ты знаещь, нет...

Я знал честолюбивую натуру Николая, знал, что не может он быть вторым человеком. — только первым. Пусть лишь в своем батальоне, в роте, во взводе, в одном своем отделении, наконец. Но только первым.

В редакции тоже заметнли, что временами я отключаюсь — за письменным ли столом, во время ли летучки, общего собрания или даже при малолюдной беседе.

 Ты где? — спросит внимательный приятель с улыбкой.

И я не сразу пойму его, а когда наконец дойдет, тоже улыбнусь:

— Да вот, понимаешь, опять служу в армии...

А-а, значит, помолодел после юбилея.

 Помолодел. Еще один юбнлей, и почувствую себя в начальной школе, если не в детсадике.

И все же что-то такое было. Вместе с открыткой Николая пришли во всей наивной восторженности и чистоте армейские годы, как живые встали рядом сослуживцы, и штабные, и строевикн. А сколько вспомнилось солдат! И самые дорогие, конечно же, солдаты нашей батареи, где я был старшиной. Но это уж во вторую половину службы, а первый год тянул как бы две лямки: военную и гражданскую — учился в заочной школе.

Эта школа выматывала из меня все силы, почти не оставляя времени для отдыха. После отбоя, когда вырубали свет, я пробирался в ленкомнату или шел на пост дневального, а утром вскакивал невыспавшийся, с пудовой головой. И в выходные не отдыхал — все увольнения уходили на консультационный пункт. До города на попутной машине — час, да обратно столько же, включая

Продолжение. Начало в №№ 5, 6/1991.

время ожидания. Половины увольнительной, считай, нет. В оставшиеся два-трн часа я никогда не укладывался и обратно пробирался городом как вор, чтобы не нарваться на патрули. Часто удавалось, но, бывало, и попадался. Тогда никакие уговоры не помогали — сразу гарнизонная «губа», звонок в твою часть, обычно вечером, и на другой день тебя заберут свои. Если успеют. Всех задержанных обычно отправляли за город грузнть камень у берега Ингула, где минеры его добывали. Взрывчаткой, разумеется.

От своей гауптвахты, по возвращении из города, меня спасал подполковник Леонов, хотя каждый раз выговаривал: «Ты у меня доучишься до штрафбата, мазурик!» — «Их уж нет, товарищ подполковник». — «Ну дисциплинарные батальоны есть, какая тебе разница». Но каждый месяц спрашивал, все ли контрольные я сдал, нет ли «хвостов», нужна ли помощь.

В своем воинском званни он сильно засиделся, и когда был не в духе, ворчал:

«Товарищ подполковник, товарищ подполковник! Я уж десять лет как подполковник!»

Было ему около сорока лет — по тогдашним моим понятиям, старик, — до воины он успел окончить художественное училище и несколько курсов института, немного поработал художником-оформителем, а потом фронт, раненне, госпиталь, офицерские курсы после госпиталя и стремнтельный взлет по службе. В один год он с первой офицерской ступеньки вбежал до подполковничьей, но дальше ступеньки для него кончились — нет военного образовання. Трехмесячные курсы младших лейтенантов не в счет. Учиться бы, да теперь поздно, а сразу после войны помешала семья.

Женился он на однополчанке-связистке, лет на пятнадцать моложе его, сразу пошли дети, не до училищ, и время, по возрасту уже предельное, оказалось упущенным.

Я бывал у него на квартнре, знал миловидную его жену и веселых прелестных детей, помнится, девочек шести и четырех лет. Они так радостно его встречали, с таким обожанием — как оставишь родных малышек для какой-то учебы!

В самом конце апреля полк подняли по боевой тревоге, вывели в район сосредоточения, где были другие части нашего соединения, и объявили, что «противник» находится в районе железнодорожной станции Голта — это город Первомайск, Николаевской области, и мы направляемся на сближение с ним. Передислокация использовалась очень разумно и экономно как тактическое ученье.

И опять я невольно подивился быстроте и слаженности эвакуации по тревоге: прошло каких-то два часа, а все подразделения части, со своими пушками, САУ, минометами, тягачами, с личным оружием и запасами боепитания, с дымящимися походными кухнями, со всем вещевым и продуктовым имуществом, со штабным и тыловым хозяйством, погрузнлись в эшелон и — прощай, любимый город...

Уже на платформе я встревожился: а как же моя школа? Правда, все контрольные работы я успел сдать, но через две недели экзамены, а меня там не будет, туда не отпустят.

«Отпустите, товарищ подполковник?»

Леонов отмахнулся:

«И не мечтай! Весенняя поверка на носу, штабные и тактические ученья, а тут еще передислокация! Неизвестно, что там, в том Первомайске, не к теще на блины едем. И офицерские семьи вот остались пока здесь. Когда за ними выберемся?..»

В Первомайск приехали в тот же день, выгрузилнсь. Городок небольшой, тихий, спрятался, как в блюде, в широкой долине двух рек — Южного Буга и Синюхи. Как раз в середине города, под мостом, реки сливаются, и во все стороны от них карабкаются из долины по косогорам белые хаты и одноэтажные особняки под красной черепицей, все в цветущих садах, больше — вишневых.

На общем построенни новый командир части подполковник Сорокин, как-то незаметно сменивший прежнего командира, горластого полковника Бабака перед новым 1952 годом, сказал, что размешаемся мы капитально и все лето, наверное, проведем здесь. Летних лагерей пока нет, обещано только место где-то в районе берегоаой части Южного Буга, за городом, у села Грушевка, — хорошее, говорят, место, живописное. Вот закончим весеннюю поверку и тогда будем уделять время лагерным заботам.

Подполковник Сорокин был чуть пониже среднего роста, плотный, рябоватый, очень спокойный. За три года службы я не слышал, чтобы он повышал голос на кого-то, и до сих пор не знаю, умел он крнчать или нет: он всегда говорил вполголоса, кратко, мало, но так дельно и внушнтельно, что его было слышно в любом собрании. Всегда взвешенное его слово было продуманным и лишенным внешней эффектности. Может, потому этот надежный человек нногда казался скучноватым. Бабак был как майский минутный ливень — шум, плеск, гром, молния, опять гром и через полчаса сухо. Сорокина можно сравнить в этом ряду с летним спорым дождем на несколько часов подряд, причем без электрических эффектов и грохота, но землю напоит досыта.

Тогда я отослал в Николаев горестное пнсьмо о потере школы, но они меия вскоре утешили: на основании контрольных работ и устных опросов на консультпункте в течение учебного года я переводился в девятый класс без экзаменов. Соответствующая слравка с печатью прилагалась.

«Вот видишь, как тебе везет, отличнику, — сказал Николай, прочитав письмо и справку. — Осенью давай жми в местную гарнизонную школу, и к семье с аттестатом зрелости приедешь.»

«С офицерами не разрешат.»

«Попробуем. На днях я тут говорил с одним: его капитанша будет в той школе завучем и химию вести — обещал замолвить за тебя ласковое слово.»

Вечером позвонили с междугородной.

- Пап! Пап! закричала Люда. Тебя Дубоссары! Скорен!
- Я взял трубку, отозвался, а в ответ услышал недоверчивое:
- Толя, ты? голос незнакомый, сиплый, прокуренныи.

Странно. У Николая чистый и сильный был голос, это у меня хриплый — тридцать с лишним лет куренья всетаки, а у него откуда?

Коля, неужто ты?

- Да я, кто же еще! Никак тебя не признаю совсем другой голос. У тебя же сильный был голос, молодой!
- Я и сам был не старый, Коля.
- Да, разумеется, ты прав, но так непривычно. Ну как ты там, куришь?
- Да нет, уже бросил. А ты как? Голос что-то не командирский...
- Командирство мое давно в прошлом. Спасибо за письмо — много у тебя изменений, много...
- Да какие изменения, Коля, все в заданном направлении.
- Вот и я о том: направление выдерживаешь, не сворачиваешь... А о себе я напишу завтра. По телефону много ли скажешь. Про все напишу. Слышишь?

Но тут возник совсем чужой голос:

- Кончайте трепаться, в наш разговор влезли!
- -- Мы влезли?! возмутился Николай. Откуда такои взялся? Сам влез и командует. А ну — брысь!
- Разъединяю, сказала телефонистка, и пошли частые гудки.

Я огорченно, положил трубку и встретил разочарованнын взгляд Люды: «И это — все? — безмольно спрашивала она. — Ждали, ждали, н аот такой коротенькии разговор ни о чем?»

Я развел руками:

- Он письмо скоро пришлет, дочка, н про все там напишет. Про все, про все!
- Он еще служит, пап?
- Нет, он, кажется, на пенсии.
- Да? А тебе почему на пенсию через десять лет? Вы же с ним ровесники.
- Военная служба, дочка, трудиее, н вот через двадцать пять лет их уже списывают на волю.
- А когда тебя спишут, ты сколько лет проработаешь?
 Сорок пять.
- Ого-го! Что бы тебе остаться в армии, пап? Отдыхал бы теперь по-ветерански, в школу бы к нам ходил рассказывать о походах... Не догадался, да?
- Догадаться-то догадался, дочка, да как-то не решился. Не о пенсии я тогда думал, не об армии тревожился. В армни в то время было неплохо. Очень даже неплохо...

Да, в армии было хорошо. Если в совхозе я жил от получки до получки, то здесь, оказалось, не надо заботиться ни о чем: еда, одежда, обувь, жилье... — всем обеспечен. В кино хочешь сходить — пожалуйста, тоже бесплатно. В баню — тоже без копейки, и с паром, с веничком. Спортом заняться — любую секцию: легкой и тяжелой атлетнки, бокса, борьбы, футбола, плаванья, бега... Ах, ты любишь читать! — вот тебе библиотеки: полковая, брнгадная, гарнизонная, в городскую можешь записаться.

Я уже прочитал полное собрание сочинений и писем любимого Чехова, одолел всего Горького, не говоря уже о Пушкине, Лермонтове, Толстом... Не добрался вот до таинственного Достоевского, но с ним успеется, Ленин называл его архискверным писателем.

Николай, на меня глядя, тоже приохотился к чтению. Прежде он читал в основном серьезную научную и специальную литературу по медицине, а теперь оценил и хуложественную. Первый раз я соблазнил его «Лексиконом прописных истин» Флобера, затем подсунул роллановского «Кола Брюньона», а потом Николай, не терпевший ничьей опеки, вышел к океану мировой литературы и стал читать больше меня: его не отвлекали, как меня, занятия в заочной школе, он сам распоряжался служебным временем.

Да, хорошо было в армии. Воли только мало. На каждую отлучку, на каждый шаг спрашивай разрешения. Но разве дома ее больше было, воли-то? Дома тоже мантулил ты не только с восьми утра до пяти вечера, но плюс к тому еще даа-три часа до совхозной работы, да столько же после — как все жители деревни. У тебя ведь свое хозяиство, скотина, приусадебный участок, без них ты на нищенскую зарплату не проживешь, тем более с семьей. Здесь младшему офицеру платят тоже немного, но все же вдвое больше, чем в совхозе, плюс за звание, плюс квартирные, плюс обмундирование — обойдешься. Если семья небольшая. Ну, а когда вырастет большой, ты ведь тоже вырастешь в старшие офицеры, звезды на погонах станут крупнее, денежное содержание — гуще...

Разговор этот завел майор Клименко, замполит. Он прибыл в часть недавно, прямиком из Военно-политической академин имени Ленина, ему полагался освобожденный помощник по комсомолу, вог он и предложил мне аттестоваться. Должность офицерская, через два года окончишь школу, получишь к тому времени еще одну звездочку на погоны, а там через пару-тройку лет можно и в академию. На худой конец — лет через пять.

Майор Клименко был темноволосый красавец, высоколобый, начитанный. Он сказал, что ему импонирует моя любовь к книге и детская мечта путешествовать, моя открытость и доверительность. Для комсомольского работника — самое то.

С удовольствием вспоминаю я тот жаркий августовский день, прохладный кабинет замполита в штабном домике, его, лобастого, за столом, и себя, то есть младшего сержанта Ланина, сидящего напротив. Это уж не уваленьпервогодок, а подтянутый, спортивный военнослужащий,

в отглаженных галифе и гимнастерке с белоснежным подворотинчком, в надраенных до блеска кирзовых сапогах (обмотки давно забыты), в краснозвезднои пилотке, лихо сдвинутой на ухо. А начищенные пуговицы гимнастерки светятся как золотые. Надо же! И глядит дерзко, улыбчиво, отвечает твердо:

«Спасибо за предложение, товарищ майор, но кадровым военным быть ие хочу.»

Сказал и сразу пожалел, увидев огорченное лицо замполита, большие его глаза, в которых будто выключили свет.

«Жаль, Ланни. А мне казалось, вы любите армию.»

«Люблю, товарищ майор. Но больше армни я люблю свободу, волю.»

Майор улыбнулся:

«Все-таки не торопитесь, подумайте. До понедельника. Надеюсь на положительный ответ.»

«Я подумаю. Разрешнте идти?»

«Илите.»

Думал младший сержант Ланин, естественно, с Николаем Пахомовым, уже сержантом. Правда, первым о разговоре с замполитом узнал старший сержант Александров, но с ним Ланин не стал распространяться, и Александров обиделся:

«Чего ты, Ланин, все время с Пахомовым и с Пахомовым? Ты же со мной вместе служишь, а не с ним — вот н пусть сидит в своей санчасти!»

«Ему одному скучно, — сказал Ланин. — А с тобой я и так целый день вместе. Отдохни.»

«Ну и дурак.»

На другой день было воскресенье, и Ланин с Пахомовым, взяв увольнительные, пошлн на Южный Буг купаться. Ребята говорили, что минутах в двадцати ходьбы от военного городка, ниже улиц Свердлова и Урицкого есть не то чтобы пляж, а вполне приличное место для купанья. Громадные валуны из красного гранита на берегу, мелкие камни в прибрежной воде, белая пена вокруг них, а дальше голубоватые речные воды.

На немощеных улицах было пыльно, жарко и безлюдно, за калитками палисадов лениво гавкали на прохожих собаки.

Ланин, покурнвая на воле, передал другу разговор с замполитом. Пахомов слушал внимательно, а в конце засме-

«Какую свободу и волю ты хочешь?»

«Привет! — обиделся Ланин. — Ты уже забыл, какой бывает свобода?»

«Не надо детского сада. Материалисты считают свободу осознанной необходимостью, и они правы. Ленни говорил, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Разве не так? Свобода анархиста тебя, кажется, привлекать не должна. Или привлекает?»

«Давай, Коля, без политики, ладно! Давай просто: солдатский возраст — самое время любви. Надо ли такой весенний возраст ставить в строй, загонять на ночь в казармы, огораживать те казармы забором, оставлять в том заборе один вход-выход — КПП? Зачем стеснять жестким режимом майскую жизиь, если она хочет воли, простора, света — естественно же, правда?»

«Неправда, — возразнл Николай спокойно. — Если ты говоришь о естественности, давай обратимся к природе, и ты сразу увидишь, что она довольно жестко регламентирует жизнь всех своих форм. Например, растительных. Все тут поставлено в зависимость от климата, почвы, сроков вегетации и так дальше. А все это у нас нестабильно: то засушливое лето и морозная зима, то наоборот — теплая снежная зима и непроглядно-дождливое лето, то зарядят долгие степные встры, взвоют бури, ударят градобои — и все это, дорогой мой, на малую травнику, на цветочек полевой ромашки, на белоствольную березку, открытую любой непогоде. В такой-то вот агрессивной срекаждое растение в определенные сроки растет, цветет и плодоносит. Смекаешь? Природа не создает им особых условий для каждой жизненной стадии, жизненного цик-

ла. Весны бывают ранние и поздние, случаются майские и нюиьские заморозки — терпи, травинка. цвети, ромашка, держись, березка, за землю, ничего другого у тебя нет.

А птицы, звери, животные? Условия жизни у них тоже суровы, особенно зимой, но сроки любовного спаривания и выращивания потомства им не отменяются. Так ведь? А знаешь ли ты, что у растений и животных никогда не прекращается и межвидовая борьба, что живут онн сообшествами, что каждая популяция стойко борется за свое существование?.. Зайди в лес, оглядись: рядом с высокими соснами или елями тоже стройны и высоки березы. липы н оснны, они тянутся друг за другом, растут наперегонки, чтобы не оказаться в тени соседа, не потерять свой кусочек солнечного неба. А теперь выйдем на открытую поляну или на опушку леса — там деревья стоят на просторе, им вволю земли, неба н солнца, но именно эти деревья оказываются избыточно ветвистыми, присадистымн, с кривыми стволамн. Смекаешь? Ну вот. Нестроевой лес, прова. И это на желанной твоей свободе, на воле!»

Озадаченный Ланин бросился в атаку:

«Твои биологические параллели я не принимаю. Мир не прямодинеен, а человек — существо социальное!»

«Биосоциальное, — поправна Пахомов. — И не горячись. Признайся лучше: ты нз-за семьи отказался?»

«Не только. Деревня у нас обезлюдела, земля.»

«Один ты деревню все равно не поднимешь, а семья здесь сыта будет, на офицерских-то харчах.»

«У меня две семьи. Коля. Отцовская — в два раза больше.»

«А заработок в совхозе в два раза меньше. Отсюда бы помог.»

«А деревне кто поможет? Осиротеет вместе с родными.»

«Так уж и оснротеет! Я за свою Красную Поляну как-то не беспокоюсь.»

«У тебя там отец, братья...»

«Тоже верно...»

Пляж оказался живописней, чем рассказывалн сослуживцы, потому что на самом большом гранигном валуне сндела, свеснв длинные ноги, мокрая и оттого сверкающая на солице красавица, в зеркальных очках и в красном купальнике. Неподалеку на мелкой воде плескалась, ползая на четвереньках, толстая пожилая женщина, как потом выяснилось, мать красавицы, выставив из воды широкий зад

«Это она тебя, женатика. заалекает, — сказал Пахомов. — Гляди не зевай!»

«А то отобьешь?» — сквитался Ланин.

Они весело переглянулись и стали живо раздеваться. Красавица наблюдала за ними, откннувшись на вытянутые руки и выставив солнцу литые белые груди и сверкающие очки.

В реку они побежали, как жеребята, с радостным илеском, вскидывая ноги на мелководые и чему-то смеясь. — солнцу лн, которое толкало нх в спину и жарко сверкало из реки прямо в глаза, желанной ли прохладе или взгляду красавицы с камня, ощущаемому обоими.

Пахомов тоже плавал уверенно, и они пустились наперегонки, лихо отмахивая саженки и стараясь без плеска, красиво, с изящным клопком класть на воду ставшие ластами лапони.

Течение оказалось быстрым, Ланин, оглянувшись, увидел, что красавица вместе со своим красным камнем не просто осталась позади, но отъехала далеко в сторону. Крикнув Пахомову, что их сносит, он повернул с середины реки обратно. Плыть почти против течения стало трудно, вода не такая уж теплая внизу, и когда они подгребли наконец к зовущему камню, то заметно устали и первое возбуждение прошло.

Красавица оценила их уменне и смелость, сняла зеркальные очки и наградила широкой белозубой улыбкон.

«Какие вы молодцы, мальчики! — сказала она кокетливо, склонив пышноволосую темную голову набок и взглядывая то на одного, то на другого. Будто выбирала.

Но вы же могли утонуть! Здесь такое сумасшедшее течение, нельзя так далеко плаваты»

«Хотели отличиться перед вамн», — сказал Ланин, влезая на широкий и почти горячий от солнца гранитный ее пьедестал.

Пахомов влез за ним следом и с наслаждением лег животом на камень, как на печку. Ланин малость подвинулся.

Вблизи красавица в красном купальнике показалась необыкновенной: темные брови выбриты (или выщипаны?) до узких стрелок, разлетввшихся от переносья в противоположные стороны, большие синие глаза завлекательно и мило щурились и к вискам бежали трещинки первых морщинок, особенно явных на бронзово-загорелом лице. Нос был прямой, красивый, с четко вырезанными широкими и тонкими ноздрями, рот тоже чувственный, с чуточку вывернутыми губами, но непривычно для сельских ребят накращенный, зато лоб открытый, безупречно гладкий, темные роскошные волосы крупными волнами спадали на загорелые узкие плечи с проступающими от них ключицами, а все остальное трудно описать, это мадо видеть: как дышит, будто в волнении, подымаясь и опускаясь, ливная высокая грудь, туго натянувшая узкий красный лифчик, как изгибается узкая талия, когда красавица откидывается назад или наклоняется, чтобы тонкой нзящной рукой с гибкими пальцами и красными ноготками погладить лодыжку длинной, стройной ноги, тоже с крашеными, аккуратно подстриженными ногтями.

Она умело, профессионально, как модельерша, показывала себя в пляжном наряде, откровенно зазывно улыбалась, а потом сказала с кокетливой распевностью:

«Осмотр, кажется, закончен, мальчнки. Если вы остались довольны, давайте знакомнться. Меня зовут Ленон.»

Смелая городская красааица. И зрелая, лет на даадцать пять, наверное. О таких они знали только из книг.

Первым откликнулся Пахомов — глухо, скрывая волнение, назвал свое имя. Она кивнула, движением головы отбросила за спину волосы, повторнла кокетливо: «Николай. Коля».

А Ланин еще глядел на нее, полуоткрыв рот, еще любовался. Она поощрительно улыбнулась и ему, вопросительно приподняла узкие длинные бровки. Дождавшись ответа, тоже повторила его: «Анатолий. Толя. Можно и Толик, правда?»

Ланин молча кивнул.

«Ну вот и познакомились. Я живу здесь неподалеку, а учусь во Львове, в медицинском. Уже на последнем курсе, без пяти минут врач...»

«А Николай у нас и. о. полкового врача», — сказал Ланин с гордостью.

«Да-а? — удивилась Лена. — Значит, мы коллеги, очень приятию, очены»

«Фельдшер я». — сказал Пахомоа

«Все равно коллеги, — сказала Лена. — Вам, Коля, вероятно, не очень сложно работать: контингент молодой, здоровый, в городе есть госпиталь...»

Лена уверенно повела разговор, и скоро они освободились от застенчивости, стали рассказывать о службе, припоминали веселые анекдоты к случаю, пытались даже острить. Беседу прервала толстая пожилая женщина, лежавшая на другом камие, — они как-то успели забыть о ней.

«Леночка! Пора обедать!» — позвала она требовательно. «Это моя мама, Вера Дмитриеана, — сказала Лена. — Идемте, я вас познакомлю.»

Онн оба, как по команде, спрыгнули с камня, галантно подали руки Лене и отвели ее к маме, которая уже была на берегу и натягивала легкое платье на снльно избыточное рыхлое тело, с синими венозными расширениями на ногах. Лена помогла ей, потом познакомила с ребятами, они оделись и вместе пошли в город.

Дом Лены был рядом, на улице Урицкого — белая уютная хата под камышовой крышей, длинная, двухквартирная.

«Вечером жду в гости», — пригласила Лена, подав лодоч-

кой узкую ладошку сперва Пахомову, потом Ланину.

Они горячо поблагодарилн, переглянулись и пошли в расположение части. Ланин был возбужден, Пахомов стал задумчивым.

После обеда онн разошлись по своим местам — Ланин в палатку, Пахомов в санчасть — почитать, отдохнуть по случаю воскресенья, и встретились в столовой на ужине.

«Пойдем к Лене?» — спросил Ланин. «Не развращай, — сказал Пахомов. — Тебе, может, и пора иметь любовницу, а я еще неженатый, меня невеста жлет. Или опин »

Лании ушел.

И возвратился ночью, потрясенный, счастливый и еле живой. Лена оказалась такой смелой и прекрасной любовницей, такой неутомимой и изобретательной, что у него подкашивались ноги от слабости, и он едва добрался до санчасти, чтобы не будить ребят в своей палатке и ие попасться на глаза дежурному. Да и с другом надо было поделиться, посоветоваться — слишком уж необычно все то, что проделывала с ним прекрасная Елена.

Николай спал в пустом изоляторе санчасти — там у него стояла двухъярусная железная койка.

«Полезай на второй этаж», — сказал он, зевая.

Ланин смутился:

«Я не влезу сейчас, Коля». — И, присев рядом с ним, рассказал о своих любовных трудах и открытиях, не тая удивления и даже смятения.

«А ты разве этого не знал? — тоном многоолытного донжуана спросил Пахомов. — Эх ты, женатик! Сразу детей кинулся делать... Ладно, ложись на мое место. — Встал, разобрал наверху постель, легко забросил туда себя, подтянувшись на руках, и заключил: — А твоя Лена, видать, бессовестная, если носит зеркальные очки, ведьма. Это чтобы взгляд свой спрятать, не нначе. Никогда ие видел таких очков.»

Ланин с трудом разделся и лег, впервые подумав о целомудренности Пахомова н его верностн далекой своей Зое. Вот это любовь так любовь — настоящая! А тут и детей уже двое, а побежал, как кобель, за первой же...

Пройдет полгода, и где-то в феврале пятьдесят третьего Пахомов, не получавший от Зои писем уже два месяца, явится в казарму к Ланину и смущенно сунет ему в руку сложенный ачетнего листок.

«Почитай, Толя. И дай мне, пожалуйста, папироску.» Неумело закурит, закашляется и выйдет.

Письмо окажется от его любимой Зои, последнее, прощальное письмо. В нем она объясняла свое долгое молчание неожиданной для нее самой и нечаянной изменой Николаю.

Был новогодний студенческий вечер в общежитии, веселый, дурашливый, с выпивкой, разумеется. Рядом с Зоей за столом сидел и смешил всех ее однокурсник, ухаживал за ней и ее подругой, подливал им вина, а поздно ночью, перед утром уже, запьяневшая, утомленная, она оказалась одна с ним в комнате. Сопротивляться не могла, и тут случилось все непоправнмое, отступать теперь некуда, ожичается ребенок... Прости меня, если можешь, любимый мой, единственнын. Себя я за это не прощаю и не прощу никогда...

Вернувшись из курилки, Пахомов взял письмо, спрятал в карман гимнастерки и ушел. Вечером они сидели вдвоем в санчасти, пили водку и молчали. О любви молчали. О верности. О мужьях и женах. О любовницах. И еще о детях, которые заводятся от всякой любви.

У Ланина летом прошлого года родился второй сын. Домой он написал, чтобы назвали Николаем — в память отца, в честь армейского своего друга. А у Зон в этом году родится ребенок. Не Пахомова ребенок — чужой. Неужели вправду не его, а чужой?...

— Папань, тебе письмецо из Молдавин, — сказала Надя, подав конверт. — Кажется, от твоего друга.

Спаснбо, дочка.

И вот передо мной знакомый уже краснвый почерк (ко-

гда он научился так писать, в армии, что ли?), знакомые слова и интоиации даже:

«Здравствуй, дорогой Толя!

Прости меия, ради Бога, за то, что отвечаю на два твоих письма — одним, да еще с опозданием. Оправдаюсь при встрече.

Очень рад, как-то по-особому счастлив тем, что мы нашлись, объявились. Теперь расскажу по порядку.

О себе. В образовании, к сожалению, не вырос. Остался на среднем уровне. Причин миого. Первая причина — личная расхлябанность. Служил иа Украине, в Молдавии, в Германин. В инжеиерно-саперных войсках. Командовал взводом, ротой, батальоном. В 1976 году уволился в запас по возрасту, в чине подполковника. Квартира была в Молдавии — сюда и вернулся. С 1977 года нахожусь на гражданской службе — зав. дорожным отделом райнсполкома с массой общественных хомутов. Здоровье — в пределах возрастной нормы.

О семье. Прожили все эти годы с Зоей, той Зоей, о которой ты зиаешь по годам нашей молодости. Нажили мы дочь и осенью прошлого года выдали замуж со второго курса Куйбышевского авиационного института. Муж тоже студент. Живут в Куйбышеве (теперь Самаре). Сын — офицер^{ов}. Служит в Белоруссии, женат, имеет 4-летнюю дочь, а я, соответственно, внучку.

О родных. Отца не стало в 1966 году. Мать живет в родном селе Красная Поляна, Барышского района. Одна. Моя сестра живет в Барыше, недалеко от Ульяновска, два брата — в Самаре ***. Оба работают на авиационном заводе. Так что Самара стала для нас родиым городом, где я бываю ежегодно уже двадцать лет.

О Молдавии. Вся она а долинах и холмах, в садах н виноградниках, с мягким климатом и трудолюбнвым народом. Дубоссары — районный город (27 тысяч жителеи). стоит на будущее. Выглядит провинциально, без особых претензий на будущее. Народ смещанный, добрая половина русских и украинцев. Квартира моя — в общем доме старой постройки, особых восторгов не вызывает, но жить можно.

И о другом. Можно сказать, что проживание вдали от родных мест становится большим испытанием. Если в дии молодости это чувство не было главным, то теперь становится болезнью. Все больше и больше ощущаю сложность моего пребывания здесь. Поэтому на ближайшие год-полтора поставил себе задачу возвратиться в Россию***

Подумай о своем заезде ко мне из санатория. До мая осталось два месяца, Трускавец не так далеко. Будем безмерно рады. Денек-другой тебя не обедиит, а для меня будет большим праздником. Подумай.

Апрель у нас теплый, а при ранней весне — цветущий. Телефонный разговор с тобой все еще слышу. А вот голоса твоего не узнал: стерло время, пригасило звучание окающего Толиного голоса. Короткий наш разговор всколыхнул многое, поднял все ушедшие непростые годы.

Напиши мне, как зовут твою супругу (Валей? ** **) и девочек. Видишься ли со своими сыновьями от первого брака?

Пожалуйста, не болей, хватит тебе и того, что перенес. Будем за тебя молиться, если наши грехи пропустят мольбу к Богу.

Поклон твоим близким. Извини за протокольность письма.

До свиданья. Обнимаю — твой Николай.

25 февраля 1981 года».

Значит, ие отдал Пахомов свою любовь, отвоевал у того несчастного случая с Зоей. И отвоевал, и сладил со своей бедой и обидой. А ты, Ланин, вот не смог, хотя и нарожал куда больше детей. Но разве твои дети родились не от любви? Разве они появились от несчастных любовных случаев, от случайных встреч?

И опять всплыл ноябрь пятьдесят четвертого, возвращение из армии, верхняя полка плацкартного вагона, где он улегся после прощанья с друзьями, с Тамарой. Лежал вниз лицом, покачивался, как в люльке, вместе с вагоном, и видел тревожные глаза Тамары, спутанные ветром черные пряди волос над гладким лбом, высокую смуглую шею, наполовину закрытую спущенным белым платком, и две полоски блестящих слез от глаз до подбородка. Он видел ее так живо, что тоска подступила вплотную, душа запросилась назад, готовая вырваться из него и улететь туда, где осталась Тамара с Николаем и Сашей. Они, наверное, уже проводили ее до дома и вернулись в расположение части, и она сейчас сидит или вот так же лежит вииз лицом на кровати, а тетка Поля, ее мать, говорит ей что-нибудь сочувствечное, успокаивает.

Да, иаверное, утешает, как утешала в детстве, когда кто-нибудь девочку обижал, или в раннем трудном отрочестве, когда пришла война и из донецкой Макеевки онишли пешком по оккупированной уже земле в родной Первомайск. Тамаре не было еще и десяти лет, она уставала, и помочь ей мать ничем уже не могла — она везла тяжелые санки с домашним скарбом и ей самой требовалась помощь. А стояла зима, было колодно и голодно, их нередко останавливали немцы, проверяли документы и отпускали: выручала фамилия — Шелар. Немецкая, что ли? Ни мать, ни дочь не знали этого.

Тамара рассказывала, что ее дедушка и бабушка были здешние украинцы, а кем уж считались их предки — неизвестно, дальше этого колена в родословную никто не заглядывал.

В год женитьбы дедушке было семнадцать лет, а бабушке пятнадцать, всего имущества у них было, кроме повседневной одежды, дедушкина свитка да бабушкин пустой сундук — мол, поживете и добра наживете сами.

Они взяли в аренду землю, работали оба, как лошади, не выпрягаясь, и со временем разжились, оперились, построили дом, развели скотину. Но это уж накануие коллектнвизации, во время которой их раскулачили и дом конфисковали, а деда посадили. Потом, после долгих клопот, разобрались, дом возвратили, деда из тюрьмы аыпустили, и он пошел работать на станцию сцепщиком вагонов, где потом станет работать и его дочь Поля — мать Тамары.

В Макеевке они оказались незадолго до войны, поехали к брату Тамариного отца, а потом отец умер и война пригнала их домой, в Первомайск.

Тетка Поля всегда встречала Ланина приветливо, хотя и с ревнивой настороженностью: может, считала, что ее красивая дочь могла бы иметь в друзьях по крайней мере офицера, а тут ходит солдат с желтыми лычками поперек красиых погонов, веселый, правда, солдат, добрый, увлекающийся, но забывчнвый, Тамара всегда напоминает ему, чтобы не просрочил увольнительную и не опоздал в часть. Тамара каждый выходной ждет солдата, всегда рада его приходу, и тетка Поля, видя это, успокоилась: лишь бы дочери было хорошо, а солдат или офицер — Бог с ними. От судьбы, говорят, не уйдешь.

Ланину нравилась тетка Поля, маленькая, худенькая и молчаливо-приветливая хозяйка, неутомимая железнодорожница, работавшая осмотрщицей вагонов на станции. По вечерам она хлопотала в саду или по дому, точнее — по хате, потому что жили они именно в хате, невысокой, беленой, типнчно украннской, окруженной садом за штакетной оградой, которую можно бы легко перелезть, если бы не сплошные кусты за ней.

Продолжение в следующем номере.

в. катанян

Последние дни

Владимир Маяковскии. 1930 г.

Тем читателям, что интересуются Владимиром Маяковским, — а он всегда вызывал и продолжает вызывать интерес и споры, — зивкомо имя Василив Абгаровича Квтаняна [1902—1980], Мсследователь творчества поэтв, он оста-Вил нам летопись его жизии, где - в последнем, дополненном издании прослеживается едве ли не каждый день жизни Мавковского. Познакомившись с имм в 1923 году, он начал издавать его в Тифлисе и до конца своих дней редактировал, писал критические статьи, составлял сборники. Василий Катанян — автор документальных рассказов и сценарнав о поэте, в Ленинградском вивдемическом тевтре дремы им. Пушкина шла его пьеса «Они знали Мевковского» с Николаем Черкасовым в главной роли.

В. Квтеиян оставил интересненшие воспоминания о мавковском и его окружении, о тех годах, когда они вместе работали и дружили, о друзьях и врвгав поэта, о литературной, да и не только о литературной, борьбе тех лет. Воспоминания, колважированию деневинковыми записями, статьями и документами, долгие годы были достоянием лишь врхивов в силу целого ряда причии, которые сегодия нам кажутся совершению мелепыми.

....Чем дальше отодангаются события, о которых пишут мемуаристы, тем они интереснее и для истории, и для читателя — вто аксиома. Даннав публикация не исключение: последний путь поэтв, о котором рессказал свидетель асех тех лечальных дней, раскрывает нем факты, досель неизвестные. Но те, ито думают нейти в воспоминания какие-то сексационные версии относительно смерти поэта [которым сегодня месть числа], будут разочарованы. Автор мемуаров пишет именмо о самоубийстве.

К дию рождения МВВкоВского реданцив публикует отрывек из мемувров В. А. Катвивна «Не только воспоминанив», ибо нам представляются интересимми и убедительными документы и факты, приведенные очевидцем из страницах этих записом.

огда я вбежал в то черное утро в его комнату, он лежал на полу, раскинув руки и ноги, с пятном запекшейся крови на сорочке, и маузер 7,65 — тот самый, что ои приобрел в двадцать шестом году в «Динамо», — взведенный! — лежал слева. Взведенный, это значит, что последний патрон расстрелян, — иными словами, восьмизарядный пистолет был приготовлен для о диого выстрела.

 Как это долго — умирать всю жизны — говорит Арагон в романе «le roman inacheué» («Гибель всерьез»).

И как это недолго в нетерпении и в отчаянии, а может быть, «с отрадиой точки зрения» протянуть руку и поставить пулей точку...

За столом у окна сидел человек и писал протокол.

— Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

...Запрокинутое лицо внизу у моих ног. Глаза прикрыты. Большой рот спокоен.

В оцепенении холодиого отчаяния смотрел я на неузиаваемое сверху лицо. Говорила вся фигура, в беспомощности распростертая на ковре. Понятно? И все-таки ничего не понятно! Что тут пронзошло??

Помню, что дией через десять, уже после похорои, встре-

[•] Тут он слишком суров к себе. Прячины, как выяснится, были иные.

^{••} Значит, тот, первенец Зон. И значит, не чужой, есля идет по следу отчима.

^{***} Вот и Красная Поляна осиротела.

^{****} Исполнение этого намерения растямулось на целое десяти-

тетне.

***** Уднаительно точное попадание.

⁵⁸

чи в Негорелом, после всех этих дней, целиком заполненных пронсшедшим, я шел ярким весенним днем по веселой Петровке, и вдруг щемящее осознание остановило в перебое сердце.

— Так ведь умер! Умер!! Его нет! Его больше не будет... И пришла строчка, когда-то отвергнутая им за полную серьезность, за отсутствие нронии:

Вы ушли бесповоротно

в мир в иной...

Да, вот именно! Со всей беспощадной серьезностью бесповоротно.

Человек у окна писал протокол.

— Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

Я дал ему свою ручку и вышел.

В передней толпились незнакомые люди, уходили, приходили. Дверь на лестницу настежь. Из соседней квартиры — тоже. Репортеры допашивают на лестничной площадке какую-то женщину: «Он ночевал сегодня дома? Вооще здесь не ночует? А утром вы его видели?... Кто приходил? Книгоноша? Принес Большую энциклопедию...» Они, репортеры, не знают, что днем во все редакции придет распоряжение — «Под ответственность редактора. По указанию соответствующих органов все материалы о смерти т. Маяковского давать только в редакции РОСТА». Одиа, кажется, ленинградская вечерняя «Красная газета» успела выйти до получения этого распоряжения...

Появился Асеев. Приоткрыл дверь, взглянул и закрыл. Непонимающими прозрачными глазами он смотрел по сторонам. Ему принесли стул, он сел, прислонился к какимто сундукам и застыл.

Потом я видел, как бегом, через две-трн ступеньки бежал наверх Агранов.

Жив? — крикнул он на ходу.

Судорога крепко держала меня за горло.

Агранов вошел в комнату, у дверей которой уже возник милиционер. Через некоторое время он вышел оттуда, сделал знак Асееву и мне, мы прошли через площадку в соседнюю квартиру, где какая-то женщина открыла нам свою комнату

Там за большим обеденным столом Агранов прочел нам последнее письмо Маяковского, адресованное «всем»...

Потом, вечером, в редакции «Правды» я читал и перечитывал его в тассовских ротаторных листах. Назавтра оно было напечатано во всех газетах.

— Нам нужно решить, — сказал Агранов, — как быть дальше. Как сообщить Лиле? Где она? Володю надо перевезти отсюда в Гендриков. Здесь нельзя оставаться... Письмо я отвезу в ЦК.

Асеев молча прослушал письмо, молча согласился с Аг-

Когда мы спустились во двор, в ворота въезжал большой неуклюжий лимузин, из которого вышли Сережа Третъяков, потом Кольцов, Кушнер и еще какие-то люди из «Правды».

По дороге на Таганку мы на аграновской машине завезли его в ЦК. Когда мы остались одни, Асеев впервые нарушил молчание.

— Я всегда думал, — сказал он, — что умру раньше Володи. С моим туберкулезом... Думал еще — какую хорошую речь он скажет на моих похоронах...

В Гендриковом какие-то чужие люди на лестнице, во дворе... Машина «Скорой помощи» привезла Маяковского, и санитары привычно на носилках внесли его на второй этаж

На лестнице плакал Лева Гринкруг.

И вот Маяковский лежит на своей тахте, прикрытый простынеи, безучастно отвернув голову к стене.

«Бедный Маяковский! — писала Марина Цветаева своему другу в Прагу, получнв эту весть. — Чистая смерть. Все, все, все дело — в чистоте.»

...В столовой толпились люди, больше и больше. Беспрерывно звонил телефон. Время от времени кто-нибудь снимал трубку, говорил: «Да, да... Верно...» И телефон снова звонил.

Ворвался Сема, не останавливаясь пробежал через столовую взглянуть на лежащего и убежал на кухню плакать.

Плакал Пастернак, ходил из угла в угол, нз комнаты в комнату. Он описал потом эту обстановку, себя и окружающих в «Охранной грамоте». При нем прнехали Александра Алексеевна и сестры; порывалась читать стихн, ломала руки и падала в обморок Ольга.

Приехал Кушнер и увез Асеева и меня в «Правду». Там — Кольцов, Беспалов, Костров, С. М. Третьяков, Виктория, жена Кострова. Говорят о том, как и что писать завтра.

— Надо, — сказал Кольцов, — избежать пошлых нравоучений, не читать мораль мертвому... И так ясно, что мы не одобряем этого поступка. Но пусть нам не будет стыдно перед поэтом за недостойные тривнальности, от которых мы не сумели удержаться.

Все согласились с ним, с готовностью согласились. Прочитав сегодня то, что было напечатано в «Правде» 15 апреля, вижу, что не так просто было этого избежать. И в редакционной статье «Поэт революции», и даже в заметкеписьме за всеми нашнми подписями «Памяти друга».

И статъя, и письмо наполовину написаны, читаются вслух, предлагаются какие-то поправки. Сергей Михаилович садится за стол Кушнера записывать. Секретарша относит листки на машинку, оии возвращаются и идут прямо в типографию.

Потом поздно вечером я снова был в редакции, смотрел все матерналы в сверстанной странице. Когда мы выходили нз редакции, винзу в дверях столкнулись с запыхавшимися Ермиловым и Селивановским.

- Осталось только перепечатать...
- Что перепечатать? угрюмо спросил Кушнер.
- Обращение Секретарната РАПП.
- Поздно уже...
- Очень важно, настаивали они. Это официальный документ.
- Ладно. Оставите у дежурной. Завтра посмотрю.

Этот «Официальный документ» не был напечатан в «Правде» ни завтра, ни послезавтра, нн вообще. Рапповцы жаловались потом самому высокому начальству на «Правду» н на Ольхового, который тоже не напечатал это обращение в специальном номере «Литгазеты», посвященном Маяковскому.

Мелким шрифтом. 26 апреля в пространном письме на пяти страницах Авербах, Ермилов, Киршон, Либединский, Селивановский, Сутырин н Фадеев сообщали товарищу Сталину о товарищах, коммунистах и беспартийных, которые в связи со смертью Маяковского «выражали такие мысли, которые способствовали росту нездоровых настроений».

«Ошибка родилась из того, — писали они, — что некоторые коммунисты от имени группы «близких друзей Маяковского» выступили вместе с «лефовцами» со статьей в «Правде» (№ 104) и тем самым стерли черту между партийной оценкой Маяковского и апологетически-спекулятивной позицией его бывших литературных соратников. Этот «единый фронт» особенно наглядно и ярко проявился на страннце специального иомера «Литературной газеты». В ней некоторые коммунисты наиболее рьяно соперничали с «лефовцами» в стремленин изобразить Маяковского идеальным типом пролетарского писателя, образцом революционного бойца и т. д. Достаточно привести такне заглавия: «Это и есть пролетарский поэт» (заголовок статьм «лефовцев» Незнамова и Катаняна)»...

Совсем мелким шрифтом. Разумеется, это вовсе не было похоже на упреки, с которыми обратился некогда председатель Цензурного комитета к литератору Краевскому:

— Что это за черная рамка вокруг известия о кончине Пушкина, человека не чиновного, не занимавшего инкакого положения на государственной службе? Ну да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солице поэзии»!! Помилуйте, за что такая честь?

В самом деле — что общего? Там начальник разносил

подчиненного литератора, а тут свободные литераторы делают сообщение по начальстау...

Цитатами из статей и выступлений М. Гельфаида, А. Зонина, А. Луначарского, М. Кольцова, Ник. Никитина, Б. Соловьева (1) рапповцы доказывали, что эти товарищи «смазывают отрицательное отношение большевнков к самоубийству», что вследствие этого «инициатива объяснения самоубийства Маяковского переходит в руки врагов», что ряд товарищей «использовал самоубийство Маяковского для того, чтобы под видом оценки творческого метода Маяковского возобновить поход против рапповского руководства».

Заключительный абзац: «Мы считаем необходимым вмешательство Центрального Комитета в деятельность тех коммунистов, которые не только не исправляют своей ошибочной линни в связи с самоубийством Маяковского, но стремятся вести ее дальше».

Имело ли это письмо какие-либо результаты-последствия? Здесь не место вдаваться в подробности сложных и разветвленных рапповских интриг. Да и разве знаем мы все, что тут пронсходило? Но в общем их точка зрения взяла верх. Или, может быть, лучше сказать, взял верх крепкий комплот администраторов от литературы, полных сил демагогов.

Через два года они были распущены, лишены чинов и привилегий, но выработанная ими инерция холодной бюрократической антипатии к Маяковскому была молчаливо воспринята преемниками Авербаха-Фадеева. И уж, конечно, не Горькому было менять что-нибудь в установившихся здесь ограничениях и отталкиваниях. Он мог бы еше и от себя прибавить...

Смерть Маяковского, что и говорить, наделала хлопот, но в то же время должна была принести рапповцам некоторое чувство облегчения. Разве нужен им такой член организации? Что онн будут с ним делать? И что он будет делать с ними? Инцидент с Ермиловым ничего хорошего на будущее не обещал.

Самоубийство Маяковского давало нм, казалось бы, все возможности, осудив его поступок, настанвать на том, что он был и остался попутчиком, а не пролетарским поэтом.

Ни один на руководителей РАПП, великолепной семерки, подписавшей это письмо, не симпатизировал Маяковскому, ни дружески, ни творчески, а как «администраторы и распределители кредитов», они просто побаивались его.

Нет, не по душе он был им. Да и не по зубам!

Удивительно траурное объяаление, которым отметила РАПП смерть Маяковского. Разумеется, традиционное «С прискорбием извещают...» еще не говорит об испытываемых чувствах. Но на фоне многочисленных траурных объявлений всевозможных организаций, до букинистов Китайгородской стены включительно, извещавших «с чувством глубокой скорби... с большой горечью... с глубокой печалью... глубоко взволиованные... выражающие свою скорбы... потрясенные безвременной трагической смертью... н т. д.», в том же духе, рядом со всем этим объявление РАПП выглядело невозмутимым и сухим, как приказ об увольняемом в отпуск сотруднике: «Правленне Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) извещает о смерти члена РАПП Владимира Владимировича Маяковского» («Правда», 15 апреля).

И действительно — одним членом РАПП стало меньше. Только и всего!

В истории советской литературы этому примечательному объявлению предуготовано достойное место рядом с извещением о смерти члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака.

Мы приехали в клуб за полночь.

В конференц-зале на сдвинутых столах стоял гроб. Цветы

Первые караулы.

Без разводящих, просто постояли у гроба товарищи. Асеев, Каменский, Кирсанов, Мих. Кольцов, Феликс Кон, Третьяков, Агранов, Кушнер, Олеша, Джон Левин, Эль-

берт, Татлин, Лавинский...

Рапповцев не было. Киреев (директор клуба) сказал мне, что они целый день заседали, у себя, в Доме Герцена. Может быть, говорит, и сейчас заседают...

... Ночью, в три часа я ехал домой поперек всей Москвы. Темная, притаившаяся, холодная, грустная Москва. Та самая, белокаменная и камнекрасная, та самая, которая «принос любит» и слезам не верит, которая «на пиках вистует» и по чужим бедам не плачет, Москва, в которой так много старого и так мало нового.

В переулках поздние апрельские кошки перебегали нам дорогу. Черные в том числе,

Извозчик ругался и норовил достать их кнутом.

Плохая примета!

Но самое плохое ведь уже случилось.

Утром 15-го.

Возвращение от ночных кошмаров к кошмару действительности.

И весь этот день, начавшийся слезами, прошедший в суете и маете, замирвл и прерывался всклипами или беззвучными каплями, которые бесстыдно и неудержимо бежали и бежали из глаз.

Плачет девушка в кожаной куртке на скамейке у Дома Герцена. Дрожит подбородок Ольховского, когда он читает строчки:

Не будь, товарищ, слепым и глухим! Держи, товарищ, порох сухим!

 встает и выходит из комнаты. Будто сейчас только стало походить до сознания случивнееся.

... Разговор по телефому с Аграновым. Звонила из Берлина Лиля, они сегодия выезжают. Просит встретить на границе, отложить похороны до четверга. Поезжайте в Госиздат, говорит Агранов, там сейчас заседает комнесия. Надо предупредить...

В Госиздате в кабинете Халатова заседает комиссия. Там уже все знают. Похороны будут в четверг 17-го...

В клубе во дворе толпа. Бухарин... После полудня переносим гроб в Большой зал и ставим на помост под черное крыло. Он одет в темный костюм, лежит под цветами... Ночью было вскрытие. Сиайперский выстрел левой рукой — пуля прошла сердце насквозь сверху вниз...

Люди проходят через зал по диагонали и выходят через маленькую дверь на улицу Герцена. Оркестр, полуспрятанный на сцене, негромко выматывает жилы. Потом его сменяет оркестр восточных инструментов (дудуки) со своими произительно-печальными мелодиями. И снова — Шопен...

Кто поедет навстречу Лиле? Сиачала думали Эльберт... Денисовский? Потом отпал и Деннсовский. Вероятно, поеду я. Собираем деньги...

Появился Агранов. С ним Горожанин, приехавший сегодня из Харькова. Вчера, когда он узнал о смерти Маяковского, грохнулся в обморок.

Агранов говорит:

 Да, лучше всего ехать вам. Я позвоню, через час будет готово разрешение на въезд в пограничную зону. Подъезд № 1. И броня на билет...

В Доме Герцена у Ольхового работают все наши младорефовцы, помогают делать специальный номер «Литгазеты».

На квартнре у Семы в Тишинском переулке Клава с температурой в кровати. В столовой на диване лежит в изнеможении Николай Николасвич. Они сочиняют статьюзаметку в «Литгазету». А мы с Петей Незнамовым уговорились написать отдельно. В клубе заперлись с ним в кабинете директора, потом поехали в редакцию.

И наконец, вокзал. Галя с чемоданчиком. Поезд в десять — десять. Холодно. Белье есть, но вместо одеяла летнее покрывало. Поверх покрывала пиджак, поверх пиджака пальто. Зубы стучат, голова разламывается.

Страшный день, страшная ночь...

Утром в Минске я вышел на площадь незнакомого города. Ни души знакомых, никаких дел. Я неожиданно оказался выключен из действия. В трагедии, которая длилась и собирала к себе тысячи и десятки тысяч, для меня наступил глухой антракт. И в пустом номере гостиницы. и в бесцельном шатании по незнакомым улицам мне некуда было приткнуться. Можно было перебирать в памяти и возвращаться к подробностям вокруг да около, тщетно пытаясь не вспоминать распластанную на полу фигуру, отвернутое от людей лицо на фоне мексиканского пончо, сложенные в гробу руки...

... «Представьте: входит красавица в зал, в меха и бусы оправленная...»

Я знал об этом эпизоде не больше того, что сказано в стихотворении.

Подымает площадь шум, экипажи движутся,

стишки пишу

в записную книжицу.

В Париже так же, как в Москве и как везде... Стихи эти были напечатаны в «Молодой гвардии» в январе прошлого года. А месяцев через десять я стал случайным свидетелем развязки этой истории в столовой на Гендри-

Летом в раскрытое окно этой комнаты влетела молния и ударила в телефон. Все сидящие за столом замерли. Кто-то крикнул: «Не двигайтесы!»

Теперь это было письмо с французскими марками, которое принесла Аннушка и положила на стол перед Лилей Юрьевной. Письмо от Эльзы. Лиля распечатала и прочла его вслух (об этом подробно есть в ее воспоминаниях).

Эльза писала, что Татьяна Яковлева выходит замуж за какого-то виконта (за «мужа Марын Ивановны?») и боится, как бы Володя не узнал, не приехал и не расстроил брак. Поэтому — не говори ему ничего...

Но письмо уже прочитано. Все замерли... Не двигай-

Маяковский ждал машину, он должен ехать в Ленинград, взял чемодан, попрощался и ушел.

Но ведь это было в самый разгар другого его романа! И все же!

О романе с В. В. Полоиской все окружающие, конечно, знали — но это не был предмет для разговоров. Ни с ним, ни с кем из друзей лефовцев. Этого у них (у нас) не было в заводе. Он не делал из таких вещей секрета, но и говорить незачем. Он это действительно «ужасно не любил»...

Накануне рокового четырнадцатого он был вечером у Катаева. Вместе с Норой Полонской, Яншиным, Олешей, артистом Художественного театра Ливановым, художником Роскиным, журналистом В. Региннным... Вот этот последний мне рассказал вчера... Маяковский был мрачный, Ливанов его задирал, Вл. Вл. писал Норе записки, потом выходил из-за стола, шагал по коридору... Катаев сказал — не бойтесь, Вертеров больше нет, не повесится... Остряков было много. Мог он это слышать? Не знаю. Шумно было... Пили... Он пил только шампанское... Разошлись поздно...

Катаев не бывал у Маяковского и Бриков. Это было другое общество, пьющее, богемистое, жмущееся к Художественному театру. Что общего?

Только раз видел я Катвева и Олешу на Гендриковом. Летом двадцать девятого года, в отсутствие Лили и Осипа Максимовича. Сидели долго. Крымского и кахетинского было выпито много. Возвращались под утро по еще не проснувшейся Воронцовской. Олешу вело и шатало в разные стороны.

Очень мило... — твердил он. — Очень... И завтра пойдем. А то приедет Лиля и нас разгонит...

 И верно, — думаю я сегодня над этими словами, разогнала бы... Они были противопоказаны друг другу. «Чуткий и прямой в отношении всякой фальши чело-

век», как писал о ней Асеев, Лиля Юрьевна непримиримо отталкивалась от этих людей. Они - неглупые, талантливые, тонкие, острые, — тем хуже! За богемски засасывающим острословием она чуяла холодное дно циннз-

Потом уже, через иесколько лет после смерти Маяковского, нашел я документальное подтверждение этой аитипатии (в бумагах Маяковского). Это было письмо Лили к Вл. Вл. в Крым от того же 29-го года (31.7). «Очень прошу тебя не встречаться с Катаевым. Я встретила его в Модпике, он едет в Крым и спрашивал твой адрес...»

Словно знала она, что последнюю ночь на этой земле ему суждено будет провести именно в этом обществе...

В 6 часов я был на вокзале.

На перроне стоял пустой состав. На вагонах таблички «Владивосток — Негорелое». У дверей пограничинки.

Я предъявляю разрешение на въезд в пограничную зону «для встречи семьи умершего гр. Маяковского» и еду, вероятно, одним-единственным пассажиром в целом сос-

В окне какие-то канавы или окопы, мотки колючей проволоки, нежилая природа близкой границы, которая проходила тогда всего в двух десятках километрах от столи-

На горизонте -

белос.

и Негорелое.

Лважды с тех пор сходил сиег, да и подъезжаю я с дру-

Деревянное здание вокзала выходит на две платформы — с одной — наши поезда, с другой — европейская колея, прибывают поезда из Польши.

У меня оставалось немного времени, чтобы, согласно инструкции, напечатанной на обороте разрешения, отметить свое прибытие в пограничную полосу, а заодно и от-

Тихо подползает польский поезд, и в окне одного из немногочисленных вагонов заплаканное лицо Лили Юрьевны и очки Осипа Максимовича.

Они ровно ничего не знали, кроме коротких телеграмм в иемецких газетах, никаких подробностей. Письмо? Нет, не читали, не видели. Да и где могли видеть? В Польше соаетских газет не продают... Я шарю по карманам и не нахожу. Как глупо! Правда, я знаю это письмо наизусть...

И вот мы уже на той стороне вокзала, в советском вагоне, поезд трогается, и мы едем в Москву. В Минске на вокзале купили вчерашнюю «Правду»...

...В Москве нас встречает много разного народа. С вокзала прямо на улицу Воровского. В клубе останааливают беспрерывное шествие пришедших проститься и освобождают зал от посторонних.

Появление Лили вызывает новую вспышку отчаяния у Ольги Владимировны. Она бросается на колени посредине зала и выкрикивает:

> — Сегодня к новым ногам дягте! Тебя пою, накрашенную, рыжую...

Хватает и целует руки, плачет и обнимает Лилю Юрьевну. Александра Алексеевна держится спокойнее. Повторяет несколько раз:

При вас этого не случилось бы...

Но вот они, Лиля и Ося, подходят к гробу.

Я за их спиной в ужасе — как горько он изменился за эти полтора дня. Смерть не пожалела его. Выключила свет из глаз - мрак придавил их, смерть тронула нос, лоб, оставила в волосах следы снятых масок, мертвой синевой подчеркнула серые губы...

Лиля стояла перед гробом и горько плакала.

Что он с собой сделал! Какое идиотство!!! Какое тусклое идиотство!!!

При вас этого не случилось бы...

Сиова начали пускать народ. Люди ндут и идут. Сменяются караулы — красноармейские и гражданские писателей, художников, артистов.

Рапповцы, которых раньше почти не видно было, теперь довольно густо функционируют в зале и вокруг.

Командует всем, или, лучше сказать, пытается командовать, управделами Федерации Осипов, маленький бестолковый человек. Он дал мне какой-то пропуск, с которым будто можно пройти всюду. Но не было тех людей, которым нужно было предъявлять этот пропуск. Он вручнл мие, кроме того, регламент церемоний, — последних семи караулов, список товарищей, которые понесут гроб, и т. Д.

Последние почетные караулы предусмотрены двойные близкие товарищи и друзья, а при них по рапповцу. Скажем, Асеев и рядом Авербах, Брик и Фадеев, в ногах -Кирсанов и Ермилов, Третьяков — Селивановский. И так далее... Написать все это и даже размножить было легче, чем осуществить. Когда назначенные лица подняли гроб, кого-то не оказалось на месте, подошел непредусмотренный Пильняк Б. А. н подставил плечо. Околонего засуетился Осипов, да было поздно...

Председатель комиссии по похоронам Халатов — тот самый, который несколько дней назад приказал вырезать портрет Маяковского из «Печати и революции». Черная каракулевая борода и такая же курчавая шапка, которую он не снимал инкогда. Вот и сейчас стоит у окна в шап-

Ко мне конфиденциально иаклоняется высокий Алелеков (из рефовского кружка):

— Поручите мне сбить с него шапку, — он показывает на Халатова. — За неуважение и по совокупности... - Нет, я вам это не поручаю.

Приносят газеты — специальные иомера «Комсомольской правды» и «Литературной газеты».

Сбоку несколько рядов кресел. Лиля Юрьевна сидела там рядом с Александрой Алексеевной. Время от времени она подзывала Луэллу: «Лушенька, подойди, поцелуй Володю». Потом сама подходила...

2 часа дня. Должен начаться траурный митинг. «Слова «панихида» нет в словаре Маяковского». — сказал Третьяков. Гроб выносят и ставят во дворе. То, что говорят ораторы с балкона, не разобрать. Луначарский, Авербах, Федин, Феликс Кон, потом Сема Кирсанов читает «Во весь голос».

За оградой ждет катафалк-помост, на котором повезут гроб. Это — грузовик, который студенты ВХУТЕМАСа задрапировали-общили железными листами. Никаких венков, никаких цветов. Один железный венок из молотоа, маховиков и винтов с надписью «Железному поэту железный венок».

Меня потом (много лет спустя) спрашивали — правда ли, что этот грузовик с гробом Маяковского вел Михаил Кольцов? Не знаю. Я помию М. Е. в тот день в пешем строю за гробом, а недавно мне попалась фотография, где перед бронированным грузовиком ясно различимый Кольцов чинно выступает в обществе Халатова и Авербаха.

Правда, в 1979 году я нашел новое фото — гроб устанавливают на грузовике и из кабины выглядывает М. Кольцов. Видимо, он выруливал машину во дворе Дома Герцена, может быть, вел ее часть пути, а часть пути до крематория шел пешком.

Здесь примечательно то, что Михаил Ефимович все дии был рядом с покойным поэтом. Я его видел постоянно.

Но это могло быть только в самом начале, на первых шагах похоронного шествия. Дальше все смещалось. Стоящие на улице по тротуарам впереди сжимали и спрессовывали двигающуюся толпу. Скопление народа было так непредусмотренно велико, люди так настойчиво и плотно нарастали с каждым кварталом, густо подваливали с переулков, что отдельные конные милиционеры были бессильны и сами оказались в окружении. С заборов и балконов

нависали фотографы и кинооператоры.

Если бы ои это видел...

Эта мысль пришла мне в голову и не оставляла.

Если бы он это видел...

Это было такое убедительное и масштабное признаине, иепридуманное и неказенное, такое яркое свидетельство любви, близости, родства со своим читателем. того, чего ему всегда не хватало, всегда казалось мало. Он так много предлагал, так долго шел навстречу... И вот немыслимая аудитория, длиной в Поварскую, с переулками и с Арбатской площадью впридачу...

Если бы он видел...

Я заблудился в толпе и отстал. Меня несло среди чужих. Лилю Юрьевну и Осипа Максимовича я потерял еще во время митнига. И насколько хватал глаз, я не видел близких, до которых мог бы добраться вплавь.

...Сердце сжав

у теснин Арбата,

распирая дома,

ползет Москва, бронированным гробом его горбата.

Уже на Донской улице, недалеко от крематория, я добрался до серой «реношки», но Лили Юрьевны и Осипа Максимовича в ней не было, и Гамазин ничего о них не знал. Остаток пути я шел, держась за ее крыло, н был втолкнут вместе с машиной в ворота крематория.

Внутри здания вижу сидящую на подоконнике беременную Наташу Брюханенко, плачущую с горя и со страху —

едва не задавили...

Лиля Юрьевна и Оснп Максимович проделали весь путь пешком с Луэллой. Она потом вспоминала: «Мы оказалнсь далеко от крематория, но нам удалось как-то проникнуть во двор. Там было просторнее, чем на улице, но тоже полно народу. У входа в крематорий была конная милиция. Мы сели на скамеечку, и Лиличка сказала, что у нее нет сил дальше пробираться... Александра Алексеевна и сестры Владимира Владимировича, приехав на машине, сразу прошли в крематорий. Вдруг конный милиционер кричнт: «Брик! Где Брик? Требуют Брик...» Оквзывается, Александра Алексеевна не хотела проститься с сыном н допустить кремацию без Лили Юрьевны. Ося и Лиля прошли

Все стояли вокруг помоста и потом, по чьему-то знаку, стали подходить прощаться. Ионов подтолкнул меня, я наклонился и прикоснулся к холодной руке.

«Интернационал»...

Гроб качнулся и начал проваливаться. Маяковский тихо, со сложенными руками, уходил в глубину. И ушел. И закрылись створки...

Все кончено.

Нет, не все... Кольцов отводит нас — Асеева и меня в сторону и предлагает спуститься вниз, там есть глазок, через который можно видеть огонь... можно видеть все... Асеев испуганно смотрит на него...

И я тоже отказываюсь, как отказался два дня назад от предложения оператора из Института мозга присутствовать при экстирпации мозга Маяковского...

Her! Her!

Пусть черный дым, валивший из труб крематория, когда мы к нему приближались, останется в памяти только мрачной абстракцией...

А лицо, прекрасное лицо гладиатора, о котором Марина Цветаева писала — «вглядитесь в лобяные выступы, вглядитесь в глазницы, вглядитесь в скулы, вглядитесь в челюсти», — пусть оно сохранится незабываемо живым без натуралистических ужасов анатомического киньоля.

Я видел орден запекшейся крови на его голубой рубашке. Этого ужаса довольно...

Пубникация В. В. КАТАНЯНА

Голгофа

Гле-то рядом Мезень, гле-то рядом Печора, И Онега, совсем-то она недалёко... К милым северным пожням, к их травам, к их пчелам Прикоснулось мое просветленное око.

К диву белому, к белым ночам прикоснулась Неутихщая грусть василькового лета. Не чужая — моя возвращается юность, Потому-то так дивно все, все-то так лепо.

Катят воды свои величавые реки, Много-много воды утекло, укатилось! По лесам белоглазо взирают орехи На небесную, шумно сошедшую милость.

Дождь пролился! Резвился на радость сорокам. По Мезени скакал, по ее глухомани. Припадая к оленьим размытым дорогам, Близоруко плутал в непроглядном тумане.

К диву белому, к белым ночам прикасался, Освежал, омывал эти белые ночи... Буду помнить до самого смертного часа, Как земля посощок свой высоко возносит.

Возвышает себя молодой подорожник, Колокольчик — и тот приподнялся высоко. Василькового лета зеленые пожни Кажут небу свое просветленное око.

Озерцо невеликое кажет урема И не кажет небесные дивные страсти.

Снами белыми, белою-белою дремой Усыпляют себя соловецкие старцы.

Значит, ведают старцы, что сталось, случилось Со святою обителью в некую зиму. Показала свой норов нечистая сила, Повалила стоящую смирно осину.

Все-то, все повалила. Осталась Голгофа. На Голгофе белеют мужицкие кости, Да заветные камушки вроде гороха Долго-долго хранят беломорские гости. Блукаю — по собственной прихоти, — Брожу по чащобе рудой. Тут все-то озера — как пригоршни, Прозрачной темнеют водой.

Тут все-то озера — как блюдечки На самобранном столе. И никакой тебе удочки, Лишь мох на сосновом стволе.

На валунах крутолобых Серебряный видится мох... На радость дорожной колдобе Я дрему свою перемог.

Освободился от сумрака Давнишних навязчивых дум. Вздыхая, глаголет без умолка Лесного Олонца ведун.

Трубит он про Белую Индию, Про горечь тягчайших обид. А Белое море — как индевью, Как ранней зимою слепит.

Короткое лето холодит, Мое остужает тепло. К ненастью, должно, к непогоде Тревожится бренная плоть.

Душа заскучала о доме, Тоскует, горюет она, — Чем море темней, тем бездонней, Безмолвней его глубина. Никем не узнанный, до Кеми Свой день, свои глаза тяну... Крутой волны тяжелый лемех Морскую пашет целину.

И дождичек уже боронит Легко идет по борозде, Гарцуют взмыленные кони, Танцуют в золотой узде.

Ах. море, море! Что-то будет, Когда я в Кемь приволочусь. Плывущие со мною люди Восторженных не скроют чувств.

Ненастные воспрянут лики, Вдруг станут солнечней, светлей, Зовущие услышат клики Взлетевших в небо журавлей.

У всякого свое влеченье, У журавля, у воробья... Из длительного заточенья Я возвращаю сам себя,

Никем не узнанный, до Кеми Свой день, свои глаза тяну, — Крутой волны тяжелый лемех Морскую пашет целину.

Секирная гора

Здесь осины светлы, как березы, А березы не так уж светлы. Сгибших узников жгучие слезы Обожгли всем березам стволы.

Не смогу рассказать, не смогу, Не сумею правдиво поведать, Как на белом блескучем снегу Не моя ль коченела Победа?

Не моя ль присмирела война, В неглубоком укрылась овраге?.. Вся страна, вся страна, вся страна Обратилась в зловещий концлагерь.

Мой окопный товарищ, позволь Прикоснуться к открывшейся ране, Незажившую давною боль Ни в каком не укроешь тумане.

День и ночь она кровоточит. Омраченной тоскует зарею. А взошедшего солнца лучи Над секирной темнеют горою.

Я и сам каменею лицом, На великом вздыхаю погосте. Знаю я — под каким колесом Неповинные хрустиули кости.

Под какою секирой сложил Эти кости мой друг, мой ровесник. Потому-то так долго кружил Лиха черного пасмурный вестник...

Плач олонецкого ведуна

Темнеет вода от нахлынувших дум, Мрачнеет ее оловянное око. Рыдает Олонца лесного ведун Слезами Иеремии-пророка.

Известный — да всей-то

России — поэт Изводит себя неизбывной кручиной. Успокоения прежнего нет, Угрюмо глядит бородатый мужчина.

Блистает слезой,

что светло пролилась, На зорю рассветную пала. «Неужто и вправду советская власть Осталась без власти, без права?

Сам сатана все захапал, все взял, Над всей-то страной верховодит. Уразумить бы... Да нету, нельзя, Случилось затмение вроде.

На Соловки вся страна подалась, Уныло бредет под конвоем. Советская власть...

Да какая тут власть?! Тут пахнет всесветным разбоем.

О мужике неусыпно скорблю, О голубиной печалуюсь стае, Слезами кричу... Никакой лизоблюд Утихнуть меня не заставит!

Взойду на костер,

как всходил Аввакум В опальном своем Пустозерске. Освобождаю свой пасмурный ум От книг, от стихов богомерзких.

К «Поморским ответам» уходит душа, К Онежским былинам уходит, В них шорох, в них шепот, в них шум камыша

Должно быть, к грозе, к непогоде.

Уже непогодит, уже моросит, Робеет осина, береза... По весям по всем

да по всей по Руси Народ не желает колхоза.

Не принимает, идет супротив, Народ-то все ведает, знает, — Не усыпить никакой коллектив Медовыми сладкими снами.

Тогда-то и показала себя, Нечистая грянула сила, Не пощадила она воробья, Она никого не щадила. Не пожалеет она и мою Волшебную дивную флейту. Молю я, о Господи, слезно молю: Придвинь мою грусть к бересклету.

К калине, рябине скорее приблизь Мои потаенные слезы. Скорбящей души половеющий лист Утешат утиные плесы.

Освободят от нахлынувших дум, От зорко смотрящего ока».

Рыдает Олонца лесного ведун Слезами Иеремии-пророка.

Глазами пророка взирает на мир, На ту логовину взирает, Где серого волка так долго кормил На Соловках замордованный заяц.

Федор Григорьевич СУХОВ родился в 1923 году в селе Красный Оселок Лысковского района Нижегородской области. Прямо со школьной скамьи ушел на фронт, командовал противотанковым взводом. За боевые заслуги награжден орденами и медалями.
Первые его стихи появились в 1944 году

во фронтовых и армейских газетах. После демобилизации вернулся в родное село, работал в колхозе. В 1949 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького СП СССР, после его окончания работал в сталинградских газетах. Автор более двадцати кинг стихотворений и поэм. Живет в Нижнем Новгороде. В предисловии к одной из своих кинг поэт писал: «Я всегда говорю: все, что есть во мне хорошего, все это из моего родного села Красного Оселка. от той земли. без которой я не представляю себя как поэта». Публикуемые стихи написаны в 1989 году на Соловках.

КНИГИ ФЕДОРА СУХОВА

ПЕСНЯ ЛЕТА. Стихи. — М.: Сов. писатель, 1978. ЯСЕНЬ. Стихи. — М.: Мол. гвардия, 1979. ЗЕМЛЯНИКА НА СНЕГУ. Стихотворенив и поэма. — М.: Современник, 1979. — (Б-ка поэзии «Россия»). ОВЕСЕНЬ. Книга стихов. — М.: Современник, 1984. КРАСНЫЙ ОСЕЛОК. Стихотворения и поэма. — М.: Сов. Россия, 1984. ПОДЗИМЬ. Избраниов. — М.: Мол. гвардия, 1985. ЛЕШЕВА ДУДКА. — М.: Сов. писатель, 1987. МАТЬ-И-МАЧЕХА. — М.: Современник. 1989.

ГРИГОРИЙ КЛИМОВ

Князь мира сего

На этом следователь по делам нечистой силы поставил точку. После загадочной научно-исследовательской работы ои защитил свою диссертацию. Когда Борис, частью из вежливости, частью из любопытства, выразил желание пойти послушать эту процедуру, Максим отрицательно покачал головой:

- Нельзя. Это спецпроект и защита закрытая.

Для кандидатской диссертации обычио полагается триста страниц. Вместо этого Максим представил три толстых тома, где одна библиография источников занимала более пятидесяти страниц. И вместо кандидата наук, — в порядке редкого исключения, что делается только в случае каких-либо иеобычайных заслуг, — сразу получил высшую ученую степень доктора социальных наук и философии.

Для больших открытий, как правило, необходимы два условия. Первое — чрезвычайная, сверхчеловеческая концентрация на даином предмете. И второе — способность найти за частностями закономерность и сделать из этого практический вывол.

Смерть любимого человека так подействовала на Максима, дала ему такой толчок, так сконщеитрировала его на какой-то, только ему одному известиой, цели, что ради этого ои забыл обо всем остальиом на свете. В поисках ответа он перебрал все частности, перерыл всю историю человеческой цивилизации от первобытных тунгусов с их шама-иами до брениых останков утончеиной аристократии — и он нашел какую-то закономерность. Причем что-то важное. Иначе ему не дали бы так сразу диплом доктора.

Мельком Максим заметил, что его работой заиитересовался сам Сталин. Какой практический вывод сделал для советской власти доктор социологии Рудиев из своего увлечения средневековой алхимией — научился он делать золото из свинца? Нашел философский камень мудрецов? Или открыл секрет материализации духов? Ведь в газетах как-то писали, что и Адольф Гитлер тоже субсидировал подобные странные начииания, где ученые заиимались телепаткей, спиоитизмом и парапсихологией.

— Макс, что ты изобрел? — спросил Борис.

 — Формулу дьявола, — ответил тот и даже не улыбнулся.

Так или ииаче, с этого момеита доктор Руднев стал делать головокружительную карьеру, о которой ои раньше и мечтать не мог. Вместе с докторским дипломом он получил чин полковника НКВД. Вскоре у него на груди появился первый орден, и не какой-иибудь так себе, а сразу орден Леиинв — высшая иаграда Советского Союза. В «Правде» стояло коротко: «...за выполиение специальных заданий партии и правительства». Теперь Максим шагал вверх семимильными шагами. Но поразительнее всего было то, что ко всем этим почестям ои относился с абсолютным безвазличием.

В качестве профессора социологии Максим руководил каким-то чрезвычайно засекреченным Научио-исследовательским институтом НКВД, где у всех научных сотрудников из-под белых халатов, как хвост у черта, выглядывали малиновые петлицы НКВД. Одиовременио Максим был изчальником какого-то оперативного отдела НКВД, где теоретическая работа его института находила свое практическое применение.

- Что это у тебя за отдел? полюбопытствовал Борис.
- Тринадцатый, ответил Максим.
- Это по каким делам?

По делам нечистой снлы. Потому он и тринадцатый.
 Э-э, врешь ты все.

Максим вынул из стола служебный блаик. Там, действительно, стояло «13-й Отдел Главного управления НКВД СССР». Борис пренебрежительно махнул рукой и пошел заниматься своими делвми. Все равио от Максима ничего путного ие добъещься.

Потом... Потом доктор, профессор и полковник НКВД вдруг запил горькую. Хотя раиьше ои иикогда не элоупотреблял алкоголем, теперь он пил, как самый последний влкоголик — в одиночку. Он запирался у себя в комнате, напивался до одурения, затем начинал разговаривать сам с собой. Или, может быть, он беседовал с привидениями, про которые ои начитался в своих средиевековых трактатах о иечистой силе.

Занявшись алхимией, Максим попутно коллекциоиировал соответствующие этому ремеслу предметы. Так он приобрел где-то оригинальный кубок немецкой работы тех времеи, когда в Германии охотились за ведьмами, из тонкого, раскрашенного от руки матового фарфора. Это была мастерская имитация человеческого черепа. Немецкий мастер так постарался и достиг такого сходства с оригиналом, что это произведение искусства было даже иеприятно брать в руки. Максим же сидел и пил из этого кубка водку.

Как-то, проходя в свою комиату, Борис укоризненно

— Макс, зачем ты пьешь?

— Зачем? — полковник медленно поднял голову и посмотрел на брата мутными глазами. — Так, поговорить надо...

С кем'

С тем, чего не могут вериуть даже боги... С собственным прошлым... Которому я обязан своим настоящим...

— Зачем тебе это?

— Зачем?.. Душу облегчить... Впрочем, ты, безбожиик, в этом ничего не понимаешь...

Пойдем лучше в воскресеные рыбу ловить, — предложил безбожник.

— Воскресение... Это реникариация души... Перевоплощение души страданием, как говорил Достоевский, — в углах рта Максима скользнула нехорошая усмешка. — Нет, теперь я другую рыбку вылавливаю...

Что, людей мордуещь? Эх ты...

В голове младшего звучала неприязнь. Старший нахму-

Ничего ты ие поиимаешь... И не поимещь...

— И так все ясио. Потому ты и запил.

— Это только кажется, что это люди... А на самом деле

- А кто же это?

— Ты, Бобка, меня лучше не спрашивай, — полковник поморщился, как от тошиоты. — А если я тебе даже и скажу... так ты этому не верь... и смотри, никому это не рассказывай...

 Да ты все равио иичего умного и не скажешь, — согласился младший.

Старший качался на стуле и бормотал себе под нос:

— Да-с, правильно... Ты, Бобка, счастливое животиое, мелкопитающееся, гомо сапиеис... мезоморфического типа... А ведь, собственно говоря, хотя ты ничего не поиимаешь... ведь это тебя нужио благодарить.

— За что?

— За это! — Максим ткиул себя пальцем в грудь, где у него поблескивал орден Ленииа. — Да, за это самос... Вот видишь, я тебе говорю, а ты ничего ие понимаешь...

Он тяжело оперся локтями о стол и отклебнул водки из своего мерзопакостного кубка:

Ладно, так и быть, открою тебе тайну... Хочешь?

— Ты лучше меньше пей, а то нос красный будет.

— Я тебе серьезно говорю... А ты, дурак, смеешься... Это больша-ая тайна... Госуда-арственная тайна...

Полковник понизил голос, словно опасаясь, что ктонибудь подслушает его тайну:

— Так слушай... Вот ты, безбожник, думаешь, что черей нет... А я вот тебе скажу, что черти есть!

тей нет... А я вот тебе скажу, что черти есть!
— Так все пьяницы говорят. Когда перепьются до чер-

— Болван, — беззлобно сказал полковник госбезопасиости. — Черти есть... И оборотни есть, и лешие... А ведьмы и ведьмаки так на каждом шагу... Ведь я каждый день с ними дело имею...

Поиятно, если ты каждый день пьешь, — скептически заметил младший.

— Не веришь? — старший, пошатываясь, встал, взял с полки какую-то толстую киижку, утыканиую разноцветными закладками, по этим закладкам иашел нужное место и стал медленно и торжественно читать:

«...Ведьмы и ведьмаки — это порождение зла, социальная зараза и паразиты, поклонники отвратных и непристойных убеждений, приверженцы яда, шантажа и других ползучих преступлений... Ведьмы и ведьмаки поднимают ссоры, ревность, споры, сердечные разногласия... Их пагубная деятельность простирается от семейных неприятиостей и столкновений, в отдельности, может быть, и незиачительных, ио в целом чрезвычайно иеприятиых и мучительных, до самых серьезных преступлений... — гибели имущества, внезапной болезни и гложушей смерти, и. наконен...»

Здесь полковник НКВД, специализировавшийся на иечистой силе, миогозначительно поднял палец:

— Обрати внимаиие... «и, иаконец, до столкиовения наций, анархии и красной революции, поскольку ведовство всегда было и будет политическим фактором... В результате ведьмы и ведьмаки являются постояиной опасностью для всякого упорядоченного общества». Зиаещь, кто это сказал?

--- Кто?

— Это сказал сам папа Иниокентий 8-й! — с глубоким уважением произнес советский доктор социологии, как ученик, говорящий о своем наставнике. — Это иаписано в его знаменитой булле от 1484 года! И я подпишусь под каждым его словом!

 Мало ли какие глупости пишут, — возразил Борис. — Бумага все терпит.

— Нет, это вовсе не глупости, — Максим любовно погладил рукой переплет книги. — Это «История ведовства и демонологии» Монтегю Саммерса... Из сугубо научной серии «История цивилизации»... Саммерс — ученый-теолог, а книга эта издана в Лондоне в 1926 году... Так что это вещь серьезная и современная. Надо только понимать, что за этим под-разумевается...

— Эх, ты, мракобес, — сказал Борис. — И за что только тебе доктора дали.

— Вот за это самое... Но с точки зрения диалектического материализма...

— Значит, квалификационная комиссия тоже пьяная была?

— Никакой комиссии не было, — ученик папы Иннокентия 8-го поставил книгу иа место. — Мне доктора дал собственноручио сам Сталин!

Врешь ты, — сказал младший.

Старший сделал большой глоток из своего отвратного кубка-черепа, он тупо уставился в кубок, словно рассматривая что-то на дне человеческого черепа:

— Все очень просто... Я разб-бил свою диссертацию иа иесколько иезависимых частей — по истории, по антроп-пологии, по псих-хологии и еще некоторым специальным предметам... Каждая часть была аинотирована лучшими специалистами Советского Союза в даниой об-

ласти... Каждая часть в отдельности, сама по себе, ничего особенного не говорит... Но когда сложить все части вместе, то получается то, что говорил папа Иннокентий — нечистая сила как политический фактор... Все апробировано и подписано академиками, но как это сложить — это знаю только я... Да еще товарищ сатана...

— Ну и что толку, что ты знаешь?

— Как это? Эти черти есть социальная зараза, паразиты... Опасность для всякого упорядоченного общества... А раз так, то это уже по линии НКВЛ...

Полковник государственной безопасности оживился и заерзал на стуле так, будто он сидел верхом на сатане:

— Я Сталииу говорю: «Смотрите, Иосиф Виссариоиович, это источник анархии и рев-волюции...» Ои не верит. Тогда я беру мои материалы, складываю как нужно — и на осиовании документальных фактов, подтвержденных академиками, доказываю, как эта нечистая сила сначала способствовала анархии в царское время, а потом участвовала в Октябрьской социалистической революции... Все в точности, с именами, с фамилиями...

И с адресами? — насмещливо вставил Борис.

— Конечно, — увлекшись, продолжал ученик папы Иннокеития. — Сталин сначала обозлился, а я ему говорю: «Минуточку, Иосиф Виссарионович... Все дело в одном слове... Это опасность для вся-ко-го упорядоченного общества... Понимаете, вся-ко-го!? Так что, если вы считаете советскую власть уп-порядоченным обществом, то теперь эта же самая иечистая сила будет заииматься революцией против вас, то есть контрреволюцией...» И вот тут-то он призадумался...

Максим приложился к своему сосуду с водкой и икнул:
— После этого Сталии назначил меня... ик-ка... особоуполиомоченным по делам нечистой силы... ик-к... в составе Народного Комиссариата Виутренних Дел... ик-к... по всему Союзу Советских Социалистических Республик...

Сидя верхом на стуле, он погрозил пальцем:

— Только ты, Бобка, смотри... Никому это не говори... Это государственная тайна... А теперь, знаешь что... Я что-то со стула встать не могу... Положи-ка меня в постель и сними сапоги...

— И не подумаю.

— Поч-чему?

 Раз ты иапился до чертиков, так пусть они тебе и сапоги симмают.

Про себя Борис решил, что брат все-таки помещался. Однако умопомещательство Максима, казалось, помогало его карьере. Вскоре он получил звание комиссара гос-безопасности 3-го ранга, что соответствовало чииу генералмайора НКВД. Но его самого это инсколько не радовало, словно в обмен на карьеру он, как доктор Фауст, променял свою душу дьяволу. В точности, как это описывалось в средневековых книжках, которые он так тщательно штудировал.

Глава 4 Князь и комиссар

Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали,

Лука 10: 24

Вскоре после того, как доктор социальных наук Максим Руднев стал особоуполномоченным Сталина по делам нечистой силы, в Леиниграде произошло убийство Кирова, второго после Сталина человека в партии. Убил его молодой коммунист Николаев.

Было холодное зимнее утро. По радио беспрерывно передавали траурные марши Шопена. Максим сидел за своим столом, вместо утречиего чая пил водку, листал личное де-

ло Николаева и бормотал:

- Ага-а, у иего лошадиная стопа... Как у Байрона... Знаем мы эти байроновские типы... Герои нашего времени... Тамерлан, Талейраи, вождь меньшевиков Мартов, Роза Люксембург, батька Махно, Геббельс... Все эти хромоножки и хромые учителя у Достоевского...

Борис сидел в соседней комнате и учил историю партин, потом приоткрыл дверь и спросил:

— Эй ты, чернокиижиик, что там такое?

— Что... Что... — бормотал Максим. — Кроме того, у него эпилепсия... И жена у него гораздо старше его... Но даже и она его бросила... Типичный легионер!

Стол у Максима был старенький и простенький. Но теперь на этом облезлом столе стояло три телефона: белый для простых разговоров, красный — прямой провод в Кремль и черный — специальный провод в 13-й Отдел

-- Та-ак, дело ясиое, -- он потянулся к чериому телефону. — Потому и говорят — хромой чер-р-рт... Или косой черт...

Прихлебывая водку, доктор социальных наук стал диктовать в трубку приказ о взятии на спецучет 13-го Отдела НКВД всех хромых и косых в Советском Союзе. В первую очередь тех, кто члены компартии. Но только хромых и косых от рождения.

Убийство Кирова послужило как бы сигналом, после которого началась Великая Чистка. Сначала со стеи исчезали портреты знаменитых людей — героев революции. старых большевиков, вчеращних руководителей партии и правительства. Потом их имена появлялись в газетах — в качестве врагов народа, предателей, вредителей и иностраиных шпионов. Затем бывших героев отправляли на коивейер смерти в подвалы НКВД.

Комиссар госбезопасности Руднев стал на стахановскую вахту: он работал в две смены, по шестиадцать часов в сутки, и часто оставался иочевать на службе. А если приходил домой, то от него всегда несло водкой. За ужином он сидел молча, глядя по сторонам.

Просматривая «Известия» с отчетом об очередном процессе врагов народа, отец Руднев недовольно ворчал:

— Это черт знает что...

- Да, черт знает свое дело, - кивнул комиссар госбезопасности, не поднимая глаз от тарелки. -- Есть такая старая сказка: черт обещает власть и славу, но нужно подписать с ним контрактик... Так вот, теперь черт требует уплаты по векселям... А я подвожу бухгалтерию.

- Но ведь эти революционеры боролись за лучшее будущее, — сказал отец.

- История уже много раз показала, что тот рай, который обещают революционеры — это потеряиный рай. сказал комиссар. — А красивыми обещаниями выложена дорога в ад. И первыми туда попадают сами революционеры.
- Но ведь процессы-то эти дутые!
- Как сказать... Ведь это они затеяли братоубииствеиную гражданскую войну... Ведь это они напустили на Россию разруху, голод и мор... А знаешь ли ты, что это стоило России больше человеческих жизней, чем вся Мировая война... Ну вот, теперь пришло время за все это расплачиваться.

Тем временем чистка принимала все более фантастические формы. На показательном процессе, в присутствии международной прессы, кремлевские врачи во главе с доктором Левиным публично и со всеми подробностями признавались, как они потихоньку отравляли своих кремлевских пациентов. Подбивал их на это верховный охраниик Кремля — сам начальник НКВД Ягода. А идеологическое руководство отравлениями принадлежало тихоням идеалистам из леиинской гвардии, прославленным свободолюбам и человеколюбам. Прямо из зала суда бывших героев революции отправляли на живодерию НКВД. Казалось, что над Москвой повисло какое-то кровавое безу-

Вечером отец недоверчиво читал вслух газету:

«Отравления производились при помощи распыления через пульверизатор медленно дейстаующих ядов, преимущественно солей ртути. Ими опрыскивали ковры, занавеси, мягкую мебель. Через легкие эти яды попадали в кровь и постепенио разрушали организм жертвы в самом слабом месте, вызывая смерть как будто от естественных поичин...

Комиссар госбезопасности хлебал суп и бормотал в та-

Я Сталину открыл книжечку и показываю: «Видите, те же методы, что и в шестнадцатом веке. Ренесса-а-

Он поболтал ложкой в супе и протянул руку к солонке: Между прочим, вот этой самой рукой я пристрелил

сегодия цареубийцу Белобородова... — Послушай, Максим, — сказал отец, — но исужели же ближайшие сотрудники Ленииа были иностраиными шпионами? Вель этому нельзя поверить!

— Что же тут такого особенного? — угрюмо уставился в тарелку Максим. — Вель сам Лении был немецким шпиоиом. Ведь немцы прислали его в Россию в запломбированном вагоне. А каков поп, таков и приход.

Отец читал заключительные слова государственного обвинителя Вышинского:

«Всех этих врагов народа нужио расстрелять, как бещеных собак!»

Глупая риторика прокурора, — сказал отец.

— Это не риторика, а правда, — буркнул Максим. — Эти люди куда хуже, чем бешеные собаки. Тех сразу видно, а этих не сразу.

Но неужели эти заслужениые революционеры, - тихо сказала мать, -- одновременно были осведомителями парской охранки?

 Конечио. — кивнул Максим. — При обысках в архивах оппозиции нашли даже доносы в охранку, написанные рукой самого дражайшего товарища Сталииа. Оппозиция хранила это в своем арсенале как последнее оружие. Но этих воспоминаний молодости я Иосифу Виссарионовичу ие показывал.

Боже мой! — вздохнула мать. — Какой ужас.

— Революционеры после революции — это пауки в баике, — сказал доктор социальных наук. — И они будут грызться за власть, пока не пережрут друг друга. Ведь, если почитать архивы охранки, то ясно видно, что в подготовке революции самыми активными были эсеры. А после революции они первые же попали под расстрел. А потом большевики сожрали меньшевиков. А теперь большевики ликвидируют друг друга. То же самое было с якобинцами и жирондистами. А кто привел к власти Гитлера? Штурмовики. А где эти штурмовики сейчас? Гитлер их всех перестрелял. В результате всегда остается один большой паук --- Наполеон, Гитлер или Сталин. Это историческая закономериость. И чем это скорее закончится, тем

Покончив с ужином, Максим налил себе чайный стакан водки, отпил половину и устало откинулся на стуле. Отец свернул газету и вздохнул:

- А я все-таки этим обвинениям не верю.

-- Да, правды там только частичка, — криво усмехнулся Максим. - А если я скажу тебе всю правду, то ты поверишь мне меньше. В свое время Ленин требовал, чтобы его партия была «партией профессиональных революциоиеров». Но весь секрет в том, что настоящие революционеры, профессиональные революционеры — это непростые люди. Это специальные люди.

— Какие-такие специальные?

Такие... Это совершенио специфическая категория людей... С такими особыми комплексами...

-- Странно. Что ж это за комплексы?

Локтор социальных наук допил свой стакан с водкои и поучительно подиял палец:

Вот тут-то оно и начинается... Это то самое, что когда-то называли бесами. Если в человеке появляется этот комплекс, то этот человек сам превращается в беса... или в черта... и начинает заниматься черт знает чем... По-

Видя, что Максим перепил и опять начал бредить про нечистую силу, отец осторожно сказал:

- Хм, этому действительно трудно поверить.

— Да, ио это так... Когда этих чертей арестовывают, я пропускаю их через строжайшие медицинские экспертизы... ана-а-ализы..

- Какие анализы?

Всякие... В том числе и внутренией секреции... И почти у всех та же самая история. То самое, что раньше называлось бесовской одержимостью. А одно из самых Опасных проявлений этой одержимости — это неулержимая, болезненная жажда власти. Это специальный комплекс власти. То, что создает так называемых «прирожденных вождей». Потому одержимые этим комплексом

люди ради власти идут на все... на любое преступление. Советский доктор Фауст щелкнул по бутылке с водкой:

Для настоящих, прирождениых революционеров революция — это борьба за власть. А все остальное — только средство к цели. И никто не ненавидит друг друга так, как эти комплексные бесы, грызущиеся за власть - или видимость власти. Ведь Ленин занимался фракционной борьбой больще, чем борьбой с царизмом. Потому эти черти и стучали друг на друга в охранку. И наперебой сотрудничали с иностранными разведками.

Максим постучал кулаком по столу:

— Потому в Библии и сказано, что их хозяин — дьявол - всегда стремится к власти.

На следующий вечер, читая новые покаянные речи врагов народа, отец опять качал головой и ворчал:

— Но ведь это ж старые большевики. Прошли все царские тюрьмы и ссылки и никогда не раскаивались. А теперь такие невероятные самообвинения!?

Говорят, им делают какие-то одуряющие впрыскивания. — заметила мать

Не одуряющие, а наоборот — проясняющие, — возразил комиссар госбезопасности. — Я впрыскиваю им такие штучки, которые изгоняют то, что раньше иззывалось бесами. Тогда они временно становятся обычными людьми, осознают свои грехи — и признаются. А для публичных процессов я впрыскиваю им штучки посильней. Тогда их даже тянет к покаянию --- и они занимаются самоби-

Доктор социальных наук потянулся к своему стакану с водкой.

- Впрочем, все это полностью соответствует основному закону диалектического материализма — насчет единства и борьбы противоположиостей как двигателей исторического процесса. Борька, ты этот закон знаешь?

Но ведь это абсолютно противоречит закону о классовой борьбе как основном даигателе истории. Гле же в классовои борьбе единство?

Не знаю.

Вот в том-то и дело. Это противоречие не объяснит ни один профессор марксизма-ленинизма. А если объяснит, его расстреляют.

- Да потому, что это марксистское единство и борьба противоположностей... Ха-а!... Да ведь Маркс просто перефразировал старую формулу средиевековых чертопоклонииков... Но меня не проведешь... Я-то все это знаю.

 Что же это за формула? — заинтересовался Борис. In daemone deus, — процедил сквозь зубы комиссар госбезопасности. — В дьяволе бог... Вот вам и весь секрет

этого единства и борьбы противоположиостеи.

— Да, ио что это такое?

- Это философская загадка, философский камень, о который ломали себе голову лучшие умы человечества. Некоторые даже свихнулись. Потому что эта загадка неразрешима.
- Ну а ты эту загадку разгадал? подмигнул Борис.

Конечно, — уверенно сказал ученик папы Иннокен-

тия. — Бог есть Бог, а дьявол есть дьявол!

- Послушай, Максим, - отец сиял пенсне и со смущенным видом принялся протирать его носовым платком. - Вот ты сам говоришь, что кое-кто свихиулся над этими проблемами. А ты знаещь, что есть еще такое религиозное помещательство... Может быть, на тебя слишком подействовали эти твои книги про нечистую силу... Если хочещь, у меня есть один знакомый психнатр?

Доктор социальных наук презрительно фыркнул:

Если к кому применима поговорка «Врачу -- исцелися сам!», то в первую очередь это относится к психиатрам. Ведь многие психиатры становятся психиатрами, чтобы быть поближе к собствениой среде. Но мы это тоже

Отец сделал вид, что полирует свое пенсне. А Максим самоуверенно усмехался:

— Ты лучше пошли этого психиатра ко мне. Я скорей найду у него что-иибудь такое, ненормальное.

Пока старший брат был на службе, Борис обнаружил на его столе книгу Макиавелли «Князь», на которую обычно ссылаются, как на образец политического цинизма. Эта книга была написана в Италии времен Цезаря Боржиа, когда там шла ожесточенная борьба между удельными князьями, которые пускали в ход все - убийства, отравления, предательство и подлоги. А Макиавелли полностью оправдывал все преступления князей и составил как бы философскую рецептуру политического вероломства и беспринципности, всех видов подлости и коварства.

Киига, лежавшая на столе Максима, была выпущена в Москве незадолго до убийства Кирова. Прекрасное издание «Академии». Старинные гравюры. И даже новый перевод. Но самое удивительное было то, что предисловие к «Князю» было написано Каменевым. Это был культурный и мягкий человек, типичный тихоня-идеалист из ленинской гвардии. Но в предисловии он восхищался философией Макиавелли и всячески рекомендовал ее как практическое руководство в политике.

Вскоре Каменев был арестован по делу «Троцкистскозиновьевского террористического центра» и сам попал под ту рецептуру, которую он так усердно расхваливал. Вслед за этим был арестован и «Киязь» Макиавелли — его запретили и изъяли из обращения.

На заглавиом листе рукой Максима была приписка:

«Характерно, что философия Макиавелли подразделяется на 13 принципов. Это, конечно, не случайно, а нарочно. Проверить его «Мандрагору». Растет под виселицами».

Когда Борис поступил в Индустриальный институт, на форме работников госбезопасности появилась новая эмблема НКВД: змея, подиявшаяся на хвост и произенная мечом. Увидев на рукаве Максима эту овальную, шитую золотом и серебром эмблему, Борис спросил:

— А что это за змеюка?

— Это гидра р-революции, — ответил Максим.

Поймав иедоверчивый взгляд младшего брата, он полез в стол и достал пачку фотографий, подшитых в специальную папку НКВД. Это была обширная коллекция значков, гербов, флажков и символов всяких революционных, террористических и тайных обществ, начиная от египетских пирамид и кончая Великой Октябрьской революцией. На многих фотографиях была изображена точно такая же поднявшаяся на хвост зменка, которую пронзал меч на рукаве комиссара госбезопасности.

Продолжение в следующем номере.

Работы этого художника, представлениые на многочисленных выставках — в провинции пи, в столице, всегда привлекают внимание. По ним не скользят равнодушным взглядом. Они особенно выделяются среди современных «поисков» и «новаций» своей традиционностью, каким-то старомодным, но милым обликом. Неко-ТОРЫМ ОНИ КЕЖУТСЕ ИЗЛИШНЕ ДЕТЕПИЗИрованными, слишком тщательно прорисованными. Что ж, в не такова ли наша жизнь, с ее множеством деталей, природа, умеющав оценить и оберечь самое мвлое! В ней есть место и быянике, и цветку, и крошечному насекомому. Нет мелочей, «проходных» деталей и в работв этого ма-

Порв назвать его имя. Станислев Епифанов. Художнику 46 лет, он окончип Московский полиграфический институт, учился у имвинтого графика А. Д. Гончврова. Маэстро лередал многое своему учекику, но, пожелуй, пристальный и добрый взгляд на мир это особый, природный дар Епифанова. Художник, сповно странинк очарованный, путешествует по родному краю. Гяядит — и наглядеться не может на прекрасные сеяьские виды, на родные, любимые с детства маста. На малую родину Сергев Есенкна, творчеством которого он пленен. И слово Есенина — путеводнав инть странствий художника, больших — в Азербайджан в Мардакян, где поэт создавая свои «Персидские мотивые. И малых — в Коистанткиово, Спас-Клепиии, везде, повсюду на Рязвиской земле, где родипся, жил, бывал Есении.

Всего пишь два цвета — черный и белый, но художник, страмясь постичь магические свойства графики великого Фаворского, пытается добиться этого особого серебристого свечения, прекрасиых переянвов пиний - тоичайших, нежных, но точных штрихов. Резец-штихель в его руках обретает легкость лера, ведущего рисунок черной тушью, снайперскую точность и твердость лазерного луча. Одна из наиболее интересных гравюр, ранних работ, которую художник свы считает зтапной в своем творчестве, называется «Свребрвный ветер». Красноречивое название.

Можно было бы, пожвлуй, здесь поставить точку. В задачи этой рубрики не втодит многословный рассказ о **художинках.** Их работы, посвященные родной земле, вослевают ее крвсоту H FORODRE OCODINA BENKOM CRAN 38 CBбв, подразумевая, что зритель обязательно разделит с художником его радость, его доброе воспривтие мира. Но Ствинслав Епифанов — вытор, чье творчество связано с поэзией Есенина, с миром Есенина-лирика, беззаветно предаиного родной земле. Сюдв, на «милую родину», всегда возвращался поэт. Сюда, в Константиново, вновь и вновь стремится художник, чтобы по-своему осмыслить и лередать то, что было дорого поэту, что давало силы жить и творить. Неслучайно лучшие работы Елифанова, иесомненно, есеиниские. Гравюры и офорты из его всенинских путешествий, неустанно, день за днем, пишут летопись Разанской земли, ее прошлого, тысвчью нитей связанного с днем минувшим. И совраменное Конствитиново живет Есениным, и на мемориальной улице — навечно двадцатые годы два-

Русь моя, милая Родина...

Гравюры Ствиислава Епифанова см. твюке на 2-й и 3-й стр. обложки

Полевая дорога е селе Коиствитинове.

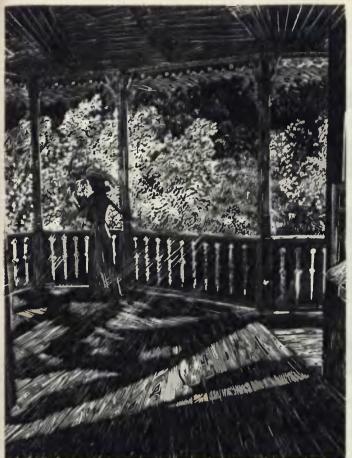
На вераиде.

Амбар и рига в усадьбе Есеиниых Кузьминская ТЭС Дом-музей Есеиниа

дцатого столетия... И снег твкой же легкий, серебристый, что и в быпые годы, и сияет день морозный, и вечером ласково светят окив знаменитой на весь мир избы...

Тем, ито не бывая в Константинове, удавтся, благодаря Станиславу Елифанову, совершить это лирическое путашествие. Художник, конечно, создает особый, романтически приподнятый мир Есенина. Воспевает его, преподносит нам бережно, пюбовно. «Крвй побямый» запит сопицем, в «Ветер над Вожей» навевает тепло, покой, которого ивм. порой, так не зватает сейчас... Они просты, безыскусны, эти произведения. Но почему от них так тихо, так радостно ив душе!

ЕЛЕНА ПЛАХОВА

Шабаш

Лишь только показалось вдали розовое зарево, возвещающее Москву, как компания села на землю в поле. Выскочили, разобрали ухваты, Клодина села на борова, а шоферы, поставив машины, выскочили из сидений. Первый «линкольн» устремился в чистое поле, клопая дверцами, запрыгал по буеракам, наконец, влетел в овраг, перевернулся и загорелся, а второй полетел по щоссе и слышно было, как он врезался в какую-то встречиую машину. Блеснули тревожно огии, затем смешались, что-то вспыхиуло и долетели вопли. Грач и козлоиогий долго хохотали, катаясь на траве, а затем компания устремилась ввысь и, невидимая, влетела в пылающий светом город. Высадились на крыше громадного дома на Садовой улице и один за другим погрузились в трубу. Маргарита с ужасом и весельем спускалась по трубе, глотая горький запах сажи. Чем ниже, тем яснее до нее доносились звуки оркестра, а когда она оказалась в пустом камине и выскочила в комнату без единого пятна на теле, ее оглушил гром труб и ослепил свет.

Хохот, радостные приветствия огласили комнату. Пошли объятия и поцелуи. Слово «Маргаритві» загремело в воздухе. Из-под земли вырос старый знакомый Фиелло и, почтительно сияв поварской колпак, осведомился у Маргариты, корошо ли долетела госпожа. Откуда-то у кого-то появился в руках бокал с шампанским, и Маргарита жадко выпила колодную жидкость. В ту же минуту кровь ее вскипела пузырьками и ей стало весело. Кто-то во фраке представился и поцеловал руку, вылетела рыженькая обольстительная девчоика лет семнадцати и повисла на шее у Маргариты и прижалась так, что у той захватило дух. Ктото поручал себя покровительству, кто-то слово просил за-

Маргарита хохотала, целовалась, что-то обещала, пила

еще шампанское и, опьянев, повалилась на диван и осмот-

релась. Она сразу поняла, что вокруг нее непринужденное веселье и кроме того общество смещанное и толчея ужа-

В комиате — бывшем кабииете Берлиоза — все было вверх диом. На каминной полке сидела сова. Груды льда лежали в серебряных лохаиях, а между сверкающими глыбами торчали горлышки бутылок. Письменный стол исчез, вместо него была навалена груда подушек, и на подушках, раскинувшись, лежал голый кудрявый мальчик, в на нем сидела верхом, нежилась ведьма с болтающимися в ушах серьгами и забавлялась тем, что, наклонив семисвечие, капала мальчику стеарином на живот. Тот вскрикивал и щипал ведьму, оба хохотали, как исступленные. У горящего камина что-то шипело и щелкало — Фиелло жарил миндаль и двое в багровом столбе пламени пили водку. Одии был в безукоризиенном фрачиом одеянии, а другой в одиих подштанниках и в носках.

Через минуту к пьющим присоединился боров, но голая девчонка украла у него из-под мышки портфель, и боров, не допив стопки, взревев, кинулся отнимать.

В раскрытые двери виднелись скачущие в яростной польке пары. Там полыхало светом, как на пожаре. Горели люстры, на стеиах пылали кенкеты со свечами, кроме того столбами ходил красный свет из камина. От грохота труб тряслись стекла за шторами.

Гроздья винограду появились перед Маргаритой на столике, и она расхохоталась — ножкой вазы служил золотой фаллос. Хохоча, Маргарита тронула его, и ои ожил в ее руке. Заливаясь хохотом и отплевываясь, Маргарита отдериула руку. Тут подсели с двух сторои. Один мохнатый, с горящими глазами, прильнул к левому уху и зашептал обольстительные непристойности, другой — фрачник привалился к правому боку и стал нежно обиимать за талию. Девчоика уселась на корточки перед Маргаритой, начала целовать ее колени.

Ах. весело! Ах. весело! — кричала Маргарита, — и все забудещь. Молчите, болваи! — говорила она тому, который шептал, и зажимала ему горячий рот, но в то же время сама подставляла ухо.

Но тут вдруг на каминиых чвсвх прозвенел один удар половина пвеналнатого. — и разом смолкла музыка в зале и остановились пвры. И тотчас меж расступившихся прошел Фагот-Коровьев, все в том же кургузом пиджачишке и своих погвных гетрах.

Но несмотря на его неприглядный вид, толпа расступилась, и Коровьев подошел к Маргарите, по обыкиовению слегка валяя дурака.

Приветствовал, выкниув какую-то штучку пальцами, взял под руку и повел через зал. Но тои Коровьева, когда ои, наклоиившись к уху Маргариты зашептал гнусаво, был чрезвычайно серьезеи.

Поцелуйте руку, назовите его «мессир», отвечайте только на вопросы и свми вопросов не задаванте.

После бальных огней Маргарите показалось, что темиоватая пешера глянулв на нее. Некто в фиолетовом наряде откинул алебарду и пропустил в кабинет.

В квиние тлели угольки, на столике горели семь восковых свечей в золотом семисвечнике, и в теплом их свете Маргарита рассмотрела гигантскую кровать на золотых иогах, тяжелые медвежьи шкуры на полу и шахматную доску. Пакло острыми лекарствами, густым розовым маслом. На постели на шелковых скомканных простынях сидел тот самый, что в час заката вышел на Патриаршие Пруды. На ием был зеленый засаленный и с заплатой на локте халат, из-под которого видиелась грязная иочиая сорочка, ив голых иогах истоптанные иочные туфли с изъеденной меховой оторочкой, на пальцах тяжелые перстии. Ночной горшок помещался у кровати. Одну ногу сидящий откинул, и голая ведьма, покрасиев от натуги, натирала колено чернои мазью, от которой по всей комнате распростраиялся удушливый запах серы.

За спиной Маргарита чувствовала, квк толпа гостей бесшумио вваливается в кабииет, размещается. Настало молчание.

Сидящий в этот момент стукиул золотой фигуркой по доске и молвил:

Играешь, Бегемот, безобразно.

Я, мессир, — почтительно отозвался здоровяк черный котише скоифужению, - просчитался. На меня здешнии климат иеблагоприятио действует.

Климат здесь ни при чем, — сказал сидящий, — просто ты шахматиый сапожиик.

Кот хихикнул льстиво и иаклонил своего короля.

Тут сидящий подиял взор на Маргариту, и та замерла. Нестерпимо колючий левый глаз глядел на нее, и свечиые огни горели в нем, а правый был мертв. Ведьма отскочила в сторону со своим черным варевом.

Мессир, — тонко заговорил Коровьев у плеча Маргариты, — разрешите представить вам Маргариту.

А, достали? Хорошо, — ответил сидящий, — подой-

Маргарита почувствовала, как Коровьев предостерегающе толкнул ее в бок, и сделала шаг вперед. Сидящий протянул ей руку. Маргарита, вдруг догадавшись, кто такой перед нею, побледнела и, наклонившись, поцеловала колодные кольца на пальцах.

Глаз опять впился в нее, и Маргарита опустила веки, не в силах будучи выиести его.

- Вы меия извините, госпожа, за то, что я принимаю вас в таком виде, - и сидящий махнул рукой на голую свою иатертую иогу, на горшок и шахматы, — нездоров. Отвратительный климат в вашем городе, то солиышко, то сырость, холод... А?
 - Честь, честь, тревожно шепнул в ухо Коровьев.
 - Это... начала Маргарита глухо.
- Великая, свистнул Коровьев.
- Это великая честь для меня, выговорила Маргарита и вдохиовенио добавила, — государь мой.
- $-0, -\ldots$ головой, слепой и неуверенной походкой, он подошел к ложу.
 - Узнаешь меня, Иванушка? спросил сидящий.

Иванушка Бездомный повернул слепую голову на голос.

— Узнаю, — слабо ответил он и поник головой.

- И веришь ли, что я говорил с Поитием Пилатом?
- Верую.
- Что же хочешь ты, Иванушка? спросил сидящий. — Хочу увидеть Иешуа Гвиоцри, — ответил мертвый, ты открои мие глаза.
- В иных землях, в иных царствах будешь ходить по полям слепым и прислушиваться. Тысячу раз услышишь, как молчание сменяется шумом половодья, как весной кричвт птицы и воспоешь их, слепенький, а стихах, а на тысячу первый раз, в субботнюю иочь, я открою тебе глаза. Тогда увидишь его. Уйди в свои поля.

И слепой стал прозрачеи, потом и вовсе исчез.

Маргаритв, прижавшись щекой к холодному колеиу, не отпываясь смотрела.

Над столом сгустился тумвн, а когда он рассеялся, на блюде оказалась мертвая голова с косым шрамом от левого виска через нос на правую щеку и с кольцом лохматым

ответил бывший администратор.

- Да-с, а курьершу все-таки грызть не следовало,назидательно ответил хозяин.
- Виноват, сказал Внучата.
- В уважение к вашему административному опыту, и иазиачаю вас центурноном вампиров.

Виучата стал на одно колено и руку Воланда сочио поцеловал, после чего, отступая задом, вмешался в толпу придвориых.

- Ну-с, кажетси, и все московские покойники? Завтра об эту пору их будет гораздо больше, я подозреваю.
- Виноват, мессир, доложил Коровьев, изгибаясь,в городе имеется один человек, который, надо полагать, стремится стать покойником вие очереди.
- Кто такой?
- Некий гражданин по фамилии Фон-Майзеи. Называет он себя бывшим бароиом.
- Почему бывшим?
- Титул обременял èго, докладывал Коровьев. и в настоящее время бврои чувствует себя без иего свободнее.
- Он звоиил сегодия по телефону к вам и выражал восторг по поводу вашего вчеращиего выступления в театре, и когда узнал, что у вас сегодня вечер, выразил весьма умильно желание присутствовать на ием.
- Воистину это верх безрассудства, философски заметил хозяин.
- Я того же мнения, отозвался Коровьев и загадочно кихикнул.

Такое же хихиканье послышалось в толпе придворных.

— Когда ои будет?

Он будет сию минуту, мессир, я слышу, как он топает лакированиыми туфлями в подъезде.

— Потрудитесь приготовить все, я приму его, — распо-

Коровьев щелкнул пальцами, и тотчас кровать исчезла и комиата превратилась в гостиную. Сам хозяин оказался силящим в кресле, а Маргарита увидела, что она уже в открытом платье, и сидит она на диванчике, и пианино заиграло что-то сладенькое в соседней комнате, а гости оказались и в смокингах и во фраках, и на парадном ходе раздался короткий, как будто предсмертный, звоиок.

Через мгновение бывший барон, улыбаясь, раскланивался направо и налево, показывая большой опыт в этом деле. Чистенький смокинг сидел на бароне очень хорошо и, как верио угадал музыкальный Коровьев, он поскрипывал лакированными туфлями.

Барои приложился к руке той самой рыжей, которая в голом виде встречала буфетчика, а сейчас была в платье, шаркиул иогой одному, другому и долго жал руку хозяниу квартиры Тут ои повериулся, ища, с кем бы еще поздороваться, и тут необыкновенные глазки барона, вечно полуприкрытые серыми веками, встретили Маргариту.

Коровьев вывернулся из-за спины барона и пискнул:

Позвольте вас познакомить...

— О, мы зиакомы! — воскликиул барои, впиваясь глвзами в Маргариту.

И точно: барон Маргарите был известей; она видель его раза три в Большом Театре на балете. Даже, помнится, разговаривала с ним в курилке.

Маргарита почувствовала поцелуй в руку, а душа ее иаполнилась тревожиым любопытством. Ей показалось, что что-то сейчас произойдет, и очень страшное.

Барон же уселся и завертел головой направо и налево, готовый разговаривать с полным иепринуждением. И, однако, одиого внимательного взгляда достаточно было, чтобы убедиться, что барои чувствует величайщее изумление. И поразили его две вещи: во-первых, резкий запах жженой серы в гостиной, в главным образом, вид Коровьева. В самом деле! Среди лиц во фраках и смокиигах и приличных котя бы по первому взгляду дам поместился тип, который мог кого угодно сбить с панталыку. Одни гетры при кургузом пиджаке и пятне на животе чего стоили! Как ни гасил мышиный блеск своих бегающих глаз барои, он не мог скрыть того, что мучительно старается понять, кто такой Коровьев и как он попал к иностранцу.

А Коровьев именно и завел дружелюбиую беседу с напросившимся гостем, и первым долгом осведомился о погоде. Барона погода удовлетворяла, но Коровьев поражал все больше, и диковато поглядывал из-под опущенных век барои на расколотое пенсие.

Кроме того, барона привело в смущение молчание самого хозяина. Барон похвалил вчеращиий спектакль, а хозяин хоть бы звук в ответ. Но вместо этого Коровьев затруднил гостя вопросом о том, как здоровье деток, в то время как деток никогда у барона не было. Смущение разлилось по лицу барона и даже начинало граничить с тревогой. Лица, находящиеся в комнате, все более казались барону стрвниыми. Так, рядом уселась декольтированиая дама, ио на шее у этой дамы была рваная громадная и только что, по-видимому, зажившвя рана, которая заставила чувствительного барона содрогнуться. Дальше хуже: повернувшись, барон увидел, что рядом с иим уселся закоиченный фрачиик, на котором не хватало только одного, но самого, пожалуй, существенного — сапог. Фрачник был бос. Тут уж барон просто вылупил глаза. И закрыть их ему при жизни уже более не пришлось.

 Вас, барои, как я вижу, — вдруг произнес хозяин, удивляют мои гости? Да, не скрою и не стану отрицать, они оригиналы, но, поверьте, вы изумляете их не меньше, чем они вас. Итак, милый барон, скажите Внутри Маргариты оборвалось что-то, ио ужаса она ие испытала, а скорее чувство жутковатого веселья. Впервые при ней с таким искусством и хладнокровием зарезали человека.

Труп барона поехал вбок, но его подхватили ловкие руки, и кровь из горла хлыиула в подставлениую золотую чашу. И тут же в комнате начала бить полночь, и еще раз

 Верни мие моего любовника, государь, — попросила Маргаритв.

Воланд вопросительно повернул голову к Коровьеву. Тот что-то пошептал на ухо Воланду. Еще иесколько секунд не сводил тяжелых глаз Воланд с Маргариты, а потом сказал:

Сейчас будет сделано.

Вскрикнув от радости, Маргарита припала к тяжелым сапогам со звездными шпорами и стала целовать черную кожу и отвороты, задыхаясь, не будучи в состоянии произносить слова

Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать истииная любовь, — сказал хозяин. — А за . . .

— Он написал книгу о Иешуа Ганоцри, — ответила Маргарита.

Великий интерес выразился в глазах Воланда, и опять что-то зашептал ему на ухо Коровьев.

Нет, право, это черед сюрпризов, — заметил козяни, но слов своих не объясиил.

 Да, да, вериите его, — умильно попросила Коровьева Маргарита.

 Нет, это не по его части, — отозаался хозяни дома. это дело Фиедло.

И Фиелло получил приказ, но разобрать его Маргарита не могла, так как он был отдан шепотом.

. . . гостей хозяина.

Ватиая мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги.

Весь в грязи, руки изранены, лицо заросло рыжеватой шетиной. Человек, щурясь от яркого света люстр, вздрагивал, озирался, глаза его светились тревожно и страпальчески.

Маргарита, узнав хорошо знакомый, рыжеватый вихор и зеленоватые эти глаза, приподнялась и с воплем повисла на шее у приехавшего. Тот сморщился, но подавил в себе волнение, не заплакал, механически обнимая за плечи Мар-

В комнате наступило молчание, которое было прервано словами хозяниа дома, обращенными к Фиелло:

Надеюсь, вы никого не застрелили?

Обращайтесь к коту, мессир, — отозвался Фиелло. Хозяин перевел взгляд на кота. Тот раздулся от важности и похлопал по кобуре лапой.

Ах, Бегемот, -- сказал хозяни, -- и зачем тебя выучили стреляты! Ты слишком скор на руку.

- Ну, ие я одии, сир, - ответил кот.

Затем хозяни обратил свой взор нв прибывшего. Тот снял руки с плеч Маргариты.

Вы знаете, кто я? — спросил его хозяии.

Я, — ответил привезенный, — догадываюсь, но это так страино, так непоиятно, что я боюсь сойти с ума.

Голос привезенного был грубоват и хрипл.

О, только не это. Ум берегите пуще всего, — ответил хозяии, — и, повериувшись к Маргарите, сказал:

Ну что ж... Благодарю вас за то, что посетили меия. Я не хочу вас задерживать. Уезжайте с ним. Я одобряю ваш выбор. Мие иравится этот иепокорный вихор, а также зеленые глаза. Благоларю вас.

Но куда же, куда я денусь с ним? — робко и жалобио спросила Маргарита.

С обоих сторои зашептали в уши хозяину — слева Фиелло, справа — Коровьев.

Да выбросьте вы его к чертовой матери, — сказал хозяни, -- так, чтобы и духом его не пакло, вместе с его вещами... а впрочем, дайте его мие сюда.

И тотчас неизвестиый человек свадился как бы с потолка в залу. Был ои в одних подштанниках и рубашке, явио поднятый с теплой постели, почему-то с кепкой из голове и с чемоданом в руках. Человек в ужасе озирался, и было видно, что он близок к умопомешательству.

Понковский? — спросил козяии.

Поиковский, так точно, — ответил, трясясь, человек.

— Это вы, молодой человек, — заговорил козяии, иаписали, что он, - хозяин кивиул на вихор и зеленые глаза, — сочиняет ромаи?

— Я-с, — ответил человек с чемоданом, мертвея.

— А теперь в квартире его проживаете? — прищурясь, спросил хозяии.

Па-с. — плаксиво ответил человек.

Это что же за камство такое? — сурово спросил хозяин, а затем добавил рассеяино. — пощел вои!

И тотчас Поиковский исчез бесследно.

Квартира ваща таперича свободна, - ласково заговорил Коровьев, - гражданин Понковский уехали во Владивосток.

Тут качнулся светло-рыжий вихор, глаза тревожно обратились к хоэяину.

- Я, - заговорил поэт, покачнулся от слабости, ухватился за плечо Маргариты, — я предупреждаю, что у меня нет паспортв, что меня схватят сейчас же... Все это безумие... Что будет с нею?

Сидящий внимательно поглядел на поэта и приказал: Дайте гостю водки, он ослабел, тревожен, болеи, Руки протянулись к поэту со всех сторои, и ои отпил из

стакана. Его заросшее лицо порозовело.

Паспорт, — повторил он упрямо и безумио.

Бедняга, — сочувственио произиес козяни и покачал головой, — иу, дайте ему паспорт, если уж он так хочет. Коровьев, все также сладко улыбаясь, протянул поэту маленькую книжечку, и тот, тревожно косясь в пол, спря-

тал ее под кацавейкой. Маргарита тихонько плакала, утирая глаза большим рукавом.

Что с ивми будет? — спросил поэт, — мы погибием!

Как-нибудь обойдется, — сквозь зубы сказал хозя-

ии и приказал Мвргарите, — подойдите ко мне.

Маргарита опустилась у ног Воланда на колени, а он вынул из-под подушки два кольца и одио из иих надел на палец Маргарите. Та притянула за руку поэта к себе и второе кольцо надела на палец безмолвному поэту.

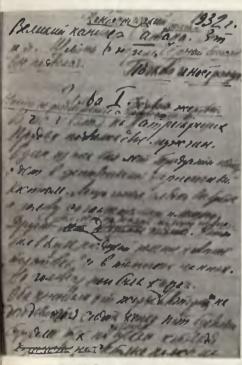
Вы станете не любовницей его, а женой, — строго и в полиой тишине проговорил Воланд, — впрочем, ие берусь загадывать. Во всяком случае, — он повернулся к поэту, примите от меня этот подарок, — и тут он протниул поэту маленький черный револьвер с золотою насечкою.

Поэт, все так же мутио и угрюмо глядя исподлобья, взял револьвер и спрятал его в глубоком кармане под кацавейкой.

— Вечер наш окоичеи, — объявил Воланд, — светает. я хочу отдохнуть. Все свободиы.

При этих словах свет в люстрах стал убывать, толпа гостей растаяла в полумраке, и Маргарита почувствовала, что ее бережио ведут под руки по лестиице.

Продолжение в следующем помере

KOMMEHTAPHH Шабаш

С. 68. Лишь только показалось вдали розовое зарево, возвещающее Москву... — Предшествующая глава под названием «Губная помада и крем» заканчивалась так:

«Обсохнув, Маргарита на щетке перелетела на противоположный плоский берег.

Тут зудящая музыка послышалась ясно. На лужайке под группой дубков шло веселье, но видимо уже к концу, и компания была разнообразная. Под дубками весело плясали после купания четыре ведьмы и один козлоногий, вроде того толстяка. Зудящая музыка исходила от толстомордых лягушек, которые, подвесив кусочки светящихся гнилушек на согнутые ивовые прутья, играли нв дудочках. В стороне горел костер. Неподалеку от него стояли две открытых машины марки «Линкольн», и на шоферском месте первым сидел здоровенный грач в клеенчатой фуражке. Знакомый боров, сдвинув кепку на затылок, пристроился к плетенке с провизией и уписывал бутерброды с семгой. Он жевал, но с драгоценным своим портфелем не расставался.

Багровые отсветы танцевали на животах голых ведьм, гнилушки освещали раздутые морды лягушек, от реки доиосились последние всплески запоздавших.

Маргарита, неся щетку, подошла в тот момент, когда грач рассказывал борову о том, как ловко он угнал от «Метрополя» две машины. Грач показывал, как швейцар метался н кричал: «На помощь!».

Появление Маргариты произвело большое впечатление. Такец прекратился, и ведьмы стали всматриваться...

Наконец, та самав Клодиночка подошла к Маргарите и спросила ее, откуда она и кто такая?

— Я — Маргарита, — ответила Маргарита и воткнула щетку в землю.

Эти слова произвели необыкновеиный эффект. Грач взял под козырек, боров снял кепку, а ведьмы защебетали, стали обнимать Маргариту, лягушки сыграли пискливый туш.

- Вот она! Вот она! А мы-то интересовались уже, где же вы? Мы думали, что вы купаетесь на другой реке.

Маргариту стали угощать. Боров предложил бутерброд с семгой, который он только что надкусил, за что Кподиночка ударила его по морде. Высунулось из кустов какое-то рыло с коровьими рогами и тоже выпятилось на Маргариту.

Тут все вдруг заспешили, стали изпод рук смотреть на месяц, закричали: Пора! В Москву!

Лягушки прекратили музыку. Решено было всем, чтобы не было скучно и не разбивать компанию — лететь в столицу в двух машинах. Боров в особениости хлопотал об этом. С хохотом и визгом набились две машины, погрузили туда метлы, ухваты, в качестве шофера во вторую машину уселся иозлоногий толстяк, который принял Маргариту за Маньку. И уже собрались гронуться, как произошел инцидент. Из-за деревьев высунулась темная фигура, приседая от удивления, вышла на середину поляны, и — в дрожащем освещении догорающего костра оказалась мужиком, который неизвестио как, ночью, залез на пустынную реку. Мужик остолбенел, увидевши автомобили с пассажирами. Занес руку ко лбу.

- Только перекрестисы! — каркнул грач, - в тебе - перекрещусь! В машинах заулюлюкали.

Грач заорал:

— Держи его!

Мужик, прыгая как заяц, кинулся, очевидно, обезумев, не разбирая дороги, и спышно было, как влетел в

В машинах разразились хохотом, затем зажужжали моторы, машины рванулись по лугу, поднялись в BO3AVX.

Когда Маргарита, сдавленная со всех сторон нежными объетиями голых ведьм, обернулась, — ей в последний раз тускло блесиула печальная неизвестная река и меловой лунный утес».

...ее оглушил гром труб и ослепил свет. — Вновь сопоставим со следующей рукописной редакцией:

«Первое, что поразило Маргариту, это та тьма, в которую она попала. Было темно, как в подземелье... Следув за Коровьевым, Маргарита попала в совершенно необъятный зал. Здесь на золоченой тумбе горела одинокая свеча... — Вас, без сомиения, удивляет отсутствие света, - заговорил он. — Но не думайте, что мы из экономии не зажигали ламп. Просто мессир не любит электрического света. Когда же начнется бал, свет дадут сразу и недостатка в нем не будет,

С. 69. Это великая честь для меня... государь мой. — В этом месте вырван лист с очень важным текстом, поскольку после беседы Маргариты с Воландом начинался суд над покойниками. Но как Иванушка перешел в иной

мир — мы не знаем. И был ли Иванушка первым — тоже не известио. Но совершенно очевидно, что Булгаков вырывал и уничтожал наиболее острые места в тексте. Приводим небольшой отрывок текста из следующей полной руколисной редакции:

«— Ни в каком случае, мессир! — ясным и тихим голосом ответила Маргарита и, улыбнувшись, добавила, я умолаю вас не прерывать партии. Я полагаю, что шахматные журналы бешеные деньги заплатили бы за то, чтобы ее напечатать у себя.

Азазелло тихо, ио восторженно крякнул.

Волаид поглядел виимательно на Маргариту и затем сказал как бы про себя:

Кровы Кровы всегда скажется...
 Он протянул руку, Маргарита подошла. Тогда Воланд наложил ей горячую, как огонь, руку, на плечо, дериул Маргариту к себе и с размаху посадил на кровать рядом с собой.

— Если вы так очаровательно любезны, — заговорил он, — а я другого инчего и не ожидал, так будем же без церемонни. Простота — наш девиз! Поостота!

 Великий девиз, мессир, — чувствуя себя просто и спокойно, ничуть не дрожа больше, ответила Маргарита.

 Именно, — подтвердил Воланд...» ...на блюде оказалась мертвая голова с косым шрамом... н с кольцом лохматым в запекшейся крови на шее... — Далее несколько листов вырвано и вновь, очевидно, с редким по остроте содержанием. Елена Сергеевна фиксировала иногда в дневнике факты уничтожения Булгаковым части рукописи. Так, 12 октабря 1933 г. она записала: «Утром звонок Оли (Бокшанской. — В. Л.): арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорят, что за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился... Ночью М. А. сжег часть Своего романа».

Ниже приводится фрагмент из следующей полной рукописиой редакции, по объему значительно уступающий уничтоженному.

«Тотчас перед группой Воланда появился слуга с блюдом, и на этом блюде Маргарита увидела отрезанную голову человека в засохших и замытых потеках крови, с приоткрытым ртом, с выбитыми передними зубами.

Тишина продолжала стоять полнейшая, и ее прервал только где-то далеко послышавшийся звонок, как бывает с парадного хода.

Александр Александрович, — иегромко сказал Воланд — и тогда веки убитого приподнались, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидем высли и страдания глаза.

— Вот все и сбылось, — продолжал Волаид, глядя в глаза голове, — и голова отрезана женщиной, не состоялось заседание, и живу я в вашей каартире. Самая упрямая в мире вещьесть фвкт. Но теперь и вас интересует дальнейшее, в не этот уже совершившийся факт. Вы были горячим проповедииком той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он уходит в темное небытие, в золу. Мне приятно сообщить вам в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем дру-

гой теории, о том, что ваша теория и солидне, и остроумна. Во всяком случае, одна теория, как говорится, стоит другой. Есть и таквя, согласно которой каждому дано будет по его вере. Да сбудется! Вы уходите в небытие, и мне радостио сообщить вам, что из чаши, в которую вы превращаетесь, я выпью за бытие! Итак, чашу!»

...сказал Виучата. — Он же Варенука.

...В ГОРОДЕ ИМЕЕТСЯ ОДИН ЧЕЛОвек, который... стремится стать покойником вне очереди... Некий грежданин по фамилии фон-Майзеи — Трудно поверить в неоспоримый факт: Булгаков 30 декабря 1933 года, накануне Нового года, как бы предрешил судьбу известного в то время в театральных кругах человека, «зарезав» его на одной из страниц своего ромвиа о дьяволе. Бывший барои фон-Майзен (в последией редакции — фон-Майгель) в романе — это бывший барон Борис Сергеевич Штейгер - в жизни. Он состоял на службе в коллегин Наркомпроса РСФСР по внешним связям и подчинался непосредственно А. С. Енукидзе, видиому в то время государственному и партийному деятелю, члену этой коллегии. Бывший барон прекрасно знал иностранные взыки и принимал участие в обслуживании дипломатического корпуса и иностранных

Вероятно, Булгаков был хорошо осведомлен о деликатной деятельности барона в качестве «служащего комис-СИИ ПО ОЗИВКОМЛЕНИЮ ИИОСТРАНЦЕВ с достопримечательностями столицы». поскольку был вынужден очень часто соприкасаться с Авелем Сафроновичем Енукидзе, возглавлявшим правительственную комиссию по руководству Художественным и Большим театрами и решавшим многие театральные дела, в том числе касавшиеся драматурга (разрешение или запрещение булгаковских пьес, рассмотрение заявлений писателя на выезд за границу и т. д.). Во всяком случае, можно с увереиностью сказать, что писатель едва ли стал бы выносить столь суровый приговор человеку, которого не знал или плохо знал. Заметим попутно, что Булгаков мог знать Штейгера еще по Киеву, где бывший барон одно времв

«Казнив» барона в романе, Булгаков затем часто встречался с ним на приемах в американском посольстве, в ресторанвх, кафе. Это видно из дневниковых записей Е. С. Булгаковой. Приведем лишь некоторые из них. 23 апреля 1935 г.: «С нами в машину сел (при отъезде из американского посольства. — В. Л.) не знакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывший среди иностранцев — кажется. Штейгер. Он — с шофером, мы сзади». Очевидно, этот текст Елена Сергеевна звписывала под диктовку мужа (так было очень часто), ибо здесь чувствуется саркастический юмор писателя, подчеркивающего невозможность общения с человеком-покойником. 3 мая: «У Уайли (сотрудница американского посольства. — В. Л.) было человек тридцать, среди них турецкий посол, какой-то французский писатель... и, конечно, Штейгер». Запись того же дия: «Вчера днем заходил Жуховицкий (журналист, также за-

нимавшийся обслуживанием иностранцев. — В. Л.)... Очень плохо отзывался о Штейгере, сказал, что ни за что не котел бы с иим встретиться у нас». 18 октября: «Позвонили из американского посольства, зовут на... прием у Буллита... Пришли... Посол необыкновенно приветлив. Мы поздоровались. Миша отошел к роялю. Буллит подошел к иему и очень долго с ним разговаривал... К ним подходил Афиногенов. Только двое и было русских. Впрочем. еще Штейгер. Тот проявлял величайшее беспокойство, но околачивался вдали...» 7 января 1936 г.: «После театра... прехади в шашлычимо. Там были американцы и, коиечно, неизбежный барон Штейгер...»

О реальной смерти барона Булгаков узнал 16 декабря 1937 года. В этот день в прессе был опубликован приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу об измене родине и шпионаже в пользу одного из иностранных государств. Обвинялись — А. С. Енукидзе, Л. М. Карахан, другие высокопоставленные лица и... Б. С. Штейгер. Все были приговорены к расстрелу. Сообщалось, что приговор приведен в исполнение.

Итак, барон Б. С. Штейгер, «приговоренный» писателем к смертйой казни 30 декабря 1933 года, был расстрелян 16 декабря 1937 года.

О реакции Булгакова на это сообщение мы инчего не знаем. В дневнике Е. С. Булгаковой это событие не зафиксировано, хотя все предыдущие и последующие подобные сообщения находили отражение в ее записях.

ноходили отражение в ее записка. Но после столь трагической развязки у писателя была возможиость изменить свое суровое решение, ибо основняя работа иад романом была еще впереди. Однако Булгаков свой «приговор» оставил в снле, изменив лишь способ смертиой казни: вместо ножа барон получил пулю. Нож писатель припас для Иуды.

С. 70. ...в то время как деток у барона никогда не было. — Еще одна деталь, указывающая на прекрасную осведомлениость Булгакова о Б. С. Штейгере.

... Итак, милый барон, скажите... — Далее Булгаков поставил многоточие, видимо, ие желая фиксировать на бумаге подробности казни (глава и без того пестрит обрывами текста).

…и еще раз все преобра… — В этом месте вырван пист. Очередное «преображение» свидетельствует о том, что Булгаков все более склонялся к изображению не «шабаша», а «великого бала у сатаны».

— А за... — Вырвано несколько листов.

...Тут Фнал... — Вновь обрыв тек-

... Солдатские штаны, грубые высокие сапоги... — По описанию внешности героя и его одежды видно, что доставлен к Воланду он не из лечебницы, а из иного учреждения.

> Пубянкация глав романа и комментарии Виктора Лосева

PYCCKOM PEBOMOLIM

«Так жить совершенно нельзя»

Продолжая начатую в № 4 «Слова» рубрику «Письма в Кремль», переносим читателя из бурного периода «красиогвардейской атаки на капитал» в не менее «славную» эпоху «военного коммунизма». Автор публикуемого ниже письма, также адресованиого управделеми Совнаркома Бонч-Бруевичу, — крестьянин Тульской губернии Михаил Петрович Новиков (1870-1939). О жизни и судьбе этого самобытного народного мыслителя уже рассказывалось в печати (см. журнал «Горизонт», 1989, № 1, с. 22-23). Это письмо-раздумье, датированное октябрем 1920 г., вне сомнения, отражает не только личные мысли автора, но и мировоззрение всего русского крестьянства, не принимавшего «навязанный грубым насилием соци-

Социализм, навязываемый грубым насилием русскому иароду, привел хозяйственную жизнь этого народа в такой тупик и застой, что грозит в недалеком будущем ужасиым голодом.

И вот тому причины:

1) Т. и. капиталистический строй в хозяйственной жизни опирался на хозяйский интерес и заботу, на конкуренцию и соревнование, и двигался на принципе собственности. Социалистический строй, основывающий все на обобществлении, уничтожил хозяина и его интерес, уничтожил личную инициативу и право работника и производителя на его труд и предприимчивость и не только отбил, но и в корне уничтожил стремление крестьянина хорошо и много работвть, чтобы догнать и обогнать соседа, лучше его живущего, и у крестьяи опустились руки.

2) Социалистический строй ввел монополизацию продуктов и предметов потреблення и устанавливает их равномерное распределение, что равияет способного и неспособного, трудолюбивого и лентяя в их потреблении и, с одной стороны, также отбивает охоту трудолюбивого работать и припасти на черный день, а с другой, еще больше увеличивает леитяев и дармоедов, надеющихся на государственный паек. Правительство этого строя еще больше принуждено для этих лентяев и неспособных выдумывать совершенио ии на что не нужных должностей и мест и содержать их как палазитов.

3) Этот строй лишил землю хозяина и его любви к ней, и она стала плохо обрабатываться и плохо родить, и чтобы поправить дело, нужно или вернуть хозяину мелкую земель-

ную собственность в размерах трудовой нормы, или переделать психологию человека, чего без изменения религиозных устоев сделать исвозможно, а религию социализм отвергает.

4) Социализм лишил крестьянина интереса материального развития и приобретения, и они теперь совершению не знают, чем им жить и чем интересоваться. Интересы же обобществления в труде и жизни им незнакомы и не могут быть ими усвоены, т. к. тому нет наглядных примеров.

5) Нарушив хозяйский интерес и трудолюбие, социалистический строй принужден был в разных формах установить трудовые повиниости, или попросту крепостное право, которое хуже прежнего тем, что не имеет еще такой определенности и мучает крестьяи, выдвигая все новые и новые

неожиданные требования.

6) Новый строй потребовал с крестьян так миого иатуральных повинностей, что на выполнение разверстки, жалобы и споры из-за иих мы тратим так много времени, что ии одного дня не бываем спокойны. Почти каждый день собрания и сходки, так что искогда и работать. По рассказам стариков старые крепостиые порядки куда были лучше, т. к. приспособившись к оброку, или двум дням барщины, в остальном можно было быть себе и своему имуществу хозяином и, как говорится в сказках, жить да поживать, и добра наживать. Теперь все мы лишены собственности и у нас отбирают насильно и хлеб, и скотину, и иивентарь, и гоняют на разные принудительные работы, так что горя, нужды, злобы друг на друга, и, главиое, злобы протиа так называемого советского правительства стало в 10 раз больше, чем было раньше, при монархическом строе. О прежией жизни крестьяне мечтают для будущего как о светлом рас. Мечтают, разумеется, не о царстве и губериаторах, а о том порядке, когда можно было иметь право на собственную землю и труд и свободно распоряжаться своим имуществом, о свободной торговле и хозяйской жизни промышленности, о денежных оброках вместо натуральных, о свободе распоряжаться своим временем и т. п.

Что стало со введением социализма?

1) На место одного старшины и писаря в волости 5 заведующих разными отделами, 15 служащих и 5 разиого рода уполномоченных и контролеров, понуждающих крестьям с вооруженными отрядами исполиять их законные требования крепостнического характера.

 Земля стала плохо и меньше размером обрабатываться, много остается пустующей земли, бывшей помещичьей, которая раиьше даже испольно или арендно обрабатывалась крестьянами же.

3) К моменту иового урожая ни у кого ие оствется запасов старого, все взято отрядами, так что в случае неурожая, прежде чем хлеб привезут из Сибири или Америки, люди умрут с голоду.

4) Истребляются хищнически леса, т. к. сразу оказалось, что всем крестьянам нужно по 2 избы и новые свраи, амбары, ради этого делятся отец с сыном, брат с братом, лишь бы только иметь возможиость получить дарового лесв для стройки. Страшно подумать, что будет дальше от этого иенужного истребления лесов.

 По легкости разводов и браков люди потеряли стыд и, как магометане, разводятся с одной и жеиятся на другой, третьей жене, оставляя и жен и детей на произвол судьбы и возбуждая тем суды, озлобление и месть.

6) Те негодные элементы деревни и города, которые прежде ие умели или не хотели работать и занимались или воровством или хождением по миру, т. е. кормились подаянием, теперь все или у власти, или в разного рода «отрядах» и уж не просят, не воруют тайно, а «по закону» отнимают среди дня у людей все, что им нужно, и, таким образом, имущество граждаи законом не оберегается.

7) Говоря правдиво, все иовщества и блага социалистического строя, для нас, крестьян, и выразились в этих вооружениых отрядах, через которые новое изчальство и разговаривает с нами. Отряды по так называемой трудовой и гужевой повинности, гоияющие нас на принудительные работы по возке дров, рытью околов, очистке линий, пилке дров и т. п., отряды продовольственные, отнимающие насильно из наших домов и амбаров наш хлеб, зерио и другие продукты, которые крестьяне добывают тяжелым трудом для своих семей, отряды карательные, огнем и пулеметами завоевывающие те деревии и волости, где крестьяие выходят из себя и, по инстинкту самосохранения, отказываются повиноваться всем жестоким требованиям из социалистического строя; отряды по ловле так иззываемых дезертиров, гоняющие как зайцев по лесам и по полям молодых людей, еще мальчиков, принуждая их идти на войну со всеми врагами советской власти, т. е. со всем миром; отряды заградительные, отнимающие на дорогах и станциях у всех проезжающих и проходящих тот пуд хлеба или ковригу хлеба. которую каждый добыл с трудом для своих родственников, или для семьи. О, какие тут бывают дущераздирающие сцены, передать этого пером невозможно!

Теперь будут еще отряды посевкомиые, которые должны будут насильно заставлять нас обрабатывать так называемые фондовые, т. е. чужие для иас земли на унизительнорабских условиях. Так, что людей, занимающихся производительным трудом, все уменьшается и труд этот становится иемилым, нерадостным, а людей, отнимающих и поедающих еще иебольшие запасы и остатки все более и более и все так иазываемые завоевания революции, с социалистическим строем во главе, сводятся к тому, что нвступит страшиый и иеизбежный голод и полная смута и застой в производительном труде, и тогда слепому станет ясно то разрушительное и бедственное для жизни народа дело, которое принес иам социализм, выкраиваемый насилием из наших спии и труда потерявшими честь и совесть «вождями социализма».

Теперь как мы живем: (т. е. крестьяие)

Хлеба ржаного досыта нет ии у кого, потому что так называемые излишки отобраны отрядами, а впереди неурожай от засухи. Добрая половина ест хлеб из овсянки. Картофель есть тоже не у всех, тоже отобран. Имеется очень понемногу овсяной крупы. Нет ни сахара, ни чаю, ни мыла, ни керосина, у миогих иет даже соли. Национализированная промышленность не дает ничего (в год на человека не дали соли по фунту), все у спекулянтов, а покупать по 1000 руб. фунт соли у них, или фунт мыла, не миогие в состоянии, тем более сахар по 2,5 тысячи. За отобранные у крестьяи 10-15 пуд. клеба платят 500-600 руб., и на них покупается только 1 аршин коленкору или катушка ниток. Теперь ввели яичную повинность и грозят не давать соли, пока ее не выполият, за 30-40 яиц обещают фуит соли. Нет кос, гвоздей, дегтю; иет досок, тесу, но главиое, нет свободы в личиом труде и права распоряжаться произведениями его по своему усмотрению. Такова жизнь в социалистическом строе. Дорого заплатил бы каждый крестьяиин, чтобы вернуть прежний порядок в хозяйстве, а так жить совершенно нельзя.

Крестьянин Михаил Новиков.

Ф. 369, карт. 396, ед. хр. 21 Публикация А. А. ФЕДУЛИНА и Ю. А. ДЕНИСОВА. СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

Призраки прошлого

Минуло уже более пяти лет, как в нашей стране начал разгорвться фонарь исторической гласности, призванный высветить наиболее затемненные и искаженные стороны отечественной истории. Однако свет этого фонаря, несмотря на его порой слепящую яркость, так и не затронул некоторые исторические темы, которые по каким-то негласным, никем не сформулированным правилам принято считать запретными. Думается, настала пора снимать застарелые табу со всех «скользких» исторических тем, только делать это нужно крайне осторожно и взвещенно.

Пожалуй, иаиболее запретный характер среди «закрытых» исторических тем продолжают сохраиять иыие те граии минувшего, которые связаны с различными аспектами так называемого еврейского вопроса в истории России, и в частиости, проблемами антисемитизма и еврейских погромов. Щекотливость этой темы, имеющей определениюе современиюе звучание, понятна, однако серьезная разработка ее давио назрела, и определенным шагом в этом напраалении могло бы стать первоочередное рассмотрение того периода иашей истории, когда данивя тема звучала особенио остро и тревожио, а именно — гражданской войны.

Решая сегодия такую исследовательскую задачу, нам не обойтись без помощи талантливого русского историка Сергея Петровича Мельгунова (1879-1956), переживаюшего иыне на своей Родине как бы второе рождение после долгих лет забвения. Ему суждено было пройти тем крестиым путем страданий и испытаний, который годы революционного лихолетья ивчертали миогим русским интеллигентам. На этом пути историка ждали пять арестов, полтора года заключения в чекистских тюрьмах, громкий политический процесс, угроза расстрела и высылка за границу. В эмиграции всю оставшуюся жизиь Мельгунов посвятил воссозданию в своих исторических трудах основных вех развивавшейся на его глазах смуты. Благодаря этому ои выдвинулся вскоре в самый первый ряд историков Русского Зарубежья. Его наследие огромно, и знакомство с иим еще ждет советского читателя*. Мы же обратимся сейчас лишь к одной теме, привлекавшей винмание историка и наиболее полно раскрытой им в статье «Аитисемитизм и погромы», напечвтаниой в Париже в пятом выпуске журнала «Голос мниувшего на чужой стороне» (с. 231—246), который издавал сам С. П. Мельгунов. Даиная ствтья вызывает особый интерес, прежде всего потому, что она затрагивает совершенио иервзработанную в советской исторической науке и иезиакомую иашим читателям тему еврейских погромов на Украине и шире — антисемитизма в годы гражданской войны.

Сегодия в нашей стране вздорная идея вековой приверженности русского народа к антисемитизму реанимируется с небывалой иастойчивостью, вплоть до использования в этих целях весьма очевидных провокационных пействий (о них следует говорить особо). И как схожи рассуждения миогих иынешиих «глашвтаев гласиости» с постыдными откровениями на этот счет... «великого пролетврского писателя» М. Горького, который а послесловии к книге С. Гусева-Оренбургского «Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» (Петроград — Берлии, 1921. с. 171-172) писал о «грязных подвигах христолюбивого русского народа», о «разительном обилии садической жестокости, присущей русскому народу, очевидио, по натуре его. — натуре раба, который сам способеи бесконечно долго терпеть мучения и любит наслаждаться муками других тоже бесконечно долго... Еарейские погромы по энергии своей, несомиенно, стоят на первом месте в ряду «великих исторических деяний русского народа», и для меня ясно, что страсть к этой деятельности асе возрастает у нас». Размышления о «зверстве», «безумии» русского народа довели писателя до жуткого по своей откровенности, особенио в свете всего пережитого этим народом, вывола, что сон заслужил все свои страдания в настояшем, заслуживает их в будущем». Иначе говоря, по Горькому, все выстраданное народом России в эпоху революционного взрыва есть не что иное, как суровая месть ему за еврейские погромы.

Оставим на совести «титаиа пролетарской литературы» его откровения и согласимся с выводом Мельгунова, что еврейские погромы в годы гражданской войиы были вызваны, главиым образом, разнузданиостью в стране стихии и анархии, «отсутствием власти», «твердого государственного порядка». «Политическим катаклизмам соответствовали и погромные события», — писал он. Такого же мнения придерживался еврейский публицист И. М. Бикермаи, оспаривавший утверждения, что в годы «братоубийствениой» войны «евреев истребляли особо»: «Допустим, что дело происходило так... Но в общем смысле разгромлена вся Россия... Если тут был погром, то — всеобщий; одних истребляли под одним видом, других — под другим» (Бикерман И. М. Россия и евреи. Сбориик первый. Берлин, 1924, с. 58—59).

В статье Мельгунов оспаривает и чрезвычайно упрощеиные представления о злостном антисемитизме всех властей, правивших на Украине до утверждения там большевиков (эти представления послужили, в частности, поводом для убийства еврейским националистом Ш. Шварцбардом в Париже в 1926 г. С. В. Петлюры). Автор справедливо пишет, что чи правительство Центральной Рады, и правительство Скоропадского, и правительство Директории бесспорио и активно боролись с еврейскими погромами. Если все эти власти были бессильны бороться с эксцессами, то причины лежат в стихийности последних». Немаловажны также приволимые Мелычиовым факты (их можио зиачительно дополнить), свидетельствующие о поддержке еврейскими париями и организациями «украинских самостийников». Среди этих организаций были и сионисты, как всегда пытавшиеся разыгрывать свою опвсную игру. Д. С. Пасманик писал по этому поводу в сборнике «Россия и евреи»: «Те же сиоиисты и вообще еврейские националисты... поддерживали долгое время сумбуриое правительство Петлюры-Винниченко даже и тогда, когда на Украине происходили ожесточенные антиеврейские погромы. Когда-иибудь мы расскажем подробиее эту печальную страиицу в истории русского еврейства» (Указ. cou., c. 211-212).

Типичная ситувция: верхи еврейских иационалистических кругов как бы не замечают или даже в какой-то степени подталкивают эксцессы протка евреев, жертвуя в угоду своим политическим целям интересами еврейской массы.

Затрагивая в статье вопрос о еврейских погромах, совершенных на Украине Добровольческой армией, Мельгунов сожалел, что в печати еще не появился продолжавший работу И. Чериковера «Аитисемитизм и погромы на Украине. 1917—1919 гг.» второй том, готовившийся к изданию «Редакционной коллегией по собиранию материалов о погромах ив Украине», которая действовала с начала 1919 г. и после переезда в 1920 г. за границу получила в Берлине официальное наименование «Ostjudisches Historisches Archiv». Этот том был издан в столице Германии лишь в 1932 году, принадлежал перу И. Б. Шехтмана и назывался «Погромы Добровольческой армии на Украине. К истории антисемитизма на Украине в 1919-1920 гг.». Можио с уверенностью утверждать, что знакомство с этой книгой не изменило бы оценок Мельгунова (его мнение на этот счет иам пока иеизвестно), ибо и ее отличает та же тенденциозность, что и другие подобные издания (см., например, Штиф Н. И. Погромы на Украине. Период Добровольческой армии. Берлии, 1922).

Шехтмаи пришел в своей работе к заключению, что погромы при добровольцах не были «неизбежным эпизодом граждаиской войны», а представляли собой факт «формеиного крестового похода именно против еврейского населения в целом» (Указ. соч., с 255, 259). По его миению, «официальный антисемитизм» Добровольческой армии санкционировался сверху (Н. И. Штиф вообще заявлял, что в этом вопросе не было никакой размицы между белыми генералами и самими «громилами»), хотя автор предисловия к книге Шехтмаиа И. Чериковер и выиуждеи был признавать, что погромов при Колчаке «не произошло... Не произошло потому, что Колчак их ие хотел... Не хотел погромов и Враигель в Крыму — и их ие было...» (с. 22). Выходит — погромов «хотел» не кто иной, как сам А. И. Деникии. Так ли это?

Мельгунов такую «тенденциозную ложь» отрицает, также квк и утверждение о якобы «официальном аитисемитизме» белой армии вообще. «...Погромы и в местах, где появлялись отряды Добровольческой армии, были также исключительно явлением стихийного характера», — фисал ои. В поддержку оценки историкв можио привести миожество дополнительных фактов, свидетельствующих о борьбе командования Добровольческой армии против погромных иастроений и действий (миогое говорят хотя бы факты военно-полевых судов над погромшиками или устраиение в августе 1919 г. генералом В. З. Май-Маевским другого генерала — Хазова, командира 2-й Терской пластунской бригады, за учиненный его частью погром в Смеле). Приведем лишь два приказа Главиокомандующего вооружениыми силами Юга России. Первый был адресован 8 октября 1919 г. командующему войсками Киевской области и гласил: «Ко мие поступают сведения о насилиях, чинимых армиями над евреями. Требую принятия решительных мер к прекращению этого явления, применяя суровые наказания к виновным». Второй адресовался всем вооруженным силам Юга России и был издаи 23 января 1920 г.: «Недавно мы были у Орла, но ряд тяжких ошибок привел нас ановь ив Кубань. Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужнь победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения фроита и развала тыла были изсилие и грабежи... Если начальники не возьмутся сразу за искоренение зла, то новое иаступление будет бесполезно. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилне, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они не занимали».

В своих «Очерках русской смуты» Деникии инчуть ие лукавил, когда писал, что «если бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобрительно относится к погромам, то судьба еврейства была бы гораздо и е с р а в и е и и о т р а г и ч и е е». (Берлии,

[•] В дореволюционные годы из-под пера С. П. Мельгунова вышло более 10 кинг и брошюр, посвященных, главным образом, вопросвы истории русской церкви. После высылки историкв за граннцу в октябре 1922 г. им были написаны и изданы, не считая десятков статей, следующие труды: Дела и люди александровского времени. Берлии, 1923; Красный террор в России. 1918-1923. Берлии, 1923-1924; Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Материалы для исторни русской общественности. Париж. 1929: Гражданская война в освещеник П. Н. Милюкова. Критико-библиографический очерк. Париж, 1929; Трагедия вдмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге. Урале и в Сибири (ч. 1---III). Белград, 1930---1931; На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931; «Российская контрреволюция». Методы и выволы генераль Головинь. Париж, 1938; Как большевики захватили плясть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж. 1939: Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940; Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951; Легенда о сепаратиом мире. Канун революции. Париж, 1957; Мартовские дик 1917 года. Париж, 1961; Воспоминания и диевники (т. 1-2). Париж, 1964. Последние три книги увидели свет уже после смерти историка в Париже в 1956 году.

б. г., т. V, с. 146). И не случайно в этой связи в белой армии имели хождение слухи, что Деникии якобы «продался жидам». В одной из бесед Главнокомандующего с еврейскими делегациями в августе 1919 г. ои откровенно признавался: «...Я старался и стараюсь возможно ослабить его (еврейского вопроса) остроту. Но устранить его совершенно я не в состоянии». Деникин иазывал следующие основные причины погромов, весьма далекие от упрощениых интерпретаций многих еврейских публицистов: «звериные инстинкты, поднятые войной и революцией», «всеобщая распущенность, развал, утрата нравственного критерия и обесценивание человеческой крови и жизии», «резко враждебное отношение к нам еврейства на всей территории вооруженных сил Юга России», «явное, быощее в глаза засилье евреев во всех областях советского управления» (т. V, с. 147-148, 150).

На последнюю причииу обращал особое внимание и Мельгунов, считая ее одной из основных в ряду факторов распространения антисемитизма. Ои подчеркивал, что погромы «так часто питалнсь имению молвой о сочувствии евреев большевикам» и что в рядовой психологии происхолого отождествление «большевизма с еврейством и во всяком случае еврейской психологии с интернациональной».

Серьезиое исследование сформулированной Мельгуновым проблемы о «склоиности к революционному максимализму еврейской интеллигенции и полуинтеллигенции» и о «непомерном участии» евреев в большевистской власти еще впереди. Мы же лишь изпомним, что лица еврейской национальности составляли значительную часть, а то и подавляющее большинство членов руководящих органов почти всех левых партий — большевиков, меньшевиков, эсеров, народных социалистов, анархистов и др. В этой связи любопытио постановление сионистского съезла в Петрограде в 1917 г., согласно которому кандидаты в члены Учредительного собрания от еврейства должны были проходить, где это возможио, исключительно по еврейскому списку, а там, где этого сделать было иельзя, сиоиисты обязаны были поддерживать русские социалистические партии не правее партии народных социалистов. Какая трогательная привержениость к социальной идее!

В. Жаботинский, один из лидеров мирового сионизма, в статье «Еврейская революция» (так он называл Февральскую революцию) объясиял наличие в России значительного числа «евреев-революционеров», или, как он выражался, «преизобилие евреев в рядах крамолы», особым «иациональным настроением» боровшегося за «равноправие» еврейского народа, таким настроением, благодаря которому из этого народа «должен был выделиться известный процент революционеров». Чтобы получить права, нужна была революция, но, как писал Жаботинский, «революции не было. Надо было вызвать ее. И эту роль взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они — грибок фермента, который призваи был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России». Евреи, таким образом, выступили, согласио Жаботиискому, «застрельщиками великого дела», «разбудили политическое сознание в 130-миллионном народе», «подняли красное знамя... так высоко, чтобы увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома, - чтоб увидали и сказали друг другу: «Пойдем за иим...» Знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома иесомненио увидела» (Владимир (Зеев) Жаботинский, Избранное, «Библиотека-Алия» (Israel), 1989, с. 183—184, 186—187).

После победы Великого Октября среди руководящих лиц новой власти оказалось весьма зиачительное число выходцев из еврейской среды. Существуют различиые подсчеты на этот счет. Согласио одному из них, например, среди 22-х членов Совета Народных Комиссаров РСФСР в середине 1918 г. 17 человек были евреями. По этому поводу уже цитировавшийся раиее Д. С. Пасмаиик замечал: «Но иельзя же отрицать, что значительное количество евреев участвовало во всех большевистских безогразиях и содействовало кристаллизации Советской власти. Очень правильно было отмечено: само появление боль-

шевизма было результатом особенностей русской истории, русского «иациоиального» духа, но оргвнизованиость большевизма была создана отчасти деятельностью еврейских комиссаров... Ответственно ли еврейство за Троцких? Несомиенно» (Россия и евреи, с. 212).

Близкую к этому оценку событий дал не кто иной, как М. И. Калинин, заявивший в иоябре 1926 г.: «Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это аполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигеитская и полуинтеллигентская городская еврейская массв. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, она, естественно, устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление... В тот момеит, когда значнтельная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент, еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполиила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления» (Первыи Всесоюзный Съезд ОЗЕТ в Москве. Стенографический отчет. М., 1927, с. 65). Через десять лет В. М. Молотов отмечал, что «еврейский иарод... дал много героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает все иовых и иовых замечательных, талаитливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма. Всем этим определяется наше отношение к антисемитизму и к антисемитским зверствам, где бы они не происходили» (Правда, 1936, 30 ноябоя).

После подобиых высказываний поиятиыми становятся те особенно жестокие преследования, которым подвергались в Советской России проявления антисемитизма. Первый декрет на эту тему был издаи уже 26 октября 1917 г. Вторым съездом Советов вместе с Декретами о мире и земле. Свое развитие ои получил в изданиом 27 июля 1918 г. постановлении СНК о борьбе с антисемитизмом. «Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев, — говорилось в ием, — гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом...

Совнарком предписывает всем Совдепам прииять решительные меры к пресечению а корие антиссмитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вие закона» (Известия, 1918, 27 июля). По свидетельству А. В. Луначарского, последний абзац, придавший постановлению характер специального уголовного закона, приписал «красиыми чернилами своею собствениой рукой» В. И. Леини, когда ему для подписки декрет принес Я. М. Свердлов (Луначарский А. В. Об антисемитизме. М.— Л., 1929, с. 38).

Пройдет 12 с половиной лет, и в январе 1931 г. Сталин заявит в ответ на вопрос, поставлениый Еврейским телеграфным агеитством: «В СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явлеине, глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью» (Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952, с. 100). А своих слов, как известно, Сталии иа ветер обычно не бросал. (Своеобразный «кульбит» исторни: многие ныиешиие «антисталииисты» горячо ратуют за принятие особого уголовного закона о борьбе с аитисемитизмом, наподобие того, который действовал с 1918 гола).

В первые годы Советской власти дело усугублялось еще и тем, что пресечение антисемитизма возлагалось на органы ВЧК, где засилие еврейского элемента особенио сильно бросалось в глаза. Свидетельств тому миожество. В. Г. Короленко, которого никто не заподозрит в подыгрывании антисемитизму, переживая в Полтаве смутные годы, был прекрасно знаком с деятельностью большевиков и, в частности, чекистов. В своем дневнике ои оставил в 1919 г. следующие записи: «Среди большевиков — миого евреев и евреек. И черта их — крайияя бестактиость и самоуве-

рениость, которая кидается в глаза и раздражает». «Большевизм на Украине уже изжил себя... Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенио в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие иодофобские иистиикты» (В. Г. Королеико в годы революции и гражданской войиы. Вермоит (США), 1985, с. 162, 165).

С. П. Мельгунов издал в 1924 г. в Берлине воспомиивния некоего В. Фишера «Записки из местечка», в которых содержится очень интересное свидетельство. Однажды Фишер разговорился с одним коммунистом, заявившим, что еврен в партии «играют главную роль» и «в общем портят дело», проявляя излишиюю жестокость. «То, что говорил коммунист о евреях, было показательно. — писал Фишер. — Я сам уже от многих слышал жалобы, что многие дела в Чеке не кончались бы так трагически, если бы не вмешательство чекистов-евреев: русский чекист, говорили, уже смягчился, но вмешивался еврей, — и дело кончалось скверио... И вот антисемитизм на монх глазах проникал в красную армию, были целые отряды, охваченные страстиой ненавистью к евреям. Мнение, что большевизм еврейское дело, сложилось в населении быстро и было вполне понятно: у нас, по крайней мере, большинство являвшихся большевицких деятелей были евреи» (На чужой стороие, Берлии, 1924, т. VII, с. 120).

Другой источник по интересующей нас теме Мельгунов издал в девятом томе сбориика «На чужой стороие» (Берлии, 1925). Это были показания в октябре 1919 г. Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков. учрежденной Деиикиным, бывшего следователя Киевской губчека М. И. Болеросова. Косиувшись вопроса о национальном составе чекистского органа, последний утверждал, что «по национальностям можно смело говорить о преимуществе иад всеми другими евреев. Ввиду того, что число сотрудников «чека» колебалось от 150-300, то и точиые цифры привести здесь иельзя. Я не ошибусь, если скажу, что процентное отношение евреев к остальным сотрудникам «чека» равиялось 75:25, а командиые полжности находились почти исключительно в их руках». Далее следовала подробиая характеристика руководящих лиц Киевской губчека и ужасных методов их «очистительной» революционной работы. Из 21 упомянутого Болеросовым имени 17 человек были евреями.

Любопытная деталы! Как сообщал бывший следователь, «1-го мая (1919 г.) раздался по «чека» клич: в целях агитационных требуются расстрелы евреев. Немедленио представить соответствующие дела. Кроме того, на видиые должности в «чека» не назначать евреев, и вот, в результате этого, идет переформирование...» (Указ. соч... с. 117-121, 132, 137). Причиной этих внезапиых дейстани стала секретная директива из центра, нацеленная на смягчение чрезмерного представительства в чекистских органах лиц еврейского происхождения и показательное включение таких лиц в число подвергающихся репрессивным мерам. Однако, как показал Болеросов, позже выяснилось, что почти все руководители, покинувшие Киевскую губчека после неожиданного переформирования, оказались во главе Всекрымской чека, где им предоставилась возможиость еще сильнее обогатить свой карательный опыт.

В Москве ие могли не замечать того ущерба, который наиосила авторитету власти «еврейская проблема». Обратимся к свидетельству Л. Д. Троцкого. В своей речи на объединеином Пленуме ЦК и ЦКК РКП (б) 26 октября 1923 г. он оценнвал свое еврейское происхождение как серьезиый «политический момент». «Я прекрасно помию, продолжал Троцкий, — как 25 октября, лежа иа полу в Смольиом, Владимир Ильич говорил: "Т. Троцкий! Мы вас сделаем наркомвнуделом. Вы будете давить буржуазию и дворяиство". Я возражал. Я говорил, что, по моему миению, иельзя давать такого козыря в руки нашим врагам, я считал, что будет гораздо лучше, если в первом революциоином Советском правительстве ие будет ни одного еврея. Владимир Ильич говорил: "Ерунда. Все это пустяки". Но, иесмотря на это его отиошение, все же, вндимо,

мои доводы на него отчасти подействовали. Во всяком случае, я избежал назначения на пост наркомвиудела и был назначен руководителем иашей иностранной политики... Когда встала необходимость организовать наши воениые силы, остановились на мие; должен сказать, что против назначения на пост наркомвоена моя оппозиция была еще более решительна. И... после всей работы, проделаиной миою в этой области, я с полиой уверенностью могу сказать, что я был прав. Я не говорю о прямых результатах своей работы... ио... я мог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Вспомиите, как сильно мешало в острые моменты, во время наступлений Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красиой Армни стоит еврей. Это мешало сильио... И в тот момент, когда Владимир Ильич предложил мне быть зампредсовнаркома (единоличным замом) и я решительно отказывался из тех же соображений, чтоб не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей, Владимир Ильич был почти согласеи со миой. Внешне ои, правда, этого не показывал н, как раньше, говорил: "Ерунда, пустякн", — ио я чувствовал, что ои это не так говорит, как раньше, что он соглащается со мной в душе» (Вопросы истории КПСС, 1990, № 5, с. 36-37),

В этих словах миого рисовки, но Троцкий правильио улавливал воздействие своей фигуры на разжигание в стране антисемитских настроений, котя сам он и любил называть себя не евреем. а интериационалистом, да еще таким, у которого национальный момент вызывает «брезгливость и даже иравствениую тошноту». И. М. Чериковер запечатлел эту роль Председателя Реввоенсовета следующим образом: «Исключительно опасным возбудителем была при этом личность Троцкого. Почти в каждом погроме повторялось одно и то же: «Это вам за Троцкого». Троцкий персонифицировал собой всю Советскую власть; инкаких других большевистских имеи для Добровольческой армии ие существовало. Почти иет ни одного антисемитского возвания, ни одной статьи, где ие повторялось бы это имя» (Шехтмаи И. Б. Указ. соч., с. 15—16).

Любому вдумчивому человеку должио быть ясио, что еврейская национальность миогих представителей большевистской гвардии не могла не накладывать определенный отпечаток на их настроеиия, взгляды и политические деиствия, тем более, что занимали они зачастую имеиио «комаидные посты». Миогое объясияют хотя бы слова Мельгунова: «Бесправный, сделавшийся привилегированным, всегда мстит, подчас даже бессознательно, за прошлые унижения». После них понятнее становится, скажем, заявление председателя Кунгурской ЧК Гольдина: «...Для рвсстрела нам не нужно ни доказательств, ии допросов, ни подозрений. Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все!» (Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. Нью-Йорк, 1989, с. 179).

Да, Мельгуиов, безусловио, прав, когда он пишет о важности «определения состава так называемой революциоииой демократии», особенно учитывая то обстоятельство,
что многие из ее числа оказывались людьми, «ие только
не думавшими об общих интересах России, но и прямо
враждебными ей..» Надо только подходить к исследоваиию этой «скользкой» проблемы чрезвычайио ответственно и взвешенио, не иагиетая излишние эмоции, но и ие
впадая в «чрезмерную щепетильность», которои страдала русская интеллигенция в дореволюционные времена,
когда, по словам историка, «из деликатности и такта» о
«еврее инчего иелестного нельзя было сказатъ» (как, впрочем, и сегодня, хотя и по несколько другим причинам).

В статъе Мельгунов выражает резоиное удивление в связи с очевидной склоиностью подавляющей части еврейских публицистов «преуменьшать роль еврейских элементов в большевицкой работе» и обходить благосклониым молчанием действия самих большевиков, в том числе стихийию вспыхивавшие при их власти еврейские погромы. В этой связи поиятно недоумение автора тем, что подготовители издання о погромах на Украине, получившего «поистиие интернациональную» базу, ие употребили 1/1000 доли своей энергии для «характеристики большевицкого террора, террора системы, а не стихии», «явления более ужасного, чем стихийное движение, рождавшееся на почве невежества и Тьмы...»

А ларчик открывался просто. Заинтересованные в подобиом издании международные еврейские круги весьма дружелюбио относились в то время к Советской власти и иаходили со стороны ее представителен всемерную поддержку в сборе и издании материалов о погромах на Украине. Тем самым большевики убивали сразу «двух зайцев»: выставляли в чериом свете своих бывших противников и представали в глазак западного общественного мнения в образе гуманных борцов с проявлениями национализма. Показательно, что в коице 20-х годов литература об аитисемитизме, весьма схожая по своим оценкам с зарубежными изданиями, очень активно печаталась в СССР (авторами брошюр на эту тему выступили тогда, иапример, А. В. Луначарский, Ю. Ларии, С. Г. Лозинский, Л. Лядов, Н А. Семашко и другие видиые большевики).

В 1990 г. в еженедельнике «За рубежом» (№ 28, с 16-19) были опубликованы главы из книги французского журиалиста Б. Лекаша «Когда Израиль умирает...», иаписаииой им при активиом содействии советских властей и изданиой в СССР в 1928 г. в издательстве «Прибой». Можио только приветствовать ознакомление читателей с давио забытой кингой. Но не слишком ли броско было давать к этим главам заголовок «За двадцать лет до Освенцима» и утверждать, что «если бы люди извлекли уроки из того. что произошло в 1918—1920 годах на Украине, в Белоруссии, иа юге России, то, возможно, ие было бы Освенци-

ма. Майданека, Бабьего Яра». Неужели автору этих строк не ясиа существенная разница между погромными эксцессами периода гражданской войны и целенаправленной политикой уничтожения евреев, проводившейся фашистами? Не слышится ли здесь отголосок иарочитых стремлений уличить русский, украинский и белорусский народы в склоиности к шовинизму фашистского образца? Да и приводимая автором предисловия к публикации Ю. Поляковым пифра жертв еврейских погромов на Украине — около 300 тысяч человек, не может не представляться явно завышенной. Достаточно сослаться хотя бы на книгу С. Гусева-Оренбургского. На основании анализа огромного массива документов, он исчисляет четко установленную цифру погромных жертв на Украине в 35 тыс. человек, но добавляет, что общее число погибших (включая исучтенные жертвы) достигает 100 тыс. человек (Указ. соч., с. 14). Близкие к этим цифрам даниые приводит и Шехтман (Указ. соч., с. 25-26).

Учащающиеся иыне попытки запугать население страиы, в впридачу и общественное мнение Запада наступленнем в СССР новой волиы антисемитизма свидетельствует о том, что это кому-то очень и очень выгодно. Однако воздвигается такое химерическое здание на зыбком песке. и иам сегодня впору еще раз повторить слова историка Мельгунова: «Призраков прошлого, пугающих боязливых, мы ие боимся. Не должиы их бояться и евреи, те из иих, которые ощущают себя русскими гражданами, как французы, иемцы, итальяицы, живущие в Швейцарии, прежде всего ощущают себя швейцарцами».

Малознакомый Ленин

О Ленине написвны не дасятки, не сотин, в тысячи тысяч стрвикц, но из втой громвдной литературы отнюдь не видно, в какки усповиях материального существования протекала его жизнь. Были пи эти условив для него благопркятны или ему приходилось испытывать нужду и пишения! Откудв шли нужные ему денежные средства! Приносил лк их питературный заработок или были иные и более существенные источники существования! На что жил Лении со времени его возмужвлости до октября 1917 года, когда революцив, вознесв его к влести, тем свиым сделает Ленина гигантской исторической фигурой! Подчеркиваем «тем самыма, так как если бы этого не было, Лении умер бы простым мапоизвестным эмигрентом, и о нем вспоминали бы не больше, чем о Бабёфе, Бланки MEN TRAVERS.

Безбрежную литературу о Ленине пподили его эпигоны, поспедователи, адепты материалистического пониманив истории, объясняющие деление общества на классы и положение людей — из вкономической ситувцией. Энгельс 17 марта 1883 года в надгробной речи на могиле Марксв поведал, что «подобно тому, квк Дарвин открыл закон развития органического мира, Мврис открыя закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жипища и одеваться, прежде чем быть в состоянии звииматься попитикой, наукой, искусством, религией и т. д.»

Ленин не был бестелесным существом,

иоподчиненным «открытому» якобы Марксом закону: прежде чем заниматься проповедью мировой ревояюции и всем прочим, ему нужно было «есть, пить, иметь жипище, одеваться». Спрашиваем еще раз: откуда, из каких источников Ленин имел денежные средства, даввашие ему возможность удовлетворять свои влементврные потребности и вести ту жизнь, которую

Вопрос, несомкенно, законен, прост до крайности и, квзалось бы, на него можно было бы найти всный ответ в бесчисленных советских биографиях Ленина. Именно втого в них-то и нет. Ни в одной биографии об этом не говорят. Больше того — советские биографы настойчиво, сознательно вопрос этот избегают, отстраняют, извращают. А между тем, если его хорошенько разобрать, проанвлизировать, это позвопит заглянуть зе кулисы показной жизни Ленина, войти в мир повседневных житейских его забот, склонностей, привычек — и тем свмым даст возможность видеть не героическую ипоствсь пичности Ленинв, которая торжественно представляется его революционной, попитической, яитературной деятельностью, а другую, горвздо менее известную, заспоненную и резко расходащуюся с пенинским ликом грозного божествв, инзвертаю-

щего старый мир. Обрисовать вторую ипоствсь — поквзать Ленинв в «домашних туфпях» тем более желательно, что это в некоторой степени приближает нас к «тайне» появленив исторических пичностей. На примере Ленина видно, что великие пюди, переворвчивнощие миры и жизни нвродов, могут быть в повседневной жизни свыми обыкновенными людьми. В усповиях случвйности и в особой исторкческой обствновке пишь некоторав специфическая, присущая им, часть психики (ее-то и требуется исследовать) делает из них историческую пичность.

в числе материвла для портрета Ленинв «в домашики туфляк» — важкы не «стилизованные» «Воспоминания» его супруги Крупской, в гораздо более письма Лениив к родным. Но их одния, конечно, мело. Отыскиветь «кусочки» нужных сведений следует всюду, где только это можно, и при этом убеждаться, насколько умолчания, маленьквя и большая ложь, идущая и из семьи Ульвновых и из-под перв советских биографов, препятствуют дать в дополнение к попитической биографии правдивую картину «как и на что жил Ленин». Все-таки попробуем это

Н. ВАЛЕНТИНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Этим вступительным словом «от ватора» Николай Владиспавович Вольский [Н. Валентинов] открыввет свою книгу «Мвлознакомый Лении», вышедшую в Париже в 1972 г. В прошлом марксист, некоторое времв большевик, лично знакомый с Лениным, еще с 1904 года Николей Владиславовнч посветил много лет изучению биографии Ленина и семьи Упьяновых. Создал три книги литературноисторических исследований — «Встречи с Лениным», «Рвиние годы Ленина» и «Малознакомый Ленин», — в СССР пока не издвавашихся.

Пристрастный читатель нашего журнала наверивка обратил внимвние на публикации Н. Валентинова на страницви «Словв» (№ 11, 1989 г.; № 11, 1990 г.), отличающиеся не только своеобразным литературным стилем, но и тщательной, исторически выверенной достоверностью. Эти достоикства отличают и книгу «Мвпознакомый Лении», главы из которой мы начием печетать в ближайших номерах.

ИВАН ИЛЬИН

За национальную Россию

16. Семья

Человек родится не только в недрах родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сращены в единство; в каждой ячейке свой мед, но из этих медов состоит единый мед целого улья. Разрушьте ячейки — и вытечет мед, и распавшуюся вощину отдадут на переплавку...

Семья вырастает из любви, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается одна разрушительная иена-

То, что нужно сейчас России, — это умение любить крепко и долго. Ей нужна любовь долгого и глубокого дыхания. Где же научатся ей русские дети, если не в крепкой, единобрачной семье своих родителей?

Только в семье любовь чиста, вериа и органически-строительиа. Вне семьн - она становится распутною и приучает людей к безответственности, измене, внархии и обществениому распаду: безответственные и распущенные родители плодят беспризорных людей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию без чувства национального достоинства, без веры в благие силы своего народа. Где же научатся этому русские дети. если не в своей родной семье? Где загорится этот огонь иациональной гордости, если отец и мать не будут блюсти его словом и делом? Кто внущит ившим детям веру в Русский Народ, если русская семья развеет и растеряет эту

То, что нужно России навеки, — это сила русского национального характера. Исторически этот характер зарождался в суровой русской природе; он закалялся в войнах; приобретал глубину и благородство в молитвах; выковывался в монастырях и в армии. Но хранилищем его была прежде всего русская семья. И ныие эта семья должиа по-

Продолжение. Начало в №№ 4-6/1991.

иести и осуществить свое призвание: она должна превратить самые нужды, беды и лишения свои в школу характера для своих детей, чтобы новое русское поколение получило тот крепкий закал, ту стоическую выдержку, ту свободу иебоящегося духа, без которых нам не воссоздать порядка в России.

Семья есть первая школа взаимного доверия, солидарности и дисциплины. Именно здесь человек учится подчиняться и властвовать в знак любви и справедливости. Таким образом, семья дает человеку первые начатки право-

В семье русский ребенок должен научиться первой основе гражданственности: умению чтить авторитет и в то же время оставаться внутренне свободным. Он должен научиться здесь чести, жертвенности и справедливости. Здесь он должен въяве и вживе понять, что значит «один за всех, все за одного». Ибо он сам однажды создаст семью, иовую семью следующего поколения и внесет в исе тот самый дух, который он бессознательно выиес из впечатлений своего летства.

Семья есть родовой очаг всех здоровых традиций. Человечеству иелепо начинать все сизчала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость иакапливаются тысячелетиями. Культура без традиции — невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, т. е. в семье.

Семья есть трудовой очаг, трудовое, наследственное едииение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство.

Семья дает человеку два священные первообраза: образ любящей чистой матери и образ сильного и благостного отца. Через них душа учится прилепляться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу. И кто проиесет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны.

Вот в каком смысле семья есть хранилище национальиого духа и здорового правосознания.

17. Что есть истинный национализм

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное родится именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огиям жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасиость: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чув-CTBO. -

что мой народ действительно получил дары Святого Ду-

что он принял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему;

что сила его жива и обильна, и призвана к дальненшим великим, творческим свершениям;

что поэтому народу моему подобает культурное «самостояние», как залог его величия (формула Пушкина), и независимость государственного бытия.

Итак, национальное чувство есть любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть воля к творческому расцвету моего народа — в земных делах и в небесных свершениях.

Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностеи, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть восторг от созерцания своего народа в плане Божием, в дарах Его Благодати, Национализм есть благодарение Богу за эти дары; но он есть и скорбь о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национальном чувстве источник достоинства (Суворов: «Помилуй Бог — мы русские!»), источник братского единения («Постоим за дом Пресвятыя Богородицыі»), источник правосознания («Грозно служить и честно прямить»).

Но истинный национализм учит и покаянию, и смирению — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

«За все, за всякие страданья,

За всякий попранный закон,

За темные отцов деянья,

За темный грех своих времен,

За все беды родного края, -Пред Богом благости и сил, Молитесь, плача и рыдая, Чтоб Он простил, чтоб Он простил!»

(Хомяков).

Истинный национализм открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что интернационализм есть духовная болезнь и источник соблазнов: и что сверх-национализм доступеи только ивстоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное пля всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоие своего народа. Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться в ием, виимая соблазнам псевдохристианского или безбожного интернационализма.

18. О здоровом правосознании

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до «внешнего поведения» человека; что если это «внешнее поведение» в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична. Это западно-европейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к внутреннему миру человека, они чтут в нем свободного субъекта прав и подска-

зывают его само-сознанию и его право-сознанию, что именно ему по закону «можно» (полномочия), «должно» (обязанности) и «нельзя» (запретности). Поэтому в каждом государстве правопорядок зависит не только от «законов» и от «полиции», но прежде всего и глубже всего — от правосознания граждан.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутрению лучше. В этом иравственная аксиома христиан-

Поэтому мы, русские люди, должиы прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадиые люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству. России же нужны люди с христивиски укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины, как Божне дело, выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личиой карьере; служить не соблазнению, неподкупно, по совести и по справедливости: на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответственное.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застражует нас от всяческой коивизны и иизости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлобленному напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ии мира.

Мы должны развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти своиства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способеи повелевать.

Мы должны иаучиться чтить закон и добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, соблюдая при этом не букву закона, а скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, брата пред лицом Божиим и свободного субъекта

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должиы всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов - к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восствиовим Россию.

Таковы черты здорового и могучего христианского правосознания. Мы должны усвоить его сами и передать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

19. О политической леятельности

Тот, кто хочет политически служить России, должен прежде всего понять, в чем состоит сущность политики, и верио настроить свою душу для нее. При этом он, может быть, скоро убедится, что он не призван к такой работе, что в луше его нет надлежащих сил и умений; и тогда он поступит правильно, если сосредоточит свои силы на другой работе, а в политике уступит первеиство другим, призванным. Надо раз навсегда покончить с вредным предрассудком, будто политика есть дело легкое, общедоступиое и не требующее ни особых способностей, ни знаний, ни подготовки. Ибо на самом деле политика есть дело сложное и трудное, требующее дара и искусства.

Нам надо начать с того, чтобы извлечь идею государства и политики из той предреволюционной пошлости, в которую

совлекает эти идеи демократический строй, и из той революционной грязи, в которую эти идеи сброшены коммунистическим строем. Политика совсем не есть сочетание из демагогической агитации и слепого, полупродажного «голосования», из честолюбивой толкотии, партийной интриги и беспринципного компромисса; так обстоит обычно в демократиях. Но политика не есть и смешение насилия и коварства, свирепости и лжи, она не есть темное дело презренных плутов, где чиновник становится вымогателем или разбойником, а авантюрист или уголовный преступник выходит в чиновники; так обстоит дело в большевизме.

Политика есть дело правовой и справедливой организации национального бытия. Организации: значит, необходима воля, такт, прозорливость в распознавании людей. жизненное чутье и знание законов общественной жизни (социологическое, юридическое, экономическое, историческое образование).

Эта организация должна быть правовая: значит, необходимо здоровое правосознание, чувство ответственности, способность к подчинению и к власти, патриотическое и национальное чувство, честь и честность.

Эта организация должиа быть справедливая: значит, необходима живая совесть, любовь к людям, религиозная и нравственная укорененность души.

Следовательно, политика требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, а человека настоящего (волевого и духовного) качества. Отсюда в высшем смысле слова аристократическая природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия (правление лучших) разумеется, не по рождению, не по сословию, не по богатству, а по качеству и достоинству лица. Нельзя вводить твкои политический строй, при котором всякий бесстыдник и карьерист будет выдвигаться наверх только потому, что он сумеет стать угодиым массе. Выдаигаться должны лучшие люди, призванные к политической дея-

После революционной ставки на жадность, на слепоту, на трусость и на бесчестие — Россию спасет только ставка на качество. Из хаоса, из разложения, из оскупения есть только один путь: к сосредоточению благородной воли, к волевой дисциплине, к интенсивному труду, к отбору и выовижению лучших национальных сил. Напо творчески развязать качественные силы России.

Русская политика нуждается прежде всего в честной верности. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это.

России нужны опыт и умение — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Нам надо приобретать этот опыт и это умение, чтобы отдать их России.

Россия будет голодать по знающим и способным людям, — на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкаи до армии. И особенио - в политике.

России необходимы воля и талант. Их иельзя ничем заменить: ибо талант творит новое, а воля строит и держит организацию народной жизни. Революция скомпрометировала партийный отбор; новый отбор должен быть деловым, предметным, а не партийным.

Дорогу честности! Дорогу знанию и таланту! Дорогу русскому гению! Новая, качественная эпоха нужна нашей родине, эпоха, которая довершила бы все упущенное, исцелила бы и зарастила бы все язвы революционного времеии. Качество необходимо России: люди верные, волевые, знающие и даровитые; крепкая и гибкая организация: нвпряженный и добросовестный труд; выработвиный, первосортный продукт; высокий уровень жизни. Необходима верная и мудрая, справедливая и предметная политика: политика, ведомая честью и прозорливостью, а не политиканство, мятущееся в честолюбии, криводушии и всеобшем обмане.

Только так создадим новую, сильную и национальную власть в России

20. О власти

Есть русская национальная идея власти, выношенная русской историей, вскормлениая и освященная православным христианством. Согласно этой идее христианин берет власть не из честолюбия, а из желания служить Богу и людям. Поэтому он чувствует свою ответствениость даже тогда, когда никто с него не взыскивает; именио поэтому он никогда не злоупотребляет властью.

Власть есть духовная сила; она покоится на уважении и доверии, на согласии людей повиноваться авторитету. Это согласие надо беречь, оно драгоценно. Если его разочаровать и растратить, то власть сведется к страху и на-

Кто принимает власть, котя бы самую малую, тот принимает не только полномочие распоряжаться, но и обязанность распоряжаться. Отныне он обязан указывать людям. что им «можно», «должно» и «нельзя», конечно, - в отведенных ему пределах. И за неисполнение этой обязанности он подлежит суровой ответственности.

Только тщеславные люди пьянеют от власти; только глупцы впадают в «административный восторг» и в суетню; только исумелые люди начинают возвышать голос и махать руками. Власть есть бремя; надо нести его достойно и спокойно. Всякая власть имеет свои пределы: необходимо их строго соблюдать, не впадая в «превышения». Власть организует и движет жизнь, бездействие власти разрушает живой порядок. Власть должна импонировать людям; необходимо, чтобы люди ее уважали; кого они не уважают, тому они не повинуются. Надо, чтобы люди постоянно ощущали, что власть хочет добра, что она неподкупна и справедлива, что она сильна и тверда и что ее дело действительно удается ей. Внешние усилия власти не должны бросаться в глаза; пусть людям кажется, что дело идет само собою. И только тогда, когда неповиновение явно подрывает престиж власти, необходимо уметь показать, что она сильна и даже грозна.

Власть есть проявление духовного достоинства и воли. Кто вручает власть иедостойным людям, тот губит ее. Кто вручает власть безвольному, тот подрывает ее. Власть призвана выбирать, решать, предписывать, настаивать и понуждать. Кто к этому не способен, тот должен быть устранен от власти. Властвующий обязан проявлять государственный авторитет и вести борьбу за него. Для этого ему необходимы независимость и мужество; он не должен и не смеет бояться толпы. В серьезном и критическом столкновении властвующий должен быть готов умереть на своем

И при том он должеи всегда: помнить Бога, блюсти верность России и не бояться ответственности.

Было бы, однако, величайшим заблуждением, если бы кто-нибудь захотел утверждать, будто государственная власть «всемогуща» и должна поэтому впитать в себя и как бы поглотить всю жизнь народа.

все духовное в жизни зарождается, зреет и творится в самодеятельности человека, по его внутреннему, таинствеино-органическому почину (Аристотель выражал это термином «діауту́», буквально: «через самого себя»). Государственная власть ставит себя в нелепое и смешное положение, когда начинает предписывать веру, молитву, любовь, вдохиовение, творчество, добродетель или иные духовные состояния. Столь же безнадежно и вредно подавлять свободный почин людей и в области хозяйства и труда. Жизнь народа подобна не машине, а растению: к ней надо присматриваться и приспособляться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но заменить ее — нечем; а произвол будет для нее гибелеи. И государственная власть всегда должна помнить, что ее настоящее призвание состоит в том, чтобы служить живому организму народа, защищать его и оберегать, а не подавлять

Окончание в следующем номере.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Пришло время новой подписной ивмпании, которав — в этом не приходится сомневаться — будет проходить в горвздо более трудных условивх, чем год ипи два назад. Трудных длв всех изданий без исключенив — как для «правых», так и «певых», как «демократических», так и «патриотических» [берем
эти спова в кавычки, поскольку в нашей действительности настолько все смещено, что ии одно из них
не соответствует своему значению полностью]. Прошлогоднее повышение цен оказапось пишь первой пасточкой невиданной эскапации цен на бумвгу [в пять-шесть-десвть раз], на полиграфические
услуги [в пять-шесть раз], на распространение изданий по подписке через монопольную систему
«Союзпечати» (до 90% от иоминалв каждого номера журнала). Потому и мы ожидаем повышения
цены на журнал в два раза. Возможно, каждый номер «Слова» будет стоить в 1992 г. три рубля.
Правительство оказапось не в состоянии контролировать цены на бумагу, являющуюся иыне не ме-

Правительство оказалось не в состоянии контролировать цены на оумагу, являющуюся изыне не же нее ценным «сырьем», чем нефть или газ. Оно позвопило превратить торговлю бумагой на внутреннем рынке в один из свмых доходных «подпольных» промыслов, практически ие предприияв ии одной серьезной полытки противостоять мародерству «черного» рынка.

Вот таким образом нас приучают к законам книжного и газетно-журнального рынкв, которые у нас еще не вступили в действие в полную сипу. Мы лишь стоим на пороге этого рынкв, который и будет диктовать: что, как, кого, где и какими тиражами издавать... Идеологический диктвт сменится диктатом коммерческим, диктатом денег, противостоять которому будет не менее трудно, чем былым ЦК с их гласными и негласиыми запретвии.

Можно, конечно, соспаться на книжное изобилие в странах с развитой рыночной экономикой. Но при этом нельзв забывать, что почти во всех этих странах книга — предмет роскоши, а не первой необходимости. Хорошо изданная книга — ие по кармвну даже университетскому профессору, не говорв уже о студенте или пексионере. А домашине библиотеки — вообще редкость. Конечно, помимо дорогих, твм существуют и дешевые изданив, тиражи которых исчисляются миппиоивми. Но это в основиом те же самые детективы, фантвстика, «чернуха» и «пориуха», которые сейчас наводнили и ивши прилавки. На подобную коммерческую литературу и у нас в скором времени будут впопне доступные цены. Зато подлинная духовияя пищв оквжется не доступной длв миплионов...

Все ссылии на рыночную западную экономику в двином спучве не очень состовтельны еще и потому, что традиции русского книгоиздания Сытинв и Суворинв, равно как традиции издания питературнохудожественных журналов, ввпяются достижением и достоянием не европейской, не вмериканской, а няшей отечественной культуры. Недаром почти все ее выдвющиеся представители, включая Карамзина, Крыпова, Жуковского, Пушкина, Ивана Киреевского, братьев Ансаковых, Некрасова, Достоевского, издавали журналы, превращая их в свои гражданские трибуны. В России не было партий, их заменяли журналы, выражавшие разные общественные идеи и позиции.

Ничего подобного не учитывается в тех «рыночных» отношенивх, в которые нам предлагается ступить, как в воду, не знвя броду. Но в том-то и дело, что он есть, этот «брод» — ивши вепикие русские традиции.

ские традиции. Все это имеет самое непосредственное отношение к нвшему журналу, поскольку он не относится к числу коммерческих и не стремится стать твиовым. Едииственное, на что мы надеемся, так это на поддержку наших читателей, которым журнал интересен, судя по поте, именно своим содержанием, своими публикацивми. Тем более, что за последний год-поптора (об этом свидетельствуют письма в редакцию) у журнала стап складываться свой круг читвтелей. Читателей внимательных, вдумчивых, не утративших способности сохранать свою точку зремия и здравый смысл даже в наше время крайностей и навязчивой политизации сознания.

Надеемся, что афиша «СЛОВО-92» дает предстввление об основных напрявлениях наших творческих поисков в новом году. Хотя далено не все ппаны мы можем сейчвс раскрыть, поскопьку в них тоже есть момент «коммерческой тайны». Единственное, что мы не скрываем от своих читателей [да и конкурентов тоже], тан это стремпение выпускать журнвл, не похожий ни на какой другой.

Так что судьба журнапа теперь будет зависеть только от вас, подписчиков. Напоминаем пишь, что помимо индивидуальных подписок можно организовывать совместные (нв несколько семей, на трудовые коппективы). Такав практика впопие оправдывает себя, тем более, что при новых ценах мало кто сможет позволить себе подписвться сразу на два-три журнапа, две-три газеты. При коллективых подписках эти возможности увеличиваются. Добивайтесь безвозмездных ссуд на подписку по месту работы, требуйте подписвть «Слово» в районные, сепьские, городские, вузовские библюстеки... А редакция, со своей стороны, будет добиваться увеличения розницы (сейчас она не превышает 11 тыс. экз.), осуществления подписки также и через книжные магазины (что упростит получение книг по абонементам «Слова»).

Уверены, что эти наши общие усипия окажутся не напрасными. Нам удастся сохранить «Спово» для ввс, наши читатели...

Редакция «Спова»

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮо конца этого года редакция в WR ABBRYBRIKO N3 COODHWK8 «B TBR CKITB", SATINCTULE TRANSMITTER JAKTER CATE ", JETNOKKE E TRESENM JAKTER CATE ", B DIVONNE OF TRESENM JAKTER CATE " OF TRESENM IN THE SECOND OF TH PRIA 19 197 INTERNA THE "WOCKES GES LOKOOBOB". Редакция продолжит свою велентинова.

Территина продолжит на велентинова.

Территина продолжит свою велентинова.

Территинова.

Территинова.

Территинова.

Территинова.

Территинова. PERRUMA TOORDINAT CEOLO R OTHER MENTERS AND THE PROPERTY OF THE PROPER арственним двительности полита филарета (Дроздова) PARKENIA HARAN VY BRUKOWATON TO ARMYHMAN, BRIMKONY BHAKA CRATUR, YAR B STOM FORY MX CENTUR. YIME B STOM TORY! DEM OVAET TIPOROTIMEN B HEM TORY CERVIEW MATERIAGOS O WINDSHIP TOPRING TOPRINGH B ON TURY CEPHON METOPHER IN TORY TORY TORY ADCTED HILLS IN OHNER CTUDE PROLITICES BCTPEYN B
PYCCKON
PYCCKON
3APYSEXBE
3APYSEXBE оощественных деятелях сыгр. видимую роль в становлении и B 1992 FORD WYDHAIT TROUBENT, THE ROMEN HOREN FOR B PARAPHAN, THE ALHAMAN AND TOWN'S LOWER ON THE WASHINGTON ON THE REAL STATES OF THE OWNER зниграции. Впереые в изшей стране
зниграции. Впереые в изшей стране
уже в этом году из номера в номер
уже в этом году из номера питература
уже в этом году из номера питература
зпителата пители. оих художичнов) и книги прозы мирстики других издетелеств мирстики других издетельств « институт по истории». « примя пополичения испания aDXMnenara 4V-1V _ stopow. "MOJIMBA" DYCKON 3MM PALMM.

COSTCHMY YAHMMOS KOHUNDISPERS. стрены, книги по истории, издени философии, репринтные издени философии, регринтные издения. Наш индекс В каталоге «Союзпечати", в раздел ASHAKADATA ETIE B 1881 L. HB СТРАНИЦАХ ЖУРНАТВ ФУДЕТ ЦИ ОТМОЧЕН СТОТЕТИИЙ ОСИГЕЙИИ МЫСТИТЕТЯ ИВАНА СОТОНЕВИИ. MADICINATEIRE VIBRAHRA CONDABBNARA
VIBRATI CRET TIRRIBLI MS
VIBRATI CRET TIRRIBLI MS
VIBRATI CRET TIRRIBLI MS
VIBRATI CRET TIRRIBLI MS
VIBRATI CRET TIRRIBLI в мателите «Союзпечати. Центральных журналов. точнучликованного в С Каратавва (Аргентинв).

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов, главный редактор Виктор Калугин,

заместитель главного редактора

Артемий Игнатьев, главный художник

Впадимир Бондаренко, обозреватель

> **Алексей Тимофеев**, обозреватель

> > Епена Егорунина, обозреватель

Юрий Чернелевский, обозреватель

Мврина Подгорская, заведующая секретариатом

> Художественнотехнический редактор Е. М. Верба **Технический** редактор Н. Н. Козлова Корректор Е. И. Табашникова

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться на Тверской полиграфкомбинат по адресу, указанному в выходных сведениях. Вопросами подписки и доставки журнала занимаются предприятия связи

Сдано в набор 24.04.91. Подписано в печать 05.06.91. Формат 84×108/16. Бумага Знеменская 100 гр. Печать глубокав и офсетная. Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. п. 13,20+1,04. Тираж 180 000 экз. Заказ 2164. Цена 1 р. 50 к.

> Адрес редакции 129272, Москва, Сущевский вал, 64. Телефон для справок 281-50-98

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. **Учредители** Госкомпечать СССР и трудовой коллектив редакции журиаля. Издается с сентября 1936 года № 7. 1991. (С) Издательство «Книжная палата», журнал «Слове», 1991.

BPEMS

Митрополит Виталий. Порабощение души

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Г. Вагнер. Дорога к храму

ИСТОРИЯ

Ф. Морозов. Привычка свыше нам дана И. Розенталь. Неврученные Нобелевские премии Кое-что из жизни Штирлица Нео-Сильвестр. Кто совершил злодеяние?!

ИСКУССТВО

Арс. Кузьмин. Вопреки забвению А. Борисов. Вечный странник океана Письма П. М. Третьякову

ЗАКОН БОЖИЙ

Раздел первый Раздел второй

ЛИТЕРАТУРА

В. Розанов. Сны золотые С. Золотцев. В сумерках просвещения А. Жуков. Осенние песни о весне В. Катанян. Последние дни Ф. Сухов. Стихи Г. Климов. Князь мира сего Е. Плахова. Русь моя, милая Родина...

к 100-летию со дня рождения М. БУЛГАКОВА

М. Булгаков. Великий канцлер

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Так жить совершенно нельзя». Письма в Кремль С. Дмитриев. Призраки прошлого Н. Валентинов. Малознакомый Ленин

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

И. Ильин. За национальную Россию

Обращение к читателям

НАШИ АВТОРЫ -

ПИСАТЕЛИ Василий Афонин Дмитрий Балашов, Василий Белов, Виктор Боков, Леонид Бородин Владимир Бушин, Иван Васильев, Бронтой Бедюров, Михаил Воздвиженский, Олег Волков, Сергей Воронин, Михаил Ворфоломеев, Михаил Вострышев, Юрий Галкин, Татьяна Глушкова, Глеб Горбовский, Павел Горелов, Глеб Горышин, 15 Владимир Гусев, Николай Дорошенко, Борис Екимов, Анатолий Жуков, Станислав Золотцев, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Валентин Курбатов, Виктор Лихоносов, Михаил Лобанов, Вячеслав Марченко, Олег Михайлов, Евгений Носов, Михаил Петров, Юрий Прокушев, Валентин Распутин, Валерий Рогов, Эрнст Сафонов, Всеволод Сахаров, Сергей Семанов, Эдуард Скобелев, Валентин Сорокин, Борис Споров, Николай Старшинов,

Федор Сухов,

Иван Уханов,

Леонид Фролов, Евгений Чернов.

Анатолий Ткаченко,

Русь моя, милая Родина...

Станислав Епифанов. Сепо Константиново. В горинце дома-музея

Очерк о художнике на стр. 66

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА

Эссе о художинке читайте на стр. 28

Луиная иочь. Медведь на охоте. 1899

Собаки на нартах. Новая Земля. 1901

ISSN 0868-4855, CAOBO 1991, Nº 7.

